

И. Сотников

Последнее искушение свободой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Сотников

Последнее искушение свободой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50059370

SelfPub; 2020

Аннотация

С чего начнёт ангел, случись ему появиться на Земле? Трудно сказать. И скорей всего, всё зависит от того, с какой целью он сюда прибыл. Вот об одном из таких посещений ангелом Земли и пойдёт речь в этом произведении. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1-2	5
Глава 3	25
Глава 4	70
Глава 5	82
Глава 6	118
Глава 7	150
Глава 8	163
Глава 9	218
Глава 10	259
Глава 11	345
Глава 12	393
Глава 13	450
Глава 14	491
Глава 15	503

«Разделяй и властвуй», – заявил бог и разделил андрогина на мужчину и женщину. «Искушай и властвуй», – добавил дьявол, пряча за пазухой яблоко.

Глава 1-2

Небесная бюрократия

Что и говорить, а человечество всегда относилось насто-рожено к нашим посланникам. Не знаю, с чем это было свя-зано, то ли человек считал, что никто не вправе лезть в его жизнь, то ли в нём ещё жила память обиды за своё изгнание, но так или иначе, а он весьма критично оценивал действия наших посланников, да и к тому же, кому понравится жить под любым контролем, даже связанным заветом.

Так вначале мы напрямую пробовали наладить контакт с человечеством и некоторым из наших вестников, обозна-чивших себя, как посланцев небес, даже удалось привлечь на свою сторону довольно не малое количество людей. Они же, уже в свою очередь, донесли до человека, разработанное нашей небесной канцелярией, за подписью её заведующего, послание небес. Так с человеком был заключен договор о взаимном сотрудничестве, в связи с чем, все эти наши мис-сии были признаны довольно успешными. В дальнейшем же, по мере развития человечества, взаимный контакт всё боль-ше утрачивал своё прежнее значение. Так росло его недове-рие к работе нашей службы, человека перестал устраивать двухсторонний договор и он всё чаще стал от него уклонять-ся. Можно сказать, что прежний завет утрачивал своё былое всемирное значение. И все наши новые попытки – с помо-

щью новых посланников исправить ситуацию, так ни к чему хорошему и не приводили. И наши посланники, будучи поиманнными, объявлялись лжепророками или ещё хуже – сумасшедшими. Ну а дальше их судьба определялась согласно выписанному им приговору. Так что, учитывая этот фактор, наша небесная канцелярия, всё чаще прибегала к анонимному способу участия в жизни человека.

Вот и я, под видом молодого специалиста прибыл на одну из знаковых компаний, определяющих вехи современного мира. Но, стоп. Подождите. Всё-таки я слегка опережаю события и для начала, мне, пожалуй, надо немного посвятить вас или другими словами, ввести в курс дела. Хотя я и не имею право святить, но употреблять это слово в другом контексте, есть моё святое право.

Так ветхость прежнего завета требовала от нас принятия новых решений и в связи с этим, было решено направить для исследований новую группу посланников, которые собственно, и должны были опытным путем ознакомиться с образцами современного человеческого бытия, чтобы уже в дальнейшем, передать их нам для более полного своего изучения. Где мы, уже на основе полученных данных, в последующем, могли бы разработать новые поправки для изменения текста нового завета.

Так в результате долгих и мучительных размышлений, решение о направлении нашей миссии, всё же было принято нашим заведующим канцелярии – Годом. Хотя он и считал,

что один раз данное слово не имеет обратного хода, и что ветхость завета только придаёт ему силу, но всё-таки его диалогический противник – Денница-Химик, с лёгкой руки Года, прозванный так за его страсть к химическим экспериментам, – мне так и слышаться слова Года: «Что там, он опять нахимичил?», – сумел настоять на своём и добился от Года разрешения на эту новую экспедицию.

Всё же я думаю, что наш патрон пошёл на это совсем из-за других соображений. Не иначе заскучал старик, да к тому же, и нам ангелам-новичкам требовалось своё признание славой. Ведь мы новички, те из нас, кого только что зачислили в Ангельские стажёры, ещё не имея практического опыта, находились в данный момент в подвешенном состоянии. Ведь всем известно, что Ангел без крыльев, не имеет право называться им. Хотя мы, по большей части тщеславные новички, всё же себя так уже именовали. Полноценным же Ангелом считался лишь только тот, кто сдал некий экзамен на право ношения крыльев, заключавшейся в экзаменационной аттестации, где только она могла определить мой вечный ангельский статус. И записавшись в посланцы небес, я рассчитывал для себя, хоть это и не по ангельски звучит, наконец-то, пройти эту самую аттестацию.

Так вот, этот Химик. Хотя, я думаю, что на нём нужно будет остановиться поподробней. Так единолично управляя нашей канцелярией, патрон или Год, как его звали мы (Его внешняя округлость, как символ бесконечности, наводила на

мысль об этом элементе вечности. Ну а наиболее дерзкие из нас, дабы выразить своё нетерпение к его имени, пытались присовокупить этот геометрический эпитет), видимо, испытывая одного из ангелов (как слагают предания), решил заодно, через него испытать и саму судьбу. В результате чего, этот ангел, хоть и не прошёл испытания, но при этом испытав судьбу, был выдвинут патроном на одно из руководящих постов в небесной канцелярии.

И вот теперь основная забота этого ангела заключалась в том, чтобы испытывать судьбу уже самого патрона. С чем он, надо признать, прекрасно и справлялся. А что касается судьбы, то она с тех пор уже сама находилась у этого Химика на испытании. И как вы уже поняли, этим ангелом был наш Химик или как для почитателей его таланта – Денница. Ну а Денница, заполучив для себя один из ключевых постов в канцелярии, с необычайным рвением развил здесь свою деятельность, в результате которой он задвинул всех своих конкурентов в тень и тем самым стал для Года его Денницей.

И теперь каждое утро для патрона и в частности для нас, начиналось со встречи с этой новой звездой нашей небесной канцелярии, Денницей. Правда, надо честно признаться, что для многих нас он был весьма симпатичной фигурой, конечно, выражаясь только фигурально. Всё же Денница имел несомненный талант, а его преподавательская деятельность всегда вызывала у многих из нас живой и часто не живой интерес. Если же Год в своём общении больше прибегал к

языку дипломатии, где в обтекаемых формах слов старался обойти даже самые резкие выражения, то Денница предпочитал изъясняться художественным языком, который давал ему бесконечное поле для своих смысловых интерпретаций.

Так взгляд на жизнь через прицел художника, через его видение мира, когда можно видоизменять это видение с помощью того же сгущения красок, набросков налёта романтическойности, изменения угла просмотра, согласно задумки самого художника, которым в данном случае является Денница, становилось дополнительным фактором влияющим на его убедительность. Вот почему так привлекателен Денница, в котором каждый для себя, в зависимости от собственных пожеланий и предпочтений, найдёт что-то своё.

– Я многогранен. – Заявлял по поводу самого себя сам Денница.

– Я и художник, и по-современному – визажист, определяющий современный облик человечества. Только вот моим инструментом является не кисточка или какое-нибудь косметическое средство, хотя и эти средства нельзя недооценивать, а просто я, для сглаживания возникающих человеческих угловатостей и шероховатостей, прибегаю к несколько другим средствам. К тому же, даже самые ближайшие сподвижники Года, зачастую в этом согласны со мной. – Заявлял Денница. – Ведь не только естественным единым жив человек. Что же насчёт применяемых мною средств, то я не делаю из этого секрета, и если надо, то по поводу них готов

поделиться с вами всеми секретами. Но для начала, вы обязательно должны пройти курс моих лекций. – Рассуждал он. Что сказать, его лекции, построенные на диалоге, всегда проходили с несомненным ажиотажем.

– Наш патрон интроверт. Вечно всё держит в себе. Не добьешься от него слова нечеловеческого. – Во всеуслышание заявлял Денница.

– Попробуй с ним пообщаться, он только и делает, что угрюмо слушает, когда мне может быть нужны ответы, – не унимался Денница. – А вот я, в отличие от него, экстраверт, всё держу на виду и ничего не скрываю от окружающих. И если надо, то всегда с наилучшими предложениями для них прихожу первый. Вы никогда от меня не услышите слов отказа, и после всего этого, я отчего-то не могу считаться быть равным ему. – Как правило, на этом с горечью заканчивал свои лекции Денница.

В свою очередь, наш патрон знал подобное к себе отношение со стороны Денницы, но его не реакция на все эти выпады оппонента, с одной стороны приводила Денницу в бешенство, с другой же стороны говорила о крепости естества нашего патрона. При этом лекции Года, хоть и не были столь увлекательны, как у его оппонента, но получаемое благостное ощущение от них, с лихвой компенсировало кажущийся недостаток красноречия самого патрона.

– Естество всегда найдёт выход для себя и как бы вы не старались его обмануть, вам не удастся этого сделать. – Ито-

гово резюмировал свои лекции Год. Впрочем, иногда на этих лекциях присутствовал и его извечный оппонент – Денница. Так саркастическая улыбка Денницы, на протяжении всей лекции Года не сходила с его лица. Ну, а что он думал в тот момент, а чёрт его знает.

Между тем, надо сказать, что наш Год в своей деятельности, отдавая предпочтение естествознанию, в основном и работал в этой области определения физических законов мироздания. По его мнению, все науки имели одну общую основу и грань между ними была очень условна. Денница же в отличие от него, требовал признания своей кафедры химии, отдельной научной дисциплиной. Однако из-за того, что химия в отличие от физики, не могла быть выражена количественно, то по поводу этого возникали существенные споры, а является ли химия количественной воспроизводимой наукой или представляла некий, иной вид познания.

На что Денница упрямо заявлял, что он обязательно это докажет и что только общая политика канцелярии, провозгласившей в своих стенах главенство монотеизма, мешает ему это доказать. Тогда как дуализм, по его мнению, больше подходит к современным реалиям времени. В связи со всем этим Денница возлагал большие надежды на новую редакцию завета. Ну, а для внесения поправок в него, как он заявлял, ему нужны были новые исследовательские данные, которые могли бы обосновать его предложения по вносимым поправкам.

Хотя составление завета находилось в личном распоряжении Года, всё же Денница мог вносить свои предложения в его итоговое содержание. Правда, только в одном из его разделов – греховном. Но, тем не менее, этот раздел признавался Денницей, как наиболее важный и требующий для себя особо пристального внимания. По его словам, именно от верного определения греха зависела вся будущность не только отдельного человека, но и всего человечества. И надо отдать ему должное, в своей работе он не знал отдыха. Его работоспособность поражала очень многих, ну а в особенности его клиентов (так он называл своих подопечных) – тех, с кем он заключал свой кратковременный, исследовательский контракт.

– Всё во благо науки. – Заключал он, подписывая очередной контракт с новым клиентом. При этом его неизменная улыбка, так всегда располагающая к себе и считавшаяся его визитной карточкой, уже после подписания контракта с клиентом, так вбивалась в память клиента, что тот до самого момента его исполнения уже не мог её забыть и выветрить из памяти. И тогда уже клиент, совсем с иным чувством вспоминал эту его приязнь к нему.

Что касается принятия решения об отправке небесных посланников, то ему предшествовал разговор на своих тонах между Годом и Денницей.

– Время не стоит на месте и с ним человек. Всё течёт, всё изменяется. И мы, согласно этому вечному закону, не долж-

ны стоять на месте. И как вам, пишущему эти законы, не знать этого. Но нет, мы погрязли в архаичности. А я, как вы знаете, готов ради науки на всё, и даже ради этого отказался от чина Арха. – Начинал свои нападки Денница.

– И что вы хотите, чтобы я сделал? – как правило, вопросительно отвечал Год.

– Как что. Ясно же, что прежние закреплённые грехи, давно уже себя изжили и не соответствуют веяньям времени, требуя апгрейда. – С жаром отвечал Денница.

– А вы, я смотрю, откуда-то новых словечек нахватались. Разве я давал добро на контакт. – Ловит на слове Денницу Год.

– Так ведь всякое слово есть добро. – Увиливал от ответа Денница.

– Но в разных устах, оно звучит по-иному. – Конкретен Год. После чего он делает паузу, внимательно смотрит на Денницу и продолжает. – Ну, впрочем, ладно. Знаю, что от тебя толком ничего не добьешься (пауза). – Так что же ты предлагаешь? – наконец-то, спрашивает Год.

– Надо снарядить посланников и отправить их с миссией к человечеству. Пора бы уже заняться им вплотную. Пусть посланники соберут новый материал для исследований и уж потом, на их основе, мы сможем определить те новые необходимые изменения в наши ветхие правила. – Стараясь быть как можно убедительнее, говорит Денница.

– Складно глаголешь. Но как ты обеспечишь выполни-

мость миссии? – вопрошает Год.

– Для меня не бывает невыполнимых миссий. – Тщеславно в ответ заявляет Денница.

– Опять ты за своё. Разве тебе одного раза было мало. Снова погореть не боишься. – С небес опускает Денницу Год. – На что уязвленный Денница на миг замолкает, но потом снова берётся за своё, и продолжает. – Мы будем действовать согласно нашему основному правилу анонимности.

– Ты передёргиваешь. Вера, не есть анонимность. – Перебивает его Год.

– Прошу прощения, оговорился. Так вот, мы не будем себя позиционировать посланниками небес, пришедших на Землю с ревизией. А мы возьмём и под видом местной фауны направим их туда. – Как всегда лукав Денница.

– Я смотрю, ты по-прежнему, не испытываешь должного уважения к моим подопечным. – Сурово ответил Год.

– Но на этот раз я не оговорился. Просто та общественная прослойка, где будут задействованы наши посланники, носит название планктон. И это, в общем-то, работа не моего отдела. Так сказать самокритичность социума, всё-таки иногда даёт положительные результаты. – С некоторой долей ревности заявил Денница.

– Но, почему именно туда? – несколько удивлён Год.

– Видите ли, по моему счёту, на данный момент это наиболее перспективная социальная группа. Как и прежде, верхи не могут, так как основная их часть, находится у меня на

контракте и работает по горячей сетке, а низы же в свою очередь, не очень-то и хотят. В чём признаюсь честно, больше ваша заслуга. (Денница недовольно морщится) Видите ли, так сказать, близость к естеству укрепляет их веру в вас. Ну, а данная прослойка представляет из себя ещё не определившееся болото, где можно в полной мере встретить всё для нас необходимое. – Очень не зря откровенен Денница.

– Вполне убедительно. Но мне хотелось бы знать основную твою политику действий. (здесь виден проникновенный взгляд Года на Денницу) И к чему собственно, в конце концов, это всё приведёт. – Со своей стороны, очень ко всему внимателен Год.

– Как, разве вы не знаете. – Демонстративно удивляется Денница.

– Мне хочется верить. – Начал было говорить Год, но его перебивает Денница:

– А мне доказать.

– Я знаю, но разве это для тебя что-то изменит. – Сокрушенно поглядывая на Денницу, проговорил Год.

– Да, изменит. – Поспешно отвечает ему Денница.

– Ну тогда, с богом. – Говорит в ответ ему Год, после чего прощается с Денницей.

– Ну уж последнего, мне и даром не надо. – Про себя говорит Денница и отправляется готовить новую экспедицию.

Напутствие

– А ты знаешь, что ты в первую очередь встретишь на Земле? – начал свой напутственный разговор Денница и, не ожидая ненужного ему ответа, продолжил. – Тщеславие мира. Да, этот самый первейший грех и будет лицом этого мира. И можешь мне поверить, уж кто-кто, а я-то разбираюсь в грехах, и скажу прямо, все остальные грехи есть производное от этого первого греха. Правда, ваш патрон считает несколько иначе и даже на зло мне, в квалификационном справочнике не поместил тщеславие на первое место. Но всему виной давняя наша с ним взаимная неприязнь. – Денница покачал головой, помолчал и продолжил. – Но, не я ли первый открыл этот грех. А? Да уж, всё-таки нет справедливости у нас в небесах. Как наказывать, так я первый, но когда необходимо признание, то уж нет, помещаем куда-нибудь в середину списка. Но что поделать, бог ему судья. – Денница ухмыльнувшись, посмотрел куда-то сквозь меня.

Во время этой речи Денница подскакивал с места, ходил из стороны в сторону, в общем, не находил себе места. Когда же он уже подытоживал свою информативную часть высказывания, то с каждым словом всё ближе и ближе приближался ко мне – а я, к слову сказать, всё это время стоял на самом пороге его кабинета. Ну, а что поделать, раз для Денницы не существовало правил приличия или другими словами, он сам определял эти правила. И видимо на данный момент, моё, это пороговое стояние, укладывалось в его видение ситуации. Но вот он подходит ко мне, внимательно смот-

рит на меня и, как будто впервые замечая, начинает изучать, затем медленно возвращается на место и уже оттуда предлагает мне присесть; пока что только в кресло.

– Что там встал, проходи, это тебе не у Года, здесь-то всегда тебе рады. А он поди что, так и оставляет стоять на пороге и пока не очистишься, так и не пустит тебя дальше. – Денница сделал паузу. – Вот говорят, забудь надежду всяк сюда входящий. А я считаю, что это поклёп на меня. Когда как я, как раз-то только и даю любому попавшему сюда ко мне право на надежду. Так к каждому попавшему к нам, у нас есть свой индивидуальный подход, к тому же, мы всегда принимаем во внимание все частности и при этом, мы совершенно не боимся испачкаться. И только уже после тщательного осмотра и выносим своё решение. Не то что этот чистюля Год. Подавай ему всё чистенькое. Ну, что скажешь-то? А то смотрю, всё молчишь? – после небольшой прерывной паузы, задал вопрос Денница.

– Что сказать-то, разве что одно. Вы зациклились на нашем патроне. – Неожиданно для себя и для него, вдруг вырываются из моих уст эти слова. А ведь ещё никто, таким образом, не осмеливался разговаривать с Денницей, и он можно сказать, впервые за долгое время, потерял дар речи. Ну и как же ему вести себя в данной ситуации? И этот мастер расставлять различные ловушки, когда сам оказался в подобной ситуации, то напрочь забыл, как из неё выбраться. Но всё же, в конце концов, его внутренне самообладание взяло над ним

вверх и он, несколько слащаво улыбнувшись, говорит. – Ты, я смотрю, ангел не промах. Такие как ты, мне в легионе всегда нужны. Но об этом потом, ну а пока что давай, вернёмся к нашему общему делу. – Сказал Денница, вновь сделал паузу и продолжил молвить своё слово:

– Тщеславие мира, существовало всегда и я уверен, что оно и сейчас никуда не делось. Но, что оно есть само по себе, откуда оно берёт свою жизненную силу? Ну, что сказать по этому поводу, кроме того, что каждый из живущих в этом мире, несёт в себе частичку своей определяющей его славы. Она, эта слава, есть именно та субстанция, которая и определяет все его жизненные устремления. Год же, в свою очередь, называет все эти частные, без его благоговения целеустремления человека, тщетными. Ну, а те из людей, кто не придерживается заданной предопределенности, то теряет поддержку всевышнего, и отныне, все его попытки изменить программу своего существования, как бы оказываются тщетными. Но я по этому поводу имею своё, отличное от его мнение и считаю, что человек, на любые свои прижизненные действия не обязан у кого-либо испрашивать разрешения. Он просто имеет право на своё частное мнение и всё. И я бы назвал все его такие действия не тщетными, а более точным словом – частными. Но Год, как монополист на определения слова, в этом вопросе не даёт мне расправить крылья. Но ничего, я надеюсь, что наши новые исследования, наконец-то, исправят данную ситуацию.

– Так вот, совокупность всех единиц носителей различных слав и создают тот мир, подверженный частностям или тщеславию. При этом все основные движущие людьми законы, мне по большей части знакомы и уже не очень-то и интересны (Денница в знак этого не интереса даже зевнул). Твоя же задача заключается в нахождении и определении новых ингредиентов, на которых замешаны все эти современные страсти, которые в свою очередь и являются предтечей греха. Как их найти? То я тебе дам одну подсказку. Так притягательность или наоборот, неясное для тебя неприятие окружающих тебя людей, это и есть основной определяющий признак носителя, определенной славы. И как бы носитель не пытался маскироваться, его незримое для него естество, не смотря ни на что, выбирается сквозь его оболочку и тем самым раскрывает его истинную сущность. На что же обратить внимание? Прежде всего, всегда имей в виду женский пол, работа с ним, скажу тебе по секрету, и приносит наибольший результат.

– Но ведь Год рекомендовал быть осторожным с ними, и если что, то лучше всегда обходить стороной данный объект. – Вставил я.

– Ещё бы. Украл мою идею двойственности полов. (Денница несколько разгорячился) Ведь знал же, как важна для меня эта тема исследований. Как я всего этого добивался, но нет, взял и присвоил эти мои идеи. (Вид Денницы говорил, что у него идей целая тележка). Ну да ладно, что уж теперь

сокрушаться. (Денница опять улыбчив). Так вот, когда я занялся Евой и достиг с ней определенных успехов, то и во все получил выговор с занесением в личное дело. – Уже с возмущением заявил Денница. – Но я тебе скажу одну важную вещь и ты, если хочешь добиться успеха, хорошенько её запомни. Именно женщины есть тот ключ, который откроет тебе те двери, ведущие к успеху. Вот, например, я. Ведь я кроме всех своих различных чинов и наград, также имею звание доктора химических наук. И ко всему прочему, моя докторская диссертация признана самим Годом. А ведь при всём при этом, практически всем известно его особо-критическое отношение к моим исследованиям. Но в данном случае, моя диссертация была подтверждена такими несомненными доказательствами, что Году ничего другого не оставалось делать, кроме того, как признать её. И теперь, даже мои работы обрели своё качество естества, которыми всегда так гордится Год. И знаешь, кому я обязан этой моей работой? – заносчиво задал вопрос Денница.

– Неужели, женщине? – вырвалось у меня.

– Да, именно ей, ведь долг платежом красен. И что за работа, спросишь ты. Отвечу. Она называется: «Компенсатор естественного природного естества блонди». – Вид Денницы приобрел свою степень учёности.

– Название интригующее, но малопонятное, – ответил я.

– Все знают, что меня не устраивают лёгкие решения. Это для Года, с его естественностью, не надо много думать. Со-

здал красоту и думает всё. А как же другим жить рядом с этим великолепием. Так глядишь и сник человек, не могущий выдержать подобной красоты. А ведь красота, как сказала одна из уродливых индивидуумов, это страшная сила. Ну, а скажи мне, разве можно найти на свете что-либо прекраснее блондинки, с этой её, заставляющей трепетать сердца, лучезарной улыбкой. И что получается? А то, что Год, создав это совершенство, сидит и в ус себе не дует, а мне теперь значит отдувайся за него. А ведь народ, глядя на эту красоту, уже не выдерживает, жаждет, и теперь очередь ко мне уже расписана на века. А ведь праведники в свою очередь, уже начинают заканчиваться и теперь у Бога очень даже пустынно, в связи с чем, он уже сам волнуясь, начинает вопрошать: «Куда же все претенденты на рай подевались? И что же теперь делать? А?» – Денница очень удачно пародирует вопрошающего Бога.

– Что и говорить, а теперь все взгляды, явно с мольбой, уже обращены только на меня (Денница показывает, как он смотрит на всю эту пыль под его ногами). Но я ведь не такой уж злопамятный. И вот я, разрабатываю свою, что и говорить, гениальную формулу, которая обезоружив убийственную красоту блондинок, должна тем самым всех спасти. Так на свет и появляется придуманная мною взрывная смесь – глупая блондинка. И теперь, только ей стоит открыть рот, как поток её слов начинает своё отрезвляющее действие на людей.

Ну а как только я запустил эту свою комбинацию, то всё сразу же и вернулось на круги своя, и вследствие чего восстановилась соразмерность очередей из желающих попасть, как к Году, так и ко мне. Правда, хоть и желающих попасть ко мне наблюдается не очень-то и много, или вернее сказать, скудно мало, но скажу прямо – стеснённости жизненных обстоятельств жаждущих, всегда наполняет мою очередь людьми, так что мне сетовать не на что.

Впрочем, со временем, для тех, кто перестал занимать глупость, но при этом, не имея в наличии второго убийственного ингредиента, чувствовал себя ущемленным, я разработал новый продвинутой химический состав. Так в их жизнь пришел гидроперит. Так что, если ты хочешь продвинуться по службе, то всегда должен учитывать фактор женщины. Но это всего лишь один небольшой случай, хоть и наиболее известный, из моей обширной практики по разработке новых формул. Искать новые консистенции, соединять казалось бы несоединимое, разве есть что-то более увлекательнее этого. – Воспылал всем собой Денница.

– Вот, допустим, к примеру, формула успеха. Почему она так важна для человека? А всё просто. Ведь успех, есть та планка, которая несёт в себе определение работы всех жизненных функций человека. Это своего рода знак качества человека. На который у нас с Годом свои различные взгляды, не говоря уже о методах его достижения. Ну а что Год, у него нет полёта фантазии, для него, что тысячи лет назад,

что и сейчас, всё одно – главное верить. У меня же дела на этот счёт обстоят несколько иначе. Ведь надо понимать, что составляющие формулы успеха, напрямую завязаны на использовании греховных ингредиентов человека. И уж тут нельзя упустить своего интереса. Всем известно, что в этой формуле успеха, существует своя константа успеха, как богатство, приобретение которого, зависит от различных жизненных факторов. Но здесь всё статично и мало что для меня представляет интересного. Мне же, интересны другие, так сказать слагаемые успеха. И вот здесь-то, для нас и открывается широчайший простор для самых различных экспериментов, где только наша фантазия может ограничить этот простор. На котором для тебя и представляется возможность проявить себя. И если сможешь разработать новый действенный состав, приводящий к устраивающему нас результату, то тогда я буду тебя рекомендовать на получение крыльев и зачисление в мой легион. Только давай, не провались. – Денница похлопал меня по плечу, подошёл к выходу, чем заставил и меня, встав с места, подойти к двери вслед за ним.

– Ну, а пока что, можешь идти, готовиться к отъезду. Все для тебя необходимые инструкции будешь получать по мере выполнения заданий. – Закончил свою речь Денница. На этом эта наша встреча подошла к концу, но меня ещё ждал у себя Год.

Аудиенция у Года, по сравнению с беседой с Денницей, прошла практически незаметно. Год, с присущей ему важ-

ностью предстал перед нами и, ограничившись всего лишь одним предложением, сказал:

– Знайте, что только вера в наше дело может вселить в нас надежду на успех нашего дела. И только наполненные любовью наши сердца, смогут помочь нам в нашей миссии. – Затем помолчал и, обведя нас своими покрасневшими глазами, добавил:

– Ну, на этом всё. Давайте, с богом!

Мы же, закончив все свои оставшиеся приготовления, отправляемся в путь – в мир. Для нас новичков, это путешествие было своего рода открытием неизвестного. У каждого из нас в голове, не ожидая своей очереди, скопившись в одну кучу, возникла масса вопросов. Но мы, не ища на них ответа, отделялись от них всего лишь одной фразой:

– Что же нас там ждёт? – Звучал основной вопрос. – Разве что только одному богу известно. – Следовал свой единственно-возможный ответ.

Глава 3

Миро-воззрение.

Новый, неизвестный для меня мир, что он готовит для меня, как он встретит своего нового человека? И верны ли все те предостережения, высказанные по поводу этого мира Денницей? Что ж, как оказалось на первый взгляд, здесь довольно не плохо. Правда, я ещё не знаю местную систему оценок, так что пока не буду торопиться их выставлять и остановлюсь лишь пока на одном, созерцательном изучении.

Я же хоть и был наделён соответствующими знаниями, но это всего лишь теория, без практического своего закрепления не имеющая большого смысла. Ведь одно только знание теории, в практическом своём применении, ещё не обеспечивало должного успеха. Практика по своей сути, есть наука о применении этих знаний. И зачастую, даже самый блестящий теоретик, не всегда мог справиться с поставленной перед ним, основанной на его же знаниях, практической задачей. В свою очередь, перед до мной встал вопрос:

– А смогу ли я стать отождествлением этого мира?

На что следовал свой ответ:

– Только одному... известно. – Ну а дальше, вы сами знаете или догадываетесь.

И вот я, в миру названный почему-то Ником, под видом молодого специалиста, в ожидании своего рабочего автобу-

са, стою на остановке. Окружающий мир полон красок, хотя может быть, все первые взгляды и впечатления, как раз сопутствуют яркости отражения этого мира. Не знаю, но для меня этот мир таков. Правда, существует мнение, что мир настолько же ярок, насколько и сер, и что реальность, специально так ярко горит и переливается огнями, для того чтобы доказать состоятельность настоящего. Когда же настоящее отодвигается назад будущим в прошлое, то сегодняшнее настоящее, слегка блекнет и видится нами уже всё больше в постельных тонах.

При этом и среди всех существующих огней этого мира, есть тот единственный, светящийся ярче всех, яркость которого способна осветить тебе дорогу до небес. Лучезарная улыбка юной девы, вот та искра, которая не только зажигает огонь в ваших сердцах, но и приводит в движение весь этот мир. И эта, обращённая на тебя улыбка, исходящая от одной из представительниц потомства Евы и, снисходящая до нас недостойных, готова... Но стоп, подождите быть готовым, непонятно ещё к чему. Да и что собственно, за блуждающие мысли, появились у меня в голове, источником которых, даже страшно подумать, что или кто стал. И неужели, лишь только мельком брошенный взгляд на меня, и едва уловимая улыбка, стали причиной всех этих странных мыслей и метаморфоз во мне? И только стоило ей, той оборотистой незнакомке, проявить заинтересованность, как моя мысль, получив затравку, сразу же ринулась будить свою на-

парницу-фантазию. Нет, всё-таки надо быть более осторожным и осмотрительным. Всё же не зря Год предупреждал нас об исходящей опасности с этой стороны гендера.

Да, привнесла жизни в этот мир прародительница Ева, и для многих она, эта жизнь, в силу этих самых причин, в некотором роде даже приостановилась. Ну, а что же само потомство Евы, как оно сейчас поживает? Ну, судя по их видимой мной беззаботности, тысячелетия их существования на земле, ни на каплю их не изменили. Но это только на мой, первый взгляд. Для должного же понимания, мне необходимо более детальное изучение данного объекта наблюдения. Хотя, для вон той незнакомки с зонтиком, уже второй раз как бы случайно оборачивающейся в мою сторону, я бы сделал исключение.

А этот её много говорящий взгляд, я понял и с первого раза. Да и игра в переглядывание, мне показалась довольно интересной. Успеть перевести свой взгляд, пока твой объект наблюдения не заметил обращённый на него взгляд, при этом дать ему понять, что на него смотрели, и в тоже время не упускать из виду ни одного движения оппонента. Следом же, как бы случайно, постараться поймать глаза наблюдаемого и через этот зрительный контакт, выразить всю свою недосказанность. И всё это, конечно, при условии взаимного интереса друг к другу. Правда, когда наше взаимное переглядывание, уже начало свою игровую раскрутку, как вдруг, неожиданный (когда увлечёшься, то всё кажется таким), но

запланированный расписанием приезд автобуса, не дал нам выявить победителя в этой игре и заставил с внутренним разочарованием направиться на посадку.

Так, блуждая по коридорам сознания и ведомый различными своими соображениями, я дошёл до дверей пришедшего на остановку нашего рабочего автобуса. Что сказать, галантность и вежливость ещё не покинула человечество, и даже научно-технический прогресс ещё не распространил своего влияния на эту область нашей жизни. Так побуждаемые этим галантным чувством мужчины, пропускают вперёд на посадку, даже не свою, а просто женскую половину человечества. И когда все усаживаются на свои места, то тогда уже я, попав в автобус, обнаруживаю там, что мир всё тот же, и что бы в нём не утекало, то от этого всё равно бы ничего не изменилось. И всё так же, как и тысяча лет назад, женское потомство прародительницы Евы, не устраивает место позади мужа и оно всё по-прежнему, стремится занять своё место впереди него.

И спрашивается, а зачем им всё это нужно. Ведь окно обозрения в автобусе, кроме разве что первых двух мест, независимо от места нахождения, находится сбоку, да и мало кто из сидящих им решается воспользоваться в дороге. И при этом, места в задней части автобуса, более безопаснее, чем впереди, и тогда почему их так тянет вперёд?

Из-за чего так и напрашивается вспомнить историю Евы. Может не зря Денница оплодотворил сперва Еву, а уж за-

тем, через неё вышел на главный объект своих устремлений – Адама. Знал же ведь по себе, что второй всегда будет желать стать первым. И Ева, возможно, сама того не понимая, поддалась своему скрытому в ней желанию – первой приобщиться к познанию и тем самым стать первой. Но испугавшись последствий, взяла и поспешно отдала своё знание в руки мужчины. А что мужчина, а он всегда идёт на поводу женщины, за что, в конечном счёте, именно ему и приходится расплачиваться за совершенное ими обоими действие. А может дело в другом и эра мужчин, созданных для природного эксперимента над ними, дабы оттачивать на нём элементы выживаемости, закончилась, и теперь настало время своего женского эксперимента. И быть может, как раз здесь-то и приоткрывается завеса над теми внутренними целеустремлениями, принимающих участие в жизни объектов. Чёрт его знает.

Так по прибытии автобуса к месту своего назначения, я подхваченный потоком спешащих служащих, быстро добрался до пропускного контроля. Там, предъявив направление на работу, я уже для доступа вовнутрь главного административного корпуса компании, получил временный пропуск. Где уже в свою очередь, меня ожидал отдел кадров. Но прежде чем до него дойти, мне пришлось на пути к нему познакомиться с местными достопримечательностями, в виде стандартных видов внутренних интерьеров здания.

Так современная стандартизация в облагораживании ад-

министративных зданий компаний, не могла не коснуться и этой передовой в области связи компании. Ну, а что же нужно для успешного видения бизнеса? Конечно же, максимальная открытость, само собой выраженная через тотальный контроль. Так прозрачность внутренней обстановки офисов, должна была содействовать видимости работы персонала, как со стороны её администрации, так и в сторону администрации, которая в своём служебном рвении может далеко зайти и что главное, перешагнуть некоторые пределы допустимости.

Так на каждом шагу меня встречали логотипы компании, с её различными конституционными принципами, в основном призывающих сотрудника быть начеку. Ведь в любой момент какая-нибудь начальствующая единица, может поинтересоваться у тебя о знании этих принципов и твоё не знание может дорого тебе обойтись. Вот, как оказывается, куда занесла меня нелёгкая поступь Денницы.

А ведь решение о выборе моего места службы, как раз принималось его ведомством. Так для меня была подобрана подходящая, совсем недавно освободившая вакансия эффективного менеджера (каким образом, я расскажу несколько позже). По мнению Денницы, эта должность, как никакая другая, будет способствовать выполнению моих задач. Так, ни то, ни сё, в комплексе с внутренними амбициями человека, должны были раскрыть передо мной весь побудительный внутренний мир человека и на основании этого, я уже смогу

сделать для себя надлежащие выводы.

Конечно, можно было бы организовать мне должность какого-нибудь начальника, которая имеет массу преимуществ, но исследования в области лицемерия и лести, на данный момент не сильно интересовали Денницу, да и к тому же данные характерные черты можно изучать и будучи на должности менеджера. По поводу же специфики работы выбранной компании, то именно связь, как считает Денница, есть основная движущая сила этого мира. «На ней зиждется мир». – Говорил частенько Денница. Видимо, поэтому-то он и выбрал эту компанию, специализировавшуюся на данном направлении деятельности человека.

Но как это часто бывает в жизни, те, кто отвечает за связь, сами испытывают её дефицит и при этом не могут найти её даже внутри собственного коллектива. Или может быть, во всём виновата внутренняя отчужденность – это требование времени, которое, как считают некоторые высокопоставленные лица, способствует устойчивости работы коллектива. Ну, а сплочённость, построенная на конкурентности, со своим знаковым минусовым полюсом, как ими считается, в конце концов, выдаёт только плюс.

Но вот отдел кадров, который честно сказать, не то что не спешил раскрыть передо мной свои двери, а он скорее, встретил меня своей закрытостью. Ну а вывеска на нём гласила, что рабочий день для этого отдела компании начинается только через полчаса от времени моего прихода. Что и го-

ворить, а административному аппарату, несущему на своих плечах весь груз ответственности за тех, кого они приручили и тот, кто приносит им выручку, требовался более продолжительный сон, когда как с другой стороны, им для релаксации требовалось больше вечернего времени. Ведь все возможные контакты с представителями рабочего класса, оказывали на них своё довлеющее на них психологическое воздействие, в связи с чем, им и требовалась определенная компенсация от этого стрессового воздействия.

– Ну, а если молоко за вредность не выдают, то тогда бы, хотя бы оплачивали спа-салон. – Нередко можно было услышать такую речь из уст представителей административного корпуса. В конце концов, пойдя навстречу всем и в особенности экономии, всё же было решено перенести время их начала работы на скромные полчаса, которые в свою очередь давали массу существенных плюсов. Так теперь администрация имела возможность, хоть и на короткий срок, но потешить себя иллюзией своей избранности, что в свою очередь, увеличивало крепость её сна. Но что главное, так это то, что разное время прихода на работу, сводило к минимуму их пересеканность с рабочим классом, что в свою очередь укрепляло их душевную конституцию.

В коридоре же, рядом с отделом кадров, стоял ряд стульев для посетителей. При этом, как оказалось, я не был одинок в своих устремлениях попасть в этот заветный кабинет. Здесь уже находилось пару посетителей, тоже ожидавших своего

часа приёма. Испросив очередность, я, дабы не проверять на правду свои ноги, тоже решил устроиться на одном из стульев. Ну а, присев с краю на один из них, я тут же ощутил некоторую конструкционную странность стула. Так при моём, выше среднего росте, я почему-то с трудом доставал ногами до пола.

Но я не для изучения стульев сюда пришёл и поэтому решил оставить этот вопрос для дальнейшего рассмотрения. Сейчас же я решил посмотреть на своих соседей. Ну а эти, явно в детстве пренебрегающие витамином роста мои соседи, при их таком возрастном опережении, казались мне школьниками, ожидающих вызова к директору. При этом один из них, с лихвой компенсировавший возрастом свой рост, сидел в напряженном ожидании, когда как другой, беззаботно раскачивая свои ноги в разные стороны, листал какой-то журнал. Для чего же нужно было изготавливать такие стулья, а чёрт его знает.

Ожидание. Уже само это слово наводит на грустные мысли. Ну а что наша жизнь, как не череда различных ожиданий. Так мы и живём, вечно в ожидании чего-то, и при этом у нас нет иного выбора, как ждать. Где смотритель жизни – время, требует от событий нашей жизни чёткой последовательности исполнения, ну а если вдруг на небосклоне появляется спешеход, то его торопливость, как правило, к ни чему хорошему не приводит. Что и говорить, а время умеет быстро сбивать спесь с подобного рода типов, забирая у него свой запас

и тем самым, останавливая его бег с ним наперегонки.

А ведь ждать можно и вечность, и при этом, не особенно это чётко чувствуется в случаях размытости требуемого для осуществления чего-то времени и которое так же, не конкретизирует нас своей определенностью. Но в тех случаях, когда ожидание приобретает свою количественную конкретику, то тогда мы уже не можем вытерпеть тех, даже каких-нибудь тридцати минут ожидания. Но между тем, ожидание это не статическая субстанция, а даже наоборот – динамическая, несущее в себе мучительное действие, так требующее от тебя применения стольких непреложных сил. Ведь нет ничего сложнее, чем стоять на одном месте, где при этом тебе нужно столько для этого сил и воли, что даже немислимо подумать. И, наверное, надо поистине обладать огромным самообладанием, чтобы уметь, вот так хладнокровно ждать.

Видимо и восточные школы йоги, издревле знавшие о разрушительности тех сил, возникающих в процессе ожидания, дабы обуздать их, внесли в свою программу школы йоги, обучение отрешенности, и как конечный путь любого ожидания – нирвану. Ну, а китайский мудрец Лао-дзы, пошёл ещё дальше и создал своё учение Дао (Путь). Где по его утверждающему мнению, ничего не утверждай, а в процессе жизни необходимо придерживаться принципа не деяния – принципа У-вэй. И это никакое-то не бездействие. Это деятельность человека, которая согласовывается с естественным ходом миропорядка. Так всякое действие противореча-

щее Дао, означает пустую трату сил и приводит к неудаче и гибели.

И так, следуя принципу не деяния, погрузившись в созерцательность нирваны, я следовал своему выбранному Дао – ожиданию прихода начальника отдела кадров. И надо сказать, что древнее учение Дао оказалось весьма эффективным и я, ничего не делая, смог достичь желаемого, и в точно обозначенное на дверях время, я и два моих товарища по стульям, оказались в столь нами желаемом месте – отделе кадров.

Там, в кадрах, поочередно приняв нас, начальник или вернее начальница, вынесла нам свой ожидаемый нами вердикт. Правда, прежде всего остального, она исполнила требуемый регламентом церемониал. И хотя решение о моём приёме на работу было уже принято, но разве может человек, чьи решения носят характер судьбоносности, отказаться вставить своё веское слово. Ведь она последняя инстанция истины, и это должны знать все и чувствовать, особенно ты, тварь дрожащая, из-за той стороны стола.

Глубокомысленное выражение лица начальницы отдела кадров, с печатью избранности её зоркий взгляд, от которого ничто не уйдёт бесследно, а также пальцы с очень отточенными коготками, так ловко перелистывающими моё дело, и второстепенный в этом месте предмет, то есть я, ожидающий вердикта этого беспощадного судьи, создавали современную интерпретацию картины «Опять двойка».

– Я смотрю, вы трудились только в одном месте. – Око-
лично спросила меня начальница отдела кадров.

– Да. И последние пять тысяч лет не менял место рабо-
ты. – Виделся мне мой ответ.

– И почему вы решили сменить место работы? – не глядя,
продолжила спрашивать она.

– Не вижу перспектив, вот и решил подсидеть Денницу. –
Всё также фантазировал я. Правда, вслух сказал, что изме-
нение моего места жительства, потребовали от меня некото-
рых движений в поисках нового места работы (что, в общем,
было правдой). При этом, что интересно, я ведь прекрасно
знал, что моя кандидатура одобрена и всё то, что сейчас про-
исходит, носит лишь формальный характер. Но нет, я поче-
му-то всё же себя чувствовал не совсем в своей тарелке и
даже не в их посудной лавке, а где-то там, в пространстве
неопределенности, где только воля кадровички, её позволе-
ние, было способно определить мой дальнейший статус. Что
и говорить, а всё же отдел кадров, в своём роде, определённо
судьбоносное для многих место, в котором, наверное, рабо-
тают не очень-то простые люди, а так сказать, знатоки всех
сторон человеческой жизни. Где у каждого из них за плеча-
ми не только курсы делопроизводства, но и серьезные инсти-
туты в области человеческой психологии и жизни, которые
уж точно не позволят им ошибиться в выборе достойного
работника. Но стоп, а то что-то я опять зафантазировался.

Впрочем, на этом небольшом вопроснике, формальности

были исчерпаны, и я был выдворен в коридор, где мог вновь насладиться своим дальнейшим ожиданием. На этот же раз, волна переполнявших меня чувств, в соответствии с моментом, не успев отформатироваться и сформироваться в предложение, столкнувшись с новым явлением, а именно появлением нового лица в нашем коридорном пространстве, остановилась на полуслове. А ведь это новое лицо появилось из самого кабинета отдела кадров, в котором оно до этого замечено не было (какой всё-таки заметливый). Правда, я не знаю всех ходов и выходов этого пространственного помещения – отдела кадров, в котором может быть есть свой запасной вход.

Так представившись агентом по поручениям, этот незаметный тип, держа в руках наши дела, ещё раз сверился с соответствием объектов присутствия, после чего предложил проследовать вслед за ним. Быстрый шаг агента не позволил нам в точности зафиксировать все этапы пути к месту нашего следования. Повороты вправо, влево, подъёмы, спуски, разве что только такой информативностью могу я похвастаться, в случае вашего желания послушать об этом моём путешествии. Но сколь ни длинны были шаги агента и сколь ни высока была частота перестановки наших ног, наш путь, в конце концов, привёл туда, куда нас вёл этот агент. Правда для нас это была всего лишь финишная черта, говорящая только об окончании только этого промежуточного забега.

Вслед за прибытием, оставив нас ожидать в коридоре,

агент в свою очередь зашёл в этот, пока ещё ничего нам о себе не говорящий кабинет. На этот раз мы были не против немного подождать и потратить это время на передышку, а для кого-то и отдышку. Но не прошло и пяти минут (но кто их на этот раз считал), как нас позвали в кабинет. И если сам кабинет, в виду его стандартности, не вызвал в нас интереса, то на его хозяина нам стоило обратить внимание, хотя бы потому, что он должен был стать нашим боссом.

—А вот и наши кандидаты. — Со своего места поприветствовал он нас. Но при этом, с таким нажимом сказал слово кандидат, что для меня тем самым решился вопрос о его прозвищном имени. Отныне он для меня стал Кандидатом. Правда, надо признаться, что для меня самозванные человеческие имена мало что значили. Ведь мы получали своё имя согласно нашей славы, и поэтому я в своих действиях старался придерживаться того же небесного правила. В человеческом же мире, как правило, человеко-определяющим может быть, как его определенное внешнее качество, либо его словесное выражение, закреплённое за ним через имя.

И если начальник стал для меня ассоциироваться со словом кандидат, то мои товарищи, ещё не обрели для меня оболочку конкретности, с помощью которой, я мог бы их, как-то об именовать. Так что я пока решил их просто называть в порядке очередности встречи со мной, Первый — тот несколько старший по возрасту человек и Второй — несколько отчужденный от мира сего тип человеческого сознания.

Что же касается внешней физической конституции Кандидата, то следуя моим теоретическим знаниям, можно сказать, что такие единицы мужской части населения, почему-то часто сравниваются с лошадьми, в особенности связывая их с жеребцами. С чем это было связано, я оставался в неведении, так что мне это предстояло ещё разузнать в процессе моей рабочей деятельности.

– Давайте, проходите, не стесняйтесь. – Сказал Кандидат. Мы же, следуя его приглашению, заняли свободные места вокруг главного стола. Кандидат, подождав, пока мы рассядемся, облокотился на спинку кресла, осмотрел нас по очереди, а затем, скрестив руки вместе, как бы потягиваясь, вытянул их вперёд. Закончив же свои потягательные движения, он с минуту (как нам показалось), поразмышлял на тему: «С чего же, бл**ь, начать» (мы Ангелы, хоть и обладаем способностью читать мысли, но здесь мы ею не пользуемся. Правда, в данном случае, для того чтобы прочесть мысли в голове Кандидата, необязательно нужно было обладать данным умением. Ну, а почему они получили свою, мать её близость, то дальнейшее общение с Кандидатом, показало нам, что иначе быть не могло), и поехал резать правду матку, как в последствии он характеризовал все свои монологи.

Отчего у меня даже закрались сомнения насчёт правильности его об именовании. И может всё-таки я поторопился, назвав босса Кандидатом, ведь его речь изобилующая непристойностями и характерными словечками, состоящи-

ми в близких родственных связях с некоторыми выдающимися органами человека, открыла перед нами человека с альтернативным видением окружающего, и может быть, стоило ему придать характерное этому имя. Но что ж поделать, зафиксированное сложно изменить.

– А то стоите и стоите, а стоит ли вообще стоять. Ведь долгий стояк, не всегда полезен. – Подмигнув Первому, Кандидат очень ободряюще рассмеялся. Первый же, не совсем ображая, что нужно в данном случае делать, только и хлопал своими глазами в ответ. Кандидат, между тем посчитав, что наладил между нами рабочий контакт, начал свой декларационный монолог:

– Скажу вам одно и пусть умоются придурки в своей лютой зависти, наша профессия менеджер, так сказать, управленец, есть самая древнейшая из всех существующих на земле профессий. И пусть даже не пытаются! Не получится всяким там проституткам и журналюгам оспорить данный существенный факт. – Кандидат с удовлетворением обвёл нас взглядом. – Бог для того и создал человека, чтобы он управлял этим миром. Или иначе сказать, то поставил его менеджером по работе с клиентами. Ну, а клиенты, вы надеюсь, поняли, кто такие. И мы, можно сказать, обеспечиваем их существование в этом бренном мире. Но при этом, все наши заслуги не заслуженно недооценены. А ведь наша работа, как работа электрика, не видна, но в тоже время, если всё налажено, то значит, мы всё делаем правильно. Вот так-то. –

Кандидат выдохнув, остановил ход своей речи, затем достал сигареты и, закурив, продолжил:

– Конечно, менеджмент не однороден. (Пауза) Видите, как я чётко выговариваю это слово. – Здесь следует до внимательности, обзорный взгляд Кандидата на всех, кто может быть, ещё не узрел им сказанного. – Что и говорить, годы труда не прошли бесследно, но впрочем, давайте к делу. Значит, как его там... а, манахер, он разный бывает. И вот наша задача и заключается в том, чтобы этого самого манахера привести к одной общей линии спроса. Но всё-таки, кто же мы такие? Обязательно, вновь спросите вы. М-да. Что ж, если вы удосужились прочитать вывеску на двери офиса (некоторые из пришедших сюда, кто заволновался, явно прошли без внимания на этот висячий факт), то мне вам не надо долго это объяснять. Для близоруких же, я скажу, без бл*ть, повторений. Мы эффективные менеджеры, элита менеджмента. Мы в своём роде менеджменты, осуществляющие контроль за работой наших подопечных. И я даже скажу больше, именно от нас здесь и зависит практически всё. – Кандидат вытер появившиеся капли пота на своём лбу. – При этом мы ни от кого не зависим и имеем полную свободу действий. – Кандидат внушающе обвёл всех взглядом. – И только в конце месяца, смотря на свой расчётный листок, в полной мере понимаешь, всю свою нулевую зависимость. – Заржал на последней фразе Кандидат.

Затем, потушив сигарету об пепельницу, он, определённо

сосредоточившись на чём-то внутреннем, выдал очередную порцию своего застоявшегося определения. – Значит так, я не люблю разводить сопли. Так что скажу прямо. Мне нужны стойкие менеджеры, а не какие-нибудь там менейджеры. Хотя нынешняя проводимая политика компании, в плане выращивания манахеров и менейджеров, идёт в разрез с моим мнением, но тем не менее, пока я руковожу отделом эффективности, – Кандидат грозно посмотрел на Первого, – у меня здесь такое не пройдёт. Да, девочки, именно так. – И не дожидаясь ответной реакции, выпалил:

– Значит, напутственное слово я сказал, а теперь к делу. Далее в основной курс дела вас введёт мой оперативный заместитель. – Кандидат пространно махнул рукой. – А мне же между тем необходимоДа какого чёрта я перед вами здесь оправдываюсь. – Кандидат сплюнул и, накинув на себя пиджак, вызвал, как мы поняли, того самого быстроходного оперативника. После чего, без всякого там до свидания (однозначно английские корни бередили душу Кандидату), оставил нас одних в кабинете.

– Любопытно. – Было начал Второй, но его перебил вошедший из дальней двери кабинета, тот самый обозначенный мною Опер.

– Так что вам так любопытно? – спросил он Второго.

– Да, в общем-то, всё. – Не стал вдаваться в детали Второй.

– А не надо стесняться. В нашем отделе это качество находится под запретом. Ведь внутри коллективная откровен-

ность, есть требования эффективности. – В свою очередь добавил Опер, присаживаясь на место Кандидата.

– Так значит, с Боссом вы уже познакомились, и как я понимаю, впечатлились. Ну, а я, также не буду ходить вокруг да около и сразу раскрою перед вами все карты. Причиной вашего приема к нам в компанию, стало недавно случившееся на нашем предприятии ЧП. В общем, один из работников, по всей видимости, обладая только тонкой душевной конституцией, взял и сорвался перед предстоящей эффективной проверкой, где вооружившись карабином, пустил в расход весь наш штат сотрудников. – На одном дыхании выпалил эту информацию Опер. После чего с интересом принялся осматривать нас, как бы изучая произведённый на нас эффект.

И тут вдруг у меня перед глазами всплыли те памятливые воспоминания об этом происшествии в компании. Но почему же всё-таки всплыли, а не как-нибудь по-простому, всего лишь вспомнились. А я вот, может быть, не хочу по-другому, да и, в общем-то, просто иначе нельзя было по-другому назвать этих представших передо мною троих «утопленников». При этом, как сейчас помню, их лица были, как бы смазаны и трудно различимы для всякого стороннего наблюдателя. И именно в таком виде они и предстали перед Годом и Денницей. Ну и естественно перед этими решателями судеб встал насущный вопрос об их будущем качественном пребывании, ответ на который определялся уже исходя из следующих вопросов: Кто же всё-таки будет работать с ними и за кем будет

решающее слово?

Там-то, в одном из дальних кулуаров, я и услышал эту историю с расстрелом. Где эти трое эффективных менеджеров, как мне рассказывали, плюс ещё кто-то, находясь в комнате отдыха, развлекались как могли, или насколько хватало их менеджерного ума. Ну и как это всегда бывает, скукота подобралась из ниоткуда и тогда, когда её не ждали, хотя возможно, им также надоело на собственной шкуре испытывать свои же шутки, и поэтому, по общему мнению, было решено направить свой пыл куда-нибудь в другую сторону. Ну, а для этого, нужно всего ничего, а всего лишь найти новый объект для приложения их остроумия. В качестве которого, как нельзя лучше и подошёл на свою и как оказалось, не только голову, зашедший сюда утолить свою жажду, один из сотрудников младшего звена компании.

Вот на нём-то, этими эффективными менеджерами и было решено отработать своё остроумие, и тем самым, облегчить своё страдательное безделье. При этом, по всей видимости, это уже было их не первое наклонение этого объекта для насмехательств. Ну, а что же в таких случаях делают все подобные субъекты, желающие быть очень остроумными? Да всё очень просто, они находят наибольшую уязвимость объекта и обрабатывают её по полной программе. Так сложность общения с противоположным полом, видимо и была той ахиллесовой пятой этого объекта насмехательств, на которую и не преминули наступить эти, такие весёлые

парни. Да ещё к тому же, эти эффективные парни прознали про объект тайных притязаний этого сотрудника, что никак нельзя было пропустить, и было ими, в форме шантажа использовано на полную катушку.

Так они в категоричной форме предъявили ему свои требования, о немедленном решении вопроса с этой дамой его сердца, на что в случае его отказа, они угрожали уже решить этот вопрос за него – ещё с более категоричной позиции (проскальзывало какое-то упоминание ракообразных, ну а для чего это было сделано, для нас ангелов, так и осталось невыясненным). Не знаю, что творилось в душе этого объекта издевательств, но уйдя с работы раньше времени, он со временем возвращается на неё, уже основательно подготовленным. Видимо карабин, с полным комплектом патронов должен бы быть очень весомым аргументом в отстаивании его позиции. Так проследив за своими оппонентами и, дождавшись, когда они займут прежнее поле действия, наш объект, решив, сразу же расставить все точки над *i*, не давая и слова сказать этим своим оппонентам, сразу же, со входа, открыл огонь по ним. Ну, а дальше, всё пошло, как по маслу, которым тщательно был смазан затвор карабина.

Так для первого из них, этот полный неожиданностей разворот истории, так и остался таким, что было вполне закономерно, раз он даже не успел сообразить, в чём дело, когда разряд из ружья очень основательно пригвоздил его к стене кабинета. Маска ужаса застыла на лице второго, когда он в

оцепенении, даже не пытаясь что-то сделать, получил свою порцию удовольствия. А ведь при этом, разряд, прошив его, в этот момент находящегося в опасной близости с кулером с водой, также не забыл проделать множество отверстий и в этой полной ёмкости с водой. Дальше второй участник, определённо в замедлении (для пушного эффекта), облакачивается на бутылку с водой и начинает потихоньку съезжать по ней вниз. И уже внизу достигнув устойчивости, останавливает ход этого своего, по всей видимости, последнего в жизни движения. Ну, а бутылка, получив сквозное ранение, начинает постепенно опустошать свою наполненность, и вода постепенно начинает заливать убитых.

Третий же, скорее рефлекторно, чем осознанно, пытается с помощью двери холодильника, прикрыть себя, но следующий выстрел, доказывает правоту определённых физических законов, и он, нашпигованный свинцом, наконец-то, занимает своё достойное место рядом с другими. Наш герой, ещё с какое-то время стоит, осматривает место развязки, затем бросает ружье и, не особо соображая, что делает, отправляется к выходу из здания компании. Где он, по одним источникам, задерживается полицией, по другим же, погибает при перестрелке с ней же. Правда есть и те, кто утверждает, что он скрылся (ну, а куда, можете даже не спрашивать, когда и так ясно, что в неизвестном направлении). В таком-то виде и предстала передо мной вся эта история, рассказанная мне на ушко кем-то из всегда готовых поболтать Ангелов.

И если для убийцы ещё предстояла встреча с Денницей, то наша троица, уже сейчас предстала перед судом небесной канцелярии. Что же с ними стало потом, точно не могу сказать, но кажется Денница, пока взял их к себе на поруки, дабы им не слишком скучно было ожидать их отправителя. И если участь убийцы, ещё вызывала сомнение в его земном существовании, я всё же думаю, что версия о его гибели, не имеет должных оснований. Ведь если бы это было так, то он бы давно предстал перед судом канцелярии, но раз его там не было, то значит, что он ещё где-то там, в неизвестном направлении, бродит по белому свету.

Опять же, версия с его задержанием, так же никем и ничем не подтверждается. Как-никак, а никаких официальных сообщений от соответствующих служб не последовало. А ведь подобные происшествия, зачастую вызывают общественный резонанс, и каждое СМИ, только и знает, что кричать об этом, когда как тут, какая-то уж очень странная тишина. Да и вообще, эта история так покрыта мраком неизвестности, что складывается впечатление, будто бы её специально кто-то пытается замять. Так, где же он, что с ним стало, все эти вопросы, так пока и остаются без ответов.

Ну, а когда возникают подобные несуразности, то начинают появляться различные сомнения, уже относительно самого происшествия. Впрочем, и здесь есть свои плюсы, так для меня теперь открылась вся подноготная моего определения на это место службы. И видимо Денница, узнав об осво-

бождении этих вакансий, недолго думая, взял и зачихнул меня на это освободившееся место. И тут опять же, возникает невольный вопрос, а не причастен ли сам Денница к разработке этого плана по освобождению вакантных мест в данной компании, или же всему виной моя подозрительность, видящая то, что мне хочется увидеть. Когда как, это всего лишь воля случая и помощь дурной головы этих менеджеров, привело к тому, к чему привело.

– Так вот, значит, – продолжил Опер, – случившееся ЧП, внесло свои корректирующие изменения в работу нашего отдела. Так нами было принято решение, на какое-то время отказаться от стрессовой аттестации.

– Так, по-вашему, это были всего лишь рабочие моменты? – спросил я его. Опер, как говорят в таких случаях и не повёл уха, но всё же несколько сбивчиво ответил мне:

– Да, конечно, как же иначе, но что поделывать, раз занесло парней. Ведь такова специфика нашей работы. Когда каждый день приходится работать, чёрт знает с кем. – Здесь следует небольшая пауза, в течение которой, Опер что-то соображает. – Ну, давайте ближе к делу. В общем, в связи со случившимся в компании, администрацией было решено перевести наш отдел подальше от всех основных офисных помещений. Вот почему нам и пришлось преодолеть столь длинный путь. Что же касается нашего отдела, то он носит название «Служба управления персоналом» или коротко СУП.

– Не хотел бы подходить к вам с банальностями, но мне

всё же интересно, с чем его едят? – решил вставить своё слово, такой весельчак Второй.

– Для этого я сюда и пришёл. – Не обращая внимания на этот иронический выпад Второго, без тени улыбки ответил Опер. – Впрочем, хотя вы и прошли первоначальный проверочный тест, но всё же это не значит, что решение о вашем приёме к нам уже принято. – Начал чеканить слова Опер. – Для этого вам необходимо будет пройти двухмесячный испытательный срок. И уже после, по результатам вашей аттестации, и будет принято решение по вашему приёму. – Опер обмерил взглядом Второго. – Видите ли, нам приходится на ходу менять свои правила. Ведь это ЧП, как раз и произошло в ежегодный аттестационный месяц, после чего мы и остались, как без комиссии по аттестации, так и коллектив остался без должного присмотра. Так что, перед нами стоит задача по скорейшей вашей подготовке к исполнению рабочим обязанностей. – Вновь настаёт пауза, для того чтобы мы успели проглотить сказанное. – По поводу же структуры СУПа, то скажу следующее, наше подразделение является обособленным структурным подразделением, и мы подчиняемся только непосредственно генеральному директору. Из чего можете делать соответствующие выводы о важности нашего подразделения (где-то и от кого-то это я уже слышал).

– Так, следующий пункт, это наши задачи. – Опер заглянул в бумажку и, поморщившись, продолжил. – Расскажу в общих чертах. Мы занимаемся подборкой и расстановкой

кадров, а также их аттестацией и формированием кадрового резерва. В общем, с конкретикой вы можете ознакомиться в предоставленных для этого документах. Сейчас же вы, согласно регламента мероприятий, отправляетесь для оформления на своё место работы. Ну а в последующем, вам ждёт тест из семи знакомств, где самое первое из них – это знакомство с сотрудниками отдела, в котором вы и будете работать. Ну, а так как ситуация у нас действительно экстра неординарная, то вскоре нам всем стоит ожидать больших перемен. – Опер вдруг решил пооткровенничать. – А так, пока что все вокруг присматриваются и ждут решения сверху. Что же касается вашего наставничества, то на время вашего испытательного срока, из другого нашего отделения будет переведён сотрудник по работе с новичками. Так что, если нет вопросов, то сейчас идите и оформляйтесь, и затем уж, там, в кадрах, и получите для себя все необходимые инструкции. – Сам тому не веря, наконец-то, закончил свою речь Опер.

– Начало обнадеживающее. – Выпалил Второй, выходя из кабинета.

– Да уж. Но главное то, что мы сами начинаем наш испытательный срок в период стрессовой ситуации. – В ответ заявил я.

– Да, точно. И при этом, у меня такое чувство, что что-то здесь не так. Не иначе, через нас хотят пропустить новую методику приёма на работу в этот СУП. Возьмут, посмотрят, как мы поваримся в экстремальной ситуации, из всего это-

го сделают соответствующие аналитические материалы. Да и сольют. – С расстановкой слов, в свою очередь ответил Второй.

– Не знаю, что сказать по этому поводу, но мне в любом случае деваться некуда. И что скажут, то и буду делать. – Вставил своё слово Первый.

– Да, наверное, ты прав. И что толку возмущаться. Нам же всё равно придётся принять любые их условия. Скажут на колени встать. Встанем. Куда же деваться. – Проявил чуткость к Первому Второй.

Первый же, не смотря на определённые ожидания Второго, не оправдал возложенного на него доверия, и как-то без эмоционально ответил:

– Скажут. Встанешь. – И надо честно сказать, я даже не смог бы определить победителя в этой мини перепалке. Конечно, я находился в ином положении по сравнению с ними, но кто знает, что и кем движет и что над каждым из них тяготеет. Может личные семейственные обстоятельства не дают им право на выбор и команда: «На колени! Сука!», – ещё не самая из них плохая, на которую они без лишних вопросов пойдут.

Пока же нам в отделе кадров предстояло подписать некоторые оформительные бумаги, где кадровичка, наверное, почувствовав общность, уже не была к нам столь не благосклонна и мы без всяких проволочек закончили это бумажное дело. После чего до нашего сведения была доведена сле-

дующая информация – так завтра, в восемь часов утра, нам следует прибыть в кабинет № такой то, где нас и будет ждать наш наставник. Что ж, как только мы получили данную разрядку, то недолго думая, сразу же отправились, кто домой, а кто по своим делам (в чём большой разницы, наверное, нет). Я же, в свою очередь, отправился в свою съёмную квартиру, которую для меня заботливо сняло моё руководство; пока что из небесной канцелярии.

Что же я могу сказать по поводу этого моего земного жилища. В общем-то, квартира, как квартира, в которой я, всего вероятней, думаю, что, как-нибудь, да обживусь. Да и определенный для меня срок в полгода, по сравнению с вечностью, просто мгновение. Что касается внутренней обстановки жилища, то пока что внутреннее убранство квартиры состояло только из мебели оставленной хозяевами, что меня вполне устраивало. В принципе, мне не привычному к земному излишеству и этого было много. Но, как говорят, человек это такое существо, который в своих устремлениях всегда стремится к большему, так что, кто знает, что будет, когда я освоюсь и тогда уж моя непритязательность, может и станет меня тяготить. Пока же есть то, что есть и это для меня уже и так как-то много.

Поболтавшись некоторое время в пустой квартире, изрядно померив шагами её длину и ширину, я всё же, не испытывая большого влечения к точным наукам, решил больше не испытывать своё терпение и выбрался на улицу. Сказать лег-

ко, да и сделать, как оказалось, не столь уж и трудно, правда, бездельно слоняться, тоже надо уметь. Так выйдя на улицу, я сразу задался общедоступным для каждого бездельника вопросом: «Ну и что же мне делать? Куда податься потерпевшему в этом мире?». – Что ж, для ответа на этот вопрос надо обратиться за багажом моих теоретических знаний, которые, возможно, и ответят мне, что же человек делает в таких неопределённых случаях. И хотя досужий выбор на первый взгляд и кажется весьма разнообразным, то при последственном разборе, оказывается совсем всё по-другому. К тому же, многие предметы досуга должны отвечать определённым внешним условиям – таким, как необходимость хоть какой-нибудь компании, времени суток и дня недели, да и собственная увлеченность, как правило, несущая главную определимость вида отдыха, тоже имеет немаловажное значение.

Решив для себя, что спешка ни к чему хорошему не приведёт, я на первое время решил записаться в категорию зевак. Эта категория праздно шатающихся, да и не только, наверное, самая распространенная в современном обществе. Её можно встретить повсюду, и стоит тебе отступить от правила поведения и выкинуть какой-нибудь трюк, то добрый десяток зевак тебе уже обеспечен. Наверное, на этом свете, нет более успешного лова этого продукта человечества, и видимо только по этой причине, так любят современные «экспрессионисты», прошу прощения художники, выступать со

своими перформансами на публике. Здесь то они уж точно, с добрый десяток зевак, да поймают на свой крючок. А уж, какой крючок, так это уж всецело зависит от эксгибиционизма художника, хотя, если сказать честно, то они особым разнообразием и не блещут.

Таким образом, половив ворон на улице, я не встретив, и слава богу, этих или тех творцов перформанса, с чувством выполненного долга, отправился к себе домой, где уже смог бы успокоиться от этих первых впечатлений, лёжа на диване. А почему собственно успокоиться, разве со мной что-то случилось такого, отчего я должен был бы потерять покой и сон? Да вроде бы и нет, но с другой стороны, я всё-таки впервые оказался в незнакомом месте и всё же переживания, самые небольшие, да присутствовали. Ах, вот о чём это я, а то всё не могу точно определить тот объект, вызвавший во мне эти тревожения. А всё эта утренняя игра в эти переглядки, которая всё-таки меня зацепила, и вот сейчас, мне очень сильно захотелось, эту волнующую игру вновь продолжить с той же ненаглядкой.

Так, с этими мыслями я постепенно погрузился в сон и как ни странно, мои сновидения совершенно не были связаны с этими моими последними мыслями. Ну а, что такое сновидения, эта божественная, обучающая нас программа, мне хорошо известно. Но видимо сегодня, творец решил, что для меня сейчас необходимы совсем другие сновидения. И

ВОТ МОЙ СОН.

Вот я нахожусь в каком-то большом кабинете, пытаюсь получить из автомата порцию кофе. После чего получив её, иду к группе каких-то людей, которая в это время что-то громко обсуждает. Кто они? Трудно сказать. Но из этой группы, состоящей из четырех человек, из тех, кто стоит лицом ко мне, я узнаю Первого и Второго, другие же двое остаются видимы только со спины. Один из стоящих спиной ко мне, что-то там рассказывает всем, я же не вникая в разговор, пытаюсь обойти его и посмотреть на говорящего, но я не успеваю этого сделать, как вдруг происходит резкий переход к другой части сновидения.

Я иду по какому-то коридору, впереди меня идут мои коллеги по работе, рядом же со мной идёт тот, чьё лицо, я хотел рассмотреть впервой части сна. При этом он мне что-то рассказывает, но единственное, что я улавливаю, то это слова про какого-то чистильщика. Вот мы подходим к повороту, и я вновь пытаюсь посмотреть на моего собеседника, но получается так, что он исчезает за поворотом и перед до мной предстает только пустое пространство, в котором, где-то там вдалеке, видятся открытые двери. Я иду к ним. Приблизившись к дверям, изнутри до меня доносятся знакомые голоса и смех. Но только я попытался заглянуть в проём двери, как тут же оказываюсь внутри самого кабинета и уже изнутри вижу этот проём двери кабинета. Но что я там вижу? А всё просто, из темноты коридора на меня смотрят два тём-

ных (коридор тёмный, значит жерла темны) жерла ружья и следом раздающийся выстрел из него.

После чего я, дёрнувшись, просыпаюсь вовсе не там где ложился спать, а в некотором равно удалении всех частей моего организма от кровати, а именно на полу. Видимо последние кадры фильма, тьфу ты, сна, действуют на меня, как холодный душ, который и становится причиной этого пробуждения. Я спросонья, мало что понимая, оглядываюсь по сторонам и, не найдя то, что искал (как будто я этого помню, да искал ли?), затем заново укладываюсь в кровать. После чего вновь проваливаюсь в сон, и уже лишь для того, чтобы по сигналу будильника, призывающего к подъёму на работу, вновь проснуться через десять минут.

Наверное, специалисты часового завода по наладке будильников, из своей вредности специально подбирают такой противный звук для сигнала будильника, чтобы у засони не было ни одного шанса не услышать этот, так будоражащий нервы звонок. А может просто тебе, так сладко видящему сны, любой звонок извне, посмевший потревожить твой сон, так или иначе, всё равно покажется ненавистным. Не знаю точно, но для меня этот звонок будильника, как только я его услышал, стал одним из ненавистнейших звуков на свете.

Прижав насколько только позволяла моя любезность, кнопку отключения звонка, я в полусогнувшемся состоянии отправился в ванну, для того чтобы лицезреть свою готовность к рабочему дню и если выявятся недочёты, то тут же

устранить их. А ведь, как оказывается, сон налагает на спящего свой характерный отпечаток. Лёгкая помятость, не совсем чёткий взгляд, причёска а-ля я в поиске и другие потёртости, вот часть сопутствующих физических факторов сна. Также оказывается, не забывает спать и растёт во время сна мой волосяной покров на лице, в придачу к которому добавляется – моё надыхал, что приводит к необходимости чистке этого негативно-нагнетательного аппарата.

Да, всё-таки трудно в первый раз, не с привычки, выполнить все эти утренние процедуры. Выжимая пасту из тюбика и в тоже время тря глаз, так и норовишь промазать мимо зубной щетки. К тому же дыхание, так и норовит замутить твоё изображение в зеркале, в связи с чем, приходится, то свободной рукой, то рукой с бритвой, постоянно вытирать зеркало от запотевания. А это в свою очередь чревато чрезмерным нажатием бритвы и подрезом своих щёк. И твоему раздражению нет предела и предмета, на который бы оно не хотело выместиться. Но не только ты раздражён, а после бритья и твоя кожа выявляет признаки этой чувствительности. И ты находишь специальное средство, дабы смягчить свои телесные чувства. Правда только после острого послесловия и горячего приёма кожей спецсредства, ты наконец-то, обретаешь относительное равновесие.

Но вот все утренние этапности пути к готовности пройдены и ты, в конце концов, говоришь: «Вот и всё, твои мучения закончились», – после чего, ты, отпивая уже на кухне чашку

чая, уже готов к труду и ещё к чему-то там. Ну а горячий тонизирующий напиток делает своё дело, и ты полный энергии, в положенное время отправляешься на работу.

Сегодня, всего лишь сутки, как я здесь нахожусь, но при этом, сейчас, стоя на остановке, мне кажется, что я уже сто лет как живу здесь. Вокруг всё знакомо и привычно идёт, как по заведённому плану – тот же порядок движения маршрутных автобусов, та же очередность подхода служащих, разве что только с небольшими изменениями состава. И уже даже я стал частью этого утреннего ландшафта. Так все мы ждём своего рейса, правда я, даже в тайне от себя, ещё питал надежды увидеть ту встреченную мной незнакомку. Но я не знаю почему, но сегодня её не было. Ну а подошедший автобус, не внёс какую-то новизну в ход этого утреннего движения и, выполнив все свои действия связанные с забором рабочих, тронулся в путь, чтобы, как можно быстрее доставив нас к месту назначения, водитель автобуса смог бы присоединиться к своим коллегам по цеху, для утреннего разбора полётов.

В точно требуемое время, я прибыл в назначенное нам место. Выданный в службе охраны пропуск, поспособствовал моему без промедительному проходу в административное здание компании. Впрочем, как и в прошлый раз, из нашей компании я оказался последним, кто пришёл сюда. И мои коллеги уже были тут как тут. Видимо, личный транспорт, способствует этому раннему их прибытию, ну а я, как

поклонник общественного транспорта, за неимением ничего другого, пока что остаюсь в аутсайдерах. Перекинувшись оздоравливающими словами, мы погрузились в безмолвное ожидание. Трудно сказать почему, но такое времяпровождение нас в данный момент всех устраивало. Это ведь только детям легко находить контакт с окружающим его миром. Взрослые же, боясь обжечься, со временем (потраченным на его взросление), становятся более осмотрительным, так что сейчас мы находились пока что на подготовительном этапе, присматривания друг за другом.

Посматривая в стороны, мы никак не ожидали, что ожидаемое нами лицо уже находится в кабинете. Ведь всё-таки мы уже пробовали дверь на предмет открываемости. «Закрыта, сука». – Дёрнув за ручку, как сейчас помню, Второй таким образом, отблагодарил эту дверь. И когда уже время намного перевалило за отметку начала рабочего дня, то эта дверь неожиданно открылась и, выглянувший из неё человек, с иронией спросил нас:

– А что вы собственно, не заходите? Я уже тут вас, битый час, как жду. – Мы же в свою очередь даже на какой-то момент растерялись. Но потом Второй, всё же нашёлся и язвительно заявил:

– Так мы же ожидали приглашения.

– Ах, вот оно что. Значит вам особое приглашение надо. – Вновь с иронизировал Наставник, а это был он.

– Можно и не особое. – Парировал Второй.

– Ну тогда, вам быть битым. – Не унимался Наставник. – В своём особом порядке.

– Как это? – уже задался вопросом Первый, для которого тема бития, видимо, была очень близка.

– Всеми своё время. – Ответил Наставник и с приглашающим жестом вытянул вперёд руку. Правда при этом, также оставаясь стоять в проходе двери и нам для того чтобы пройти внутрь, буквально пришлось пролазить сквозь него. Отчего даже возникло такое чувство, что он нас при этом буквально обнюхивает. Зайдя таким образом внутрь кабинета, мы расположились на передних местах, рядом с большим офисным столом. Что касается самого кабинета, то он представлял из себя своего рода лекционную аудиторию. Там так же стояли в три ряда столы со стульями и как устраиваются подобные помещения, на лекторском месте находился отдельный стол для лектора. На стене же, прямо за лектором, для трансляции фильмов, либо изображений, находился большой экран телевизора.

Наставник, в первую свою очередь заняв своё место, а оно по его разумению, оказалось на краю подоконника окна, закурился сигарету, тем самым весь отдался этому процессу поглощения дыма.

Что же касается самого Наставника, то если он чисто внешне не выявлял претензий на оригинальность, то его манера говорить вызывала у слушателя некоторые вопросы. Так на первый слух казалось, что его разговорный механизм повре-

жден пролонгацией звуков или другими забывшими о своей последовательности словами. Так в его речи слегка чувствовалось это нарушение, вызванное лёгким заиканием.

Впрочем, впоследствии разоткровенничавшись, Наставник рассказал, что эта его маленькая речевая проблема, как поначалу предполагалась некоторыми недалёковидными врачами, была вызвана логофобией, которая в дальнейшем и наложила на него свой жизненный отпечаток. Так уяснив для себя, что для него выразительность речи малодоступна, он с того времени, в разрешении возникающих споров, всё больше полагался на грубую физическую силу, но лишь потом спустя время, повзрослев, он всё-таки раскрыл скрытую загадку этого «дефекта». Он назвал это умением ставить паузы в словах или правилом двух запятых, использование которых в правильном ключе, повышало эффективность сказанного им слова. И надо сказать, что зачастую, именно эта пауза из двух запятых, достигала большего, чем все другие задействованные физические аргументы.

– А знаете, какой можно сделать вывод из вашего этого без инициативного поведения, в ожидании возле кабинета? – начал разговор Наставник.

– Что мы тактичные люди. – Решился ответить я.

– Даже, если это так, то это качество, не слишком востребовано в нашей компании. Но, а если же серьёзно. То из вашего поведения можно сделать только один вывод. А именно то, что в вас не хватает уверенности в себе. И не простой

человеческой уверенности, как её понимают все, а именно, того фанатизма истины, определяющей эффективность действий. – Наставник соскочил с подоконника и принялся фанатично жестикулировать. – Разве вам не было назначено ровно в восемь. И что вы, придя сюда, делаете. А? – Наставник бросает свой взгляд на нас. – А вы просто вяло сидите и ждёте. Конечно, я понимаю, что это для вас первый рабочий день и вы не совсем в курсе правил местного поведения. Но в то же время, вы ведь знаете, по какому профилю вам предстоит трудиться. А он, между прочим, обязывает вас к соответствующему поведению. И вот вы, в назначенное время пребываете в нужное место, где, как оказывается, вас здесь никто не ждет. Ну и какие мысли мелькают у вас в голове?

«Ай, может я чего-то не так понял, или... – чешете затылок вы. «Но опять же, мы же не могли ошибиться все вместе», – думаете вы, но уже поздно и сомнения уже поселилось в вас. И вот теперь в вас рождается неуверенность в себе, состояние человека, при котором он считает ничто не истинным: сведения, характеристики, ощущения и вообще любую информацию. И эта неуверенность в вас, подрывает всё ваше, ещё недавно такое устойчивое положение. И в результате чего, вы оказываетесь в простой зависимости от внешних факторов, то есть, в данном случае – от меня. – Наставник, выдохнув, замолчал.

– Ну, не совсем так. – Попытался возразить Второй.

– Как это, не совсем так? – удивился Наставник. – Инте-

ресно и сколько же вам ещё нужно было времени, чтобы вы, наконец-то, начали действовать? – дополнил себя вопросом Наставник.

– А вот ответ на этот вопрос, уже зависит от множества факторов. – Ответил Второй.

– Меня интересует только один фактор, а именно ваша способность, решать такие вопросы. И наша задача и состоит в том, чтобы найти выход из подобных нетривиальных ситуаций, хотя данная ситуация, можно сказать, довольно обычная. Но мне хотелось бы, чтобы вы не сидели, а хоть как-то, но уже действовали. – Жёстко ответил Наставник.

– Но насколько далеко должна простирается наша уверенность в себе и не грозит ли этому качеству переродиться в самоуверенность? – спросил я его.

– Лучше слегка перегнуть, чем недогнуть. – Без тени юмора следует его ответ.

– Но всё же, где та грань, через которую нельзя переступить. На что нам ориентироваться? – вновь спрашиваю я.

– Целесообразность, вот то единственное, на что вы должны ориентироваться в своей работе. – Следует ответ Наставника.

– Но что если эта самая целесообразность подменяет эту самую истину эффективности и что если, ради этой целесообразности, личность идёт почти на всё? – спросил я.

– Ну, если работник готов лишь только на почти, то тогда значит, мы не доработали. – Не сводя с меня взгляда, ответил

Наставник.

– Поясните. – Следует мой ответ.

– Всё нас окружающее имеет свою цену. И почти, это как приставка «не». И это значит, что работник отдаётся работе не в полную силу. Вот так, это надо понимать. – Сказал Наставник.

– Ну тогда, возникает другой вопрос, как же нам оценивать работников, каким его качествам отдавать приоритет. Тем, которые ради достижения цели пойдут на всё, при этом, не гнушаясь ни чем или всё же, мы будем учитывать моральную сторону дела. – Спросил я.

– Что законно, то значит морально. И вообще, для меня главный принцип ведения бизнеса, заключается в поговорке «Ничего личного, только бизнес». А в ней, как видишь, о морали ничего не сказано. – С этими словами Наставник перемещается от окна и занимает место за лекторским столом, после чего, он, немного посидев за ним, берёт там что-то и, подходя к нам вплотную, заявляет:

– Вот, каждому из вас листок бумаги, на обратной стороне которого, вы и напишите любое ваше желание, исполнение которого, вы бы загадали, будь у вас на то соизволение неких волшебных сил. – Заявив это, он следом раздаёт каждому из нас по чистому листку бумаги.

– Это что, тест? – смотря на этот девственно чистый лист, спросил Первый.

– Нет, просто небольшая демонстрация моей проницательности. – Наставник внимательно смотрит на Первого. – Да, кстати, можете писать всё, что вам заблагорассудится, что и будет ответом на ваш прошлый вопрос. – Доводит уже свои пожелания до нас Наставник, затем наступает пауза, в течении которой мы предаёмся своим письменным фантазиям. После чего он собирает наши, по щучьему велению и, не заглядывая в их, перевернув листы, заводит речь.

– Видите ли, мне даже не надо читать то, что вы написали. Ведь по сути, все ваши желания сводятся к одному, а именно к тому, что каждый из вас просто хочет убрать посредника между собой и той своей итоговой целью желаний. Вот и всё. – Наставник, глядя на нас, широко улыбается. – Что касается этого посредника, то, как вы уже догадались... (Пауза). Да, его зовут труд (как в детском саде, честно слово). Так и любое желание заключается лишь в том, чтобы миновать труд и достичь своей цели, уже без его участия. – Закончил фразу Наставник.

– Но твой труд, ещё не есть доказательство того, что ты сможешь когда-нибудь достигнуть заявленных высот. – Свою точку зрения выразил Второй.

– Конечно, существует множество факторов влияющих на твой результат деятельности, но всё же, все они имеют одну общую основу – труд. Да, несомненно, отпрыску богатеев, легче добиться признательности, но дело в том, что если он не приложил хоть малую толику труда в дальнейшее разви-

тие дела, то дальнейшая его судьба всегда печальна. И так во всех сферах жизни. – Сказал Наставник.

– Но вы тогда прочитайте и ответьте на вопрос о моём желании. – Всё не сдаётся моё неверие в лёгкие ответы.

– Ну что ж, посмотрим. – Сказал он и стал по порядку читать вслух наши желательные откровения. – Что ж, первое банально своей нулевой постижимостью и, я думаю, что в данном случае, вы уже получили для себя исчерпывающий ответ. Так, смотрим следующую запись. Ага, власть. Думаю, и в этом случае, у вас не возникнет дополнительных вопросов. Ну и последнее – любовь. Да, конечно же, здесь вопрос более сложный. Ведь каждому, кажется, что это божья данность, вот только почему вы её хотите получить на заказ. Всё же нутром, но вы чувствуете, что кроме всего прочего, любовь требует от вас необходимости борьбы за неё. Можно, конечно, её купить, но это уже будет называться совсем другим словом.

– Одно скажу, в каждом из нас заложена способность к труду и она, входя в состав конституции человека, в том числе, также влияет на человеческие взаимоотношения. Любовь ведь есть закрепительный элемент между двумя разными представителями пола, и она вначале определяет, а уж затем выбирает в тебе ту качественность, которую надо закрепить в ген и передать для будущих поколений. И я не думаю, что праздность, имеет в данном случае преимущество, хотя она тоже необходима человеку для его релаксации. Так

что труд, есть важнейший человеческий элемент, делающий человека человеком.

– Ну, а те методы ведения бизнеса, так часто вызывающие споры, ведь тоже основаны на труде и при этом, имеющее место лукавство в сделках, надо заметить, гораздо сложнее переносится работниками. Ну, а что поделывать, раз высокая эффективность применения этого метода, не позволяет нам от него отказаться. Так что, всё то, что завязано на труде, в том числе и лукавство, имеет право на существование. – На этом он заканчивает свою речь, подходит к своему столу и начинает что-то набирать на компьютере. После того же, как на экране монитора общего телевизора появляется текстовая картинка, Наставник продолжает свою речь: «Скажу откровенно, затронутая тема мне кажется очень важной, хоть и спорной. Но между тем, у нас уже есть разработанные правила проведения аттестационных работ. Их то мы и обязаны выполнять, и скорее всего, будем придерживаться в своей работе. Ну, а теперь давайте рассмотрим основные из существующих правил».

Настройки человека, не предусматривают быстрого его переключения из одного состояния в другое. Но когда внешние обстоятельства всё же требуют этого, то поведение человека в данном случае, зачастую не отвечают требованиям этих новых обстоятельств. Так и наша дискуссия, когда плавно перешла в лекционный монолог Наставника, то все мы, умиротворившись спокойным течением его голоса, невольно

почувствовали на себе причинно-следственную связь между скукой и зевотой, равномерностью исходящих от лектора голосовых звуков и силой тяжести своих закрывающихся век. В общем, я открыл для себя не мало нового, кроме разве что только информативной составляющей лекции, которая как раз-таки, во многом осталась за пределами моего понимания.

Из чего можно сделать итоговый вывод, что после бурности обсуждений, монотонность лекции всегда приводит к штилю мозговой деятельности. Где усидчивость мысли заменяется разве что только усидчивостью тела, ну, а сама же мысль, пробежавшись по интерьеру аудитории, постепенно смещается всё ближе к окну и уже там, окончательно испаряется в фантазиях потустороннего мира, или же иначе сказать, за оконного мира. Так ваша созерцательность потихоньку сменяется фантазиями и время течёт всё плавнее и плавнее, постепенно укачивая вас, и только лишь самоконтроль не даёт вам впасть в сладкую дрему.

Но эта безмятежная плавность течения времени и мысли, со временем всё же приводит к утрачиванию самоконтроля, который попав под чары безмятежности, начинает давать сбои, выраженных во временном клевании носом в пол. И так вы, на протяжении часа, сменяя с коллегами друг друга, ловите рыбку на этом лекционном пруду. Но всё же, где-то за пять минут до окончания лекции, ваша интуиция шепчет вам на ухо о том, что не мешало бы уже и проснуться

(наверняка ваша интуиция находится в сговоре с усталостью лектора). И точно, и как только вы выпрямляетесь и уже показываете готовность к приёму новой информации, как лектор, как бы в отместку вам, вдруг заявляет об окончании сегодняшнего доклада, который вы, как раз только что принялись внимательно слушать. Впрочем, вы не расстроены, а сверх того, чувствуете себя отдохнувшим и полным сил, для того чтобы уже у себя дома, с помощью печатных или цифровых носителей, наверстать всё упущенное вами сегодня.

Но нет, не всё так просто и Наставник всего лишь объявляет короткий перерыв, после которого, обещает продолжить свою лекцию. «Ну, спасибо». – От всех нас. Наступает перерыв, а для кого-то перекур, который пролетел мгновенно, после чего наступил второй акт лекционного введения. И надо признаться, что первую половину второго акта мы держались очень даже стойко. Но всё-таки, кто мы такие, чтобы идти против устоявшихся вековых традиций и на второй части этого акта, мы, не сговариваясь, всё же сломались и в точности повторили всю последовательность действий начального этапа лекции.

По окончании же лекции, Наставник заявляет, что он видит нашу усидчивость и в связи с этим, он объявляет более существенный перерыв на обед, который по его заверению, позволит нам восстановить утраченные силы.

Глава 4

Чего-то там угодничество

Обеденный перерыв, наверное, самый лучший временной промежуток во всем этом, нескончаемом рабочем временном отрезке жизни человека. Здесь можно не только восстановить свой кислотно-щелочной баланс, но также разбавить новостями одинокое течение своих мыслей. Наверное, даже на общем собрании коллектива, зачастую не всегда встретишь того или иного члена коллектива, когда как в местную рабочую столовую, хоть раз, да и отметит своим присутствием этот не общественник.

Но постойте, я совсем забыл рассказать вам первые мои практические шаги в этой очень важной области жизни человека, как приём пищи. Ведь питание, это не просто одна из важнейших частей жизни человека, а это можно сказать, её основа, от которой и зависит сама его жизнь. Так без поступления питательных элементов в организм человека, его ждёт неминуемая смерть (ну это, наверное, банально, и все итак это знают без меня). Как я уже говорил, мой запас теоретических знаний, даже слегка превосходил многое из существующего на этой планете, к тому же я обладал всеми функциональными возможностями человека и только моя побуждаемость, как я думал, влияла на принятие мною решений. Что оказалось, первой моей ошибкой в череде совершённых

ошибок.

Так возвращаясь вчера после утреннего оформления на работу, я был вынужден изменить направление моего прямого маршрута домой. Где по зову рецептора вкуса, определяемого запахом, я внезапно почувствовал всю свою телесность. Рефлекторные требования моего желудка на запах, исходящий из находящегося у меня на пути заведения, напрямую обращались к моему мозговому центру. На что он, не имея на то сил и желания, не смел противоречить. И не успел я как-то даже сообразить, как мои ноги уже сами меня привели в это знаковое заведение. Не трудно догадаться, что это было одно из многих заведений быстрого питания, так ускоряющих бег наших питательных устремлений. Запах усиленный усилителем вкуса, вкус, разбавленный тем же ингредиентом, красочный вид предлагаемого продукта, и всё, ваш рефлекс слюноотделения уже работает на полную катушку.

И ведь, как оказывается, современному человеку очень сложно не обмануться, когда вид, запах, вкус, служившие человеческим определителем годности продукта, теперь не являются столь важным элементом для всего этого. Так заложенное творцом естество в человека, уже не справляется с возложенной на неё задачей, теперь для этого требуются ещё знания в различных областях наук. Человеческая предприимчивость с помощью наук, ловко смогла обойти препятствия в виде этих естественных препон. Предприимчивость и химия, вот теперь два друга навек. И теперь, чтобы

узнать годность продукта, потребуются недюжинные знания в области маркировки и других сопутствующих элементов продукта продажи.

Ну, а что же я. Как мне сделать свой первый выбор. Правда, если честно сказать, то при всей обширности предлагаемого продукта, по своей сути, все блюда основывались лишь на одном, а именно на двух «Ж» – своего рода два в одном, как любят нынче потчевать потребителя производитель – жареное и жирное, а что ещё может быть сытней и вредней. Но когда ты голоден, то как-то ничтожно мало обращаешь внимание на какие-то рекомендации диетологов.

Осмотревшись вокруг, я заметил одну примечательную деталь, а именно то, что процесс поглощения пищи, требовал, как минимум, двух участников процесса. Не знаю, с чем это было связано, возможно, что процесс приёма пищи заключал в себе некий священный ритуал, а может быть, этот твой напарник нужен был для охраны самого блюда или для ничего не замечающего едока, так как он в этот момент был лёгкой добычей, для всегда что-нибудь, да замышляющих окружающих нас людей.

Что же мне оставалось делать? Я не решался выйти на улицу, и вот так запросто, взять и позвать первого встречного, составить мне компанию. Только представьте себе. Какой-то тип стоит на дороге и предлагает вам составить ему компанию в кафе, объясняя это тем, что он ещё не совсем подготовлен и не выбрал себе партнера-охранителя, для этого

очень важного процесса. И даже, наверное, лица без определенного места жительства, выразят недоумение и, пожалуй, откажутся от этого непонятно кого и куда ведущего приглашения. Но в тоже время, и голодным я не мог оставаться.

И вот что я скажу. После чего вы, конечно же, сможете мною гордиться. Я всё-таки решился и бросил вызов человечеству. И невозмутимо подойдя к кассе, выдав себя за всё видевшего знатока забегаловок, человека столовавшегося с сильными мира сего, а также не пренебрегающий и самым захудалым ларьком, спокойным голосом сделал свой первый заказ. Где, решив взять всего понемногу, я делаю заказ и когда спустя время я усаживаюсь с ним за стол, то внутренний голод, в купе с питательным видом блюд, начинает выражать сомнение, а не мало ли я взял. Ведь при моём волчьем аппетите, я сейчас готов съесть не только быка, но и всю его семью. Конечно же, это только первое чувство голодного и через пару проглатываний оно улетучивается, и вы после жадного начала переходите в лёгкий бег трусцой, который в свою очередь, переходит в равномерный ход. Затем вы всё чаще останавливаетесь и смотрите по сторонам и, в конце концов, не доев, окончательно останавливаетесь. А сколько было уверенности вначале и разве смог бы кто-нибудь вас разубедить в вашей бездонности желудка, ан, нет, всё имеет свои границы, и вы, как и все, не являетесь исключением.

Между тем надо заметить, что моя конституция тела не отличалась особенной выразительностью, как в одну, так и

в другую сторону, и в принципе я зафиксировал для себя мою потребность в пище, но опять же, я не знал, насколько времени мне хватит этого приёма пищи. Впрочем, это было не страшно, так как из остатков недоеденного я собрал для себя пакет, дабы при следующем приступе голода отразить его атаки с помощью этого запаса. Что ж, для меня это был мой первый опыт телесности, и он дал мне понять некоторые начальные понятия об этом важном процессе в жизни человека.

Какие же я мог бы сделать для себя выводы из этого моего первого опыта? Скажу честно, что процессом питания я остался доволен, что и должно было быть, когда удовлетворишь свои желания. А ведь бог создал человека таким образом, что для поддержания его жизни ему необходимо питание и пища, и тем самым, эта нужда заставляет всю его жизнь проводить в движении, никогда не останавливаясь на месте. Быть может, в этом и есть один из многих смыслов бытия человека.

Ведь, если допустим, человек получал свою жизненную энергию только от солнца, и он вдыхал бы кислород, который ко всему прочему несёт в себе божественную энергию и питает ум, да ещё плюс вода, то тогда бы человек потерял всяческую мотивацию для своего движения в жизни и он, скорее всего, ударился бы в так называемое лениугодничество. А ведь чрезмерный, определяющий ленью образ жизни, по своему внешнему влиянию на облик человека, ничем не от-

личается от пагубного влияния усердствующих на ниве переедания. И вполне вероятно, что лениугодники будут также внешне выглядеть, как и их чрево ненасытные собратья. Таков закон этой жизни. Ведь если пища ему даётся даром, то он можно сказать, ни в чём не нуждается и в результате, что же ему ещё остается делать, как только лежать и отдыхать. Но, неужели бы тогда общество замерло и сварилось в этой своей лени.

Всё-таки, наверное, нет, и бог, решив, подстраховать человека, дал ему в жизни три мотиватора. Так кроме этого ненасытного первого жизненного мотиватора, вслед, забегая часто вперёд, идёт второй, в чём-то даже более существенный, чем пищевой мотиватор – любовь, заставляющая постоянно двигаться человека, и так сказать ...«Поговори мне ещё. Так сказать», – возмутится, конечно, первый, а не какой-нибудь второй мотиватор. Ну, ладно, не так сказать ...«Да что будешь делать, он опять за своё», – ещё больше занервничает первый мотиватор. Всё, молчу, ведь вы и так уже догадались о том, что здесь человеку, чтобы достичь успеха, обязательно придётся потрудиться, и здесь то уж точно нет места для всякой лени.

Всё-таки, как грамотно Годом была разработана эта система противовесов и сдерживания, выраженная через мотивацию. Её отлаженные действия с трудом дают человеку противостоять ей, хотя он, всё же изрядно старается и при этом, ему всё чаще удается обходить её. «Но что же насчёт третье-

го мотиватора, что же он из себя представляет?», – спросите вы. «Быть может власть?», – возникнет логичный ответ власть предержавшего. Боюсь, в том числе этого власть предержавшего, но всё-таки нет, и скажу, что это скорее путь к цели и при этом, только ложный, хотя и очень сильно похожий на не ложный.

Третий же и самый главный мотиватор, не только по-моему, но и, по мнению любого разумного человека, определяется через поиск смысла, который есть путь к нему и только через него вы и можете приблизиться к нему. Так что, ищите и вы его обязательно найдёте. Только это и скажу я.

Но давайте вернёмся назад и посмотрим, что же там делается у меня за столом. Так в строго по заведённому порядку, насытивши своё брненное тело, человека охватывает состояние созерцательности. Ведь после телесного, уже своя очередь наступает для духовной ипостаси, которая и требует своего, где ваш беспокойный ум желает для себя духовной пищи.

И вот во мне стали формироваться свои философские картины видения окружающего. А ведь Год, создавая мир всё предусмотрел, и расставил везде свои определяющие флажки, закрепленные в вас через знаковые рецепторы радости. Кстати, а почему меня сразу направили на работу, а не для начала на освоение своего желудка, ведь всё же вернее было бы, в начале накормить меня, а уж потом отправлять трудиться. Наверняка, такое решение принял Год, создав

вначале труд, а затем уж результаты труда. Любит он несловесными действиями давать тебе жизненные подсказки. Денница же, пожалуй, решил бы данный вопрос в несколько другом ключе. Да и всё же не прав Денница по поводу того, что Год не идёт на диалог. Просто его общение с тобой, не подразумевает сотрясание воздуха словами, предпочитая всему этому безмолвный диалог – диалог через понимание.

Он ведь уже дал тебе в пользование своё слово и тебе не надо бесконечно к нему обращаться, просто ты должен это слово с божьим пониманием использовать. Ведь Год тебе всё уже дал и даст, если почувствует в этом твою нужду. Денница же искушает, предлагая всё и сейчас. И ты подписываясь, казалось бы получаешь всё, но вот только твоя душа не чувствует удовлетворения, она всё также и остается не насытившейся.

Так и с грехами. Не потому ли чревоугодничество поставили на первое место в списке грехов, где на примере обжорства, можно увидеть ту систему, на чём строится грех. Так начав бездумно (не прислушиваясь к своим настоящим потребностям), даже не есть, а поглощать, ты уже не можешь остановиться и уже забываешь обо всём на свете, всё не получая удовлетворения от всё нарастающего желания поглощать. Обжорство, с чем же его едят и что при этом закусывают, или всё же, на завершающем этапе оно само съедает человека? Даже и не разберешь, что из чего выходит и получается. Так откуда же оно берётся?

Ведь если у каждого есть свой предел наедаемости, то выход за эти пределы и есть пока что только переедание. Но с каждым разом перенося границы этого предела, ты тем самым увеличиваешь этот свой порог. Но тогда спрашивается, зачем это тебе нужно. Увеличить продолжительность вкусовых ощущений? И вполне вероятно, что на начальном этапе, так оно и есть. Также можно допустить, что вкусная еда затмевает твой разум, и он отказывается следовать своей прямой обязанности – разумности, вследствие чего, и происходит данный процесс, ведущий к ожирению и последующей гибели. Но вопрос здесь не так-то прост, как кажется. Наверняка, здесь имеет место совокупность факторов, из которых невоздержанность главный из них.

Но мои размышления на эту тему, есть всего лишь тень сомнений античных мудрецов. Мне же необходимо составить свой взгляд на современное видение этой проблемы. А современность, надо заметить, уже придала новый оттенок этому явлению. Хотя вернее будет сказать, не оттенок, а целое тенище. Так когда то внесённое в список семи – обжорство, хоть и осуждалось обществом, то теперь же оно служит опознавательным знаком устоев этого общества, которое теперь уже не столь категорично в клеймении этого социального явления. Плохая наследственность, низкий уровень благосостояния и т.д. и т.п., так в защиту обособленных и трудно обойдённых, выступает общество, вставая грудью за их. А ведь иногда трудно с ним не согласиться, когда видишь, чем

подбивает человека современный предприниматель. Правда, тут же понимаешь, лукавство самого этого общества потребления, разрешающего использовать этот новый едовой химический состав. Видимо, у самого общества очень плохо с наследственностью, а может Денница вновь взял их на контракт.

– А нечего! – кричит общество. – Дискриминировать эту часть общества. Никто не застрахован от этого.

– От суммы и от тюрьмы телесности не зарекайся. – Поддакивают столпы общества и, наверное, вскоре такой пункт добавят и в полис обязательного страхования. Теперь же, эта часть общества, уже заняла в ней своё весомое место, и обществу с ним приходится считаться. Да и вообще, истина из качественной категории, давно уже определяется количественным фактором. Так что, если ты нашёл достаточное количество сторонников, обладающих своим определенным пороком, то вполне можешь создать свою партию, и на основе этого свойства и бороться за своё право на право. А кто против, то для этого есть старшая сестра дискриминации, бич современности, толерантность.

Ну так вот, наверное, все слышали про правило кнута и пряника, которое стимулирует определенную группу в нужном для тебя направлении. Толерантность же, включает в себя оба этих стимулятора, так разрешение на грех служит пряником, а осуждение, как кнут для несогласных с данным обстоятельством дел. Но разве эти поклонники толерантно-

сти могут остановиться на месте, нет, неутолимая жажда поглощения гонит их вперёд и вот они уже предъявляют свои претензии на дискриминацию по половому признаку, другими словами сказать, их уже не устраивает на то божий умысел. Его право теперь не священно, а может быть, даже будет оспорено человеком. И вот Году выносится свой вердикт, не толерантен и подлежит острастке.

Что ж, надо признать, что Денница в чём-то даже был прав, когда убеждал Года пересмотреть некоторые положения о грехах, и что крайне необходимо в эту статью внести некоторые поправки. Человек же, не дожидаясь их, уже внёс в свою жизнь определяющие поправки. И грех № 1 по списку, им уже давно вычеркнут из этого списка, который тоже доживает свой последний век.

Иногда у меня возникает вопрос, а всё же, какую роль во всем этом играет Денница?

Но давайте вернёмся назад и вслед за мной уже проследуем в столовую.

Как я уже говорил, мы направились в местную столовую, дабы не только провести время, но и присовокупить к нему пользу, как для желудка, так и для общего рабочего настроения. Здесь, в столовой, мы могли воочию увидеть тот коллектив, в котором нам будет суждено вариться. Вот сказал и сразу захотел жидкого.

Что же сказать по поводу самой столовой? Да, в общем, ничего особенного: раздача в купе с убранством обеденного

зала, представляла стандартность данного вида помещений и так далее. Так что можно и не рассказывать. Что же касается времени обеда, то чтобы не создавалась толчея, оно было разделено между всеми структурами компании. Мы хоть и относились к административному корпусу, но наша обособленная структура, в виду своей специфики, позволяла себе варьировать своё время обеденного перерыва.

Утолив свой голод, поглазев по сторонам, мы с чувством выполненного долга оправились обратно к себе в кабинет.

Да, всё-таки столовая волшебное место. Заходишь сюда одним человеком и раз, через какие-то полчаса, перед вами предстает совершенно другая личность. А ведь ещё полчаса назад ты готов был сорваться по пустяку, не мог ни на чем сосредоточиться, твои инстинкты хищника начинали брать верх над остальными твоими чувствами, но вот ты направляешься в столовую, и что же происходит. Исходящее от вас добродушие и умиротворенность, изменяют вашу походку, черты лица, до этого заостренные, смягчаются, окружающий мир для вас зацвёл совсем другими красками и даже не особенно приятный вам человек, уже не вызывает у вас этих чувств. Единственный минус послеобеденного времени, это сложность перехода к работе. Но на этот раз, нам сон не грозил, в виду его заблаговременного посещения нас, и мы полные сил, готовы были приступить к нашим обязанностям, ну и чуть-чуть поспать.

Глава 5

Обязан-нести

Наставник видимо предпочитал домашнюю еду и поэтому он с нами не пошёл в столовую. Когда же мы возвратились назад, то застали его за рабочим столом, всё в том же положении, в каком мы его и оставили, правда, если верить глазам, то стоящая дымовая завеса говорила о не очень сильной его усидчивости на одном месте и курительные перерывы всё же присутствовали при этом.

– Ну что. Тяжело начинать работу после обеда? – участливо спросил он нас.

– Пожалуй, что да. – Ответил я.

– Так оставались бы без обеда. – Проявляет находчивость он.

– Ну, а так ещё сложней. – Не выражаю заинтересованности я.

– Что ж, сказать. Двойственность, присутствует во всем и в особенности наша работа подвержена ей. Ведь перед нами стоит сверхсложная задача, найти одно приемлемое решение из двух разностей, будь то приём или отказ работнику в работе, то ли аттестация работников с её двумя выходами. И за всем этим стоят судьбы людей. Хотя мы и вписываем свою судьбоносную вариацию в жизненную направленность человека. Но, как говорят, от судьбы не уйдешь, правда, это зву-

чит, как оправдание для слабых, но всё же, мы её ставленники, должны с математической точностью выносить свои вердикты. Для этого мы и прибегаем в вопросах нашей оценки новых кандидатов на вакансии, к новаторским методам, включающих в себя психологические, интеллектуальные тесты, а также различные ситуационные моделирования. Но в последнее время, всё большую популярность набирает метод интервьюирования, целью которого является оценить общие способности кандидата решать проблемы.

– Так теперь, во многих компаниях полагают, что есть связь между логикой и рассуждениями, используемыми при решении головоломок, и мыслительными процессами, необходимыми для реальной инновационной работы в условиях быстро меняющегося рынка. Стандартные приёмы на работу уходят в прошлое, и мы должны следовать этому веянию времени. Но давайте делать всё постепенно. Сейчас для вас, новичков, необходимо пройти первый этап адаптации, так называемый, подготовительный или этап профессиональной ориентации и отбора кандидатов на работу. Но мы с вами ускорим этот процесс. Чрезвычайная ситуация требует пройти этап за максимально короткие сроки. И я думаю, что мы с вами справимся. Верно, говорю? – на последних, больше утверждающих, чем вопросительных словах, он пристально осматривает нас. Психология же запрещает в данных случаях говорить нам нет, и мы, поддавшись её влиянию, полу хором, соглашательно реагируем.

Далее Наставник, для нашего ознакомления, каждому из нас раздаёт личные дела низшего звена персонала компании. А ведь изначально предполагалось, что каждый из нас будет закреплен за определённым подразделением компании, но Наставник решил, что нам для скорейшего понимания сути работы, необходимо совместное обучение, да и к тому же, мы всё-таки числились пока что стажерами. Что касается вопроса конфиденциальности личных данных, то он решался ещё при приёме на работу, за подписью принимаемого работника. Так что разглашением, как бы тут и не пахло.

Что же касается нас, то в обязанности СУПа, для того чтобы законность не разглашения чётко исполнялась, как раз и входило это знакомство, через которое и обеспечивалась вся конфиденциальность. Ведь всё-таки, кто-то же должен обладать полной информацией, чтобы уже иметь возможность контролировать её не распространение. Так или иначе, но соблюдение конфиденциальности, требует небольшого отступления от правил и по-другому, как говорят в соответствующих службах, быть не может.

Наставник, раздав нам личные дела сотрудников, сообщил, что согласно рабочему распорядку, послеобеденное время посвящено работе с документами. Так что нам никуда не надо спешить, а можно спокойно ознакомиться с коллективом компании, пока лишь только теоретически, но завтра, мы уже должны быть подготовленными к живому вливанию в него. Ну а пока я и приступил к изучению сухих цифр, за

которыми всегда кто-то стоял.

Так состав нашей компании состоял в основном из молодежи и если посмотреть фигурально, то получится своего рода возрастная пирамида. Так низшее звено, состоящее в основном из молодежи до 30 лет, если смотреть в процентном исчислении занимает около 70%, далее идёт возрастная группа от 30-40 лет, имеющая свои 20%, и дальше по порядку 40-50 с 7% и 50 и выше с 3%.

Как было приведено мною выше, менеджеры также составляют свою иерархическую пирамиду. Самая низкая и многочисленная группа состоит из менеджеров низшего звена, выше стоят середняки и на самом верху единицы высшего управленческого звена. Любопытно, но нам при ознакомлении заявляли о высоких принципах компании, и что текущее кадрам в ней отсутствует, но если взять на службу математику, то куда девается молодая поросль переступившая порог 30 лет. Ведь согласно статистики, возрастная группа свыше 30 лет, сразу же уменьшается в два раза. Видимо у них возраст как-то считается иначе, или быть может, они записывают биологический или ещё какой-то возраст, ведь вариантов для этого существует огромная масса. А может в данном случае вступает в силу основной геометрический закон мира, который определяет приземленность человечества. Ведь треугольник есть основная геометрическая фигура, определяющая, как самого человека, так и его весь внутренний и внешний мир. И надо сказать, что в нашей небесной канце-

лярии, всегда большое значение придавали теме символизма. Где каждый символ или символический знак, прежде чем получить своё одобрение на применение, проходил через жесточайшую проверку и был отточен в горячих диспутах.

Что касается геометрии, с её фигурами, то человечество получило в своё распоряжение главный символ объединения и вечности – круг, а уж в плане разделения, то тот же самый треугольник. И первый же из известнейших памятников человеческой культуры – пирамида, в общем-то, и стал символом этого разделения. Я думаю, что не надо объяснять, что пирамида в своём разрезе и показывает тот самый треугольник раздела. Что же дальше, а дальше человечество на основе этой геометрической фигуры, стало строить свой иерархический мир. Так что, иерархия, благодаря геометрии треугольника, показалась весьма привлекательной для человека и он, именно на нём и остановился в выборе своего мироустройства. А, не потому ли, данный порядок человеческого мироустройства, назван именно иерархией, означающее священный, чтобы обосновать и закрепить этот свой выбор государственного строительства. Ну, а теперь уже иерархическая система управления вошла в жизнь человека так глубоко, что уже ни у кого не вызывает вопросов, касающихся справедливости такого положения дел.

– Ну, а как же всеобщая равенность перед создателем? – спросят особо неравные.

– А причём тут творец? – ответит Денница. Ведь в прин-

ципе, условия жизни в иерархическом обществе, удовлетворяют условия равенности человека перед творцом, а то, что человек не равен человеку, так это дано ему, как испытание жизнью. Так что нечего испытывать терпение Бога и жаловаться на судьбу.

И теперь принцип иерархии можно увидеть везде – от мелких бизнес-лавчонок, до построения самой государственности. Что наглядно и демонстрируется в нашей компании. Но это лишь одно из самых существенных применений геометрии треугольника, когда как наряду с общим мироустройством существует множество своих частных.

Так в вопросах повседневности, треугольник служит своим идентификатором определяющим пол человека, где таблички, с разной пространственной повернутостью треугольника, расположенные при входе в кабинки для исполнения человеком естественных нужд, информируют посетителя о его половой принадлежности кабинки. Также ни для кого не является секретом, что любовная связь, в основном состоящая из трёх человек, носит название любовный треугольник. Во что я бы внёс небольшие добавки и назвал бы этот треугольник неравносторонним, где зачастую именно размер этих бёдер, и несёт определяющую роль в разрешении вопроса выбора. Но так или иначе, этот треугольник всегда приводит к определённому разделению.

Что ж, это только самые известные примеры применения этой геометрии, а сколько их ещё скрыто от наших любопыт-

ных глаз, даже трудно предсказать. Но так или иначе, мне пора вернуться к своим делам, чему в свою очередь поспособствует символ вечности круг, в его частной ипостаси, возврата.

Так вот, нам предстояло ознакомление с делами только работников низшего звена компании, что же касается других уровней, то они находились в компетенции только высших звеньев управления.

И вот, передо мной несколько личных дел сотрудников компании. Какое же чувство испытываю я. Ну, это скорее смесь чувств со своей волнительностью, как предчувствие неизведанного, и всё это обуревают мной. Ведь сейчас передо мной раскроются, хоть и не скрываемые, но личные тайны людей. Имею ли я право их знать? Достаточно ли я морален для этого? Конечно, согласно производственной необходимости, я обязан знакомиться с делами работников, ведь и моё дело, когда-то кем-то зачитывалось и в дальнейшем обсуждалось при приёме на работу. Но готов ли я к этому? Ответить на этот вопрос можно лишь приступив к самому делу.

Но как оказалось, не так страшен чёрт, как его малюют (но не мне ли не знать, пагубность этой поговорки, с её самообманом), но в данном случае, она вполне подходила к месту. Всё же любопытство, есть двигатель внутреннего сгорания человека, ну а внешние источники информации, в свою очередь, играют роль его зажигания. Так для работы этого ДВС, просто необходима постоянная подпитка информацией, со-

держашей в себе, желательно жареные факты.

Вот передо мной красивая девочка, менеджер по работе с клиентами, а кем же она ещё может быть. Красивая внешность, это её рабочий инструмент, где она в некотором роде, есть лицо компании и поэтому её место всегда впереди. Говорить ей не обязательно, для этого есть умницы с прыщами на лице. Улыбка до ушей, вот в чём ей нужно оттачивать мастерство. Конечно, этого может показаться маловато для крупной компании, но разве что только показаться. Ведь, как оказывается, есть и более мелкие амёбы плавающие в этом пруду. Мой ДВС получил первую порцию впечатлений, но ему для слаженной работы необходима новизна впечатлений, а банальность сведений не пробивает искру интереса.

Но вот следом идёт тот самый прыщавый тюнейджер. И слог «тю» в нём определяющий. Он, кажется, может всё и надо сказать, что вся оргтехника и программное обеспечение держится лично на нём. Этот парень просто необходим в офисе. Но дело в том, что и он сам есть продукт, выращенный на грядке современности. С малых лет приученный к технике (что б не мешался под рукой), его отдали на воспитание телевизору, ну и дальше по нарастающей. (Зато на улице всякой дряни не наберётся). Ну и не набрался, также как и жизненного опыта.

Обильно политый технологическими изысками, он неспособен к нормальному общению с противоположным полом.

Разве что только сказать в ответ «тю». Тюлень, да и всё. Но со временем природа и естество берёт своё и он втайне от всех строит свои планы насчёт дамы своего сердца – естественно той красавицы – лица компании. Правда, все его планы, к слову сказать, так и останутся у него в мечтах. Ну а красавица догадывается об этом, да что догадывается, она знает. Да и вообще, она для всех есть объект мечтаний, вот только отчего Босс, не хочет её замечать в нужном ей ключе, а ведь ей только он и нужен, ну и ещё кое-что в придачу.

Но что есть красота? Ведь если разобрать всё подетально, то так и не поймешь, что она из себя представляет. Но один признак определить всё же можно. Красота есть вещь диалоговая и никак не «моно». И для её существования всегда требуется сторонний наблюдатель, где без его внимания и понимания, красота не получит должной оценки и скорее всего увянет. Можно сказать, красота не принадлежит единолично его носителю и он должен, хоть частичкой своей красоты, но поделиться с миром. Но большая часть красоты, всё же должна быть отдана самому главному ценителю красоты. Но, кто он? И какими качествами он должен обладать. Ведь для каждой красоты есть именно свой ценитель, правда, для совершенства, их число не знает предела, но всё же, качество красоты это вещь сугубо индивидуальная, созданная для единоличной оценки. К тому же, существует такая, созданная не только для массового производства красоты, где уже для оценки индивидуальных экземпляров, суще-

ствуют свои любители эстетики.

Так же и со стороны женского пола есть своя когорта оригинально выглядящих, и поэтому не надо удивляться тому, когда видишь, казалось бы, явно, по общему мнению, неподходящие пары. И кто знает, может прыщавый наладчик и есть тот, о ком вечерами плача в подушку, думает наша красавица. Но тогда, почему бы ей не завязать с ним отношения, что всё бы решило, и ей было бы легче. Но как мы можем, ведь мы стольким связаны с внешним миром, и я останусь не понятой, а ещё хуже, не позванной в очередной клуб. И к тому же, это будет предательство по отношению к моей природной данности. Вот потом, когда я нагуляюсь, то возможно, всё и получится, но только пусть это будет несколько позже.

Фантазия одна за другой пробежали в моей голове. А ведь возможно, я стал заложником созданных стереотипов, раз так рассуждаю, и всё может быть совсем не так. С другой стороны, природа, создавая и оттачивая свои объекты рождения, разве не придала им определённый импульс для своего поведения. Говорят, когда Бог поделил Андрогина на мужчину и женщину, то каждому из них достался свой список качеств. Женщина забрала себе красоту, нежность, доброту и сердечную силу. Мужчина же довольствовался всего лишь физической силой и отвагой. И вроде говорят, что мужчина остался не совсем доволен этим остаточным выбором и требовал от Бога равноценного раздела. Но женщина убедила его оставить всё как есть, дав мужчине веру в надежду на лю-

бовь. И с тех пор мужчина всё добивается от женщины выполнения данного обещания. Так кто-то получает веру, кому-то остаётся надежда, ну а единицы счастливчиков ловят в свои сети любовь.

Моя фантазия теперь уже работала на полную катушку, вот что значит завести двигатель любопытства. Отложив первые два дела, я решил слегка промочить горло, для чего требовалось несколько монет и автомат продающий напитки. Мои коллеги, спросив меня, куда я направляюсь и, получив ответ, попросили меня прикупить и для них чего-нибудь освежающего.

– Конечно, без проблем. – Ответил я. После чего выйдя из кабинета, я направился к автомату, замеченному мною по дороге в столовую. Подойдя к нему, я потрясывая мелочью, стал разглядывать на его предложения по трате моих кровных денег. Правда не успеваю я, как следует насладиться правом выбора, как вдруг, в отражение витрины, вижу проходящую мимо очень знакомую до степени знакомости фигуру. Какая вода, я мгновенно замер, наблюдая за ней в отражение, и казалось, что она тоже обратила на меня внимание и смотрит по направлению меня. Так, вглядываясь в отражение окна витрины, я и простоял, пока она не исчезла в проходе коридора.

Не знаю почему я не обернулся, но в таких случаях часто говорят, что на меня напал какой-то столбняк. Не знаю, кто это или что, но его могучую силу я ощутил на себе в

полную меру, и, пожалуй, мало найдётся силачей, способных ему противостоять. Всё-таки хитрый тип этот столбняк, взял себе в помощь неожиданность и в тот момент, когда неожиданность тебя ошарашивает, то он спокойно приходит к тебе и, как правило, выворачивает всё, что поценнее. На этот же раз он взял в себе в подручные девушку и как только неожиданность вместе с ней меня подловили, то столбняк сделал своё нехитрое дело. Но то ли результат его не устроил, то ли цель в данном случае была иной, но он весьма неохотно от меня отступился. Я же в этот момент почувствовал зияющую пустоту в левой части своей груди, не иначе напарница поработала. Но, в конце концов, столбняк ослабил свою хватку и я, позабыв, зачем приходил сюда, отправился назад, в кабинет.

Подойдя к кабинету, я вдруг вспомнил, что мне заказывали воды, а я, как оказывается, пришёл ни с чем, и мне вновь приходится принимать решение, вернуться и купить воды. Вот я снова у автомата, где решительно бросаю монеты и опять вижу в отражении витрины её, уже идущую в обратном направлении. Да что ты будешь делать, я вновь замираю, банка воды падает в лоток и ждёт своей участи, но форсмажор оттягивает её кончину. А как ещё назвать это? Обстоятельства непреодолимой силы сковывают меня и мешают нормальному функционированию моего тела. Да, кстати, надо будет досконально изучить этот вопрос, правда, когда вернётся моя способность на сообразительность.

Сейчас же, как и в прошлый раз, я с замиранием сердца наблюдал за тем, как она проходит мимо меня. Вот, наверное, думает, застрял у автомата и не подойти. А ведь так он всю воду раскупит, водохлёб. Но это были всего лишь мои блуждающие в голове мысли. О чём же думала она, кто знает, но хотелось бы, чтобы она думала обо мне, хоть и в таком ключе. Незаметным, почему-то мне не хотелось оставаться. Ну вот, кажется, я снова в порядке и, взяв банку из лотка, направляюсь назад, к себе, и пускай банка одна, но на сегодня походы до автомата, уже всё, закончились для меня.

Мои коллеги выразили удивления по поводу не соответствия их чётности и нечётности принесенного мною, но в ответ я заметил, что последний продукт всегда нечётен, а я иначе не мог решить этот вопрос, кроме как только его обнулить. Было решено применить метод деления и уже после этого, мы впитали в себя дозу сладости, от которой, между прочим, жажда только лишь усиливается.

Перелистнув свою историю с хождениями за прохладой, я решил вернуться за рабочий стол и продолжить перелистывать уже чужие истории. Где вдруг неожиданно для себя, я интуитивно ощутил, что следующее дело будет непременно её и от этого ощущения близости к ней, мне даже стало жарко и захотелось опять пить. Правда моя жажда и так имела место, ведь банка на троих, только разжигает жажду. Но это была жажда другого свойства.

Подойдя к столу, я в нерешительности взял сверху лежа-

щее дело. Волнение охватило меня. В иное время нерешительности у меня наблюдается мозговая деятельность, и я даже могу сформировать список вопросов, за и против предполагаемого действия. Сейчас же, я не знал, что и думать. Проблески надежды. Но на что? Не знаю и ещё раз не знаю.

Сколько можно так стоять в нерешительности? Не знаю. Но терпение, решив, что достаточно, придала силу моей руке, которая и раскрыла эту папку. Откуда на меня, тут же, а по-другому и не могло быть, уставился какой-то очкастый тип, и скажу честно, с этого момента он мне сильно не понравился. Вот как иногда фортуна распоряжается судьбами людей. А ведь он-то при чём здесь, да и в конце концов, с какой такой стати в этой папке должно было оказаться её личное дело? Да и, вообще, окажется ли оно здесь вообще (что поделаться, нервы совсем замаслялись).

Придумал себе интуицию и теперь из-за этой самой надуманности страдают ни в чём неповинные люди.

– А этот человек, быть может, не жалея себя и своих сил, полночи делает отчёты для компании. И даже его зрение пошатнулось на почве столь самоотверженного труда. – Говорил во мне адвокат.

– А мне плевать! – кричала во мне горечь разочарования. И я уже готов был с ним встретиться и первыми моими словами были бы: «Снимите очки, они для продолжения нашего разговора, да и вообще, вам не понадобятся. А вот врач вам, возможно, скоро будет нужен». Далее в моём воображе-

нии разыгрывалась сцена с элементами насилия. Когда же я в своих мечтах уже подходил к окончательному, решительно-му аккорду, как вдруг голос Второго вывел меня из транса.

– Слушай, пока ты ходил, я у тебя взял одну папку для ознакомления. Вот она, возьми. – Передавая мне папку, сказал он. – Надеюсь, ты не против. – Я же ничего больше не слышу и автоматически беру из его рук папку и таким же образом, раскрываю её. Всё. Очкарик прощён! Вот теперь-то всё стало на свои места и как оказалось, интуиция не пустое место. И я даже на Второго не так сильно злюсь, и я, так уж и быть, оставлю его живым. Волны радости вытеснили из меня все негативные остатки кораблекрушений, болтавшихся на водной глади. Теперь только чистый океан омывал меня. И я был готов его покорить.

Но почему я так себя веду? Откуда у меня появились все эти чувственные перепады? Кто сумел так заострить их во мне? Или может быть, ножи впечатлительности ещё не затуплены об быт реальности. И только со временем, жизнь притупит твоё восприятие и твоя реакция на внешние события, уже не будет отличаться прежней остротой, да и вообще, может, в конце концов, решить, что пора бы даже зачехлиться. И ты, удовлетворённый настоящим и уже не стремясь никуда, сидя у себя дома в кресле вечером, попивая вино, будешь поглядывать на висячие ножны и вспоминать былую остроту жизни. Но и со временем, память притупит и эти воспоминания и ты, решив, что пора бы обновить гардероб,

уходишь за ним в мир иной.

Но сейчас ты должен использовать все свои инструменты на все сто. «Ну а как же насчёт девушки, мы так и не услышали ответа?», – зададутся вопросом самые любопытные. А ответ один, Ангелу достаточно только одного взгляда, чтобы определить источник вечности. Далее, я думаю, не надо ничего объяснять. Хорошо, соглашусь, но зачем же столько волнений, по поводу папки с её делом? Просто всем хочется заглянуть в своё будущее и увидеть судьбу. Вот оно как, а не скор ли ты на выводы? Да, ни капельки. «А собственно, кто со мной разговаривает? – спрашиваю я себя про себя.

«Да ты и отвечаешь сам себе». – Отвечаю я сам про себя.

– Так, надо немного успокоиться, а то не ровен час, такими темпами заговоришь сам себя. – Уже вскрикиваю я вслух. На что мои коллеги, недоуменно смотрят на меня и вслед за этим, одновременно спрашивают, что случилось. Внешние голоса приводят меня в равновесие, и я, шутя, говорю, что просто персона из личного дела, уже не раз мне попадалась на глаза. Первый со Вторым подходят ко мне и заглядывают в папку.

– А, это та папка, которую я у тебя брал. – Говорит Второй и, недолго думая, продолжает. – А я ведь собственно, её целенаправленно искал. – Правда, эти слова Второго, что-то совсем не вызвали во мне энтузиазма, особенно последняя его часть. Но я никак не отреагировал, а только с улыбкой продолжал его слушать.

– Видел я эту персоналию и чем-то она меня зацепила. Вроде не такая уж и красавица. Здесь и покрасивши найдутся, но всё же, что-то в ней есть. – Проговорил он. Я же не выдержал и вставил своё слово:

– Что заставляет нас, не задумавшись, идти навстречу опасности.

– Да, что-то подобное, но только мне опасности ни к чему и я как-нибудь без них постараюсь обойтись. – Заверил он меня. «Ты уже на неё нарвался», – про себя проскрежетал я, но вслух спросил. – А что так?

– Я фаталист и считаю, что на мой век хватит всякого добра. И если что, то Бог меня не оставит обделенным в чём-то. Так зачем же тогда, мне подвергать себя не нужным волнениям. – Ответил он.

– А как же слова, что человек сам творец своей судьбы? – спросил я его.

– Вот я её и творю, плывя по течению. – Не спеша, словно по течению, льются его слова. – Да и что мы, собственно, можем изменить?

– Думаю, что многое. – Ответил я.

– Да неужели. А я скажу, что даже здесь, на нашем новом месте, мало что зависит от нас. Как посчитает высшее звено, то так оно и будет. А мы так, только и можем вариться, как только среди такой же мелкой рыбёшки, как и мы. – Сказал он.

– Тебе что, глобальностей подавай? – ухмыльнулся я.

– Ну уж нет. Просто я хочу сказать, что система уже построена и ты в неё, либо вписываешься, либо тебя вычеркивают из неё. И это касается не только нашей работы. Ведь наша работа есть всего лишь отражение большого окружающего мира, в котором построена своя система взаимоотношений. И хотя подрядчик в ней является человек, но заказчик всё же не он. И человеческая независимость, так это просто одна видимость. И вся его жизнь зависит от подряда-судьбы, который ему выпишет заказчик.

– Ты меня успокоил. – Ответил я ему.

– Так и надо. И никогда не торопись. – Похлопав меня по плечу, сказал он, при этом хитро мне подмигивая. – А ты я вижу, тоже на неё глаз положил.

Я бы ему, бл*дь, ответил, но приход Наставника не дал мне полноценно ответить на его вопрос.

– Ну что, как продвигается знакомство? – спросил Наставник с порога.

– Потихоньку. – Ответил я.

– Понятно. Конечно, это всего лишь сухие факты, но они несут в себе засушенные элементы жизни каждого из занесённых в дело людей и имеют немаловажное значение для них. Попробуй, ошибись на запятую или на одну цифру, и судьба человека может кардинально поменять свою векторную направленность. – Начал анализировать Наставник.

– Хотите сказать, о фатальности действий с сухими цифрами? – спросил Второй, глядя на меня.

– Конечно. Ведь, что такое запись в его документах. Это не просто записи его гражданского состояния, они, эти записи, придают человеку существование. Они своего рода отражение его сущности, его идентификатор. Так что судьба человека частично находится и в наших руках. Ну а человеку остаётся лишь следовать своему предназначению или проще сказать, работать, согласно спущенного графика работ. – Следует ответ Наставника.

– А как же ошибки или за вами нет контроля, и вы последняя инстанция? – спросил я его.

– Отчего же, есть и повыше, за ними ещё выше и так до бесконечности. А уж там наверху, за всеми нами наблюдает высшая совесть. Такой хотел бы услышать мой ответ? – спросил Наставник. – Да вот только всё проще. А об этом я скажу чуть позже, если, конечно, захотите. А пока что, я пойду, руки помою. – Многозначительно сказал он и отправился по направлению сказанного. Мы же заново принялись за изучение документов.

Да, конечно, мысль о наивысшей инстанции, сама по себе довольно интересна, и я не раз её себе задавал там, в небесной канцелярии. И где бы ты ни был, на каких этажах мира не находился, она со временем приходит к тебе. С одной стороны, человек стремится к самостоятельности и заявляет о собственном значении в принятии решений, с другой же стороны, он, пытаясь уйти от ответственности, ссылается на эти высшие инстанции, контролирующие его поведение. Так

что же ему всё-таки нужно, право свободы с её ответственностью или же моральный контроль от безответственных поступков?

Наверное, всё же третье – свобода от ответственности, которая и манит его больше всего. «И уж это настоящая свобода», – как думает он. Да, всё же нет ничего иллюзорнее настоящего, и если к определению сущего примешивается прилагательное, то оно, скорее, его прилагает, чем определяет. Ну что ж поделать, человек свободен в праве своего выбора, за который он, как правило, не хочет нести ответственность. Опять она, эта ответственность, лезет со своими правами. Стоит заявить о праве, как ответственность тут как тут, а что поделать, раз они сиамские близнецы, куда одна, туда и другая. А разделишь, перестанут существовать. Я же решаю для себя, что раз ещё числюсь в человеческом качестве, то самое интересное, то есть знакомство с её личным делом, пока что отложу для себя на потом. Хочется отогнать все мешающие делу мысли и уже после этого, спокойно приступить к знакомству с ней. Положив на самый низ её дело, я раскрываю папку, ещё полчаса назад ненавистного мне типа в очках. Что ж сказать о нём, да, в общем-то, ничего интересного. Менеджер по работе с клиентами, внешность хоть и подкачала, но видимо ему, есть, что предложить клиенту взамен неё. Может быть, он обладает красноречием не хуже Цицерона. И если судить по его характеристике, то он во всём положителен и, наверное, свою работу заканчивает

ровно по секундной стрелке, как это показывают в индустриальных фильмах.

Ну что ж, реальное знакомство, вернее расставит все точки над ним. А ведь верно сказал Второй, офис это мини мир, со всеми теми же проблемами, только различие от большого мира, для человека выражается в его узкоспециализированном выборе способа достижения своих жизненных целей. И здесь, такие же бурлят страсти, происходят столкновения интересов, ведётся борьба за главное место перед взором начальника. И все стремятся подняться вверх по лестнице, правда кто-то при этом пользуется лифтом, а кто-то идёт пешком.

Ведь корпорация, это мини общество, живущее по тем же правилам. И каждый внутри неё занимает чётко отчерченное ему место. Ну, а недовольство своим местом, приводит к борьбе за более тёплое место в этом мире, что уже является движущим элементом существования этого мира. И чем жестче будет эта конкурентная борьба, тем более живучей будет это корпоративное общество. Но и здесь нельзя заигрывать, для чего и существуют свои определённые правила, за которые нельзя заходить. Но какими бы специфичными правилами не ограничивала корпорация свою внутреннюю жизнь, они не могут братья из ниоткуда, а всё также приходят из жизни.

Внутренняя корпоративная культура, вот тот завет, определяющий жизнь этого замкнутого общества. Система отла-

жена и работает, как часы. Своя конституция, правила и нормы поведения, и всё это под охраной государственной машины. Такое положение и Деннице и не снилось, ведь ему всё же приходится корректировать свои действия с Годом. И как говорил Денница, именно здесь скрыты максимальные залежи неопределенности, которую как раз устраивает такое её положение. Но определяться всё-таки придётся, и кто-то из них, примкнёт к Году, а кто-то станет верным адептом Денницы.

– Всё зависит от внешней составляющей рынка. – Сказал бы Наставник. Но мы-то с вами знаем, кто обо всём этом знает.

Я бегло пробежал страницы личных дел. Со временем первоначальный энтузиазм быстро испарился, монотонность всё-таки быстро сделала своё дело, открыв крышку пара, на которую давил напор энтузиазма. И я уж было решил отбросить все дела и перейти к главному своему делу, как зашёл Наставник и объявил об окончании рабочего дня. После чего он собрал все личные дела и поместил их в контейнер, для дальнейшей транспортировки их в сейф.

– Я думаю, на сегодня достаточно и не надо себя загружать работой с первого дня. И вообще, когда я впервые пришёл на эту службу, то для первого своего ознакомления, я выбрал только одно лишь личное дело и, сконцентрировавшись на одном человеке, попытался проанализировать всю его личностную жизнь. – Высказался Наставник.

– И что. Получилось? – спросил его Второй.

– Скажу так, то, что оказалось за гранью несхожести, пришлось на месте доводить до ума. Я, можно сказать, взял под свой личный контроль жизнь моего подопечного. – Ответил Наставник.

– И как же вы его выбрали? – вновь спросил Второй.

– В данном случае, нет ничего верней, чем право случая. Дал вытянуть папку одному из таких же как вы стажёров. Ну, а дальше, всё пошло и поехало, как по маслу. Кстати, я уже опять проголодался. Так что не задерживайтесь и все по домам. Завтра, в это же время, в этом же месте. – Сказал он напоследок.

– Если нам, конечно, дверь откроют. – В ответ съязвил Второй, но Наставник уже был по дороге к своему маслу.

Мне показалось, что Наставник нас отпустил пораньше, но как оказалось, время рабочего дня и само, без его соизволения, огласило об окончании этого нашего первого полного дня. Просто у Наставника было чутьё на уходящее время и связанные с ним события. Ему не нужны были часы, чтобы чётко понять, сколько время прошло и сколько его нужно, для выполнения тех или иных действий. Можно, точнее сказать, что он играл со временем, чем предположить обратную его зависимость от времени. Так Наставник, в минуты особенного приступа своей волнительности, мог, каким-то своим неведомым способом, растянуть время и тебе казалось, что оно никогда не закончится.

Но на сегодня всё и мы направились к выходу из здания. И как выяснилось, мои догадки по поводу моих коллег, полностью оправдались, и они действительно добирались на работу на личном транспорте. И если автомобиль Первого, можно было назвать просто машиной, то авто Второго, полностью заслуживало свою краткость в названии. И чем длиннее требуемый рубль за такое авто, тем быстрее её разбег до ста км/ч. Его же авто, явно укладывалась в восьмёрку секунд. Видимо, его житейская неторопливость, компенсировалась скоростным режимом на трассе. Ну а наличие такого несоответствия, должностного и авто места, вызвало во мне массу вопросов и по всей видимости, не у меня одного.

Первый подъехал ко мне с предложением подвести меня. Я же не испытывая желания с ним ехать, сослался на некие обстоятельства не позволяющие мне ехать с ним, затем выразил ему свою благодарность за его предложение и вставил то, что общественный транспорт тоже имеет свой ряд преимуществ. На что он не стал возражать, ведь это его предложение было всего лишь предлогом, чтобы заговорить со мной, где ему хотелось обозначить своё видение ситуации со Вторым.

– Видели? – спросил он меня.

– Да, неплохая тачка. – Оскорбительно по отношению к авто, заявил я.

– Вас ничего не удивляет? – спросил он.

– А что именно? – решил включить наивность я.

– Но как, такая машина и к нам на работу.

– Может быть, он взял её в кредит.

– Правдоподобнее будет звучать, что угнал.

– Пожалуй, да.

– Так, что думаете по этому поводу? – всё не унимался

Первый.

– То, что я хочу такую же.

– Но, а если серьезно. Разве вас не удивляет, что обладатель такого авто, пришёл с нами, за трапезниками, на такую мелкую должность? – спросил Первый.

– А может он, решил доказать, правда, не знаю кому, что может с самых низов начать свою успешную карьеру. – Предположил я.

– А в этом есть разумное зерно. Действительно, может наш приём на работу, для него всего лишь первая ступенька в карьере, а завтра глядишь, начальник отдела, а там всё выше и выше. – Почти поверил Первый.

– Конечно, тем более, если папа главный акционер компании. – Эти слова я сказал так, за между прочим. И к моему удивлению, Первый их воспринял, как мне показалось, очень серьезно. Изменившись до неузнаваемости, он со словами: « Да, точно», – сел себе в машину и уехал. Я же отправился на стоянку нашего маршрутного автобуса, который, к слову сказать, уже стоял в ожидании рабочей смены.

Заняв место у окна и, слегка облокотившись головой об окно, я, надев наушники, погрузился в лёгкую дремоту. От-

дых, как оказывается, нужен не только после физического труда, но и умственная работа тоже требует для себя внимания и покоя, который, как нельзя лучше способствует восстановлению ровности движения потока мыслей. Отвлечшись от всего, я и не заметил, как мы тронулись в путь. Хотя, конечно, небольшие толчки во время трогания с места я всё же ощутил на себе, но они были неким фоном для льющейся из наушников музыки. Можно сказать, что я полностью погрузился в музыку, и ничто не могло мне помешать в этот момент. И даже занявший место рядом со мной беспокойный сосед, которому всё не сидится на месте и он всё ерзает туда-сюда, и тот поначалу не вызывал во мне беспокойства. Просто я со времени посадки не открывал глаза, и настолько отвлёкся, что даже и не заметил, что кто-то сел рядом со мной. Но когда соседская неусидчивость превысила барьеры моего невнимания, я, приоткрыв глаз, решил посмотреть на этот объект моего беспокойства.

Говорят, что жизнь очень любит преподносить сюрпризы. Верность этого правила я в полной мере и ощутил сейчас на себе. Мой беспокойный сосед был тот, кто уже как два дня не давал мне понять, что такое спокойствие. И, пожалуй, благодаря ему, я никогда не узнаю, что это такое.

Да, мой сосед, а вернее соседка, была именно та молодая особа, один раз встреченная мною на остановке (чего было достаточно, чтобы не спать). Так вот, после последнего ощутимого локтевого толчка, пока ещё беспокойного соседа, я

уж было хотел для выяснения личности соседа выпрямиться и обозначить своё место на этом сидении, но как только я увидел её, то что-то во мне заставило меня остановиться, и я автоматически вжался обратно в сидение; и уже не пытался разогнуться. Теперь же моя дальнейшая поездка была полнейшим притворством. Музыка в телефоне я отключил, вытащив незаметно из гнезда шнур и теперь, всё, что интересовало меня в плане звукового оформления, исходило от рядом сидящего объекта моей слежки. Правда, как бы я не прислушивался, то из-за её, непонятно почему молчания, кроме шума автобуса ничего больше не слышал. Да и с кем ей говорить? Ни с тем ли рядом с ней притворяющимся дремой. А надо сказать, дремлет он чутко, с некоторого момента, ни один шумок и звук не уйдёт от его внимания.

– Но может пора уже проснуться и проявить себя, как раз есть и повод познакомиться. – Подбадриваю я себя.

– Блин, надо было сразу, а сейчас уже поздно и неудобно. – Парирую я себе в ответ. – Да и что я скажу? Нет, никак не могу. Может быть, потом, когда приедем? – терзающие душу мысли, так и скачут в голове. Но чем больше проходит времени от момента её обнаружения рядом с собой, тем меньше у меня уверенности в себе и, конечно же, всё больше присутствия робости. И так я еду до самой своей остановки, испытывая мучения нерешительности. И вот когда я, каким-то шестым чувством понимаю, что скоро мне выходить, я всё же не меняю позицию и всё также, прикрыв глаза, сижу

в нерешительности, и даже уже готов пропустить свою остановку, как вдруг на выручку приходит сама девушка. Слегка тронув меня за локоть, она шепотом говорит:

– Извините, что бужу, но вам, как мне кажется, сейчас выходить.

– Я же деланно открываю глаза, затем мало обращая на неё внимание, гляжу в окно и говорю. – Да, спасибо. А то чуть не проехал свою остановку.

Ну, а дальше, она выходит из автобуса, а вслед за ней, перебирая своими ногами, также выхожу на улицу и я. «Ну и что? – размышляю я про себя, глядя ей вслед».

– Говоришь, чуть не проехал. И вид, наверное, при этом сделал чрезвычайно умный. Молодец. А ведь она специально под села к тебе, чтобы обратить на себя внимание. Всё ждала от тебя ответных действий. Ведь разве зря она, так не спокойно сидела рядом с тобой? Однозначно пыталась тебя растормозить. Ну, а ты, что сделал? – в гневе обрушивается на меня моя критичность, жизненным девизом которой служит вопросительное изречение: «А что у тебя, кишка тонка?».

– А что я? – вопросом на вопрос отвечает мой адвокат.

– Да. Просто ничего. Умеешь должно себя вести лишь тогда, когда не надо. – Язвительно отвечает критичность.

– А что я мог сделать? – вновь вступает за меня мой адвокат, в свою очередь являющийся представителем другой, толстой формации организма, носящей название «не робкого десятка».

– Да ничего. Можешь идти спать дальше. – Злобно отвечает моя критичность.

– Вот и пойду. – Пугающе не сдаётся адвокат.

– Да ты, я смотрю, за словом в карман не лезешь, – Возмущается критичность и через мгновение добавляет. – Когда не надо.

– Я бы, конечно, продолжил с вами этот увлекательный диалог, но мне всё-таки надо идти. – Ставит точку в разговоре адвокат. Ну, а я тем временем, не просто стою и выслушиваю свои внутренние споры, нет, я иду за ней, для того чтобы не просто поиграть в сыщика, а узнать где она живет. Но всё равно, мне нужно остаться незамеченным, а для этого мне необходимо прибегнуть к изоощренным приёмам маскировки. Говоря изоощрённым, я имею в виду, придуманными мною на ходу, где сложность ситуации заключалась в том, что объект моего внимания (слежки), знал меня в лицо, и в связи с этим, мне, для того чтобы остаться незамеченным, требовалось слиться с окружающей людской массой, которая к этому времени уже набрала внушающие размеры. Так что час пик, тоже имеет свои скрытые преимущества. Надо просто уметь их видеть.

С другой стороны, как бы и самому не затеряться в этом бурлящем потоке. Казалось бы, вот человек отработал смену и надо бы спешить домой, но нет, он не торопится этого делать, а блуждает от одного магазина к другому. Правда, это относится к определённой категории людей, а если ещё кон-

кретней, то к женской её части. Но как можно идти напрямую, никуда не сворачивая, если путь ему преграждают различные заманчивости в виде магазинов, со своими горячими предложениями. И здесь, даже сила воли благоразумия, со своими отговорками про груз усталости, не дающий в полную силу передвигать ноги и зов сердца, кричащий о том, что тебя ждут дома, не могут ничего сделать и поторопить любительниц шопинга.

– Да я только одним глазком взгляну на секундочку. – Пытается умиловить непосредственность разумность.

– Ну ладно, только на чуть-чуть. – Соглашается она и как всегда бывает, чуть сменяется на долго, больше не буду и на опять. И так всё идёт по кругу, до бесконечности. Так что на моей стороне была ещё и эта сила женской неволи. А ведь разве человек увлеченный, хоть той же гонкой по магазинам, может что-либо замечать, кроме предмета своего увлечения.

Но у неё видимо и вправду сегодня сил было несколько меньше или может быть, что-то ещё случилось, но объект моих наблюдений, не стал долго мучить себя и меня и направился дальше вперёд. Всё же лучше было бы для меня, чтобы это вперёд, значило бы идти домой. Что, впрочем, так и было, только разве что только после посещения ей зоомагазина. Ну, а пока она была внутри, я мог спокойно понаблюдать за ней с улицы.

Так зайдя вовнутрь магазина, она сразу направилась в вольер со щенками собак. Там она, потискав и слегка посюсю-

кавши с ними, затем, подняв одного из них, видимо самого забавного, взлохматила его, потом с сожалением положила назад, и как мне показалось, вздохнув, направилась к выходу из магазина. Что ж, к этому её выходу я уже подготовился и, переместившись в сторону почтового киоска, занял там наблюдательную позицию. После чего следуя за ней и пройдя ещё квартал, мы наконец-то, прибыли к месту её жительства и надеюсь одиночного.

После же того, как она зашла в дом, я с минуту, ещё постоял, глаза на окна дома, прикидывая местонахождение её квартиры. Но как бы я не гадал, от этого результат не мог измениться, и она жила там, где жила, в независимости от моих предположений. И тогда я, оставив экстрасенсорику на потом, решил, что, мне надо как-то уж определяться и со своими насущными проблемами. Ведь и для меня день выдался полным событий, для переваривания которых требуется домашний покой, с чем я полностью согласился и решил, никуда не сворачивая, направиться прямо к себе домой.

Вот только быстро дума думается, да только не скоро дело делается. Во-первых, мой желудок, услышав слово перевариваться, заявил свои права на это действие и потребовал от меня незамедлительно освоить для начала в ближайшем ларьке хот-дог. После чего моё любопытство, с ассоциировав название собачьего перекуса с зоомагазином, для тушения своей жажды знаний, потребовала от меня зайти в этот магазин и поразузнать, что, да как. Что ж делать, мне при-

шло подчиниться этому первейшему чувству и заглянуть в магазин зоотоваров. Чтобы там не говорили, но всё-таки мне претит данная специфика направления торговли этого магазина. Год предоставил человеку весь мир в бесплатную аренду, а он уже со своей стороны, пытается устроить субаренду. Видимо человек не до конца разобрался в тонкостях этого арендного договора, от понимания которого, между тем зависит вся будущность человечества. По сути, данный арендный договор подразумевает наём человека на срок его жизни, для возделывания окружающего мира. И от результатов его труда во многом зависит состояние этого мира, который он передаст будущим поколениям арендаторов. Ну, а человек же, видимо, этот договор с Годом понял несколько иначе, и согласно этого своего понимания, чувствует себя полноправным хозяином мира и в соответствии с этим, и ведёт себя. И вот он взял на себя право торговать природой, в том числе и живыми организмами, как частью этой природы.

– Но таковы законы природы. – Скажут в основном пользователи. – И она для того и создана, чтобы пользоваться её благами. Да и естественные законы, никто не отменял.

Всё верно, да только всё-таки живой товар для меня, так и остаётся живым, да и понятие пользоваться, всё чаще подменяется, на использовать. Ведь человек во времена своего становления уже не раз эффективно использовал того же человека в качестве бесплатной рабочей силы и с помощью рабства сокращал свои повседневные расходы. Ну а в совре-

менном мире это называется диверсифицировать производство. Что сказать, мир далеко ушёл вперёд, особенно в плане этой самой диверсификации. И теперь на смену открытого рабства пришла масса новых скрытых, всё больше кредитных (а всё из-за непонятно куда спешки), инструментов для закабаления человека.

Но давайте вернёмся к зоомагазину, и что же он, чем он может порадовать любителей природы. Флора – здесь, как и обычно, была представлена различными видами растений, в основном цветов, где любители могут даже приобрести мини-пальму, что же насчёт фауны, то предложений в этом сегменте продаж были представлены более широко, чем во Флоре. Всё только зависит от вашего желания и тем. Так кому требуется домашний покой, могут приобрести аквариум с любыми рыбками на выбор, ну, а кто любит трескотню и шум, может приобрести птиц. Что же касается меня, то меня в основном интересовал вольер с собаками.

Как правило, щенки продаются на выставках или же по объявлениям, но тут видимо, сам хозяин магазина разводил собак и в придачу их продавал. Подойдя к вольеру, я обнаружил в нём трёх копошившихся щенков. Восторг и умиление охватило меня, а что ещё могут вызвать эти создания. Мои руки рефлекторно потянулись к ним, чтобы потеревить их за шею. Эти маленькие упёртые неуклюжести распределили себя в атаке на меня, где теперь, кто упирался в мою руку, кто облизывал, а третий пытался обхватить её своими лапа-

ми. Моё к ним внимание вызвало столпотворение среди этой кучки комочков. А я ведь уже давно, с того самого первого раза, как впервые увидел у Го́да этот вид живого мира, хотел завести себе собаку. Но стесненность домашних обстоятельств не позволяла мне это сделать. Ведь не зря возникло поверие, что все псы попадают в рай, которое я, в свою очередь, как прямой свидетель этого, могу подтвердить. Теперь я понимаю, почему Го́д так носится с ними.

А ведь Денница, зная любовь Го́да к этим созданиям, специально частенько перевоплощается в чёрного пса, дабы скрытно пробраться на его половину канцелярии и тем самым быть в курсе происходящих событий. Также Денница использует такой свой вид для первоначального знакомства с человеком. Обнюхав его (фигурально), он только после этого идёт на контакт с человеком.

Ну а что же я. Может быть, пока есть возможность, взять и завести себе питомца, вот этого чёрного, вперемежку с белыми пятнами барбоса. Кажется и она, когда я за ней наблюдал, его тискала тут, уж больно он забавно напорист. Ну, а как же потом, ведь собаку берут на всю жизнь и другого быть не может? Правда, некоторые сильно «смышлёные» люди, догадываются о таком собачьем приоритете и дабы в будущем попасть к Го́ду, заводят себе их, забывая при этом, что пёс всего лишь поводырь в этом мире, позволяющий лишь обойти, возникающие перед человеком препятствия. Тому же, кто бросит своего пса, в будущем грозит встретиться уже с чёр-

ным псом, Денницей.

Подумав, я решил пока не спешить и обдумать своё решение по поводу собаки. Пятнистый щенок ещё поупирался, не желая расставаться со мной, ну а я, всё же осилив в первую очередь себя, отпустил его назад. Там же он, как ни в чём не бывало, продолжил свои упирательства, только уже со своими соседями по клетке. Я же больше не задерживаясь, отправился к себе домой.

Наконец-то, добравшись до дома и, зайдя в квартиру, я сходу, не раздеваясь, сразу же завалился к себе на диван. Затем, вытянув вперёд ноги и деланно вздохнув, заявил вслух: Вот, теперь я и дома. – И действительно, только сейчас я понял, что такое свой дом. Сутки моего проживания уже внесли что-то незримое своё в это моё временное жилище. И хотя домашним очагом здесь и не пахнет, а только лишь разогретыми субпродуктами, но всё равно, моё жилище уже приобрело некую свою ауру, со своими запахами и спертостями. И даже тот, напротив, меня кусочек оторвавшихся обоев, стал в некотором роде для меня родным знаком, идентификации дома.

Вдруг мне захотелось с кем-нибудь разделить моё волнительное состояние, что подсказало мне, что понятие дома также включает в себя ещё некоторые элементы жизни. И мне почему-то захотелось, чтобы в них была включена именно она. (Ну вы поняли кто, не маленькие). Ну а всё-таки, кто же она? И не пора ли внести ясность в её определение, а то

всё она и она, как-то даже надоело. Да, всё верно, пора уже определиться. Ну, а что же сказать насчёт неё, разве что-то такое, что про таких, как она говорят – её Ангелы охраняют. Но, видимо, на этот раз канцелярия упустила её из виду и охрана не была мною замечена. И я, решив, исправить сию оплошность, отважился восполнить этот пробел и записаться в её телохранители.

Ну а овладевшая мною лёгкая мечтательность, плавно перетекла в сновидения и я, погруженный в сон, в основном с помощью финта усталости, всё-таки погрёзил, лежа на диване до утра. Проснувшись полностью отдохнувшим, я проделал все необходимые утренние манипуляции, которые к слову сказать, уже не вызвали во мне тех вчерашних сложностей. Далее же, я, в виду их незначительности, опушу все дальнейшие подробности и перенесусь ко времени моего прибытия к зданию административного корпуса нашей компании.

Глава 6

Щас-славие

Если в первое моё прибытие на будущее своё рабочее место, я не сильно обращал внимание на окружающих меня людей, – в оправдание скажу, что поиск прямого пути до своего места занимали все мои мысли, – то сегодня я, можно сказать, уже освоился и мог более внимательно рассмотреть окружающих меня людей. Если в автобусе ограниченность пространства позволяла разве что только рассмотреть соседа по месту, то по прибытию, можно было весьма существенно расширить свой кругозор. Правда, моё утро омрачило отсутствие вчерашней моей попутчицы, но затем моя утренняя движуха, уже не дала проявиться этому горечному осадку, осевшему на дне моей души.

Ну, а если театр начинается с вешалки, то знакомство с компанией лучше начинать с её авто паркинга. Именно он может больше рассказать о том, как живут и чем дышат сотрудники компании, чем что-либо другое, правда, если, конечно, в корпоративных правилах и этот пункт пока ещё не учтен. Но будем надеяться, что местные правилотписы, ещё не добрались до этого парковочного уголка личной жизни работника. Хотя и без них есть кому влиять на умы служащих компании. Ведь корпоративная культура, с её сложившейся системой отношений, коммуникаций и действий,

есть всего лишь совокупность моделей поведения, которые приобретены организацией в процессе адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, показавших свою эффективность и разделяемых большинством членов организации. Так что сосуд корпоративной культуры, есть сообщающаяся ёмкость и без влияния внешних факторов он не может обойтись.

Конечно, многие руководители стремятся к максимальной автономности организации, но из этого выходят разве что только секты. Хотя корпоративные правила и имеют что-то общее с сектантством, например, такие сходности, как бездоказательное принятие этих правил и строгое следование им всеми членами коллектива, своя принятая символика: лозунги, организационные табу, ритуалы. Отступничество же от них, карается изгнанием из этого корпоративного сообщества. А ведь все эти правила не есть установленные законом нормативные акты, а всего лишь разработанная стратегическим отделом компании рекомендации, служащие средством для повышения эффективности работы.

– Но ведь главное, что никто никого ничем не обязывает! – громогласно заявляют такие наивные руководители компаний.

– Но когда я слышу три подряд отрицания, то это всегда вызывает во мне подозрения. – В свою очередь отвечу я им.

– Не хотите, не работайте у нас. – Продолжают уверовать всё те же руководители.

– Хотел бы не хотеть, но нет выбора не хотеть. – Ставит в тупик этих всезнаек хотений мой ответ.

Да, всё-таки нет ничего более обманчивей, чем добровольно-принудительная мотивация. Ну да ладно, все живут, исходя каких-либо правил и чем же я, заслужил для себя особенное отношение. Так что и мне никуда не деваться и придётся следовать им, этим правилам.

Но что же парковка, какие сюрпризы принесла она? Что сказать, всё-таки предисловие к пьесе весьма нужная вещь, дающая возможность разобраться в действующих лицах данного представления. На мгновение и мне захотелось стать участником этого действия, влететь на парковку на белоснежном кабриолете так, чтобы резкий поворот авто вызвал бы собою, направленный поток воздуха, который в свою очередь обдав ветром, приподнял юбки стоящих рядом красавиц. На что они, даже не нахмурились бы в мою сторону, а только лишь призывно заулыбались мне в ответ. Но как вы понимаете, это были только мечты, а влетел на парковку только лишь Второй и, стоящие девушки заманчиво улыбались ему, а не мне. А может даже не ему, а только его автомобилью.

Далее можно было представить себя где-нибудь на каком-нибудь автопоказе, где как раз идёт представление новинок мирового автопрома, но только он отчего-то проходит здесь, вдали от мировых столиц автомобильного рынка. Но, тем не менее, представленный здесь автомобильный парк,

мало чем уступает всяким там выставочным показам, и даже больше скажу, что тот показательный пафос, который сопровождал выход из автомобиля каждого нового участника показа, редко случается увидеть на этих автосалонах, когда у нас же его можно было наблюдать хоть каждое утро.

– Автомобиль для того и нужен, чтобы себя показать и других на нём посмотреть! – утверждают заседатели эксклюзивных авто и, наверное, бесспорность этого правила, не требует доказательств.

Резь в моих глазах от напускной пыли стала невыносимой, и я решил, что мне уже пора идти к своему рабочему месту. «Да, воистину оно многодетно. – Подумал я про себя. – И её дети – страсть и зависть, не говоря про внука тщеславия – понт. И это только самые известные из многих их».

Сегодня каждого из нас троих, направят на свой будущий фронт борьбы или в зону своей ответственности. Стоящая перед нами на сегодня задача, легка и незамысловата. Нужно познакомиться, правда, уже вживую, с коллективом и как говорить, наладить контакт со всеми звеньями менеджмента. Где мне достался отдел по продажам западного отделения нашей компании.

Первый выход в новый коллектив всегда волнительное мероприятие и десятки устремленных на тебя глаз, не сильно придадут уверенности в твоих действиях. Кажется, что ты всё и всех видишь, но спустя время, как оказывается, ты мало что можешь с точностью вспомнить и даже не понима-

ешь, как это могло случиться, что ты столько всего упустил из виду. И уже после, зайдя в свой кабинет, ты уже спиной слышишь безмолвное перешептывание коллектива. Где женская, самая молодая и неопытная её часть, сразу же срывается с мест, дабы посетить туалетную комнату, в виду внезапного расстройства желудка, но мы-то знаем, чем вызвано это расстройство. Переполненность впечатлений и необходимость опорожнить накопленное в связи с новым событием, требует срочного совещания этой части коллектива.

Более взрослые и считающие себя более проницательными сотрудницы, продолжают, как кажется, работать, но это всего лишь видимость, и они под видом сосредоточенности, также переваривают сегодняшнее представление нового кадровика и пытаются составить обо всём этом своё оригинальное мнение, которое будет высказано в курительной комнате после обеда.

Но это будет потом, а сейчас же, Наставник представляет меня начальнику западного отделения компании. Представив меня, Наставник не стал долго задерживаться и, пожелав удачи, удалился из её кабинета. Почему её кабинета? Да всё просто, начальником была женщина, с таким многозначительным именем Любовь. Вам может показаться, что я, сразу же применяя данное имя Любовь, отступил от своего основного правила, называть людей согласно их славе. Но это не так. Ведь согласно нашей классификации, женский род уже несёт в себе свою определённую – собственную славу.

Так что их общая слава, уже конкретизируется под своими собственными именами. Хотя надо заметить, что человек не всегда согласен с данностями и приносит в мир своё видение окружающих, именуя их на свой манер и лад. Так и коллектив, трудившийся под началом Любви, в междусобойчике звал её на западный манер, мисс Любовь или просто Мисс.

Когда же мы зашли к ней в кабинет, то застали, конечно же, не врасплох, для чего не было никаких причин, так как наш предварительный стук должен был предупреждающе оградить нас от этого женского раз плоха, который к слову сказать, лучше не заставлять, иначе может вслед за ним последовать и два плоха. Просто её стать находилась за своим делом, а именно поиском чего-то нового в зеркале кабинета. Поздоровавшись и, представив нас друг другу, Наставник, как было сказано выше, сразу же удалился. Видимо все условности были уже заранее обговорены или может быть, причина заключалась ещё в чём-то другом, но мне было не до этого.

Оставшись наедине со мной, Любовь не торопится начинать разговор, и только когда уже молчание начинает угрожающе затягиваться, она наконец-то, предлагает мне сесть на стул, а сама после того, как я сел, обойдя меня сзади, направляется к находящемуся за мной шкафу. И пока она находится позади меня, в поисках очень чего-то нужного для неё, я хотел бы сказать несколько слов в её адрес.

Таких как она в молодости называют смазливými. Мне

правда трудно определить качество этой характеристики, но мне, кажется, что строгость черт красоты, с её прямыми линиями, не всегда интересна природе, и она, упражняясь в искусстве, стараясь выразить своё индивидуальное видение, небольшими мазками подкрашивает черты лица у некоторых особо выделенных ею особ. Но как часто бывает, затем за дело берётся время и вносит свои коррективы в данное произведение природы. Но куда времени со своей старческой поступью, тягаться против стежков молодости. И что поделаться и куда деваться, раз кисть оказалась в руках такого художника и теперь налёт кисти времени, разве что только может смазать или размазать картину совершенства юности. Вот и приходится самому, уже не юному созданию, с помощью современных кисточек и различных косметических средств, исправлять то, что намалевало время. Но разве она стара. Пожалуй, нет и даже скорее нет. Понятие возраста, также входит в число трудно для меня определяемых категорий и, как я думаю, не только для меня.

Ну а индустрия красоты, уже семимильными шагами движется вперёд и всё больше вносит свои корректировки во внешний вид населения. Культ, хотел сказать красоты, но скорее физического безвременья, захватил умы людей. Старость с её атрибутами, нынче не в моде или вернее, атрибуты старости не желательны, а так, багаж из пластики, плюс химия, вполне могут обеспечить тебе некоторую приглядность на время. Но всё же, какими бы ухищрениям не прибегала

столетняя молодежь, твоё подсознание обнаруживает их по признакам отсутствия в них невидимой, но осязаемой сознанием жизненной энергии. И как бы ты красив не был, но если в твоём букете красоты нет цветка молодости, то твоё дело, так и останется безнадежным.

Увядание красоты заставляет её обладательниц искать для себя другие альтернативные источники применения своих талантов, например таких, как построение своей карьеры. Кто и как к этому приходит, всё сугубо индивидуально, но для некоторых, самостремление к карьере, уже изначально заложено внутри их организма.

Что же касается моей начальницы, то, как говорят, ей было «за», но она была ещё совсем даже не против. А сколько это, я со своей стороны не решусь ответить. Между тем, она наконец-то, вроде, как бы даже нашла, что искала и вернулась на своё место за столом. Как ни странно, но как оказалось, это была пачка сигарет. Любовь, немигающе глядя на меня, зажгла сигарету и не спеша занялась поглощением сигаретного дыма. Я же уже привык, что почему-то разговор должен начинаться с этого процесса налаживания взаимопонимания. Внешняя задымленность, видимо рассеивала возможную затуманенность в предстоящей беседе. Но тогда почему, к примеру, и мне не последовать их примеру? Правда, тогда у них уже может возникнуть дым сомнений в конструктивности нашего разговора. Да уж, где сядешь, там и прикуришь.

Накурившись и, не забыв при этом, при пассивном курении меня одарить 70% поступлением в мой организм никотина, она начала свой разговор:

– Я думаю, что мне не надо тебя посвящать в те основы, на которых зиждется внутренний мир нашей компании.

– Да начало неплохое, в особенности то, что ко мне обращаются на ты. – Подумал я и ответил вслух:

– Да, посвящать я думаю, не надо.

– Ну, и хорошо. Значит, смотри. Мой основной принцип, которому я придерживаюсь в работе, это полная независимость. Я не лезу к тебе, ты не мешаешь мне. Но она достигается только в том случае, если между нами будет полное взаимопонимание... (Пауза и дополнение) По поводу методов по достижению наших общих целей. Согласен.

– Да, безусловно.

– Вот и хорошо. Теперь я тебе объясню основную нашу стратегию, используемую у нас в отделе. Я не люблю повторяться, но всё же, я её тебе напомню, хоть ты, возможно, её и слышал. Мы в своём отделе придерживаемся принципа «бейсбольной команды». У нас есть свои ключевые успешные сотрудники, которые считаются «свободными игроками». Эта категория приносит нам основную прибыль, и за них всегда ведётся активная конкуренция на рынке рабочей силы. Работников же с невысокими личностными и профессиональными показателями, мы долго не держим и быстро увольняем по нашей инициативе. Теперь же, исходя из этих

моих слов, мне хотелось бы услышать то, что я от тебя жду на твоём месте? – Любовь уж слишком сильно хочет от меня это услышать, раз так пристально уставилась на меня.

– Ну, здесь не так уж и сложно догадаться. Во-первых, для команды всегда нужны новые результативные форварды, а что насчёт вторых, так надо, чтобы они, наконец-то, поняли и первыми проявили инициативу, в плане своего увольнения. Ну, а если же до них это не дойдёт, то аттестация мне в руки. – Последовал мой ответ.

– Ты точно уловил суть проблемы. Не зря я ходатайствовала за тебя. – Сказала она.

– В каком смысле? – недоуменно спросил я.

– Хоть ваш СУП и числится отдельным подразделением, и если он даже сможет реорганизоваться в отдельное рекрутское агентство, всё же мы имеем свои рычаги влияния и на вашу кадровость. Так что тебе придётся привыкнуть к такому порядку вещей. И как бы там ваш жеребец не рвал и метал, доказывая свою обособленность, всё это миф и только сказки для новичков. Строит из себя самсеберая или как там его – сумбурая.

– Может самурая. – Вставил я.

– Да какая разница. Он не понимает, что времена поменялись, и нужно взаимодействовать, идти на контакт. Ведь в нашей компании все друг от друга зависят и от степени притирания между звеньями менеджмента, зависит эффективность нашей работы. Смекнул.

Тон сказанного ею последнего слова не позволял мне не догадаться в какую сторону я должен смекнуть.

– Да, кажется, всё понятно.

– Значит, сегодня для тебя будет день знакомств, а уж завтра, мы разработаем план нашего дальнейшего взаимопонимания. – С этими словами она встала из-за стола и, приглашая за собой, вывела меня в помещение рабочего офиса.

– Коллеги, прошу внимания! – громко произнесла Любовь, после того как похлопала в ладоши, дабы обратить на себя внимание. Но, я думаю, что и без этого шумового эффекта её выход не остался бы не замеченным для подчиненных.

– Есть объявление. И давайте не стесняться и подходите по ближе. – Заявила она. Когда же все окружили нас, она продолжила. – Наш отдел пополнился ещё одним ценным кадром, который в свою очередь будет определять ценность наших с вами кадров. Я же пока вас не прошу его любить и тем более жаловать. Тем более, этим есть кому заняться, но между тем, я надеюсь, что вы найдёте много нужного для себя при общении с ним. Что касается более тесного знакомства, то Ник с вами впоследствии свяжется и всё объяснит.

– А это ещё кто? – слышался чей-то выкрик из толпы сотрудников.

– А это ещё что за бескультурье. Кому там так интересно? Давай выходи. – Сурово заявила мисс Любовь, но так как желающие не обнаружили, продолжила. – Ну ладно, я по-

позже пообщаюсь с любопытным тихоней. Ах да, я совсем забыла сделать то, с чего надо было начать и представить вам нового кадровика. Спасибо, что напомнили. Значит, вашего нового менеджера по работе с персоналом зовут Ник. И если есть вопросы, то без должностной скромности, можете их задавать. Ну, а если их нет, то на этом всё и вы, я надеюсь, ещё не забыли ваших должностных обязанностей.

Толпа же выполнив предназначенное, согласно физическому закону сохранения толпы, также быстро поредела, как и собралась. Мисс же не задерживаясь на месте, провела меня в мой кабинет, показав мне в нём, что, где и да как. Затем она, со словами: «Удачи», оставила меня одного, для скорейшей акклиматизации в моём новом кабинете.

Что ж, кабинет, как кабинет, но приставка «мой», сразу же его наделяет могущественными свойствами и он уже не кажется просто кабинетом. Пускай он не такой большой и обстановка так себе, но для меня это совсем не важно, а важно то, что на этом маленьком пространстве, моё слово будет определяющим, хотя поправлюсь, относительно определяющим.

Померив кабинет шагами, заглянув во всё, что можно было заглянуть, щёлкнув все включатели и выключатели, я, можно сказать, застолбил своё место или другими словами, вошёл в курс дела. Для дальнейшей акклиматизации теперь требовалось более близкое знакомство с коллективом. Но на этот счёт, у меня были свои некоторые соображения. Мне

показалось, что послеобеденное время будет наиболее удачным для этого, пока же я решил сделать небольшие наброски плана моих дальнейших работ. Устроившись у монитора компьютера, я начал разбираться с существующими служебными необходимостями. Ну а прозрачность верхних перегородок, также позволяла мне заглянуть в общий зал нашего отделения, где можно было дополнить свои знания. Рабочие будни за стеклом кабинета, продолжали своё размеренное течение жизни, правда иногда, наиболее любопытные, проходя мимо моего кабинета, не могли удержаться и не понаблюдать за моими телодвижениями.

Я же решил ещё разок пролистать основы разъясняющий документ компании, так называемый справочник сотрудника. С ним нас уже знакомили на первоначальном ознакомительном этапе, но сейчас мне захотелось более внимательно с ним ознакомиться. Ведь, как правило, сложно сразу же различить в огромной предоставляемой для ознакомления массе бумаг, крупницы истинной необходимости. Открыв заглавный лист, я вновь испытал чувство, своего рода некоторого восхищения перед составителями сего труда. Всё-таки в компании не стали придерживаться принципа минимализма и подошли к данному делу с большой фантазией. Так впервые, открывающего сей труд человека, встречал девиз компании: «Кто не движется с нами вперёд, тот останется в прошлом». Что ж, кто предупрежден, тот вооружен, так что читатель уже должен быть готовым, и стремиться не заси-

живаться на месте, чтобы безвозвратно не оказаться в прошлом.

Первый раздел «Миссия», представляемый данным справочником и в прошлый раз не оставил меня равнодушным, но сейчас, в располагающей обстановке, нажал все мои внутренние рычаги, включающие память и воображение. И вот ведь какая мысль посетила меня – да наша небесная канцелярия просто обязана завести себе такой справочник сотрудника. Мне так и видится сей труд, обрамлённый ореолом священности. Можно и девиз подобрать соответствующий, естественно с одобрения на то Бога. Так, к примеру, можно предложить следующие варианты: «В будущее вместе с нами», «Всякая дорога от Бога», «Как Бог на душу положит», ну и ещё что-то в этом роде.

Что ж, давайте, пробежимся по разделам, и первый из них будет: «Миссия».

Небесная канцелярия – высшее духовное негосударственное учреждение, основной целью существования которого, является бдение за высшими небесными, а также земными ценностями, в предоставлении человеку, независимо от расы, национальности, языка и пола, на протяжении всего его жизненного цикла, всех сопутствующих этому процессу возможностей, контроль за реализацией которых возлагается на соответствующие лица, а ответственность ложится на самого человека. По истечении жизненного цикла, канцелярия подводит итог существования того или иного лица, и выносит

соответствующие решения.

Небесная канцелярия (НК) была основана Годом с незапамятных времен. Взяв на себя вездесущие обязательства, Год создал за шесть дней мир, и вследствие чего, расширил всеохватывающие сферы задействия небесной канцелярии. Теперь, не только небеса, но и весь земной мир вошёл в управленческий холдинг «НК».

В небесной канцелярии несут службу высоконравственные профессионалы своего дела. Разделение ангелов по ступеням, позволило нам поднять уровень качества работы до незыблемых высот, при этом у нас нет места какому-либо чиновничеству. Небесная канцелярия обеспечивает лучшие условия для обучения и труда своим сотрудникам. «НК» предлагает всем сотрудникам интересную, ориентированную на раскрытие своего потенциала и достижение конечного результата работу.

Надо сказать, что последний тезис, возможно, следуя анализу его поведения, часто бы упоминал в своих гневных речах Денница. Он ссылаясь на популизм предлагаемого в канцелярии и что он, поведясь на рекламу, предлагающую сотруднику раскрыть его потенциал, поверил и пошёл на поводу у Года, когда как последний, не даёт ему полностью раскрыться и постоянно его зажимает.

Принципы.

В качестве основополагающего принципа применяемого в работе НК, взято одно мудрое изречение, гласящее: «На

бога надейся, а сам не плошай».

Ценности.

Посвящая себя благим делам и руководствуясь самыми высокими моральными принципами, небесная канцелярия видит свои ценности – в бескомпромиссной справедливости, открытости, честности и веры.

Права и обязанности сотрудников.

Небесная канцелярия гарантирует полностью воздать вам по вашим заслугам и прегрешениям. И ничто не уйдёт от должного внимания её незримого ока.

Порядок трудоустройства.

Приём сотрудника на работу осуществляется на основании резюме (все жизненные поступки запишут в вашу летопись жизни), цикла собеседований (ваших обращений, с помощью молитв к богу) и рекомендаций (настоятель и батюшка, иногда могут оказать такое содействие).

Что-то подобное создано игрой моего воображения. Ну, а когда время вновь мешалось в ход событий и заявило о себе, скорее не боем, а тихим тиканьем (другие же громкие, а значит грубые звуки, не приветствовались в компании, так как могли вывести из равновесия легкоранимого сотрудника), ознаменовавшем о наступлении нового жизненного отрезка, называемым обедом, то я уже был готов к этому священному ритуалу. Не прошло и пяти минут, как ко мне зашла мисс Любовь (Пусть будет так.). Спросив для проформы, как движутся дела, она предложила мне составить ком-

панию для посещения столовой. Честно сказать, мне не особенно хотелось с кем-либо сидеть за одним столом и делить трапезу. Я можно сказать, ещё не был готов к этому, но в данном случае отказываться было нельзя и я вместе с мисс Любовь проследовал в столовую.

– Ну и как вам здесь? – почему-то уже на вы спросила меня она по дороге в столовую. Видимо «ты», распространялось только на её владения, вне их же, у мисс Любовь включался корпоративный дух, и она переходила на «вы».

– Да ничего, если не считать того, что я пока из кабинета и не выходил. – Ответил я.

– А как вам наша компания. Нравится?

– Да пока трудно сказать, ведь я ещё толком даже и не осмотрелся.

– Осматривайся скорее, а то ведь можно и опоздать. – Сказала Любовь, сопроводив эти слова пожатием моего локтя.

– А, если вы имеете в виду вашу компанию, то я постараюсь. – Деланно ответил я, стараясь не обращать внимание на её жест.

– Да за вами не угонишься. – Включилась она.

– То, торопите меня, то уже вам за мной не угнаться. Что, в принципе, дело не меняет и эти факторы взаимосвязаны между собой. И ведь даже самоопоздание, совершенно не зависит от твоей поспешности, и скорее, ты опоздаешь именно спеша, чем идя размеренно к цели. – Поумничал я.

– Из всего сказанного, я поняла лишь то, что вы, кажется,

философ. – Ответила она.

– Да нет. Просто я люблю систематизировать наблюдения.

– Любопытно будет узнать, в какую классификационную модель я попаду, в результате вашей систематизации. – Усмехнувшись, сказала мисс Любовь.

– Есть одно правило, начальство не обсуждается. – Следует мой ответ.

– Конечно, нашёл отговорку, но мне ли не знать, что как раз начальство, самая любимая тема для обсуждения.

– Я имел в виду, что начальство не обсуждается с самим начальством.

– Вот это уже ближе к сути. Ну да ладно, у нас ещё будет время пообсуждать этот вопрос. – Закончила она. Ну, а между тем наш путь подошёл к концу, и мы, наконец, оказались в столовой. При этом мы пришли одними из первых, и людей в столовой было не особенно много. Подойдя к раздаче, каждый из нас взял для себя то, что согласовывалось с его сегодняшним выбором. Правда, когда мы подошли к раздаче, Любовь, скорей всего, пожалела, что позвала меня с собой. Ведь выбор своего обеда, это всё же несколько интимный процесс. И если мне было нечего стесняться и я мог брать всё, что душа пожелает, то для женщины этот выбор представляет собою сложную внутреннюю борьбу между сытостью, с её побочными эффектами в виде дополнительного веса и лёгким голодом, как ни странно звучит – несущим в себе, так сказать, сдерживающую тяжесть нагрузки для неё.

В связи с чем, зачастую эта тяжесть перекладывается на плечи окружающих её людей в виде раздражительности. Но Любовь, по моему необъективному мнению, на этот раз была видимо в хорошем расположении духа и не стала себя ограничивать в выборе продуктов, так что её отдел, если бы это видел, то, наверное бы, вздохнул с облегчением.

После чего мы, присев у дальнего от входа окна, принялись за наш обед. Да, всё-таки обед среди бела дня, с сидящим напротив, ещё мало знакомым человеком, несколько сковывает этот процесс поглощения пищи. Так что приходится с двойным усердием подходить к этому питательному процессу.

– Да вы, я смотрю, не большой едок. – Заявила мисс Любовь, после того как переключилась с салата на второе блюдо. Я же в этот момент как раз зачерпнул ложку супа в рот и в связи с этим не мог ответить сразу, но внешний раздражитель уже был задействован и требования ко мне, заключавшиеся в ответной моей реакции, в виде ответа на вопрос, заставили меня поторопиться с процессом глотания. Но спешка во время еды, как не раз уже было замечено, приводит только к одному, а именно к новым виткам познания, которое в этот раз открыло наличие у меня второго виртуального горла. Попав в него, моя еда вызвала во мне приступ подавленности и последовавшего за ним кашля, как выхода из этого состояния подавительности.

– Да не торопитесь вы. – С улыбкой сказала мисс Лю-

бовь. Я же после злющего кашля, восстановив себя, несколько недружественно сказал, что слова под руку, всегда приводят к такому эффекту. На что Любовь заметила, что дело во-все не в этом, а просто слова слабой половины всегда отчего-то встают у мужчин поперёк горла. На что я отметил узкопрофильность видения этой проблемы и что для понимания этого вопроса необходимо учитывать все аспекты проблемы. Ведь, как правило, к такому эффекту приводит в основном величина запроса женской половины общества, или же её свойство характера идти всегда наперекор мужчине.

– А может всё-таки, всему причиной узость мышления? – ответила она. Я улыбнулся и сказал, что со стороны могут подумать, что мы тут с вами какие-то математические задачи решаем.

– Да, надо от них отдохнуть. А то у меня эта математика, тоже уже комом в горле встала. – Ответила она.

– Верно говорят, что окружающее наводит на ассоциативные мысли. – Решил провести горловую параллель я. Но мисс Любовь уже переключилась на другую тему и сказала. – Хотелось бы, чтобы было так. Но у меня и в правду везде стоят одни цифры. Вот, например, что для вас на разное находится? Скажите то-то и то. А для меня, к примеру, это не курица, а цифровой свод килокалорий. Как любят заявлять наши программисты, все мы живем в цифровом мире, с чем я соглашусь и скажу даже больше, что именно женщины первыми обнаружили этот цифровой мир. Так нам на

каждом шагу приходится окуна́ться в кружащий вокруг нас сонм цифр. Сколько стоит это, сколько стоит то, про питание и повторять не буду, а попробуй высчитать нужный баланс между сожженными килокалориями и съеденным, ведь если неправильно посчитаешь, то сальдо в начале купального сезона непременно вылезет из трусов. Так что сама жизнь заставила нас освоить эту мужскую дисциплину. Которая, к слову сказать, мне совсем не по душе. Ну, а что же вы для себя выбрали?

– Что же? – удивлённо спросил я.

– Конечно же, самое интересное, а именно высчитывание женских параметров. – Жёстко заявила мисс Любовь.

– Может быть, параметров. – По глупости попытался поправить я её.

– Да нет, я всё правильно сказала. Ведь вы любите узкую специализацию и только интересуетесь одной, определённой частью равнобедренного треугольника. Либо верх, либо низ, и здесь у вас глаз алмаз, и вы им можете без труда определить существующий размер.

– Вы меня вгоняете в краску. – Попытался перевести разговор я.

– А вы нас вгоняете в вашу параметрическую систему определения красоты. – Заявила мисс Любовь.

Я понял, что спорить в данном случае лучше не стоит и для того чтобы закончить этот разговор, решил поскорее закончить обед, иначе другого выхода для меня не было. А

ведь специфичность больной темы, в том и заключена, что её с трудом удаётся закончить собеседнику, вернее, не закончить, а приглушить её на время. Если же напор внешних обстоятельств вынуждает рассказчика замолчать, то, как только появляется возможность возобновить разговор, то он сразу же не преминет этим воспользоваться. Но есть ли возможность как то избавиться от этой болезни – наличия больных тем? Хотелось бы дать себе надежду, но, пожалуй, я сам уже заразился этим вирусом и теперь моя больная тема, это – существование больных тем и есть ли возможность их избежать? Меж тем, напористость Любви не сбавляла обороты:

– И ведь как не борись за свои права, разве можно одолеть монополистов в области красоты.

– Разве не вы владеете монополией на красоту? – в свою очередь ответил я.

– Владеть, то владеем, но определяем красоту не мы. Вы видно решили нам отомстить и придумали эти изматывающие вешательные параметры красоты.

– Интересно, почему вы все лавры отдаёте мужской части планеты? – спросил я.

– А и гадать нечего. Посмотрите, кто заведует модой, кто разрабатывает все новейшие стандарты красоты. Всё сплошь мужчины.

– Но я бы их так назвал с большой оговоркой.

– Так им и надо, видимо их за это бог и наказал. – Отрезала мисс Любовь. Я бы ей ответил, за что их бог наказал,

тем более, мне было это известно, хотя, возможно, здесь руку приложила и другая альтернатива небесности, но я не стал этого делать, ведь момент выдался вполне подходящим для закрытия этой темы и я, закончив обед, предложил пойти назад к себе в офис. Мисс же сказала, чтобы я её не дожидался, так как ей нужно прежде заглянуть по своим делам и я, последовав её совету, отправился к себе в кабинет.

Обеденное время ещё позволяло мне отдохнуть, тем более, я заметил странную закономерность. Так вместе с благодушием, ко мне приходит сонливость и надо сказать, что она довольно настойчива в своих поползновениях на себя. Ох, как оказывается, трудно с нею совладать. И пришлось даже для этого пойти в коридор, чтобы прикупить бодрящих напитков, дабы хоть как-то откупиться от неё.

После обеда, действуя согласно намеченному плану, я начал знакомство с коллективом. Лично вызывая к себе в кабинет и, вслед за этим беседуя в сотрудниками, я пытался сопоставить написанное в личном досье с реальностью. Не знаю почему, но мне захотелось прочитать собственную характеристику, составленную в кадровом отделе. Интересно, какое они составили мнение обо мне? Так и читается, деловит, коммуникабелен, дисциплинирован, принимает участие в общественных делах компании, крепкое рукопожатие вызывает доверие, отличается умом и сообразительностью – последнее, это я, к слову сказать, от себя добавил, правда, как и всю предыдущую часть. Как-то скучновато, но чем

скучней, тем лучше, ведь если характеристика будет изобилать разными интересностями, то с таким захватывающим рассказом, вас, пожалуй, ждут только, даже не знаю где.

Ну, а что бы про меня написали в небесной канцелярии. Год, верно был бы не многословен и ограничился бы одним словом – верую в него. Что касается Денницы, то тут бы многое зависело от места назначения характеристики. Если бы, к примеру, она касалась моего направления на службу к Году, для которого, к слову сказать, не нужно мнение Денницы, но всё же, то он, наверное, написал бы следующее: «Рекомендую и считаю его достойным вашего выбора. Не буду расписывать все его достоинства, которых и не перечесать. Одно скажу, лукав, аж мне под стать.

Но хватит фантазировать и пора вернуться к делу. Но вот, что интересно. Как же надо поступать, если претенденты на место окажутся равны по требуемым критериям, и чему всё-таки отдать предпочтение и какие критерии перевешивают чашу весов в твою сторону или же в данном случае, уже рассматривается другая колонка с наличием негативных характеристик. А их по сравнению с положительными качествами, всегда почему-то набирается куда больше. Что, к примеру, может предложить работник работодателю, кроме как образования, стажа, ну и, в крайнем случае, характеристики? А вот с другой стороны, причин, за что можно и отказать ему, невысказано много. У нас для этого даже создан специальный формуляр, состоящий из некоторых общих негативных кри-

териев, являющихся причиной для отказа. Вот он:

1. Плохое личное впечатление.
2. Слишком агрессивен, подавляет окружающих (всё знает).
3. Не способен ясно выразить свои мысли (плохое произношение, грамматика).
4. Не планирует свою карьеру (нет целей и намерений).
5. Мало интереса и энтузиазма (пассивный, безразличный).
6. Недостаточно уверенности и уравновешенности (нервный, легко смущается).
7. Избегает участия в деятельности.
8. Чересчур много значения придает деньгам (интересуется только тем, где предложат больше).
9. Плохие успехи в обучении (получал только переходной балл).
10. Не хочет начинать с нижней ступени (ожидает слишком много и слишком быстро).
11. Извиняется (заглаживает неблагоприятные факты в прошлом).
12. Недостаточно тактичен.
13. Недостаточно зрел.
14. Недостаточно воспитан (дурные манеры).
15. Недостаточное социальное понимание.
16. Есть приметы неприязни к обучению.
17. Избегает смотреть в глаза интервьюеру.

18. Вялое рукопожатие.

19. Нерешителен.

В принципе и первого пункта вполне достаточно для твоего решения, остальные уже так, всего лишь его подпункты. А ведь у меня, принимающей стороны, может быть плохое настроение и тогда как быть, ведь для меня в этот день любой человек будет неприятен. И что же делать, ждать, когда мой настрой улучшится или всё-таки смирится с неизбежным. Ну да ладно, оставим этот пункт. Ну, а как насчёт применения слова «недостаточен» и вообще, основной приставки «не». Видимо, чтобы решить этот вопрос, надо быть самому достаточным. В общем, я есмь мера всему и всех соискателей места в нашей компании.

По образу и подобию меня идёт приём на работу. Блин, прямо как в небесной канцелярии у Бога. Что ж, придётся соответствовать означенному месту. Но, если я мера всему, тогда почему я должен примериваться под место? Нет уж, пускай оно принимает мою соразмерность. А вот это уже, кажется, словами Денницы отдаёт. Но как мне быть, на что опереться в своих решениях? И на столько ли я достаточно свободен, чтобы их принимать? Как определить ту правильную формулу, позволяющую найти одно единственное правильное решение, или может быть, сама постановка вопроса: «Единственное правильное?», уже несёт в себе ошибку.

Или всё-таки свобода выбора, при принятии своих решений и есть главное человеческое испытание в этом мире. И в

зависимости от этого и определяется сам человек. Ведь для того чтобы увидеть себя внешне, ему нужно зеркало, а для того чтобы увидеть себя внутренне, ему нужен другой человек. Через другого человека, только и способен познать себя человек, и иного быть не может. Мне же предстояла задача куда более сложная, чем просто познать человека, я должен был взять на себя функции судьи, а именно рассмотреть личное дело сотрудника, принять во внимание все его положительные качества и характеристики с места работы, учесть его заслуги в компании, принять к сведению рекомендации от вышестоящего начальства, затем обсудить вопрос о перспективности его дальнейшего пребывания в компании и уже после тщательного взвешивания всех за и против, вынести ему свой вердикт. Который, к слову сказать, практически безапелляционен.

В принципе, кроме перечня негативных критериев, в компании была разработана модель компетенций – набор компетенций, необходимых для успешного выполнения данной работы в данной организации. Модель компетенций, может включать в себя самые различные знания, умения, навыки и индивидуально-личностные характеристики. Основное требование, которое к ним предъявляется – они должны быть описаны в форме индикаторов поведения.

Смогу ли я вынести на себе такой груз ответственности, не знаю. Одно только меня смущает, почему всегда эта ответственность, такая тяжелая на подъём, вот понимаю пра-

во, на котором основывается ответственность, совсем другое дело. Оно быстро и легко на подъём и при всяком случае, заявляет о себе во всеуслышание. Видимо, из-за этих их весовых качеств и выходит такая коллизия, что о праве легко заявить, но трудно его заиметь, а ответственность же никому не хочется нести и поэтому она всегда под рукой.

Но тут я открыл для себя (прямо как в рекламе) вложенную в стопку документов брошюру, с весьма интригующим заголовком «Совестливые советы для HR-менеджера», которая начиналась с заглавного вопроса: Вас ещё волнует этическая сторона вопроса, тогда эта книга для вас! – Впрочем, все подобные брошюры или же книги-рекомендации, наподобие, как стать богатым и успешным, а также все агрессивные рекламные сюжеты, всегда применяют в своих сюжетах такой слоган. Пролистав страницы брошюры, я, как и ожидал, мало чего нашёл в ней для себя. Кроме общих рекомендаций, в них мало что подходило для практического использования. Правда, меня заинтересовал один раздел, в котором расписывался процесс внедрения автоматизированной системы в HR службу. Конечно, автоматизация процессов производства ведёт к увеличению эффективности производства и кадровая служба, не должна стоять в стороне. Так и в HR-службе, автоматизировали следующие процессы:

Базовые функции HR

Аналитика и отчеты

Социальное взаимодействие

Управление знаниями

Управление талантами

Что ж, автоматизация вещь по себе неплохая, вот только мне кажется, что она не во всех областях применима. Мне так и видится желание несущих ответственность людей, переложить эту свою ответственность на безмолвную технику, которая не знает, ни жалости, ни угрызений совести. А ведь просматриваемая мною брошюра, в принципе отвечает на главный, так волнующий меня вопрос, если ты мучаешься сомнениями, то отдай всё на откуп машине, и она не зная жалости, решит всё за тебя. Но пока ещё это авто новшество, не больно сильно пользуется у нас популярностью и, по моему мнению, в вопросах оценки человеческих качеств, машина совсем неподобающий инструмент.

Но что же с моими сотрудниками? Как же пойдёт процесс знакомства? Вооружившись теорией Ломброзо, я попытаюсь составить собственное представление о них. Но почему именно Ломброзо, ведь он всего лишь составлял психологические типы преступников. А у нас здесь, вроде бы как не совсем закрытое исправительное учреждение. Да может быть и так, а может быть, и нет. Вот интересно, почему же возникают подобные исследования, а в противоположность им, как бы ничего и не слышно? Да, конечно, есть исследования в области психологии человека, там какие-нибудь определения типов человеческого характера. Но это так, между прочим, когда человеку по большому счёту, мало интерес-

на, так называемая положительная его естественность, которая присутствует в каждом индивидууме. А вот, что касается страстей, вызываемых различными побудительными мотивами индивидуума, то эта тема весьма интересна человеку. И надо сказать, что как раз страсти и не проходят бесследно, душевные рубцы на сердце, плюс налёт переживаний на лице, всё есть результат действий этой человеческой страсти. Внутренние движения души материализуются через физическую деформацию личности человека, что и формирует определённый тип, не скажу преступника, а просто сильно увлечённого страстями человека.

А что на счёт закрытого или там незакрытого учреждения, то ведь всё относительно и они отличаются друг от друга только степенью ограничений. Да и страсти в основном бушуют в самом наизакрытейшем учреждении, а именно в человеке, правда, они часто вырываются наружу, обрушиваясь внутри уже другого менее закрытого учреждения, как семья. Следующим идёт другой ограничитель, и так по нарастающей, вплоть до мирового ограничения. Так что, куда бы человека не помещали, то пока он сам в себе не потушит огонь страстей, то их никто за него это не сделает.

Опять же, человек не есть чистая доска, разве что только с рождения, и ему свойственны свои характерные ему побудительные мотивы. А вот что заставляет их двигаться, какие качественные характеристики преобладают у наших сотрудников, и предстоит мне раскрыть по мере общения с ни-

ми. А если считать, что компания их уже приняла на работу и посчитала, что на данный промежуток времени, соответствующие сотрудники её устраивают, то мне лишь следовало узнать, какие качества сотрудника считались для компании уместными, а что в них не устраивало работодателя. Хотя всегда существовал и третий вариант – дозация пропорциональности присутствия негатива и его роли в повышении эффективности в деле достижения итогового результата. С другой стороны, мне была не ясна степень допуска отхождений от правил сотрудником, при достижении определённых целей идущих на пользу компании. Или всё же, эффективность работы компании, не допускает ограничительных запретов в том, что касается этой сферы её деятельности. Тогда труд Ломброзо, как раз тот самый учебник, который и нужен компании для определения характеристик своих сотрудников.

Но я, наверное, сгущаю краски и на их месте, уж совсем представляю себе индустриальных акул, а ведь всё может быть совершенно иначе и наша компания вполне успешно борется за право называться лучшим работодателем года. А если есть некоторые перегибы, то ответ на это прост, а где их нет, жизнь ведь не прямая дорога и в ней тоже есть свои ямы и окольности. Ну, а что касается аттестации, то она для того и была призвана, чтобы поддерживать в тонусе сотрудников, не давая им застояться на месте. Ну, а кто решил стоять на месте и не развиваться, то тому грозит не место у нас, со

всеми соответствующими последствиями. Для этого мы заранее и готовим стратегический резерв на замену безнадежно отставших.

Глава 7

Знакомство

Первый с кем я начал своё знакомство, была красавица Маша, с чьим личным делом мне уже ранее, в первую очередь и пришлось познакомиться. На основании предварительных данных, ожидая увидеть перед собой придуманный мною образ, я приготовился к соответствующей своей реакции на него.

И вот она зашла, далее мы мило побеседовали и надо сказать, что те мои, заочные предположения на её счёт, по крайней мере, на этот раз не оправдались, чему я был несказанно рад. Как оказалась, Маша не только красива, но и довольно рассудительна. Свою работу в компании она совмещает с учебой на заочном факультете университета и работа для неё, всего лишь определенный жизненный этап в её жизни, который, к слову сказать, позволяет ей оплачивать недешёвую стоимость обучения.

Как все мы знаем – не соответствие ожидаемого с полученным, вызывает чувство разочарования, как же тогда назвать то возникшее чувство, когда увиденное в несоответствии с ожидаемым, превосходит его в лучшей степени. Точно не знаю, но одно скажу, Маша точно умеет очаровывать. Впоследствии я узнал, что её в коллективе, за глаза, да и не только, зовут наша Маша. Выходя из кабинета, Маша меня

спросила, что раз она идёт в офис, то может быть мне нужно её содействие в чём-то. Я сказал, что в принципе ничего не надо, разве что только позвать ко мне офисного компьютерщика. Маша мило улыбнулась и, сказав: «Сейчас мигом», – улетучилась куда-то вдаль.

Сидя так, с не сходящей улыбкой на лице и, глядя на дверь, я пришёл в себя только от стука в дверь.

– Да-да, – ответил на него я.

– Можно, – входя в дверь, спросил молодой человек.

– А, так вот кто это, – увидев входящего, сказал про себя я. – Проходите, садитесь, – сказал я ему, предложив кресло. Пока же он усаживался на предложенное место, я внимательно за ним наблюдал. – На счёт же него, я, наверное, не ошибся, и он по уши влюблен в Машу. Да в неё и невозможно и не влюбиться. Да, всё-таки не завидую я ему. И, пожалуй, что у него нет шансов с Машей, – так размышляя, сидел я.

Что сказать, компьютерщики уже стали особой человеческой кастой, со своими внешними отличительными свойствами и такими же внутренними заморочками. Если отличительность человека определяется с помощью его идентификации, то к компьютерщику, скорее всего, подходит слово аутизмификация.

Здесь же, всё оказалось стандартно и мне не пришлось с ним долго беседовать, чтобы его понять. Он был весь на виду, со своим, так сказать, существованием в самом в себе. Ну что ж, пока он сам не решит выбраться из своей скорлупы

замкнутости, то будет весьма трудно в этом ему помочь. Завершив и с ним следственные действия, я в порядке предложенном мне судьбой, так перетасовавшей колоду дел, вслед за этим цифровым гением пригласил к себе того недалеко-видного молодого человека, как-то раз уже чуть не ставшим мне виртуальной помехой.

Несоответствие внешнего вида и его подачи себя, поначалу ввело меня в крайнее недоумение. Так для меня носитель очков всегда ассоциировался с какой-то прилежностью, ну, а если к этому добавлялись кудрявые волосы, то он категорически заносился в категорию умников с биологическим наклоном. И я определённо ожидал от данного субъекта, в соответствии с его видом и должного поведения, но его первое развязное: «Здрасьте», – как-то даже покорило меня. Но может это всего лишь несоответствие голоса и внешности? Да нет, интонация его выговора говорила совсем об ином. Серж, как звали вошедшего, был так называемый «свободный игрок», показывавший весьма неплохие успехи в продажах и считавшимся руководством ценным сотрудником, в связи с чем, он и имел определённые привилегии. Сам Серж знал, что за него рынке труда ведётся активная борьба между работодателями и в соответствии со своими представлениями о своей исключительности и вёл себя. Так что свой визит ко мне, он считал так, только для галочки.

– Да, проходите, – ответил я ему.

– Да, конечно, пройду и сяду, – подойдя к стулу, отвечает

он, затем садится, запрокидывая одну свою ногу на другую так, что его лодыжка оказывается на колене, после чего он берёт эту лодыжку руками и притягивает её к себе, и уже в такой позе предстает передо мной.

– Что ж, я вызвал вас всего лишь для краткого личного знакомства. Ну, хотя бы для того, чтобы вы здороваясь в коридоре, не спрашивали себя, кто это сейчас с вами поздоровался. – Сказал я.

– Да, вполне разумно, – согласился он.

– Я не буду скрывать от вас, что мне неизвестно какое привилегированное место вы занимаете в компании. Мне это незачем. – Заявил я.

– Хочу заметить, что так вами называемое привилегированное место, я получил не просто так, а благодаря моей эффективной работе, которая приносит немалые прибыли компании. – Ответил он.

– Никто это и не оспаривает, – поспешил заверить я его.

– Но я вижу, вам, как и многим другим, не нравятся успешные люди, – несколько оскорблено проговорил Серж.

– Но это всего лишь ваши домыслы. Ведь моя работа и состоит в том, чтобы находить таких успешных людей как вы. Так что вы заблуждаетесь в своих обвинениях.

– Ну тогда, вы должны быть на моей стороне и всячески мне содействовать. – Заявил Серж.

– Конечно же. А что, есть проблемы? – спросил я его.

– Ну, вы же знаете, конкуренция, злопыхатели, каждый

старается подставить тебя. – Увлажнился Серж.

– Да, путь наверх не прост. – Выразил согласие я.

– Да и я говорю о том же. Все думают, что всё так просто. А ведь мне постоянно приходится переступить через себя, постоянно изворачиваться и юлить. – Пожаловался Серж.

– И ставить подножки, – не удержался я. Серж же, внимательно посмотрел на меня и ответил. – Да и подножки ставить в том числе.

– И что, правда говорят, что вы можете практически всё продать? – спросил я его.

– Скажу без ложной скромности. Да, водится за мной такой грех.

– Может быть, продемонстрируете? – Не унимался я. Серж опустил ноги на пол, зачем-то повертел головой, и как бы нехотя спросил:

– И как вы это представляете?

– Да как в кино сотни раз показывали. Я вам просто предложу нечто и вы попытаетесь мне это нечто продать. Идёт? – заявил я.

– Ну, давайте, попробуем, – заинтересованно ответил он.

– Ну, вот. Я хочу, чтобы вы мне продали занимаемую вами в нашей компании должность. – Предложил я.

– Как это? – удивился Серж.

– Ну вот, вы ведь, наверное, слышали, что покупают должности депутатов и других – татов, значит покупатель видит для себя в них какой то ништяк. Ведь, как правило, если у

кандидата на место не хватает мозгов и связанных с ними способностей, то он и прибегает к данному методу обладания места. Вот и у нас в компанию принимают человека, согласно набора определённых качеств. А если этих качеств нет, а очень хочется, то, что же делать. Так вот и расскажите, чем же привлекательно то место, которое занимаете вы. Разрекламируйте мне его. А то может и мне стоит оставить своё и попробовать подвинуть вас. – Выдал целый рассказ я.

– Вы, надеюсь, шутите? – несколько озабоченно спросил Серж.

– Так вы мне ещё ничего не предложили, а уже пытаетесь набить цену. – Усмехнулся я. – Это, наверное, у вас такой ход для заманки покупателя. Что ж, скажу, вы меня заинтриговали. И что же такого в вашем месте, что вы так за него держитесь? – спросил я Сержа.

– Да ничего я не набиваю цену. Да и ничего особенного в нём нет. Бонусы, да и свободный график посещения, да и то при уведомлении. Вот и всё. – Обидчиво проговорил Серж.

– Нет, вы определённо что-то от меня утаиваете. Раз вы относитесь к привилегированному классу, то значит должно быть ещё что-то. – Не сдавался я, продолжая мучить Сержа.

– Да нет ничего больше. Я всё сказал. – Уже полностью растерявшись, отчаянно оправдывался Серж.

– Опять ничего. Как-то даже странно. Ну, хорошо, пусть будет так. Вижу, сегодня у вас продажи не очень-то идут. – Разочарованно сказал я и, поднявшись с места, дал понять

оппоненту, что аудиенция закончена. И уже на пороге закрывая дверь за Сержем, я сказал ему:

– Всё-таки разберитесь со своим ничего, и к кому себя следует отнести.

После него, я, проведя ознакомительную беседу с ещё одной парой сотрудников, в связи с приходом ко мне Наставника, был вынужден на этом закончить данный этап моей взаимной акклиматизации в компании. Сделав некоторые плановые сверки, он пожелал мне удачного дня и отправился дальше по делам. Я же после того как немного прошёлся до нашей хозяйственной комнаты, тем самым попробовал развеять себя. Затем, обойдя офис вдоль и поперёк, вернулся к себе, где и принялся за прежнюю работу. Можно сказать, что я нащупал свой ритм рабочего дня, хотя, как я его мог не определить, если сам его задавал.

Вот стук в дверь, заходит сотрудник, краткое знакомство, небольшая беседа, далее мы прощаемся, я делаю для себя небольшие пометки в тетрадь, ставлю себе плюс или минус уже в виртуальном дневнике оценки своей интуиции, ну и так дальше по кругу.

Ах, да, чуть не забыл самое главное. Так получив утром на руки все дела сотрудников нашего отдела, я в первую очередь пролистал её дело. К моему сожалению и к вящему удовольствию моего душевного критика, её сегодня и в ближайшие три дня не будет на работе, в связи с её какими-то семейными обстоятельствами.

– А я же говорил, что промедление, ни к чему хорошему не приведёт. – Сразу же отметилась критичность во мне.

– Ну ты же знаешь мой характер. – Ответил мой адвокат. – Знаю, не знаю, но пора уже начинать набираться храбрости. – Продолжила назидать критичность.

– Но ведь это не в прямом смысле храбрость. Этим словом даже сложно сформулировать это человеческое умение, знакомиться с противоположным полом. – Как всегда умело возразил адвокат.

– Да, наверное, это так, здесь храбрость, как и бесстрашие, не совсем к месту применимо. Ведь храбрость нужна при борьбе, как правило, с открытой угрозой. Противоположный же пол, это несколько иная субстанция, которая несёт в себе весь перечень открытых и скрытых угроз. Так что, кроме храбрости тебе нужен целый набор боевых качеств, с помощью которых, ты бы смог взять противника голыми руками. – Неожиданно согласилась критичность.

–И что же делать? – спросил мой адвокат.

– Теперь же я соглашусь на не спешку. Ведь в этом деле, для его успешности, нужно прибегнуть к целому арсеналу действий и даже нужно будет разработать свой стратегический план. При этом, много будет значить выбранная тобою тактика ведения наступления на её тылы. Ведь тактичность твоего поведения, может быть всего лишь только частью твоей тактики, не всегда приводящей к успеху. Тут надо задействовать все возможности для благополучного развития со-

бытий. Не стоит пренебрегать и техническими средствами, как экипировкой от видных брендов, типа Армани, так и маскировочными методами, в виде напускну́й таинственности или же применения завесы секретности и заумности, в виде туманностных рассуждений. В другой же раз, наоборот, прямота является тем решающим фактором, позволяющим добиться успеха. Так же немалую роль играет выбор диспозиционного места для атаки. Так отвлекающий манёвр в месте массового скопления отдыхающих, позволяет оказать расслабляющее действие на оппонента и с помощью химического состава напитков, подвести окончательную черту под твоими усилиями. Иногда, после длительной осады, с помощью вежливого обхождения, фланговая атака нахрапом, может привести к неожиданному для тебя успеху. Так что немаловажное значение для успеха операции, придаётся должной разведке, возможно и боем противника. Поэтому, первоочередной моей задачей будет, проведение разведывательного характера мероприятий, и в зависимости от их результата, выработать стратегический план по обезоруживанию противника, с дальнейшим его пленением. – Наконец-то закончила, как оказывается, немало смыслящая в стратегии, моя критичность.

Тем временем рабочий день приблизился к своему логическому концу. Попрощавшись со всеми и с мисс Любовь, я направился к автобусной остановке. Меня, проходящего мимо парковки, нагнал Второй (пора бы ему, как-то уже обо-

значиться, а то цифры совсем поднадоели). Перекинувшись обыденными фразами про первый самостоятельный рабочий выход, он подошёл к сути своего подхода ко мне. Дескать, для того чтобы закрепить этот наш первый рабочий выход и, дабы поближе познакомится друг с другом, тем более рабочая неделя закончилась, а завтра выходной, то в связи с этим он предлагает сегодня вечером отметить всё это дело. Я выразил своё согласие. Он ответил: «Само собой». И мы, обменявшись телефонами, договорились быть на связи.

После чего он умчался на своем авто, я же, следуя наметившейся традиции, уткнулся в окно автобуса, где мысленно и возвратился во вчерашний день. Но он, как требовало мироздание, не вернулся, и рядом со мной села вовсе не она, а нещадно для кресла погрузился в него один любитель холестерина, который в свою очередь, всей своей массой дал мне почувствовать тесноту этого мира. Но, как бы то ни было, я смог преодолеть стойкий запах жареного чебурека, поглощенного соседом и доехать до своей остановки. Казалось, что для меня на сегодня, ну, по крайней мере, до вечерней встречи, на этом событийность дня закончилась, но это оказалось совсем не так.

Так подходя к своему дому, я услышал, что вроде кто-то окрикнул меня. Видимо это был не первый окрик, раз он так, с большим ударением прозвучал. – Алекс! – прокричал незнакомец, обращаясь ко мне со спины. Поначалу я и не понял, что этот окрик был обращен ко мне, ведь я зареги-

стрирован в этом мире совсем под другим именем. Да и мало ли кто там кого зовёт, но когда звуковая волна направления голоса, уже не давала возможности ошибиться в её целях, то только тогда я обернулся на него. К тому же быстро приближающийся шаг требовал от меня такой рефлексивной реакции.

– Алекс, ты ли это? – подойдя ко мне вплотную, разглядывая меня, спросил незнакомец.

– Нет, вы ошиблись. Я не он. – Ответил я ему.

– А ведь так похож, что сзади и не различишь. – Уже слегка сникнув, сказал он.

– Ну, ничего, бывает. – Я заканчиваю разговор и начинаю свои возвратные движения.

– Очень жаль. – Всё также уныло говорит он, продолжая стоять и смотреть в мою сторону.

И вроде бы ничего особенного не произошло, ведь всякое бывает в жизни, обознался человек, вот и всё. Но на меня этот случай, отчего-то оказал какое-то гнетущее действие. Ведь моё настоящее имя и есть Алекс. Может он и вправду обознался, но тогда ему дважды не повезло, найдя Алекса, он одновременно нашёл и не нашёл его. Напоминание моего имени, вызвали во мне воспоминания о моей небесной жизни. Как оказалось, человеку присуще такое ностальгическое поведение. Наверное, это связано с тем, что его век на этом свете не долгов и его память хватается запомнить все лучшие события его жизни. Для худших же событий, служит другой рефлекторный отдел.

Нам же Ангелам, существующим в вечности, нет надобности в этих мимолетностях, так что нам не свойственна ностальгическая чувствительность, мы в своём роде стоим на рациональных началах. Но ангельское существование это одно, а человеческая жизнь это совсем другое и я, находясь здесь, постепенно прихожу к человеческому пониманию всей окружающей меня сущности вещей. И ностальгия, как одно из них, несёт в себе некий символ утраты, корнями уходящий к первой человеческой потере, его рая. И может для того, чтобы человечество несло в себе память об этой потере, Год и наделил человека этим чувством ностальгии.

Но не это было основной причиной того, что вызвало у меня сильное беспокойство, меня интересовал совсем другой вопрос. И всё-таки, почему он назвал именно это имя? Ведь ошибиться можно было и, назвав другое имя, а тут он, обознавшись, как бы и не обознался. И ведь вероятность ошибки этого так ничтожна мала, что не обращать на это внимание, было решительно невозможно. Так что надо будет осмыслить этот момент.

Но у меня не было особенно много времени, чтобы придаваться ностальгии и другим размышлениям, ведь мне нужно было готовиться к вечерней встрече. Правда, как готовиться, я особо не знал. И я, решил, что всё же, наверное, надо следовать тем же принципам, каким я следовал, когда собирался в первый раз на работу. На чём, в общем, и остановился. Главное здесь ведь, аккуратность, а остальное, как говорить-

ся, приложится.

Не прошло и полчаса, как звонок от Второго, сообщил мне координаты нашей сегодняшней встречи. Обмозговав сам с собой, он решил отметить нашу совместную работу там, где это всегда и делается, а именно в клубе. Хотя мне кажется, что он слукавил по этому поводу и клуб совсем не место для подобных мероприятий. Но уже было поздно что-либо менять, тем более стороне приглашенной. И я, в назначенное время прибыл по заявленному адресу.

Глава 8

ВремяУпущение

Если ты не был в клубе, то ты ничего не знаешь о жизни современного поколения. Клуб соединил в себе все начала и концы досугового время проведения молодежи, для многих же степеней не молодости, он даже стал своего рода вторым домом, олицетворяющим его жизнь. Тогда как работа для многих превратилась в своего рода клуб по интересам. И если бы не было клубов, то куда бы ещё можно было приклонить голову небедному мажору, с его безумной жадной общению. В свою очередь для миноров существуют более зашарканные заведения, правда, с не менее пафосными клубными названиями.

Но клуб, это не какое-то новое слово в индустрии досуга. Ещё издревле люди стремились создать некие общества по интересам, которые впоследствии и получили название клуба. Так клуб из прошлого, это место для встречи единомышленников, где всё это было подкреплено зафиксированными цензовыми ценностями, без наличия которых, ты не допускался под своды этого места. Но мир не стоит на месте и сейчас клуб созданный, как место для общения, играет ту же роль, что и в прошлом, но только по иным правилам игры. Теперь же вместо цензового пропуска используется своего рода дресс-код.

И если клубы из прошлого, характеризовались обществом с его размеренными беседами на актуальные жизненные темы, то сегодня от прежней размеренности не осталось и следа. Её место в наш век скоростного перепрыгивания с места на место, с его быстротечностью и скоропортящимся продуктами, без особого труда заняла человеческая неудержимость стремлений к движениям. Человек-непоседа, теперь здесь правит балом. Видимо страх застояться и толкает человека в безудержный пляс, и он пляшет столько, сколько может.

Посещение же клуба кардинально решает ещё одну немаловажную для нынешнего времени проблему, как застой отношений. Уж здесь-то им уж это точно не грозит застой. На место вербальному общению, со своими нецензурными вкраплениями, пришло невербальное. Человек далеко ушёл вперед по сравнению со своими предками, теперь ему уже не нужны слова для лучшего понимания друг друга, их ему заменяет жестикуляция, тем более слов, из-за чрезмерной музыкальной долбежки, как таковых в клубе и не услышать.

Танец, являясь связующим звеном между людьми, способствует их межличностному общению, и только через танец, да ещё с помощью дополнительно тониизирующих напитков, удаётся найти нужные точки соприкосновения между ними, в результате чего и получается выйти на новый уровень отношений. Танцевальный контакт, хоть и скоротечен, но выплеск с помощью него застоявшейся энергии, приводит

к поразительным результатам, которые, что характерно, не удаётся достичь, будучи обездвиженным. Ведь любой танец содержит в себе определённую тактовую частоту и, двигаясь в один такт с окружающими, вы, как бы находитесь на одной частотной волне со всеми. И именно определение этой общей частоты и способствует так нужному взаимопониманию между людьми. И здесь музыка как раз и является тем внешним источником, который задаёт тон двигательному танцевальному процессу. И если тебя цепляет она, то ты встраиваешься в общую атмосферу праздника и со временем уже начинаешь действовать в унисон со всеми. А ведь нет ничего легче, чем войти в контакт с единомышленниками, хоть и ставшими ими на время танца.

Клуб, в который пригласил меня Макс, пожалуй, пришло время хоть и авансом, так его назвать (не клуб), предъявляя повышенные требования к своим посетителям, как в плане содержимого кошелька, так и проистекающих следствий из этого. Временная банкнотная наполненность владельца кошелька, не могла скрыться от пронизательного взгляда хранителя дверного дресс-кода. Благополучие во всём и главное в деньгах, вот то, что требовалось иметь при себе посетителю клуба, и именно это финансовое благополучие и являлось ключом к определению дресс-кода.

Я бы их охарактеризовал одним ёмким словом, благополучатели, которое как раз полностью отражает их жизненную суть. За порогом же дресс-кода оказывается другая кате-

гория пипла, как их часто любит называть наш благо-получатель, которая несёт в себе другое ёмкое определение «потребитель». Но в чём же разница между ними, как разобраться в этих, казалось бы очень похожих определениях? Ведь они в своей основе имеют один общий хозяйский корень – иметь. А разницу нам лучше будет понять через те же высказывания благо-получателя: «Пипл хавает, а я имею». И не надо быть провидцем, чтобы понять, кого он имеет.

Стоя в стороне и наблюдая за происходящим, я не решался подойти ко входу в клуб. Я подспудно чувствовал, что для меня туда вход заказан. Для тех же, для кого он не был заказан, двери клуба никогда не закрывались.

Постепенно праздник жизни начинал набирать свой марафонский забег, и если не считать цензового ограничительно-го входа, то других запретительных ограничителей для желающих принять участие в этом забеге не имелось. Возрастные спринтеры шли вперемешку со стайерским молодняком, а также здесь были и свои без возрастные марафонцы. И ничего, все чувствовали себя в приподнятом духе, ведь здесь действовал олимпийский принцип, главное не победа, а участие. Соперничество, если и было, то только на женской половине площадки. Надо сказать, что в зале действовали весьма либеральные правила и в связи с ними, применение допинга среди участников праздничного марафона, вовсе не возбранялось, а даже приветствовалось. Ведь только дух либерализма может стать источником этого праздника жизни,

и только он может прокормить и напоить их в соответствии с их желаниями.

Выбор же для себя этих дополнительных средств, лежал строго на совести самих участников действия. Но в виду того, что последнее в них отсутствовало, то иногда залетный ОМОН приводил их в чувство и далее выводил нарушителей с площадки, чтобы временно их дисквалифицировать. Для некоторых же, срок дисквалификации часто был очень существенным, что после него они уже не могли вернуться обратно в строй.

Также большое значение придавалось внешним атрибутам участника. И если мужская половина могла лишь помериться друг с другом лишь толщиной кошелька, выраженной через предметы роскоши, включавший в себя и женскую особь на двух ногах, то женская половина обозначала себя всё теми же атрибутами богатства, плюс прилегающий лысый плюгавец с толстым кошельком и все его висящие на ней цацки, плюс чудеса косметологии носителем которых она и являлась. Так что, если вы услышите эпитеты носитель и висячий, то вы сразу поймёте к какому виду человечества это относится. Но разве могут эти хозяева жизни находиться одни? Они может быть и хотели, да не очень-то это у них получается.

Говорят, что богатство притягивает, только вот какой-то странный этот магнетизм богатства, отчего-то он притягивает в основном людей, скажем так, не совсем с чистыми

помыслами. Видимо, характерная мутность индивидуума и есть тот притягательный элемент, так бурно реагирующий на богатство. Надо будет, наверное, рассмотреть возможность провести эксперимент по очищению человеческой единицы от примесей мутности при помощи элемента богатства. Правда, мне почему-то кажется, что Деннице это уже давно известно и что он как раз уже проделал с человеком этот химический эксперимент по добавлению в него всех этих примесей являющихся реагентами богатства.

Что же касается женского пола, то он отягощённый, что удивительно, лёгкостью своего поведения, как правило, не может устоять перед магнетическими свойствами обладателя этих богатств. И даже те дамы, которые обладают строгими принципами, попав под воздействия этого магнетизма, порой теряют своё самообладание и прямо легчают на глазах.

– Ник! – до меня донёсся чей-то голос из толпы. Как оказалось, это был Макс. Он уже заранее прибыл в клуб и, предполагая возможные затруднения при входе, вышел навстречу мне. – Давно здесь околачиваешься? – спросил он меня.

– Да нет, вот только пришёл в себя, после получасового стояния. – Ответил я.

– Чего так-то? – с иронией спросил он.

– Да, кажется, что место не по мне или не по месту. – Ответил я.

– Да ладно, не бери в голову. Сейчас пройдем внутрь. Примем по сто, и всё будет, как надо. – С этими словами он по-

шёл ко входу, тем самым приглашая меня с собой.

На входе нам никто не препятствовал, с охраной Макс, как выяснилось, был на короткой ноге; при его-то немалом росте. Правда, на входе, меня чуть не сбил уже сильно упоенный вечерним воздухом посетитель. И может на первых шагах при вступлении в клуб, такие упоённые экземпляры встречались редко, то по мере продвижения внутрь, они стали составлять основу внутреннего убранства клуба. В общем, верно говорят, чем дальше в лес тем больше дров.

Поначалу нашего вхождения внутрь клуба, я ещё мог переброситься словом с Максом, но уже внутри, громоподобные металлические звуки музыки лишили меня возможности к этому. Теперь же, чтобы вести разговор, приходилось говорить на повышенных тонах, при этом приближаясь к самому уху собеседника. Хотя всё равно, ты не мог быть в полной уверенности в том, что тебя поняли. Правда и ты в ответ, зачастую не полностью улавливал ответное слово, и тебе приходилось лишь только улыбаться в ответ. Наверное, это был такой клубный ритуал – поговорить на ушко, который, наверное, и способствовал лучшему взаимопониманию. Ну а для лучшей звуковой проводимости, необходимо было принять внутрь тонизирующего напитка, что было и предложено мне.

Заказав себе и мне дозированного коньяка, Макс предложил выпить за наше знакомство. На моё же предложение, подождать Первого, он сказал, что семеро одного не ждут и,

не дождавшись меня, замахнул налитый бокал. Видимо, он имел в виду свой седьмой подход к барной стойке или по крайней мере, его вид говорил в пользу этого варианта. Я же не стал его переубеждать в чём-либо и последовал этому его примеру.

Крепость напитка хоть и не сбила меня с ног, но уж точно попыталась сбить моё дыхание. Не знаю, что за варево мне было поднесено, но убойность его, мне вскоре предстояло ощутить на себе. Не давая мне прийти в себя, Макс, принеся ещё одну порцию горячительного, поставил меня перед новым выбором. И что спрашивается, мне оставалось делать, ведь выпив первый раз, я попадал уже под ограничительное воздействие алкоголя и теперь, чтобы я не делал, именно алкоголь взял на себя функцию по моему руководству.

Где тебе поначалу кажется, что теперь ты способен преодолеть любые преграды и препятствия, но на самом деле тебя интересует только одно препятствие, а именно алкогольный побудитель и одновременно ограничитель. Ты пытаешься выйти за его пределы, но его хватка, как никогда сильна и с каждой новой дозой только усиливается так, что со временем ты понимаешь своё бессилие и капитулируешь, приняв в себя очередную порцию этого варева.

За сменой бокалов, я и не заметил, как появился Первый. Он был обнаружен мною, когда я после очередного возлияния выдыхал порцию воздуха. Не знаю почему, но я обнаружил в себе неисчерпаемый источник благодушия, и мне

решительно необходимо было обрушить его на кого-нибудь. Первый, мне показался парнем что надо и я выразил свою радость от его прихода через душевные объятия.

Эти объятия, как для него, так и для меня стали большой неожиданностью, но в тот момент для меня такого слова не существовало. Правда после того как Первый догнал нас с Максом в плане алкогольной интоксикации, то и для него подобные действия стали нормой. После продолжительного приема алкоголя, Макс предложил разбавить его приём танцем и, показывая нам пример, попытался выдвинуться на танцплощадку. Но его героическая попытка встретила непреодолимое препятствие в виде столика с напитками и он, зацепившись за него, всем своим весом перевалился через него и упал на рядом стоящий диван.

Благодаря же тому, что занимающие это место люди, в этот момент находились на танцплощадке, Максиму не пришлось попасть в чьи-то объятия. И мы с Первым, взяв его за руки, повели его в туалет, дабы его там привести в чувство. Макс поначалу попытался вырваться, но видимо все его силы ушли в штопор и поэтому его попытки были весьма слабыми. В туалете мы подвергли его водным процедурам из под крана с водой, после чего он потребовал себе отдельную кабинку с расчётом на уединительные действия. Его уединение не прошло бесследно и когда мы после долгого ожидания заглянули в кабинку, то обнаружили картину маслом: «Лучше бы не ждали».

Действительность говорила о том, что на сегодня Макс выбыл из наших рядов, и мы, вызвав такси, отправили его домой. Видимо его такой скорый максимализм и определил мой именной выбор на счёт его, правда, оно подходило и к реальному его имени Максим.

Зайдя в бар, мы с Первым, хотя какой он теперь первый, продолжили начатое Максом и вскоре в своём состоянии не стояния очень близко приблизились к невменяемости Макса. И вследствие этого состояния свои неопределённости. Так на мой вопрос Первому: «Почему Макс назвал тебя Антоном?», – последний (а когда-то был первым) выразил недоумение, сказав, что так его вообще-то зовут. Я же для того чтобы сгладить, хотя мне было в тот момент глубоко наплевать, возникшую неловкость, заявил, что сейчас я и собственного имени не помню. Затем мы с ним решили, что нашли великолепный тост и выпили за наше знакомство.

Потом мне вдруг нестерпимо захотелось подвигаться в танцевальном ритме с одной яркой незнакомкой, чья улыбка, вызванная возможно моими, на мой взгляд совершенными телодвижениями, ещё больше приободрила меня и я поспешил наладить с ней взаимный контакт. Что, к моему не удивлению, прошло весьма успешно. Дальше мы пошли к стойке бара, для того чтобы продолжить наше знакомство. Но видимо танец разогнал во мне кровь, что не преминуло сугубо сказаться на мне и дальнейшем моём поведении.

Так светомузыка, построенная на различных световых эф-

фектах, освещая ход моих дальнейших действий, поселилась у меня в голове. Где такой калейдоскоп событий, сопровождаемый сменой световых ракурсов, и отложился у меня в памяти об окончании этого вечера.

Вот мы с ней пьём у бара, затем снова пьём в танце, дальше опять пьём, правда, уже сидя на диване. Почему-то она называет меня мой ангел, я же её называю мой ангелок. Затем мы снова пьём и я ей говорю, что не могу быть с ней, так как ангелам хоть многое и разрешено, но существует один главный запрет... Но тут я вдруг замолкаю, как бы что-то обдумывая, но на самом деле я просто нахожусь в прострации. Но вот её голос приводит меня в себя.

– Какой же запрет? – заинтригованно спрашивает она меня.

– Нам строго запрещена связь с земными женщинами. – Отвечаю я.

– И что же будет, если ты оступишься? – спрашивает она.

– Мне грозит падение, и я уже не буду ангелом, а стану всего лишь простым смертным. – С задумчивым видом отвечаю я. Она же в этот момент приближает вплотную ко мне своё лицо и её губы, находясь уже в миллиметре от моих, начинают нашептывать:

– Пади, пади. – И вот-вот они уже готовы вцепиться в мои губы, как в этот момент моё падение с кровати, прерывает этот виток воспоминаний.

Мой шок от падения сменяется непониманием существу-

ющей реальности. Я ещё не пойму, где в данный момент нахожусь. Оглядываясь по сторонам, я начинаю осмысливать своё местонахождение. Всё-таки, кажется, я у себя дома. Но как я попал сюда, для меня остаётся вне моего понимания. Внезапно звук звонка телефона обрушивается на меня, не давая сосредоточиться на окружающем. Я ползком пытаюсь пробраться к тому месту, откуда слышится звонок. Телефон оказывается в карманах моих брюк, которые нещадно брошены мною за тумбочку телевизора. Достав же брюки, я только сейчас обнаруживаю свою безштанность. Но достать брюки это ещё полдела, ведь куда сложнее определить в каком из двух карманов находится телефон, а звонок телефона своим, невозможно слушать, звучанием, при данных обстоятельствах не помогает, а только мешает мне. От отчаяния я вслух кричу:

– Да сейчас же, подождите! – И вот я, наконец-то, нахожу злосчастный телефон, высветившее имя «мисс Любовь» на экране которого, приводит меня в шок.

– А ей-то чего от меня надо? – в полной растерянности, вслух озвучиваю я свои мысли. – Блин, может я ей вчера с радости звонил? – сверлят меня страшные мысли. – И ведь сейчас и не узнаешь, звонил я или нет? – Я выдыхаю и убитым голосом отвечаю:

– Алло.

– А что мы ещё спим? – сразу же в оборот берёт меня мисс Любовь.

– Да вроде бы, выходной. Можно и поспать. – Парирую я.

– Не поняла, а как же утренняя зарядка? – тревожит меня она.

– Как.. – на полуслове обрываюсь я, вспоминая, что мисс Любовь, вчера озвучивала общий сбор в парке, для участия в коллективной спортивной зарядке. Так следуя спортивно-му тренду, в нашей компании было решено, выходные начинать с таких массовых мероприятий. И как надо понимать, добровольность участия в них не обсуждается.

– Да, я уже бегу. – Скоротечно добавил я.

– Ну, давай беги. Без тебя не начнём. – Со смехом закончила она.

– Ага, сейчас! Вот только до ванны дойду. – Отключившись, язвительно проговорил я. Вот только дойду ли я? Посмотрев на часы, я истерично воскликнул: «Какого хрена?!». Как оказывается, времени до запланированной зарядки было ещё вагон и маленькая тележка.

– Чего ей не спиться-то? – в сердцах воскликнул я. Наверное, хочет, чтобы я просыпался с её именем на устах. Вот только она не учла одного, в каком склонении оно будет звучать.

– Стерва!! – заорал я. Но ведь и меня надо понять и проявить по отношению ко мне немного снисходительности, когда там, на высшем суде, будете рассматривать моё такое поведение. Ведь сложно в таком состоянии сохранять спокойствие и быть учтивым. Хотя, наверное, в этом есть ка-

кая-то закономерность – вчерашняя добродушная расслабленность, сегодня компенсируется злобной сосредоточенностью. Не зря Денница говорил, что для сохранения вещественности объекта, всегда должен сохраняться баланс сил или другими словами, за всё нужно платить. Но что же творилось в моей голове? А всё очень просто, свинец наполнивший мои виски, не давал мне поднять или хотя бы выпрямить голову. Пальцы ног странно выгнулись и цеплялись за всё, что только можно, ну, а про кошек с их отложениями во рту и говорить, я думаю, что не надо.

И всё-таки я смог, вот только не дойти, а доползти до ванной. Там же я с трудом поднимаюсь, смотрю в зеркало и о боже, лучше бы не смотрел, и ... «не вспоминал бы господу всуе», – подсказывает Год. Опух не то слово, которое может подойти к этому случаю. Видимо я вчера не всегда проходил в двери и иногда попадал совсем в другое место. Сбивание мною косяков, частично всплыло в памяти, что уже хорошо, так как ведёт к её восстановлению, хотя само сбивание косяков могло привести к её полной потере.

Что же ещё? А! Вот следы губной помады на воротнике порванной рубашки. Видимо моя уклончивость, всё же отклонила направление её губ и она, промахнувшись в цель, смазала клубничный, – по крайней мере, запах такой, – налёт на мою рубашку. Дальше убедившись в своей промашке, она не успокоилась и в качестве сатисфакции пооткусывала все мои пуговицы на рубашке. Дальше, кажется, я остудил

её пыл с помощью вылитого на неё бокала. Ну, а уже после этого, только и вспоминается как наше с ней падение с кресла, после которого я уже просыпаюсь у себя дома. Больше же мне пока ничего не вспомнилось, так что для дальнейшего прояснения нужны были новые зацепки. Надо будет позвонить Максу, стоп, нашёл кого вспоминать. Кому-кому, а ему самому требуется помощник в деле восстановления памяти. Тогда мне надо найти Антона. Возможно, он сможет мне помочь вспомнить вчерашний вечер.

Погрузившись под душ, я постепенно обретал некоторую устойчивость. Поток воды, расщеплённый на капельки, с помощью множества мелких отверстий, двигаясь со скоростью определяемой напором воды, соприкасаясь с моим телом, выбивал на мне барабанную дробь, что способствовало вымыванию из меня частичек вчерашней дури. Приведя себя в относительный порядок, после десятого зарока не повторять вчерашний эксперимент с алкоголем, я отправился в парк, для, как казалось мне, самоубийственной зарядки.

С первых дней отказываться от таких мероприятий мне показалось не совсем хорошей идеей. Приближаясь к месту сбора нашего отдела, я, глядя на них, внезапно обнаружил, что собственно не совсем подходяще одет для спорта. Джинсы с туфлями, не очень способствовали предстоящим спортивным занятиям и разве что только одетая на меня футболка, более-менее подходила к данному месту. Сосредоточенный на одном – как бы дойти до места сбора, я совсем упу-

стиль из виду требуемое к своему внешнему виду. Но что ж, отступить теперь уже было поздно. Меня заметили мои сослуживцы, и я в таком виде подошёл к ним.

В другой раз я не оставил бы без внимания спортивный вид девушек нашего отдела, но сегодня моя голова тяготилась к земле и мне приходилось смотреть на них исподлобья, с широко прикрытыми глазами. Мой вид хоть и озадачил мисс Любовь, но она, не подав виду, поприветствовала меня, выразив уверенность в том, что мы сегодня раскачаем всех. Услышав слово раскачать, меня слегка повело и я, дабы обрести устойчивость, присел на лавочку.

Место, где был организован сбор, представляло из себя небольшую спортивную зону со всеми атрибутами занятий спортом. И от наших физорганизаторов требовалось лишь только обеспечить аниматоров и соответствующее музыкальное сопровождение. И вот в назначенное время, ведущий в сопровождении спортивных девушек, объявил о начале нашей утренней зарядки. Мы же выстроившись напротив их, кто на что горазд, стали повторять за ними незамысловатые движения.

Говоря мы, я не имею в виду себя, а всего лишь просто обобщаю название нашего отдела. Моё же участие ограничивалось в скромном сидении на лавочке. Нет, конечно, это всего лишь временное явление, и я в следующий раз непременно приму участие в зарядке, но сегодня приступы головокружения не дают мне проявить себя во всей красе.

Пока же наш отдел выказывал чудеса подтянутости и растяжки, я идейно поддерживал их, в особенности некоторых из них. И надо признаться, что здесь было на что посмотреть и это хоть слегка, но всё же действовало успокаивающе на мой организм. Но головная боль тоже не сдавалась и действовала строго по своему последовательному плану. Так подавив для начала височную часть, она постепенно переместилась в затылок, там она, после того как пожимала мою голову, разбрелась в разные стороны, чтобы образовав круговой обруч, стиснуть так, чтобы я в ответ стиснул зубы. Устав меня тискать, боль вновь затаилась в висках, и так до будущего маневра. Я же выдержав очередной напор боли, склонил голову вниз, дабы слегка отдышаться. Для начала я закрыл глаза, но внутреннее давление на них, всё же заставило меня приоткрыть веки. Так, сидя на лавочке и смотря вниз, я пребывал в состоянии отрешенности.

Вокруг меня звучала ритмическая музыка, погода же со своей стороны выразила нам согласие своим безветрием и солнечным приветствием. Наблюдая за движением муравья, пытающего передвинуть несоразмерный с ним камешек, я полностью отвлекся от окружающего, всё своё внимание сосредоточив на этом титаническом труде муравья. Видимо большие размеры камешка совсем не смущали муравья, и он, собрав всю силу в свои конечности, потихоньку, да двигал этот камешек.

– Наверное, этот камень ему в хозяйстве очень нужен. –

Подумал я. Так и представляю муравью, указывающей своему благоверному на дверь и, заявляющую ему, что у всех мужья, как мужья, всё в дом несут, тогда как они, уже какой день всё живут в доме без крепкой двери. Заходи и уноси, что хочешь. Так что дорогой, иди и без приличной двери не возвращайся. Муравей же стойко выслушал всё это, после чего с поникшей головой пошёл на поиски двери. И вот на дороге, увидев этот огромный камень, в нём созрел чудовищный план – прикатить камень и завалить им выход из своего жилища, чтобы уже никогда больше не слышать упреков в свой адрес. Хочешь дверь? Так на, получай!

– Нет, всё-таки у меня сегодня в голове какой-то сумбур поселился. Не иначе, печень хворает. – Порешил я. И тут неожиданно, моя обзорность захватила край какого-то постороннего предмета. Заинтересовавшись, я стал увеличивать границы области своего наблюдения, чуть приподнимая свою голову. Теперь в постороннем предмете можно было идентифицировать женские кроссовки. Но прежде чем я окончательно поднял голову, я услышал в свой адрес реплику: «Так это вы. И опять дремлете?», – прозвучал знакомый голос со смешком.

В ответ выпрямившись, я увидел улыбающуюся мою недавнюю соседку по месту в автобусе. Она стояла напротив меня и наблюдала за моей реакцией, при этом для своего критичного вида слегка наклонила в бок голову. Но не успел я ей что-либо ответить, как она продолжила озвучивать свой

вопросник:

– А что вы не присоединяетесь ко всем? Или вам отдельное приглашение надо? Хотя подождите. Вы, я вижу, не по сезону одеты и поэтому решили только в качестве наблюдателя поприсутствовать.

– Да я, может быть, просто забредший прохожий. С чего вы взяли, что целью моего прихода сюда, было данное спортивное мероприятие? – пытаюсь парировать я.

– Конечно, так я и поверила. – С этими словами она поворачивается и идёт в сторону общей массовки, затем на секунду поворачивается и добавляет взбудоражившую меня реплику: «Мне ли не знать, Ник», – и уже окончательно сливается со спортивной массой.

– Но откуда она знает моё имя? – пронеслось в моей голове. Тут и так не знаешь, что и как думать, а здесь ещё новые головоломки. «Да и опять же эта наша встреча вышла, как то не так, как хотелось бы мне. Да и что она здесь делает?». – Рой мыслей пронёсся в моей голове. Меж тем, я тоже зрительно присоединился к общей зарядке. Правда, моя целеустремленность была направлена в направлении одного объекта, что я думаю, никому не мешало. Надо отдать всем должное, но их наклоны вперёд, даже во мне вызвали ответный отклик, в результате которого я, даже слегка разволновался и вспотел. Так что свою порцию зарядки я получил в полной степени, даже наблюдая за ними.

Но вот ведущий благодарит всех кто пришёл и объявля-

ет об окончании сегодняшнего сбора. Вслед за этим, все начинают расходиться, ну а моя же знакомая незнакомка идёт вместе с мисс Любовь, по направлению выхода из парка. Они идут о чём-то беседуют, при этом от меня не укрывается её стрельба глазами в мою сторону. И только после того, как они скрылись из виду, уже я начинаю свой горестный путь к себе домой.

– И стоило мне тащиться сюда? – пытал себя я всю дорогу. – Разве что только для того, чтобы посидеть на лавочке в столь ранний час. Хотя, если бы я не пришёл, то не увидел бы ту незнакомку, да и не проветрился. Везде одни плюсы. – Подбадривал я себя.

Тем временем чувство жажды заставило меня зайти по пути в магазин, иначе обезвоживание грозило мне своими последствиями. Увидев перед собой ряд водного разнообразия, мне захотелось выпить всё. Я не стал отдавать предпочтение какому-то одному сорту воды и прикупил сразу несколько её видов. Отчего-то именно солесодержащая минеральная вода нашла наибольший во мне отклик. Добравшись домой, я решил, что моё общение на сегодня следует ограничить и, выключив все приборы для связи с внешним миром, я затворился в себе.

Если же от физического контакта ещё можно огородиться дверьми, то мысль разве знает преграды. Уж от кого, но от неё не спрятаться и не скрыться. Она найдёт и достанет тебя, где бы ты ни был. Уж очень любит она потеревить те-

бя, наверное, поэтому, ты и встаёшь утром с кровати такой взъерошенный. И не надо обвинять в этом подушку, мы-то с вами знаем, кто во всём виноват.

Так думы о вчерашнем, сменялись мыслями о сегодняшнем дне, которые вновь возвращались назад на круги своя, и такой круговорот мыслей в о концовке приводил только к одному, а именно к головокружению. Только временная забывчивость и провал в сон, смогли меня успокоить на время. Продремав, но больше, конечно, проворочавшись, к вечеру я всё же почувствовал некоторое облегчение. Совершив заново утренние туалетные манипуляции, я решил, что жизнь продолжается и что даже неплохо было бы перекусить. Захотелось чего-то горячего и сильно жирного. А где это всё найти, как не в кафе быстрого питания, в которое и сгонял быстро я. На этом кажется и закончился этот не простой для меня день.

Направляясь в понедельник к себе на работу, я мысленно провёл анализ всех моих первых недельных свершений. Что ж, в чём, в чём, а в еде и питие я проявил свои недюжинные способности, что же касается последнего, то его последствия я до сих пор ощущаю на себе. По поводу же судьбы моих напарников по беспамятному вечеру, то вестей от них я так и не получил. Так что сегодняшний день, надеюсь, поможет мне прояснить некоторые детали из прошлого. Что же ещё можно записать на мой счёт, в чём ещё я смог разо-

браться здесь в человеческом мире? Пожалуй, процесс адаптации должен длиться несколько длиннее и для понимания человеческого мира, мало одного наскока.

Прибыв на маршрутке к нашей компании, я не стал задерживаться и сразу направился в занимаемое нашим отделом крыло здания. Можно было, конечно, подождать, когда появятся Макс или Антон и уже от них узнать все перипетии прошлого, но я счёл, что за два прошедших дня, уже мало что изменится, так что можно будет с ними и после обеда переговорить.

Войдя в наше отделение, то первого кого я встретил, так это мою давнейшую знакомую незнакомку. Я совсем забыл сказать, что на самом входе в наш офис находилась стойка, названной, согласно современным требованиям рецептом или как там...а, ресепшеном. Но первое, мне, кажется, более точным названием, в полной мере отражающим суть этого места. И когда я зашёл, то к моему удивлению, место за стойкой занимала она.

Так вот, когда я вновь памятно зашёл, то она в этот момент разговаривала с кем-то по телефону, но увидев меня, она, сказав неизвестному собеседнику: «Потом поговорим», закончила разговор. Следующим её шагом, хотя шагал вроде бы только я, было демонстрирование ею мне изящности своей улыбки. Я же со своей стороны, не смог сдержаться и продемонстрировал ответную улыбчивость. Она же, уже в свою очередь, привстала и всем своим видом показала зор-

кую внимательность, я же в ответ приблизился ещё на пару шагов, на что она ответила своим приветствием:

– Добрый день. Надеюсь, вы хорошо добрались. – Я же со своей стороны поблагодарил и выразил надежду на отсутствие дежурности в её фразах.

– Не сомневайтесь. – Был её ответ.

Пока же я следовал к своему кабинету, с лиц сотрудников не сходили улыбки. Может это обычай такой, начинать новую рабочую неделю с радостного настроения, дабы вся неделя прошла с таким же настроением. Конечно, хотелось бы этому верить, но всё же сдаётся мне, что причиной этому послужило совсем другое происшествие и название ему – мой лавочный гимнастический кульбит. Всё же людям нравится, когда их сородич неуклюж и часто проявляет свои недостатки. И, видимо, ни от кого не ушло без внимания моё субботнее состояние. И вот теперь, обнаружив моё несовершенство, коллеги преисполнились снисходительности по отношению ко мне, что надо сказать, даже пошло мне на пользу. И как оказалось, такой факт, как раз и содействует сближению людей. Ведь не совершенства сближают людей, а как раз их несовершенства. Ну а появившиеся на их лицах улыбки, и означали, что они меня понимали и сочувствовали.

После выдоха в своём кабинете, я направился в кабинет к мисс Любовь. Её вид не вступил в конфронтацию с общим сегодняшним радостным трендом, и она приветствовала меня во всеоружии своего очарования.

– Как вы себя чувствуете сегодня? – после приветствия, спросила она меня, опять почему-то на вы.

– До этого момента, вроде бы не жаловался. А разве мой вид даёт повод для подозрений на не здоровье.

– Да, ничего. Просто я всегда интересуюсь здоровьем служащих после выходных. Вы ведь понимаете, что именно выходной день является повышенным фактором риска для здоровья человека.

– Согласен на все сто.

– А точнее на все триста. – С подтекстом вставила она.

– Ну, вам видней. – Не сдавался я.

– Не знаю, не пробовала. – Улыбнулась она.

– Да неужели. – Ответная улыбка выражает своё согласие с ней.

– Никто не зовёт. – Вздыхая говорит она.

Чувствуя, что данная игра нас заводит уж совсем далеко, я пытаюсь перевести разговор. – Что-то мы с вами заговорились.

– А и в правду, заболтались. Так, давайте посмотрим, что там у вас сегодня по плану. – Следует её ответ.

Дальше обсудив небольшие рабочие нюансы с мисс Любовь, я отправился к себе. Но мне не удалось даже присесть, как мне позвонил Наставник и вызвал к себе. Прибыв к нему, я застал там всю нашу группу, после чего кивнув им, я присел на свободное место и принялся наблюдать.

Наставник по-прежнему занимал место за своим рабочим

столом, так же как и тогда как только я вошёл. Что его не слишком затронуло, и он лишь на мгновение бросил косой взгляд в мою сторону и, не изменяя своей неизменности, продолжал, то ли отстраненно разбирать рабочие документы, то ли увлеченно ждать начала своего разговора с нами. При этом он, не просто сидел, а прокручивал в руке чёрную с золотым оперением ручку. Когда же она делала полный оборот вокруг своей оси, то он ударял её тупым концом об стол и этот процесс служил нам, не только внешним визуальным, но и звуковым фоном. Постепенно наши взгляды сосредоточились на этом процессе круговорота ручки в руке Наставника, и надо отметить, что движения ручки в его руках, отличались чёткостью и равномерностью. И в строго в определённый момент, она занимала своё место для завершения круга ударом об стол. Наверное, именно так гипнотизеры, с помощью такой монотонности и приводят своих клиентов в нужное им транс состояние. Не знаю, как мои коллеги, но на меня эти манипуляции подействовали как откровение, и я вдруг отчётливо вспомнил некоторые детали пятничного вечера.

Так передо мной чётко вырисовался Макс, с безумными глазами рвущийся позвонить Наставнику и сказать всё, что он о нём думает. Несмотря на его бесстрастность, по всей видимости, наша первая встреча с Наставником и в связи с ней, выпавшее на нас ожидание, растормошило что-то в Максе. И вот он, разгорячённый алкоголем, решает выплеснуть весь

свой негатив на Наставника, но в тот момент я не дал ему это сделать. Но Макс всё-таки не уgomонился и сумел-таки выплеснуть, но только содержимое бокала в бармена, тем самым открыв для нас радость сезона обливания.

Тому же, я как понимаю, это было не впервой, это были, так сказать, издержки профессии бармена, считающиеся вполне допустимыми, если количество чаевых превышает количественную составляющую хамства. При этом, эти две составляющие рабочего дня бармена, находятся в прямой зависимости друг от друга, и сумма чаевых прямо-пропорционально величине хамства. Так что бармену ничего другого не оставалось делать, как невозмутимо взять пустой бокал из рук Макса и наполнить его очередной порцией горячительного. На этом сеанс моего прозрения, как бы и закончился. Что же касается моих коллег, то по их виду было трудно сказать, как на них подействовали манипуляции Наставника, которые, к слову сказать, может и существовали только в моём разгоряченном сознании. Ведь всякое бывает, теребит же человек вещи, когда волнуется, вот и Наставник может быть, так снимает волнение, во что я, впрочем, не очень-то верю.

Но время текло и кроме стука ручки об стол ничто не тревожило наши уши и умы. Мы все сидели, в его Наставника, а не в своей тарелке, и в связи с этим и с прошлыми событиями, вне зависимости от внешней комнатной температуры, испытывали небольшой жар холода, что для меня всегда

было несколько непонятно. Но сейчас, ощутив на себе это в реальности, я наконец-то, понял, что это такое. Видимо есть вещи, которые понимаешь, лишь реально ощутив их. Хотя, я в принципе, между ними различия никогда не делал, для меня, что жар, что холод, были всего лишь температуры за пределами нормального, только с разницей в знаке. Впрочем, я опять отвлекся. Но, что же дальше. А, дальше, Наставнику, по всей видимости, такая ситуация пришлась по вкусу и он не торопился нас из неё выводить. Но как бы ему не было забавно и как бы нам не было неудобно, всё имеет свои пределы интереса, и Наставник, прокашлявшись, наконец-то, решил начать нашу сегодняшнюю встречу.

– Знаете, о чём я сейчас думаю? – риторически спросил он нас.

– Нет. – Риторически, нестройно ответили мы ему.

– Ну и ладно, это не столь важно. – Ответил он. Ну и как классический наш ответ:

– Ну а всё же?!

– Просто мой учитель, всегда так начинал свою беседу с новой незнакомой аудиторией. Это давало ему понять и почувствовать её настрой и вставить ключи зажигания в мозг учащихся. – Более оживлённо проговорил Наставник.

– А-а. – Был наш ответ на его слова.

– Но с вами мы уже знакомы, да и задачи перед нами стоят совсем иные. Но всё же встряхнуться, никогда не помешает. Так вот, что я хочу сказать. Первый шаг мы сделали, позна-

комившись с коллективом. Ну а теперь, потихоньку встраивайтесь в него. У кого-то это получится хуже, у кого-то лучше. – Наставник отчего-то бросает взгляд на меня. – Но это, как и везде, всего лишь рабочий процесс. Перед нами же стоит ряд задач, требующих параллельных решений. Нам вместе с аттестацией необходимо подготовить кадровый резерв так, чтобы мы сами не оказались в рядах соискателей работы. – Наставник встаёт, берёт сигарету и закуривает. «Наконец-то, а то уж мы и забыли», – проносится у нас в голове.

– Значит так, основные организационные вопросы уже решаются, от нас же, согласно основным требованиям компании к кандидатам, требуется подготовить перечень вступительных тестов для собеседования. Конечно, есть старые методики, но вы должны понимать, что нам нельзя стоять на месте и нужно брать всё самое лучшее и передовое. Для этого я вам приготовил основные выкладки и возможно за интересующие вас заметки. Так что, в принципе ничего сложного. Вообще, процедура отбора кадров в нашу компанию, состоит из нескольких этапов:

«Во-первых: Составление и подача объявления, то есть объявление о наличии вакантной должности составляется юристконсультom и затем подаётся в печатные издания, на радио и телевидение. Текст объявления включает следующие блоки:

Первое – это должность;

Второе – обязанности;

Третье – требования подразделяющиеся на обязательные и желательные;

Четвёртое – условия труда.

Во-вторых: Проводится собеседование по телефону – на данном этапе уже происходит первичный отсев кандидатов, после которого остается примерно 30-40% от числа откликнувшихся.

В третьих: Происходит заполнение анкеты-резюме – на данном же этапе происходит максимальный отсев лиц, чьи личные качества и наклонности не подходят для вакантной должности в нашей компании, что, на мой взгляд, очень субъективно спорный пункт, который всегда вызывает отчаянные споры, но к нему мы с вами вернёмся несколько позже.

В четвёртых, как раз в том пункте, где мы должны и будем наиболее широко проявить себя и будет проводиться собеседование со специалистом, то есть, с каждым из нас, который затем выдает своё решение руководителю организации;

Ну и заключительный этап, здесь руководитель совместно со специалистом принимает решение о приёме на работу кандидата на вакантную должность или об отказе кандидату. В принципе на этом всё, и эти несколько пунктов, как раз и охватывают весь процесс набора кандидатов на место. Но, как говорится, дьявол кроется в деталях, которые в свою очередь и предстоит нам определить. Ведь кто знает, кто на самом деле требуется для нашей компании? Хотя и есть ре-

комендательные и не рекомендовательные установки, но это только для технарей сойдёт. Специфика же нашей компании предъявляет совсем иные требования к своим сотрудникам и нашему отделу, как определяющему эту политику. Нужно, как говорят, держать нос по ветру, в особенности, если он дует с запада. Ведь всем известны их демократические веяния, так влияющие на погоду и, как правило, не в своём, а в чужом доме.

Что хочу сказать, так это то, что мир в своём совершенстве сконцентрировал все свои достижения в одной главнейшей, по мнению человека, области его жизнедеятельности, а именно торговле. Все современнейшие разработки, в первую очередь представлены именно в ней. Все виды наук трудятся на этой благодатной ниве. Определение качества какой-нибудь разработки определяется через её продажность, и чем она выше, тем более значимой является она. Умение продать и продаться, вот что сейчас является наибольшей ценностью. Многие известнейшие люди прошли эту предпродажную школу жизни, и как ими считается, давшее им основное понимание жизни.

Одна из основных сопутствующих продаже наук, несомненно, психология. Знание человеческих слабостей и пороков, во многом облегчает процесс продаж. Так многие, ныне известные на западе психологи, вышли из особой касты коммивояжеров. Можно даже сказать, поскреби американского доктора психологии и везде найдёшь коммивояжера.

Так что фраза Шекспира про мир театра, уже несколько устарела и на данный момент, утверждение: «весь мир базар», более актуально. Осталось только одна самая важная вещь, выяснить, кто же его покупатель, если всё-таки все продаются?». – На этих последних словах, Наставник сделал ударение и посмотрел на нас, как нам показалось с усмешкой. Но тут видимо Максу надоело молчать – ему захотелось слегка смазать язык, и он ровным голосом ответил:

– Я не вижу здесь ничего сверхъестественного. Так что главное это цена, за которую ты продашься. Ведь и мы сюда приходим, не за просто так, а за свой фиксированный тариф.

– Всё верно, но разве, по-вашему, нет ничего такого в мире, что не имеет цены? – спросил Наставник.

– Может быть, вы не правильно выразились, и хотели спросить, а есть ли на этом свете, что-то такое, что не продаётся? – спросил я и продолжил. – Ведь вещь, не имеющая цены или другими словами, бесценная вещь, как раз имеет, как не парадоксально это звучит, свою повышенную цену. Если принять во внимание человеческие категории, как совесть и честь, то не мне вам говорить, о всего лишь завышенных предложениях цены, да и большом дефиците в наличие этих качеств. На счёт же продажных предложений, то они всегда имеются в наличии. Просто это товар штучный и разовый, при этом отличающийся некоторой специфичностью. Если, к примеру, продашь одно качество, допустим совесть, то все остальные сопутствующие ему качества, сразу же пор-

тятся и поэтому, как бы идут оптом с ним. Может поэтому, продающий и завышает цену своему качественному товару.

Здесь не существует понятия количественность, разве что только есть нулевая зависимость от покупной качественно-сти клиента. Опять же, здесь не действует формула Маркса «товар-деньги-товар». Продаваемый товар при своей покупке, сразу же приходит в негодность и путём своей деформации, превращается уже в другие более большие деньги, для чего, по сути, и производится данная манипуляция. – Разгорячившись, сказал я.

– Да я что-то не пойму, к чему вы ведёте свой разговор? – вставляет своё слово Наставник.

– Просто хотелось бы понять, на чём делать акцент при разработке тестирования для собеседования с кандидатами на место? – ответил я.

– Понятно, видимо вы любите лирические отступления, которые, к слову сказать, иногда даже необходимы. Я тоже люблю различные отступления от правил, которые даже укрепляют эти самые правила. Впрочем, давайте вернёмся к сути вопроса. Всё, что я тут услышал, я принял к сведению и со своей стороны скажу следующее. Давайте, для начала спросим, что продаёт наша компания. Ответ на этот вопрос и лёгок с одной стороны и не прост с другой.

Да, мы продаём слово или право сказать своё слово. И что же можно сказать по этому поводу. Ну, во-первых, наш товар вечен и время для него ничто, разве что только само сло-

во, также подвержено некоторым деформационным изменениям, связанными с внешней временной средой. Так научно-технический прогресс приносит новые слова в лексикон народа, где различные заимствования из других языков, хоть и страшат хранителей национального языка, но, тем не менее, обогащают его. Так что время, не слишком влияет на сам товар, используемый нашим потенциальным клиентом. Хотя и слово со временем устаревает, изменяя свои смыслы. Для нас же себестоимость слова определяется нашими техническими затратами на связующие элементы, когда как для потребителя, стоимость самого слова, за вычетом наших тарифов, определяется в зависимости от той жизненной ситуации, в которую он попал.

Во-вторых, за нас, самое основное уже сделал сам творец, когда создал человека, как существо общественное и тем самым наложил на него потребность к общению. Так что, человек не может жить без общения, и наша задача состоит в том, чтобы не только обеспечить человеку бесперебойные возможности к общению, но и дать ему понять, что кроме нас это ему никто не предложит этого сделать лучше. У человека это должно выработаться на уровне рефлекса, чтобы слово «общение», у него на подсознательном уровне ассоциировалось только с нашей компанией. – На одном духу высказал всё это Наставник.

– Вы тут сказали, что творец создал человека, как общественное существо, а как насчёт выражения «молчание зо-

лото»? – вдруг вставил своё слово Макс.

– Не вижу противоречий. Ведь суть этой поговорки заключается в том, что нужно ценить слово, как очень значимую субстанцию, которая влияет на всё и вся, что как раз сопоставимо с нашей работой. Ведь разговоры с помощью нашей, да и с помощью любой другой компании, заставляют более трепетно и серьёзно относиться к сказанному, более ценить слово, тщательно подбирать их при разговоре. Правда, здесь существует и второй фактор, влияющий на разговор, такой как время. Собеседнику приходится соизмерять свой разговор со своими временными возможностями, которые в свою очередь, зависят от множества факторов, как тарифа, денежных средств на счету, роуминга и т.д. и т.п. Так что индивидууму приходится изрядно подготовиться, чтобы его разговор прошёл так, как это ему надо. Каждое сказанное им слово, уже не просто трёп, а это очень ценные слова, которые в определённой совокупности сравниваются в цене с золотом. И зачастую, невозможность в нужное время наладить связь, приводит к неизмеримо худшим последствиям, которые уже в золото не переведёшь. И получается так, что когда человек пользуется связью, он приносит золото себе, а также нам поставщикам связи, когда же он теряет связь, то убытки несут все, и клиент, и поставщик. – Сделал паузу
Наставник.

– Ко всему прочему, наша компания заставляет потребителя быть более рациональным, учит уметь считать. Ведь

прежде чем начать разговор, человек должен подобрать для себя наиболее эффективный тариф и нужные ему опции, что говорит о несомненной пользе, содержащейся в работе нашей компании. – Выдохнув на последнем слове, Наставник отошёл к окну, чтобы предаться своей пагубно-духовной страсти. После пятиминутной передышки, с чем легкие Наставника вряд ли согласятся, он продолжил.

– Что же касается основных требований к кандидатам. То, как я понимаю, вас волнует вопрос в области этики. Как я сказал выше, слово дано творцом в пользование любому человеку, независимо от его личных качеств, настроек души и тому подобного, и при этом никто не вправе менять порядок этой данности. Так и мы не имеем право на ограничения в праве на разговор. Это можно сказать, первое и главное право человека. Так и в приёме на работу, мы придерживаемся существующих законов и ничего больше.

Для любой коммерческой компании в первую очередь важна прибыль и тот, кто будет способствовать этому, тот и подойдёт для работы у нас. Так что оставь мораль за дверью, всяк желающий у нас работать. И я даже скажу больше. Для большей эффективности работы в коллективе, должна всегда присутствовать здоровая конкуренция. – Завершил Наставник.

– Под здоровой, вы имеете в виду то, чтобы сотрудники посещали спортзал и не ходили на больничный? – с иронизировал я. Наставник на мою иронию и ухом не повёл, и про-

должил:

– И это тоже отвечает политике компании, но насчёт конкуренции, то я скажу следующее. Ведь, что было предтечей этого животворящего слова. Кто скажет?

– Может быть, зависть? – спросил Антон.

– Всё верно. И я думаю, что именно эта побудительница человека к действиям и есть предтеча конкуренции, в узком основном смысле. И ведь не надо ничего выдумывать, а просто заставь человека завидовать и он горы для «себя» сдвинет. Чем не мотиватор в работе? Разве найдёшь кого-нибудь довольным своим положением в компании? Почти каждый из сотрудников, вплоть до генерального директора, предполагают несправедливость установленного порядка. А это и есть, как ни что иное, как зависть, выросшая из гордыни, которая культивируется сплошь вокруг да рядом, только разве что название изменили. Почитайте наши требования к кандидатам, там чёрным по белому написано: требуются амбициозные, целеустремленные молодые люди. Всё завуалировано, а можно было написать по иному, примерно так:

«Тщеславие в отличие от бедности, не порок. Если ты не стеснен и нежаден до средств в достижении поставленных целей, если твой гнев и рвение в работе, заставит опечалиться конкурента, то мы готовы предоставить тебе обширное поле для этой деятельности. Результатом чего, для тебя будет отсутствие недостатка в различных удобствах и действиях. И, в конце концов, живые будут завидовать мёртвым». – Правда

последняя фраза была совсем из другой области. – Осёкся Наставник, бросив косой взгляд на меня.

– Так что подытожу. Эффективность работы сотрудника и его преданность компании, вот два основных требования предъявляемых к работнику, которые мы и рассмотрим при аттестации. Для приёма же новичков, нам нужно будет разобраться в его потенциале, сможет ли он быть полезен нашей компании. И уж от этого будет зависеть наша эффективность работы. – Сказал Наставник.

– Всё-таки преданность компании очень размытое понятие и, наверное, весьма редкое качество. Да и без связки с эффективностью, совсем не имеющее ценности, раз приходится проводить аттестации по проверке соответствия работников. – Предположил я.

– Ваши слова совсем не пахнут преданностью и если бы вы не были рекомендательно приданы к нам, то у многих, а не только у меня, возникли бы не желательные вопросы, которые, к слову сказать, пока что звучат только с вашей стороны. – Жёстко ответил мне Наставник.

– Я поэтому их и задаю. Как, я понимаю, в своём кругу, чтобы потом моя недопонятость, не вылезла через какую-нибудь чрезмерность. – С ударением на слова ответил я.

– То, что наш круг вы принимаете за свой, это правильно. И остальное сказанное вами, меня вполне удовлетворило. Скажу одно, для нас сейчас стоит задача в краткий срок подготовить тесты для собеседования и на следующей неде-

ле, уже начать первые собеседования. А преданность, пока что подождёт. – Не менее резко ответил Наставник.

После этого Наставник раздал нам на руки необходимую документацию и со словами: «До завтра», отправил нас к себе работать. Выйдя из кабинета, я хотел было поговорить о пятничном вечере, но видя нежелание коллег поднимать эту тему, не стал её развивать. Затем мы, перекинувшись ничего не значащими фразами, разошлись каждый в свою сторону. А ведь позавчера эта сторона находилась в одном направлении или может быть, это только я так думаю? Всё-таки интересная история получается, шаги направленные казалось бы на сближение, зачастую не сближают людей, а наоборот, разводят их в разные стороны, что собственно более логично, чем вероятно.

И зачем при всей разности различных существований индивидуумов, случаю сподобилось столкнуть в одном месте людей с одинаковыми качествами и видением жизни? Это совсем не соответствует геометрическим параметрам фортуны. Ведь всего вероятней, между нами мало что найдётся общего, разве что только работа, которая к случаю и послужила нашей общей встрече. Это потом уже, по мере приирки, может быть, и сможет возникнуть общая симпатия, а пока что идёт процесс присматривания, который прошёл в сложных погодных условиях, в виде сумеречных угарных туманностей, что, к слову сказать, тоже не прошёл бесследно и принёс некоторое понимание общих сил в борьбе с на-

питками. Со своей стороны, мне тоже не хотелось делиться своими недовоспоминаниями с ними и я ускоренным шагом пошёл к себе.

Войдя в помещение нашего отделения, я к своему удивлению застал пустую стойку администратора. Её или Лизы, не было на месте. Первая возникшая мысль заставила меня взглянуть на часы. Да нет, вроде бы ещё не обед, а про окончание рабочего дня и говорить не приходится. А что, собственно, я так удивился, мало ли работы у администратора, может начальство затребовало её к себе или ещё что.

Обогнув стойку, я, пройдя ещё пару столов со служащими, наконец-то, пришёл к себе. Правда, как только я открыл дверь, то понял, что хочу пить. Так что мне пришлось сделать небольшой маневр до питьевой комнаты и уже после принятия внутрь одного стакана воды и, держа в руках другой, я добрался до себя. Остудившись с помощью удобного кресла и прохладного воздуха, я принялся разбираться с документацией необходимой для подготовки к собеседованию. Судя по письменным рекомендациям, нам предлагалось обратиться к опыту наиболее продвинутых западных компаний. Там подобные методы уже давно применяются и как они сами говорят, довольно успешно, а раз их капитализация растёт, то это и есть главное доказательство эффективности методов их работы. Так что успешность и есть основа истины в сфере бизнеса.

Но почему именно запад является законодателем мод в

этой сфере человеческой жизнедеятельности? Разве там люди живут по другим законам и правилам? Почему все методики бурной рекой текут оттуда? Не знаю, но мне почему-то вспоминаются слова Денницы на одной из его лекций о влиянии внешних условий на человеческое поведение.

– Знайте, человеку трудно идти против течения и смотреть на солнце, поэтому он предпочитает плыть по течению и находиться к нему спиной, глядя в сторону заката, а именно на запад. Ведь находясь спиной к солнцу, легче и удобнее трудиться. Такова человеческая натура и я вполне согласен с данным положением вещей, которые, к слову сказать, отвечают естественному порядку вещей. Повернувшись лицом к западу, человек создал своё искусственное солнце в виде прогресса, которое теперь и освещает его земной путь.

Наверное, есть правота в его словах, но мне кажется, что человеку всё же необходимо, хоть иногда поворачиваться лицом к солнцу, для того чтобы не забыть свой источник жизни. Правда, и в этой сфере жизни, предприимчивость нашлась и стала работать на своё благо. Но это уже другая длинная история. Но что, интересно, так это то, что различные по своей специфике компании, зачастую применяли одни и те же тесты при проведении собеседования. Так неужели требования к кандидатам, в основном везде схожи и получается, что кроме образования, основной упор делается на опытность, плюс человеческие качества соискателя вакансии. Что как раз согласовывалось с моими предположения-

ми об этом.

Мои размышления перебил стук в дверь. После моих слов: «Войдите», – в проёме двери появилось знакомо-незнакомое лицо. Поздоровавшись, лицо приблизилось ко мне и после моего предложения присесть, заняло место на стуле напротив меня. «Но где же я его мог видеть?», – сверлила меня мысль. И ведь пока не разрешишь этот вопрос, она от тебя, кажется, не отстанет.

– Размечтался на кажется, даже и не мечтай об этом. – Блуждающе сверлила мозг параллельная мысль.

– Вот, решил перед выходом на работу, заранее отметить-ся у вас. – Сказало лицо. Блин, бывает же так, что совсем не связанное событие, может навести на нужную мысль. А ведь я ни разу не встречал и тем более, не общался с вошедшим, но всё же, когда я просматривал штатную документацию, я видел фотографию вошедшего. Вот откуда во мне и возникли памятливые черты вошедшего и что интересно, именно его первые слова навели меня на правильную мысль. Хотя какая может быть связь между его незнакомым для меня голосом и виденным мною изображением. Правда, если учесть то, что он сообщил о своём выходе на работу, то путем дальних межизвилистых ходов, можно свести концы с концами.

– Ваше рвение, Пётр Семёнович, похвально. – Мгновенно вспомнив все его фамильные характеристики, сделал акцент на его имени я.

Ну, а в этом месте, для лучшего понимания вошедшего

лица, я хотел бы дать ему небольшую характеристику. Он хоть и был записан родителями в документах под этим самым простым именем, всё же вся его природа противилась этому и он, чувствуя несправедливость по отношению к себе, решил кардинально изменить данный порядок вещей, переродившись в другого человека. Его внутренняя природа разъяснила ему все плюсы нового положения, так сказать, его уложения, и он, приняв их для себя, как непреложный принцип жизни, выдал на свет вместо записанного Петра, новое лицо в виде Петерса. Ну, а как выглядят подобные Петерсы или как там их ещё назвать, вполне можно догадаться.

Хотя для меня было сложно отнести его к определённой категории человечества, и был ли он лицом нетрадиционной сексуальной национальности или же какой-нибудь другой троллейбуссексуальности, мне было не столь важно, когда ему почему-то как раз было это важно, чтобы мне было важно. Требуя невнимания к себе, такие как он, как раз хотят общего внимания к себе, и это не могло не настораживать окружающих. Поэтому, такое моё к нему обращение, не вызвало в нём восторга. Но ему деваться было некуда и он, не показывая виду, продолжил меня знакомить с собой:

– Да вот подумал, что завтра я буду уже на службе, а сегодня я, можно сказать, человек ещё свободный. Так что можно в неформальной обстановке познакомиться друг с другом.

– Вы, может быть, и находитесь вне формальностей, но я в

отличие от вас, как раз нахожусь в форме. – Ответил я. Видя, что я не иду на контакт, Петерс изменил тон разговора.

– Ну, я может не так выразился, просто мне не хотелось прибегать к сухим штампам. – Оправдывался он.

– Отчего вы считаете, что штампы не нужны? Я со своей стороны считаю, что они как раз необходимы. Да и вы как я вижу, ими не брезгуете.

– Это, похоже на фобию. – Зло сказал Петерс.

– Вот видите, стоило мне даже сделать намёк, как вы уже включили свою автоштамповочную машину.

– Да нет. – Рассмеялся он. – Всё не так, как кажется. Разве я не знал, на что шёл.

– Теперь уже я не понял. – Заявил я.

– Я выдаю себя за того, кем не являюсь. И при этом дважды. – Последовал ответ Петерса.

– Как это? – спросил я.

– В первый раз перед природой, ну а второй, перед компанией. – Заявил он.

– Если насчёт компании мне понятно, то насчёт первого, мне не совсем понятно. Зачем? – спросил я.

– Да что говорить, ничего нового. Банальный подростковый путь непонимания, вылившийся в задницу. Ведь всем нужна своя среда обитания или комфорта, вот я и выбрал свою. В этой среде ты волен делать всё, что хочешь, вплоть до всяких непотребностей и никто тебя не осудит, а скорее всего, даже не заметит. Это как в море, я могу мочиться в него,

стоя рядом с семидесятилетней тёткой или же с какой-нибудь молодкой, и при этом вести с ними светский разговор, а она даже этого и не заметит. Так и мы испражняемся в своей среде, кто, на что горазд и никому нет ни до кого дела.

– Ну, вы меня поставили в тупик своим откровением. – В шоке заявил я.

– А что особенного, думаете, наша компания вольна в своих действиях. Да ничуть не бывало. Ей нужны такие как я, для того чтобы показать свою свободу перед другими участниками рынка. Ведь слово свобода, самое занятое слово в наше время. Все кому ни лень, пытаются эксплуатировать его, приставляя его к названию свой род деятельности. Но на самом деле, они, ставя в своём названии «free», просто расписываются в своей закомплексованности, выдавая желаемое за действительное, или в большинстве случаев, идя на прямой обман.

Вот самый простой пример, эти так называемые childfree, ничего кроме омерзения не вызывающие, разве выглядят свободными, да ничуть, они своими мерзкими высказываниями только пытаются оправдать свою никчёмность перед вечным, и так практически происходит везде. Под этой вывеской творятся самые тиранические вещи. Что в полной мере относится и к нашей компании. В век глобализации, она не имеет право на автономию и глобальная свобода и здесь играет по своим правилам. А в них чётко, чёрным по белому, прописана квота на голубое и розовое. Так что моё присут-

ствие в этих стенах, уже на законодательном уровне заявлено и утверждено. А не будет в штате таких как я, то могут возникнуть не нужные вопросы, а там глядишь и прижмут компанию другие свободололюбивые акулы рынка. Так что, я весьма нужный для компании экземпляр. – Со смехом закончил Петерс.

– Да, экземпляр вы ещё тот. – В унисон его смеху, сказал я.

– Так что, какие будут вопросы? – спросил он.

– Да, пожалуй, мне всё и так ясно, что мне придётся прикупить альбом группы «Rainbow». – Ответил я.

– Соглашусь с тем, что все прежде иначе видимые вещи, в свете современности приобрели своё новое значение. – Ответил он.

– Да, теперь я знаю самую стойкую краску, против которой ничто не устоит.

– Но какова же нужна олифа для политики? – спросил Петерс.

– А разве не ясно, что нужно для качественной смазки и разбавки. – Вставил я.

– Да, что-то я сразу и не сообразил. – Усмехнувшись, ответил Петерс.

– Ответ неясен лишь в том, что будет выполнять функцию скипидара? – с расстановкой акцентов на словах, спросил я, и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Впрочем, мы уже отклонились от темы разговора, который, к слову сказать, мож-

но назвать оконченным. Я в принципе, для себя выяснил всё, что требовалось. Так что я вас больше не задерживаю.

– Тогда я могу идти? – вставая, предположил Петерс.

– Да-да, идите. – Встав с места, сказал я. Подходя же к двери, Петерс повернулся ко мне и заявил напоследок:

– Я бы хотел, чтобы вы меня называли... Ну, хотя бы не при всех, тем, кем я не являюсь на самом деле. – На что я ничего не ответил, оставаясь в безмолвии до тех пор, пока он не закрыл за собою дверь. Да, воистину говорят и последние станут первыми. Хотя надо отдать должное Петерсу, он сумел найти ко мне подход и он в разговоре со мной, зачастую задавал тон нашей беседе. Но всё-таки я недопонял Петерса и моё остаточное чувство после общения с ним, пребывало в двойном присутствии духа.

Решив не заикливаться на Петерсе и предоставить времени расставить все точки над *i*, я продолжил начатое дело по подготовке тестов к собеседованию. Разбираясь в различных методиках и опросниках, мне на ум пришла мысль, что, по всей видимости, основные тестовые вопросы уже готовы и суть нашей работы заключалась в том, чтобы показать свою пока теоретическую подготовку к собеседованию, при возможности внесения свежей струи в неё, с последующим практическим овладением навыков ведения собеседования.

После того как я практически весь день провозился с документацией по тестам, я ровно минуту в минуту закрыл дверь своего кабинета и двинулся по направлению к выходу.

За административной стойкой стояла Лиза вместе с Петерсом.

– И что ему дома не сидится? – подумал я про себя. И почему так выходит, что приятное обязательно сопровождает неприятное, или хотя бы ненужное в данной ситуации лицо. Лиза и Петерс о чём-то беседовали, при этом она находилась ко мне спиной, когда как Петерс мог лицезреть меня на прямую. Что он собственно и делал. Когда же Петерс меня заметил, то он, не прекращая разговора, лёгким движением своих глаз дал знать Лизе о моём приближении. Ну а она, как только получила этот сигнал, повернулась ко мне лицом.

Видимо они всё-таки не просто так стояли, а как оказалось, ждали меня. Озарившая меня улыбка Лизы, во-первых, сбила мой толк, заключавшийся в желании проводить Петерса к лестнице и заставить его вспомнить, путём пересчёта ступенек математику, а во-вторых, вызвала во мне ответный улыбчивый рефлекс. И вот, что интересно, что на злое выражение лица, я могу без проблем не реагировать, а вот улыбчивость, обращённая ко мне, не может остаться без взаимности. Может поэтому доброта и одерживает верх над злобным одиночеством. Ведь взаимность и есть та среда, в которой и зарождается вечность.

– А мы вас ждём. – Сказала мне Лиза.

– А что так? – заинтригованно спросил я.

– Да вот, хочу исправить свою оплошность. – Ответила Лиза.

– Какую же?

– Знаете, ведь я знакомлю всех новеньких с нашим житием бытием. А так как по независящим от меня стечениям обстоятельств, мне не удалось это сделать по отношению к вам, и вы уже со всеми здесь познакомились, то я хочу вас ознакомить хотя бы с нашим СПА-салонем по понедельникам. – Сказала Лиза.

– Думаете, что он мне необходим? – в свою очередь ответил я.

– Ну, это не просто салон, даже вернее сказать, совсем не салон. Просто наша компания, решив, что ничто так не оказывает релаксирующий эффект, как посещение магазинов, где цены будут на порядок ниже обычных, и открыла по самым тяжёлым рабочим дням магазин по низким ценам для своих сотрудников, назвав его СПА. В компании считают, что посещение нашего магазина окажет не меньшее воздействие, чем такое же посещение салона, тем более, на салон надо тратиться, а в магазине в некотором роде даже экономишь. Так что, по крайней мере, восстановление нервной системы вам обеспечено.

– Почему бы и нет. – Сказал я. – Что ж, давайте ведите.

Лиза, видимо, только этого и ждала и, с готовностью выйдя из-за стойки, взяв меня по руку, двинулась вперёд к выходу. Петерс же занял позицию по другую сторону от Лизы. Наверное, он и остался здесь, для того чтобы посетить этот корпоративный СПА-магазин.

Магазин, как выяснилось, находился с противоположной нашему отделу стороны, поэтому он и не попался мне сразу на глаза. Многозначительная вывеска магазина «Наше-СПА», вряд ли бы заставила неискушенного в местных перипетиях человека заглянуть сюда. Да и вход через турникет с помощью пластиковой карты работника, не давало шанса проникнуть сюда постороннему человеку.

Помещение магазина было не большим, но в тоже время и не было мало. Что касается ассортимента товара, то если продовольственный сегмент был широко представлен, то перечень промышленных товаров зависел от определённых договоренностей между нашей компанией и поставщиками. Видимо и существенная скидка на продаваемые товары, также достигалась в связи с этими договоренностями. Так что служащие, приходя сюда, должны были почувствовать заботу о них компании, которая в свою очередь ждала от работников ответных соответствующих действий. Вообще компания, везде, где только можно, старалась простелить своё влияние на своего работника, который должен был бы проникнуться этими её стараниями и почувствовать себя её частью или даже больше, стать её семьей.

Ну а что же мы, зайдя в магазин, стали делать? Не могу отвечать за других, но я, ещё не зараженный вирусом потребительства, пошёл сюда всего лишь по одной причине, которую по причине её ясности можно и не озвучивать.

Как только мы пересекли турникет, то Петерс, сообщив

нам о своей любви к одиночному созерцанию, сразу же нас покинул, что не могло меня не порадовать. Когда же Петерс покинул нас, то Лиза повернулась ко мне всем телом и задористо спросила:

– Ну, с чего начнём? – На что я, не зная, что ответить, предложил ей стать моим гидом в незнакомых дебрях, среди представленных экспонатов пищевой промышленности. А ей, как оказалось, только это и надо было услышать. Говорят, что у каждого есть свой конёк или стихия, в которой ты чувствуешь себя на коне, так по-современному «шопинг», который более отражает суть дела, чем его отечественный аналог, что довольно редко встречается в жизни, это и есть врожденная женская стихия, где они себя чувствуют как рыба в воде. А ведь ещё спорят, какая стихия наиболее ближе женскому полу, когда и так всё ясно, субшопинговый эфир, вот только где и могут беззаботно существовать эти создания.

Хочешь узнать женщину, сходи с ней в магазин. И как только Лиза повела меня по местным улицам межстелажья, она и открылась для меня во всей своей сущности. Надо сказать, появившийся блеск в её глазах даже слегка напугал меня в начале. Так он удивительно преобразил её. Мы двигались вдоль рядов, и она успевала всё просмотреть и дать соответствующий комментарий сопутствующему товару. Я же идя сзади и, катя тележку, только и успевал поддакивать её комментариям, которые не отличались разнообразием.

Взяв тот или иной товар, Лиза после краткого его ознакомления, поворачивалась ко мне и утвердительно спрашивала: «Вам, я думаю, тоже надо взять». Получив от меня утвердительное поддакивание, бросала товар в двух экземплярах в корзину. Тем самым, когда мы подошли к кассе, то наша корзина была с верхом наполнена, что вдвойне интересно, раз я, по сути, не собирался ничего покупать. Но видимо такова участь всех тех, кто хочет взаимности и как первый урок – вам придётся понести некоторые неосознанные сперва траты, следом за которыми последуют уже куда более крупные расходы, но зато уже осознанные вами.

Мы же нагрузившись пакетами с покупками, вышли из этого СПА. Но если цены оставляют приятное впечатление, то вес пакетов мог весьма существенно размыть весь эффект от посещения этого СПА-магазина, так что на мой взгляд, в данном вопросе необходима проработка руководства. Хотя я в данный момент совсем не ощущал никаких сложностей в их переноске, а даже наоборот, выпрямив плечи, легко шёл вперёд, неся свою и Лизину покупную ношу.

Мы решили не идти на автобусный рейс, а для начала, немного посидеть на свежем воздухе, так сказать, перевести дыхание после двух моментов – от сопутствующей нашему передвижению рывковому ускорению, которое характеризует городской ритм движения и от второго момента, осушенного кондиционерного воздуха, охлаждающего не только тело, но и душу. Здесь же, на свежем воздухе, несмотря на за-

пылённость, чувствовалось и дышалось несколько легче.

Присев на находящуюся неподалеку от магазина скамейку, мы сами того не ожидая, синхронно выдохнули, затем посмотрели друг на друга и так же одновременно рассмеялись. После непродолжительного смеха, Лиза наклонилась к своим ногам и со словами: «Надо немного ослабить застёжку, чтобы ноги подышали», – проделала данные манипуляции с застёжкой туфель. Когда же данная процедура была проделана и со второй туфлей, Лиза откинулась на спинку скамьи и со словами: «Как хорошо», застыла в тишине. Казалось, что она отгородилась от окружающего мира, но её обращённый ко мне вопрос, опроверг эту версию. Лиза, прикрыв глаза от лучей солнца, видимо решила зря не терять время и, совместив два в одном, одновременно впитывала ультрафиолет и беседовала со мной.

Правда, то, что происходило сейчас между нами, сложно назвать беседой – она что-то там щебетала, а я любовался представленной мне картинкой и время от времени ей поддакивал.

– А в вашем присутствии, получается, я должна быть начеку? – с вызовом вдруг спросила меня Лиза. А я и не знаю, что её заставило меня об этом спросить.

– Пожалуй, что да. – Очнулся я от наваждения и хорошо, что моё подсознание всегда начеку, и оно меня вновь выручило. – Ведь природу не обманешь, – с многозначительным видом говорю я, – и вы, даже не осознавая этого, на инстинк-

тивном уровне ощущаете все возможные существующие во мне опасности. Ваши внутренние рецепторы, контролирующие функционал, отвечающий за охрану организма от внешних опасностей, при моём нахождении рядом, уже не работают в своём обычном режиме, а уже заведены до повышенных оборотов. Правда, для этого необходимо одно важное условие.

– И какое же? – полушепотом спросила она.

– Чтобы и вы считали, что я представляю для вас опасность. – Ответил я.

– Пожалуй, нам пора. – Не отвечая на мой вопрос, Лиза встаёт и заставляет меня тем самым забыть про ответ и следовать за ней. Мы идём с ней молча, но я знаю, что каждый из нас думает об одном и том же.

Несмотря на то, что ходил ещё один дополнительный рейсовый автобус, мы решили не жмотиться и вызвали такси, которое со своей стороны не заставило себя ждать, хотя в некоторые моменты жизни, небольшое ожидание вполне вписывается в необходимость. Но на этот раз такси не вняло моему внутреннему позыву и прибыло можно сказать преждевременно. Завезя, вначале Лизу к дому, где мы, казалось бы, просто попрощались, но мне показалось это совсем не так. Она хотела мне вручить половину стоимости за такси, но я, предложив ей вместо этого угостить меня завтра в кафе, не получил на это отказа, а даже больше, услышал в ответ милое: «С удовольствием!», понял, что этого-то она и хотела.

Затем я сел в такси и когда оно тронулось, то Лиза, стоя у дверей подъезда, подняла вверх руку и помахала мне вслед. Видели бы вы меня в тот момент со стороны. Таксист же в зеркало заднего вида верно не лишил себя удовольствия лицезреть мою глупую не сходящую с лица улыбку. Но даже его хихиканье не вывело меня из состояния отрешенности и только тогда, когда я посмотрел в зеркало в прихожей, я пришёл к себе, и в себя. Куда раньше, правда, сложно сказать, ведь не придя в себя, я не смог бы куда-либо прийти, но с другой стороны, только придя к себе, я обнаружил себя в зеркале.

Впрочем, это не столь уж важно теперь. В данный момент нужно было решить, куда девать всё мною купленное. Я не стал долго раздумывать над этим и принял кардинальное решение, всё оставить, как оно есть и бросил пакеты с продуктами прямо у себя в прихожей. А причиной такому моему решению послужила острая необходимость полежать на диване, задрав ноги вверх, где при этом нужно было заложить руки за голову и, прикрыв глаза, окунуться в мир сладких грез. Да, чуть не забыл, для завершения данного ансамбля, не плохо бы включить умиротворяющую или на крайний случай, любимую музыку.

В данный же момент все условия для моего погружения в мир грёз были выполнены и я, в мгновение ока ушёл в этот мир мысленного небытия. Переживания последних часов наполнили меня, а затем нашли выход из моей души в

безграничную сферу фантазии, где получили уже своё развитие, в соответствии с моими желаниями. А они, не имея никаких ограничений, заводили меня в такие далёкие сладкие дебри, что иногда мне просто самому приходилось себя приостанавливать.

И вот в один из таких необъяснимых на словах моментов, я услышал над собой зовущий меня голос, который говорил: «Алекс проснись». Но, если тревожный сон тебя сразу отпускает, и ты при малейшем внешнем движении выскакиваешь из него, то сладкая греза образует такую липучую среду, что из неё всегда с большим трудом и неохотой удаётся выйти. Услышав повторное ненавистное в данный момент своё имя, я, не изменяя своего положения, только открыл глаза. Не знаю почему, но вид стоящего надо мной незнакомца, даже не встревожил меня, хотя любое такое появление в квартире, должно вызвать совсем иную реакцию хозяина квартиры. Моей же реакцией был только вопрос:

– Кто ты?

Глава 9

ПолноУныние

– Я Атеист. – Был его ответ.

Дальнейшее можно обрисовать в двух действиях, мы безмолвно, разве что только лёгкая музыка служила для нас фоном, смотрели друг на друга, при этом я собирался с мыслями, а мой визави наблюдал за ходом этого сбора. Между тем, надо сказать, что незнакомец не был совсем незнакомцем, а это был тот прохожий, который однажды, как я думал, обозначился, назвав меня моим настоящим именем. Видимо эта знакомость и некое интуитивное предчувствие, и явилось причиной моей хладнокровности. Когда же он назвался своим настоящим именем, то неясность, прятанная за туманностью догадок, наконец-то, обрела свои черты, и для меня всё встало на свои места.

Атеист был моим предшественником, направленным сюда в одной из первых партий Ангелов. Почему я его не узнал, это не тот вопрос, который требовал ответа, ведь все мы посланники небес, носим здесь совсем другую личину, по сравнению со своим естественным небесным видом, а вот как он узнал меня, то это для меня было загадкой.

Надо сказать, что с Атеистом я поддерживал хорошие отношения, будучи ещё ангелом не воплоти, и надо сказать, что он во многом определил моё желание выдвинуться в по-

сланники небес. Впрочем, Атеист имеет право на то, чтобы на нём остановиться более подробно.

В первую очередь, у всех кто с ним впервые сталкивался, вызывало когнитивный диссонанс его, о столь многом говорящее имя, как всем известно, означающее отрицание и безбожье. Но разве может Ангел, служащий богу, носить такое противоречащее фактам имя. Спрашивалось, как мог подобное позволить сам Год в своей канцелярии, но в том то и дело, что как любая канцелярия, так и наша небесная, находится в плену бюрократических циркуляров. Где наша ангельская братия, согласно установленному порядку, как первейшие помощники Года, носят имена, начинающие с первой буквы алфавита. Это в своём роде, наша маленькая привилегия на небесах. У нас, конечно, есть также своя иерархия, прослеживаемая от Ангела до Серафима, где ангелы служат согласно заслуженной им славе, но всё же, каждому ангелу, опять же согласно его предназначению, даётся при рождении своё имя, которое в согласии с его именной жизненной сущности и определяет его место в небесной канцелярии.

Так вот, предназначением Атеиста было его участие в заседаниях спорных судебных коллегий, где он должен был олицетворять собою непреходящую беспристрастность и непредубежденность. В связи с тем, что Денница часто обвинял Года в его пристрастии к человеку, то Год позволил Деннице участвовать в заседаниях божьего суда. Но ему и этого показалось мало, и он добился того, чтобы в нём участ-

вовали беспристрастные помощники из числа всё той же среды Ангелов. А так как разделённость среди Ангелов, после известных событий, не давало шансов на их непредвзятость, то было принято решение, ввести в коллегии помощников судопроизводства новоиспеченных Ангелов. И именно на Атеиста и ложилась задача возглавить когорту ангельской беспристрастности, где он должен был олицетворять правосудие. Находиться как бы вне Года, что, казалось бы, невозможно, так как мы есть все плоть от плоти создателя, но на то он и творец, что ему всё подвластно.

Но, как я уже говорил, имя Ангела это не только альфа, но и его слава, определяемая словом экстра или вне, всё же должна была как-то присутствовать в его имени. Так что в канцелярии, столкнувшись с этой проблемой, подумав, решили пойти на небольшое отклонение и присвоить ему имя Атеист. Что, в конечном счёте, весьма понравилось Году, и он воспользовался этим определением в своих земных делах; и от него частенько можно было услышать, что именно атеисты самые рьяные его поклонники. Ведь они на доказательства его не существования, не жалеют, ни сил, ни средств.

Так же Атеист, благодаря своей слаженной работе на уровне судопроизводства, приобрёл среди Ангелов не малого уважения и к слову сказать, у него даже появились свои почитатели таланта. Даже Денница не раз ссылался в своих лекциях на Атеиста. Так что Атеист имел не малый вес в нашей канцелярии, и как только было принято решение об отправке

миссии, то он одним из первых был зачислен в её состав. И ведь что интересно, что когда утверждались кандидатуры на отправку, где за каждую из них Денница вёл жаркий спор с Годом, и пришла очередь кандидатуры Атеиста, то Денница не имел возражений и даже одобрил данный выбор. Говорят даже, что Денница якобы сам выдвинул кандидатуру Атеиста, насчёт чего, я могу сказать, что это только слухи. И вот после полугода, как мы не виделись, вдруг и происходит эта встреча.

– Как ты вошёл в квартиру? – всё также безучастно спрашиваю я его.

– Двери надо закрывать за собой. – Тоже не меняя интонации, даёт ответ Атеист и сам отвечает на возможный вопрос. – Да, мне пришлось проследить за тобой, чтобы узнать, где ты живёшь. Ведь ты не разговариваешь с незнакомцами, которые обращаются к тебе по настоящему имени.

– Да перестань ты. – Обнимая Атеиста, радостно сказал я. – Ну, дай на тебя посмотреть и запомнить. – Уже возбуждённо продолжил я.

– Ну, запоминать, в принципе, уже не обязательно, по крайней мере, на долгий срок. – Также возбуждённо ответил Атеист.

– Да, что-то ты неважно выглядишь. – Сделал вывод я.

– Что было, то и дали. Выбора большого не было. – Смеясь, ответил Атеист. – Ты-то по сравнению со мной, просто с картинки сошёл.

– Всего лишь с небес спустился и совсем недавно. И поэтому ещё не успел пообтереться и пообтесаться. Так что винить меня не за что. Ведь на всё воля божья. – Смеюсь я.

– Ха-ха, вспоминаю старого Алекса, только, как я помню, ты больше Денницу боготворил. – Язвит Атеист.

– Разве твои слова не звучат парадоксально. – Улыбаясь в ответ, сказал я.

– Поживешь здесь, ещё не так о парадоксалишься. – Продолжая смеяться, ответил Атеист.

– Ну как ты здесь? Я хочу всё знать. – Спросил я его.

– Подожди, не торопись. Всё расскажу. Только дай мне немного передохнуть.

– Да, конечно. Сейчас поставлю чай. Да и перекусить у меня полная прихожая.

– Да, я заметил, когда заходил. К чему готовишься, если не секрет? – спросил Атеист.

– Да так, издержки земного существования. – Усмехнулся я.

– Понятно. Слушай, мне бы надо принять душ. Если, конечно, тебя не затруднит. – Сказал Атеист.

– Обижает. Мой дом, твой дом. Так что, давай, располагайся, где душа пожелает.

– Ну, я всегда знал, что на тебя можно положиться, а пока моя душа желает душа. – С этими словами Атеист направился в душевую кабинку. Я же, не теряя времени, поставил чайник, достал из пакетов то, что можно было подать к сто-

ду, и пока гость принимал душ, можно сказать, придал столу полную готовность. Атеист тоже недолго занимался водными процедурами, и мы спустя полчаса уже сидели, попивая чай.

– А ведь, кто знал, что мы вот так, где то в другом измерении встретимся. – Начал разговор я.

– Может нашу встречу никто не планировал, но предпосылки для неё, я тебе скажу, уж точно были. – В ответ сказал Атеист, при этом совершая большие глотки чая.

– Прости, но я ещё не могу к тебе привыкнуть в подобном обличии. – Сказал я.

– Да ничего. К своему-то, поди что быстро привык. – Подколол меня Атеист.

– Куда деваться, процесс привыкания практически сводится на нет. Но мне не терпится услышать, что с тобой произошло, как ты вообще здесь оказался? – спросил я.

– Я думаю, мой рассказ не сильно тебя позабавит. – Заговорщицки, с серьёзной миной проговорил Атеист.

– Но, как я понимаю, тебе никуда от этого не деться. – В ответ отзеркалил я.

– Верно понимаешь. – С растяжкой ответил он, затем отставил пустую кружку и, облокотившись на спинку стула, продолжил. – Скажи мне Алекс, ты на чьё место сюда прибыл.

– Ну, я поступил в компанию, работающую в сфере связи, в отдел управления персоналом. – Не совсем понимая, что от меня хочет Атеист, сказал я.

– Это всё ясно. Ну, а что случилось с прежними работниками, занимавшими эти должности, ты разве не хочешь мне рассказать? – с нетерпением вставил своё слово Атеист. Между тем его волнение передалось и мне, и смутная догадка, ещё только в процессе формирования, появилась на склоне моего обзорного видения.

– Постой. Раз ты всё знаешь, то мне не совсем ясно, к чему ты ведёшь свой разговор? – спросил я.

– А разве ты не помнишь, куда меня направила наша канцелярия? – удивленно спросил Атеист.

– Неужели это был ты? – невольно спросил я.

– Для начала. Я совсем не понял твоей реплики, а во-вторых, если ты всё-таки говоришь о том, о чём я думаю, то я скажу без утайки. Я точно не знаю. – Как-то потухши к концу своего предложения ответил Атеист. После же его ответа, до моего сознания дошло, что я имел в виду, когда задавал этот свой автовопрос. И ко мне вдруг внезапно пришло озарение и понимание всего случившегося и той роли, которую играл Атеист в той трагической истории, предшествовавшей нашему появлению в компании, а именно тому ужасному случаю с расстрелом всей группы СУПа. Нет, всё же я слегка поторопился, когда сказал, что ко мне пришла полная ясность. Ещё раз нет, просто я осознал, чьё место занимал до меня Атеист.

– Прости, у меня просто вырвалось. Так расскажи, что же случилось? – поспешно заговорил я.

– Знаешь, как оказывается, не всё так легко объяснить, но мне рано или поздно, всё равно придётся держать ответ за содеянное, и даже за не содеянное мной. – Уже окрепшим голосом ответил Атеист. Видимо сложность начать разговор, не давала ему уверенности, но начав, он загнал назад вышедшую погулять на сквозняк уверенность и теперь её недвольные нотки сквозили в его словах. Всё-таки нельзя далеко отпускать данную своенравную даму. После долгого отсутствия она так и норовит воздать с лихвой свои нерастраченные запасы, которые отлежавшись на вольных хлебах, зачастую загрубевают и превращаются в очень непростой предмет.

– С чего же начать? – слегка задумавшись, спросил сам себя Атеист. – А, собственно, начальная стадия моего внедрения, мало чем отличалась от твоей и, в общем-то, на поверхности лежит такая же общая процедура моего трудоустройства в компанию, что и у тебя, разве что детали несколько разнятся. Устроили меня в тоже подразделение СУПа, по контролю того же восточного отделения компании. Где я и должен был собирать информацию для подготовки отчёта на рассмотрение наших руководителей из небесной канцелярии. А ты разве, не с подобными указаниями прибыл сюда? – переключившись на меня, спросил Атеист (откуда он насчёт меня знал, он не спешил говорить).

– Да, честно сказать, всё, что ты рассказал, копирует все мои действия или всё-таки верней будет сказать, все мои

здешние действия, идут по накатанной тобой дороге. – Ответил я.

– Вот это-то и вызывает у меня много вопросов. Вообще, по прошествии времени, многие вещи для меня видятся совсем в другом свете. Вот скажи, что ты думаешь насчёт вашего наставника? – неожиданно для меня, спросил он.

– Ну, я даже не знаю, что определённо сказать на его счёт. Единственное, что могу сказать, что он довольно колоритная личность. – В затруднении ответил я.

– Ха, конечно. Денница других и не держит. – С каким-то безумным восторгом нервно рассмеялся Атеист.

– Подожди. Объясни мне, что ты этим хочешь сказать? – недоумеваю, спросил я.

– А чего непонятно. Наша миссия, это всего лишь верхушка из того, что скрывается под основной глобальной задачей, решаемой Денницей. И я думаю, что наряду с ангелами, им также направлены сюда и его легионеры, дабы обеспечить контроль за осуществлением его далеко идущих планов. – Сумрачно проговорил Атеист.

– Но, с чего ты это взял и какую выгоду может извлечь Денница из всего этого действия? – всё недоумеваю, рассуждал я.

– Не мне тебе рассказывать о желании Денницы занять главенство в небесной канцелярии. И как ты знаешь, что именно он добился от Бога отправки ангельской миссии сюда, для сбора данных о новых человеческих прегрешениях,

дабы усовершенствовать его заветную греховную страницу. Так ведь, ничего я не путаю? – задал мне вопрос Атеист.

– Да, всё верно. – Согласился я.

– Но между тем, это не единственная его задача решаемая здесь. Помимо расширения перечня грехов, обрушиваемых на человечество, он хочет перетянуть на свою сторону как можно больше новоиспеченных ангелов. Ведь вы, видя в каком грехе погряз человек и при этом, несмотря на это, Год не изменяет к нему отношение и всё так же ему благоволит, определённо начнёте задаваться вопросами. А всё это очень сильно смущает ангелов и они всё чаще переходят на сторону Денницы.

– Но этого, я думаю, недостаточно, чтобы непоколебимого в вере ангела смутить и увести с выбранного им пути. – Возразил я.

– Для этого же и включается обработка Ангела действием, с помощью создания определённых постановочных ситуаций, на которые такой мастак Денница. Которые в нашем случае, я бы назвал ремейком ангельской жизни. Видимо, по одному и тому же сценарию, Денница работает и в нашем с тобою случае.

– Хорошо. Ну допустим Денница перетянет на свою сторону большинство Ангелов, но этого ему будет мало для того чтобы сместить Года? – Задался вопросом я.

– Да, верно. И как я думаю, что Денница считает также. Так что ему для успеха дела, просто необходимо завладеть

божественной энергией, которая в мире носит название сексуальной. После чего его шансы совладать с Годомкратно увеличиваются. Ведь именно на этой энергии и зиждется жизнь. Для этого ему, видимо, необходимо низвести человечество в бездну и пополнить за их счёт свой запас этой божественной энергии. Увеличение Ангельских сторонников, плюс божественная энергия в своём распоряжении, вот те козыри, на которые он рассчитывает в борьбе с Годом. – Подытожил себя Атеист.

– Звучит устрашающе. – Отреагировал на его слова я. – Ну, а что же Год, разве он не предвидит подобные действия Денницы? – спросил я.

– Но ты же знаешь Года. Ведь пути его неисповедимы и нам не дано их предугадать, и только остаётся верить и уповать. – Ответил Атеист.

– Да, верно и скажу больше, что это никогда не подводило. Но всё же, не хочется быть слепым оружием в руках судьбы, которая на данный момент находится в подчинении у Денницы. – В волнении встав из-за стола, я стал ходить из угла в угол. Затем присел и, налив нам ещё по чашке чаю, продолжил. – Но мы, кажется, сильно отклонились от первоначальной темы разговора.

– Это был всего лишь теоретический отступ от темы, который между тем, имеет прямое отношение к ней и даже очень необходим для её лучшего понимания. Вот, к примеру, Наставник, этот любитель водных процедур, как змей, впитыва-

вающий через поры кожи влагу в свой организм. На мой вопрос, ты его охарактеризовал, как весьма колоритную личность. На мой же взгляд, он играет во всей нашей с тобой истории одну из ключевых ролей. – Задумавшись, замолчал Атеист.

– Какую же? – вырвалось у меня от нетерпения.

– Наставник, можно сказать, воплощает в жизнь все задумки главного игрока на этом поле, Денницы. Денница ведь не прочь поиграть, вот он через Наставника и управляет всем процессом игры. Когда я поступил на службу, Наставник за каждым из нас закрепил область ответственности и как уже говорил, я был направлен в восточное отделение компании, при этом, это было всего лишь временное место моей работы. Меня и ещё одного вакансёра, как потом выяснилось, приняли на одно место с испытательным сроком, по истечении которого и должно было принято решение о приёме на работу одного из нас.

Не знаю, как решался здесь вопрос конфиденциальности личной информации, при том, что мы были ещё на испытательном сроке, но Наставник, по-моему, слишком вольно обращался с этой информацией. Так вот, он для начала предоставил нам личные дела сотрудников для ознакомления с ними, но при этом заявил, что хочет проверить нас на наше умение читать людей, для чего он для начала даст каждому из нас по одному делу. На основании знакомства с которым, мы должны будем рассказать ему те выводы, к которым мы

пришли. И что же ты думаешь, кто мне достался? – с вновь появившейся нервозностью заговорил Атеист.

– Я могу только предположить, ведь я знаю о деле только в общих чертах. – Ответил я.

– Это было дело Эльзы. Ты ведь её знаешь? – глядя на меня в упор, спросил Атеист и с какой-то натужной мольбой добавил. – Так ведь.

– Да нет, я с ней не знаком. – С растерянностью ответил я.

– Она бы тебе понравилась. – Не меняя своей интонации голоса, заявил Атеист. При этом он как-то весь съёжился, при этом его вид изменился до неузнаваемости и передо мной предстал совсем разбитый, ни человек и ни ангел, а какая-то переходная субстанция. И именно этот его вид стал для меня подсказкой к этой его истории. Но точный ответ всё-таки прозвучал только из его уст. Но вот секундная слабость, вызванная воспоминаниями, ушла, и Атеист вновь собрался и уже спокойно продолжил разговор.

– Я думаю, что Наставник, не просто так мне подсунул дело Эльзы, он хотел, чтобы я обратил внимание именно на неё. Как он ещё говорил, первое личное дело навсегда запоминается и входит в душу. С чем я с ним полностью соглашусь. Вот она в меня-то и вошла и больше не отпускает.

– И ты не допускаешь возможность случайности? – спросил я.

– Ха, случайность. – Горько усмехнулся Атеист. – Я не верю в неё, ведь она не подвластна Деннице и находится под

началом Года.

– Тогда может быть, это было испытание, предначертанное тебе? – спросил я его.

– Ты сказал и теперь я уже не знаю, во что верить. – Растерянно сказал Атеист. – Но всё же, как бы то ни было, я запомнил Эльзу навсегда и её образ запечатлелся в моей душе навечно. Что касается всех последующих перипетий моей здешней жизни, то я не думаю, что они сильно заинтересуют кого бы то ни было кроме меня, поэтому сразу перейду к тому памятивому вечеру, когда случился расстрел отдела СУПа. Правда, прежде я начну, я должен тебе обрисовать состав участников того действия. Извини, что я сбивчиво рассказываю, но мне не так-то легко восстановить всю цепочку действий в тот вечер. Ведь для понимания сути случившегося, мне добавочно необходимо ознакомить тебя с теми предпосылками, так повлиявшими на развитие этих трагических событий. – Перевёл дух Атеист.

– Я ведь ничем особенным не выделялся среди той массы, в которую волей творца был погружен. Скажу честно, моя самооценка весьма сильно хромала и только благодаря моему старанию, я смог удержаться на плаву. Мой же соперник, предьявляющий права на место в компании, был совсем из другой породы местной фауны. Я бы сказал, что таких называют счастливыми, для которых не существует поражений и неудач. Они всегда добиваются успеха. Меня же он в упор никто и в особенности он не видел, и для него я был

вроде какого-то недоразумения.

Конечно, он не переступал правил приличий и всегда здоровался с милой дежурной улыбкой по утрам. Но не более того. Впрочем, если окинуть взглядом тот период моей работы в компании, то вряд ли можно сказать, что я сыскал популярность или хотя бы уважение среди её сотрудников. Мой тип серого человека без футляра, в современной формации находится вне тренда, так что мне приходилось вести замкнутый образ жизни. Единственным лучом радости для меня в этом мире была Эльза. Я понимал, что мне вряд ли можно было на её счёт на что-то рассчитывать, и поэтому вёл себя по отношению к ней очень сдержанно. Но разве под личиной невозмутимости, можно скрыть от окружающих волнение своей души, и она, не выдержав заточения, возьмёт, да и прорвётся в самый неподходящий для тебя момент или же ты сам, ощущая потребность высказаться, расскажешь об этом тому, кому совсем не следовало это делать. В моём случае, произошло последнее.

Так на одном из уик-эндных выездов на природу я, перебрав тонизирующего пойла, впервые расчувствовался и поделился своими соображениями на счёт Эльзы, как ни странно звучит, с нашим счастливымчиком. Вернее будет сказать, что возникшая ситуация как-то так закрутилась, что это случилось само собой. На этом выездном пикнике, наш счастливик был как-то особенно вежлив и предупредителен, при этом выказывал ко мне особое расположение. Когда же мы

достигли определённого градуса настроя, предполагающего доверительность беседы, то тема разговора закрутилась вокруг нашего женского корпоративного окружения. Счастливчик, не испытывающий проблем в этом вопросе, проявил чудеса прозорливости и несколькими опосредственными вопросами добился от меня откровенности, в которой я и признался ему в моей страсти к Эльзе. На что Счастливчик выразил мне свою поддержку тем, что верит в меня и что, по его мнению, у меня есть все шансы заполучить себе эту даму. После чего я, осчастливленный этой поддержкой, и вовсе поплыл, что в итоге привело меня к переоценке моих сил и выводом меня из строя. Естественно, в последующий за этим новый рабочий день, всё забылось и потекло своим прежним чередом. Но это только мне так показалось.

Не прошло и недели, как после окончания рабочего дня, я, следуя своему ежедневному ритуалу, выдвинулся домой. Пройдя коридоры компании, затем проследовав сквозь турникет с охраной, я вдруг вижу сквозь окно рядом с парковкой Эльзу. Она стояла там, в ожидании кого-то. Я же, не сводя глаз с неё, прохожу выходные двери и иду по направлению к ней, но, не пройдя и пару шагов, вижу, что Эльза кого-то заметила и со счастливой улыбкой машет этому, пока ещё не видимому мной кому-то. Я поворачиваю голову по направлению взгляда Эльзы и в тот момент, когда замечаю объект приветствия Эльзы, в моей душе происходит обрушение основных перекрытий, и они со всей тяжестью обрушиваются

вниз, тем самым вызывая паралич моих ног.

Я, ошарашенный увиденным, не могу дальше двигаться и как замороженный стою на месте. В это время с другого выхода здания компании выходит Счастливчик и направляется к Эльзе. Да, это он, кому она приветственно машет, и тот, кто стал причиной моего временного паралича. Счастливчик подходит к Эльзе, обнимает и одновременно целует её в щеку, при этом его лицо обращено на меня и он с ухмылкой, как мне показалось, подмигивает мне, затем заворачивает Эльзу и они, усевшись в машину, вскоре уносятся прочь от сюда, но только не от меня.

Для меня же, всё также стоящего на одном месте, они всё стоят напротив и мне всё по прежнему видится дьявольская ухмылка Счастливчика. Не буду останавливаться и рассказывать про то, как я пережил тот удар под дых, мне до сих пор не выносимо вспоминать это. – С этими словами Атеист встал и подошёл к окну. Я же со своей стороны не смел нарушить возникшую тишину. Созерцание окружающего из окна квартиры, да ещё с высоты, всё-таки частично успокаивает нервы, что и в данный момент получило своё подтверждение. И Атеист, временно побыв наблюдателем, успокоился и вернувшись назад за стол, вновь продолжил свой рассказ.

– Я думаю, что мне не надо говорить, какими я воспылал чувствами к Счастливчику. Не знаю, сколько прошло времени после этого эпизода, но можно сказать, что мы уже приблизились к кульминации моего рассказа, а именно насту-

пил тот день «Ч», когда всё и произошло. В нашей компании по случаю какого-то внутреннего юбилея, было решено провести корпоративный вечер. Раньше, как мне рассказывали, для этого снимался какой-нибудь банкетный зал и уже там, наши служащие и шли в отрыв. «Но сейчас говорят, времена тяжёлые и руководство всё больше жмотится», – негодуя замечают всё те же знатоки корпоративов.

Так что было принято решение под это дело организовать свой актовЫй зал, при здании компании. Зато при этом траты на застолье не претерпели изменений. «Но ты же понимаешь, заговорщицки продолжал разоблачать этот знаток празднеств, это только для нас, низшего звена компании, проводятся такие объёданки. Для себя же они, – показывает палец кверху сей знаток, – не скупаются и организывают вечера совсем на другом уровне; прямо в постели с мадонной. – На последних словах, знаток краснеет от злости при воображаемых кутежах начальства и, сплёвывая слюну тебе под ноги, махнув вниз рукой, уходит». Не смею, не привести сопутствующие такой несправедливости, имеющие место нервные мнения. – Сделал оговорку Атеист.

– Так вот, на такой корпоратив, и собрались мы, менеджеры низшего и среднего звена.

Я не мог находиться рядом со Счастливым, но он и сам к этому не стремился, так что я выбрал для себя место, главным достоинством которого была максимальная отдаленность от него. Но, если физически я находился от него

далеко, то в душе он ни на секунду не покидал мой мозг. Сидя на краю стола, я только и делал, что бросал косые взгляды в его сторону. Казалось бы, громкая музыка не давала ни шанса быть услышанному веселью и смеху звучащему с их стороны, но для меня музыка была всего лишь фоном, и каждый исходящий от них звук, отражался эхом и до боли резал мне слух.

Что же делает одинокий, раздражённый человек в таких случаях? Всё верно, напивается. Приняв внутрь изрядное количество спиртного, я на некоторое время отвлёкся и даже поддался общему праздничному настрою, что выразилось в моём деятельном участии в конкурсах и танцах. Течение времени размылось в моём сознании, и я уже его измерял отрезками моих подходов между танцами к столу за очередной порцией горячительного. В какой-то момент весовая доля выпитого достигла той отметки, когда подпорки моего сознания не выдержали этой массы и обвалились в не сознание. И я, телесно пребывая на корпоративе, в тоже время выбыл из него.

Не знаю, сколько прошло времени, когда я пришёл в себя, обнаружив себя сидящим на корячках рядом с унитазом, в туалете. Где проделав одну из сопутствующих выпивке процедур, а именно проверив свой рвотный рефлекс, я почувствовал себя несколько лучше. Выйдя из туалета, я, решив выпить стаканчик воды, пошёл к ближайшему кулеру с водой. Я не сильно задумывался, где можно его найти и шёл

просто куда глаза глядят. Хотя это и не самый действенный способ для поиска чего-либо, но всё же, в конечном счёте, он вас приводит, если не к вашей цели, то к чьей-нибудь уж точно.

И вот, когда я вышел из очередного поворота, то я, наконец-то, заметил в конце коридора кулер с водой. Но, вместе с этим открытием, ко мне пришло ещё одно осознание. Как оказалось, мой путь к кулеру проходил рядом с дверью в кабинет Наставника, из которой до меня доносились оживлённые звуки разговора, иногда прерывавшиеся смехом. Первая возникшая у меня оторопь от осознанности того, что я возможно сейчас, к лицу к лицу встречу со Счастливым (его голос я сразу узнал), сменилась решимостью. И я насколько можно в данный момент твёрдой поступью, направился по направлению к свету исходящему из кабинета Наставника.

Приближаясь к двери, до меня всё чётче стали доноситься голоса, находящихся в кабинете людей. И вот по мере моего приближения, я уже различал, кто и о чём говорит, каждый мой шаг отдавался зловещим эхом во мне. Моё появление в дверях (я решил несмотря ни на что, зайти к ним), можно сказать, было слишком неожиданным для присутствующих. Внутри кабинета собрался весь наш отдел СУПа. Видимо, решив отдохнуть от общего шума, они, прихватив несколько бутылок горячительного, и уединились здесь, дабы придать-ся аналитическому действию, заключавшемуся в обсуждении

участников сегодняшнего корпоратива. Когда я появился в дверях, Счастливчик, держа в одной руке бокал, опять кого-то заворачивал в своём весёлом рассказе, но моё появление поставило точку в его рассказе.

– О-па! – только и нашёлся, что сказать он, увидев меня.

– Разве я помешал? – с порога кинул вопрос я.

– Отчего же. – Придя в себя, уже спокойно ответил Счастливчик. – Просто это вы сторонитесь нас и пренебрегаете общим с нами местом за столом.

– Я думаю, вам не нужно объяснять, почему возникла такая ситуация. – Повышая градус напряжения, сказал я.

– Ах, вот в чём дело. – С наигранным удивлением сказал Счастливчик. – Да брось ты это. В конце концов, без желания оппонента, ничего не делается и я всего лишь пошёл на встречу её желаниям.

– Но я ведь тебе сказал... – не смог договорить я, как Счастливчик перебил меня и жёстко заявил. – Ну и что, разве мы с тобою друзья. Да и будь ты мне другом, я бы тебе так же сказал, что в деле любви дружбы нет.

– Что верно, то верно. – Сбитый верностью его слов, растерянно ответил я. Счастливчик между тем, заметив мою растерянность, продолжает. – А, впрочем, я могу дать тебе шанс. – Сбитый с толку и как утопающий, я, хватаясь за соломинку, спрашиваю: «Какой же?».

– Всё очень просто. Мы вот тут решили на практике проверить правильность задачи о русской рулетке. А желающих,

кроме меня и не находится. – С вызовом заявляет Счастливчик и при этом не сводит с меня глаз.

– Ты это серьезно? – спрашиваю я его.

– Конечно. Вот и револьвер у Наставника позаимствовал. – Доставая из кармана куртки револьвер, говорит Счастливчик, затем кладёт револьвер на стол, чтобы достать из другого кармана пачку патронов и присоединяет их к револьверу. Я бездвижно смотрю на его действия, остальная компания, онемев, тоже с удивлением смотрит на всю сложившуюся ситуацию. Счастливчик, проделав все эти манипуляции одной рукой (вторая была занята бокалом), вдруг понимает, (его состояние было в данный момент далеко от нормального), что всё это можно было бы проделать куда легче, если с самого начала поставить бокал, освобождается от него, поставив его рядом на стол и, глядя на меня говорит:

– Вот видишь, всё готово. И если ты решишься, то я дам от ворот поворот Эльзе. Как тебе такой расклад?

Я же сомневающийся в серьезности его намерений, услышав имя Эльзы, забыл про всё и бросился навстречу брошенному мне вызову. – Я согласен. – Прозвучало из глубины моей души.

Это сейчас, всё, кажется, глупо, но в тот момент мои обостренные чувства принимали всё за чистую монету.

– Вот это я уважаю и за это предлагаю выпить. – С трудом поднявшись, сказал Счастливчик, затем под прицелом присутствующих глаз достал из сумки бутылку водки и два од-

норазовых двухсотграммовых стаканчика. Поставив стаканы на стол, он открыл бутылку, затем вылил из неё в стаканы содержимое так, что через края стаканов слегка выливалось спиртное. И все эти свои действия он сопровождал комментариями к будущим нашим действиям. – Сделаем, как заявляется в условии задачи (я не сразу понял, о чём он, но потом вспомнил о наших тестовых задачах, предлагаемых соискателям вакансий). Вставим два патрона в соседние гнезда. Но так как по условию первый выстрел должен дать осечку, а мы уж точно не хотим проверить на себе твёрдость свинца патрона, то шибанем первый выстрел в стену, и если будет нужная нам осечка, то за дело уже возьмёмся мы с тобой. Как тебе такой расклад?

– Подходит, но зачем нужно спиртное? – спрашиваю я.

– Ну, уж точно не для храбрости. – Говорит Счастличик и, поднимая стаканчики, подаёт один из них мне. Я же в свою очередь, уже весь во власти обстоятельств, не могу отказаться и беру стаканчик в руки.

– Мало ли что было и кто знает, много ли чего ждёт нас впереди, но я хочу, чтобы не количество ценилось нами, а качество осознания момента. Так что, давай до дна! – с этими словами, не спуская с меня глаз, Счастличик опрокидывает в себя содержимое стаканчика. Я же со своей стороны, подталкиваемый этим примером, опрокидываю свой стаканчик. После же того, как горечь вкуса напитка вызвало у меня стоическую гримасу лица, мне любезно поднесли продук-

ты, нежно называемые закусью. Вместе с закусью последовал эпитет со стороны Счастливого: «Вот это молодец. Ну, а теперь приступим к делу», – с этими словами он берёт два патрона и заряжает ими револьвер.

Но тут вдруг все эти его действия встречают небольшой словесный отпор и кто-то из присутствующих пытается остановить Счастливого: «Пошутили и хватит». На что Счастливчик, обращаясь ко мне, говорит: «Ты разве шутишь?». – Я же в ответ только отрицательно машу головой.

– И я не шучу. – Громко, чуть ли не крича, заявляет он, и вслед за этим, после вращения им барабана револьвера, подходит к открытому окну и производит выстрел в него. Всё это происходит в мгновения ока, так что мы даже не успеваем хоть как-то на это среагировать.

Так вот, Счастливчик нажимает на спусковой крючок, но вместо выстрела до нас доносится всего лишь щелчок барабана, означающий осечку. Для продолжения нашего практического эксперимента, такой результат как раз и отвечает нашему условию. Счастливчик подходит ко мне и протягивает пистолет с предложением начать игру.

Это сейчас у меня возникли веские претензии по поводу нашей очередности нажатия на спусковой крючок револьвера. Ведь решающее значение имело то, кто будет первым крутить барабан. Ведь, собственно, от этого, да и плюс от выбора варианта (крутить или не крутить барабан перед нажатием спускового крючка) только и зависел результат наше-

го поединка. Конечно, кроме теоретического вероятностного решения, в данном случае включался практический фактор присутствия, который, впрочем, даже больше влиял на наш итоговый результат. Ведь всё-таки выбор правильного варианта определял всего лишь большую вероятность шанса на выживаемость, но он при этом, не давал тебе стопроцентного шанса на жизнь.

Выстрелив в окно для организации начального условия задачи, которая звучит следующим образом: «Игрок вращает барабан, далее подносит пистолет к виску и нажимает на спусковой крючок. Щёлк! Повезло! Игроку необходимо ещё раз нажать на крючок. Что ему лучше сделать: снова повернуть барабан или сразу нажать курок?», – Счастливчик тем самым, как бы с одной стороны выполняет необходимые действия, но с другой стороны, самим этим действием вводит меня в заблуждение. Ведь мой разгоряченный мозг понимает это его действие, как то, что он сделал свой подход, и теперь наступила моя очередь, когда на самом деле, он всего лишь приготовил револьвер к игре. Что в итоге и вылилось в американку, то есть в игру в одно моё лицо. Так что, вместо честного жребия, произошла небольшая подтасовка на психологическом уровне, в чём я, впрочем, должен винить только самого себя. Кто знает, что бы случилось в дальнейшем, если бы я распознал уловку Счастливчика, не оставившего мне право на выбор; хотя бы и с помощью жребия.

Но что ж, я беру револьвер и, не прокручивая барабан,

именно в этом случае вероятность осечки три к четырем, более высокая, чем, если бы я крутил барабан, при которой вероятность будет два к трём, но всё же не надо забывать, что это всего лишь вероятность и всё во многом зависит совсем от других факторов.

В общем, я придаю себя в руки господина, который, к слову сказать, не одобряет такие поступки и, больше не задумываясь, – на последних этих словах, Атеист подносит к своему виску сведённые в пистолет пальцы, – нажимаю на спусковой крючок револьвера. – Атеист озвучивает вслух этот щелчок. – Тщик. И осечка. – Атеист при этих словах как-то жалобно улыбнулся глядя на меня. – После чего я опускаю револьвер и стою ошеломленный своими же действиями. Мои действия приводят всех в ступор, и только отдалённый шум музыки, разбавляет общее ошеломление.

Отстоявшись немного, я бросаю револьвер на стол и, несмотря на Счастливого, говорю ему: «Ну что, теперь твоя очередь». На что он заявляет, что задача собственно уже решена и что я своим выстрелом подтвердил верный результат задачи. Ведь для выяснения шанса выживаемости, собственно и было предложено данное состязание. Что же касается него, так он со своей стороны считает, что для того чтобы избежать смерти, вообще будет лучше отказаться от участия. Ведь в этом случае вероятность твоей выживаемости и вовсе приближается к ста процентам.

Ну а эти его последние слова и вовсе вызывают у всех

громкий смех. Я же вновь себя чувствую обманутым и оскорбленным. Но меня в этот момент интересует совсем другое. И я задаю Счастливику единственный интересующий меня вопрос: «Ну а как же насчёт неё? Разве я не сделал всё, что от меня требовалось?». На что он, сменяя лишь интонацию смеха, отвечает: «Ну, вероятность положительного ответа, придётся уж тебе самому определить». Полученный шок, вкупе с начавшим свою атаку стаканом спиртного, обрушиваются на меня и я, бросая прощальное: «Чтобы выжить, ста процентов будет мало», – окунаюсь в тёмный коридор выхода из кабинета Наставника.

Волочась по коридору, я мало, что соображаю, только мелькающие световые образы из окон, вспышками отражаются в моей голове, и так пока моё сознание полностью не погружается во тьму. Вот, как то так. – Закончил свой рассказ Атеист.

Как правило, в таких случаях собеседник задаёт логично-ненужные вопросы типа: «И ты точно, больше ничего не помнишь?», – но я пропустил данное предложение и просто выпустил междометье, которое, впрочем, им не является, но зато очень подходит для употребления в данном месте, в качестве своего нового определения между двумя метьями: «М-да».

– Что случилось дальше, я не знаю. Я можно сказать, полностью выпал в осадок. Что творилось вокруг, для меня также осталось неизвестным. И что интересно, так это то, что

я оказался не у себя дома, а в гостинице. Очнувшись утром в незнакомом помещении, я попытался включить свою сообразительность, но она не смогла мне выдать подходящую версию, обосновывающую моё присутствие здесь. Осмотрев помещение и, поняв, что по всем признакам, я нахожусь в каком-то наёмном помещении типа гостиницы, я, придя в себя вслед за этим, спускаюсь вниз к метрдотелю, чтобы разузнать подробности моего заселения в номер. Но смена сменилась и мне ничего не удаётся выяснить, кроме того, что мой номер нужно сдать к двенадцати часам. Не получив ответа на свои вопросы, я вернулся в номер, где после принятия душа и наведения в себе более менее порядка, приготовился к убытию из сего места. Когда же я, уже было собрался выключить телевизор, то по нему огласили такую новость из рубрики ЧП, что у меня само собой подогнулись ноги.

В выпуске говорилось, что один из сотрудников такой-то компании (ты понял какой), вчерашним вечером застрелил из карабина троих своих сослуживцев. После расстрела, было сказано, убийца скрылся с места преступления. По оперативным данным, предполагаемым убийцей может быть. И тут называется моё имя. Основанием для выработки данной версии могут служить найденные отпечатки пальцев подозреваемого на месте преступления. Далее сообщается, что дома я не обнаружен и что в связи с произошедшим, я объявляюсь в розыск. Так что, в случае обнаружения человека похожего на меня, просьба звонить по телефону обозначен-

ному ниже.

Что и говорить, я был в шоке, если не сказать, в полном ауте. Сперва мною овладело желание пойти в органы и всё рассказать, и уж там-то мне казалось, всё поймут и разберутся. Но потом мной овладел страх и главное, возникло подозрение на то, что показанное по новостям, вполне могло быть правдой. Ведь выходя из кабинета Наставника, меня просто переполняло желание растерзать всех там присутствующих и, злоба истощавшаяся мной, вполне могла привести меня к осуществлению данного преступления.

Но одно дело хотеть, но сделать это уже совсем другое. Вроде бы желание было, но вот возможность имелась ли. Даже если я как-то совладал с карабином и смог пустить его в ход, то откуда всё-таки я мог его взять. Но мои отпечатки пальцев на карабине, мало оставляли мне шансов на положительный исход дела. Да и непонятная история с гостиницей, заставляет крепко призадуматься. Но стоп, возможно там внизу, на стойке, тоже посмотрели выпуск новостей и тогда... Мне нельзя больше здесь оставаться и, собравшись с духом (больше при мне ничего не было), я покидаю данное заведение.

Что дальше? А ничего особенного, я просто беру и теряюсь для всех в одной из съёмных квартир мегаполиса. Чему поспособствовало неожиданная находка, оказавшаяся в кармане моего пиджака. Как оказалось, вместе с моими документами, которые я не знаю, как оказались при мне, я также

обнаружил весьма не малую сумму наличных. – Закончил эту часть рассказа Атеист.

Я было открыл рот, дабы указать факт, опять же лежащий на поверхности, но Атеист перебил меня, сказав, что он всё понимает, и что его побег есть своего рода признание его вины. Но для него теперь это уже не важно, его больше интересует другой вопрос, что и кто за этим стоит, так как все странности, как гостиница, в которую, как он потом узнал, его доставил какой-то незнакомец, наводят на определенную мысль.

– Кстати, о незнакомце, о котором ему рассказал работающий в ту памятно-беспамятную смену администратор. – Принялся размышлять Атеист. – Он сообщил, что меня еле живого, доставил какой-то средних лет мужчина, причём номер для меня был забронирован заранее. После чего он, с помощью хорошего вознаграждения, поспособствовавшего его стоворчивости, в плане закрытия глаз на моё невменяемое состояние, отвёл меня в номер. Затем незнакомец, попросив администратора не беспокоить гостя, удалился. Я попытался выяснить внешние подробности незнакомца, но администратор кроме общих характеристик, роста, возраста и цвета волос, не смог заметить за ним запоминающих внешних отклонений от нормы. Также находка в моём пиджаке документов и денег, заставляла крепко задуматься об этом. Так что, чем больше я об этом думаю, то тем больше убеждаюсь, что все события того памятного вечера, были спланированы

и я догадываюсь кем. – С ударением на последнем слове закончил Атеист.

– Но зачем это ему? – рефлекторно спросил я и сразу осёкся. – Впрочем, ему всё интересно и надо.

– То-то и оно. Его опыты не имеют границ и ограничений. Для него всё имеет своё значение. – Ответил Атеист.

– Но что же ты собираешься дальше делать? – поднявшись, спросил я.

– Знаешь, ведь для Денницы и тем более для Года, не проблема экстренно вывести меня отсюда, но как видишь, я пока ещё здесь. Выходит, моя миссия здесь ещё не до конца выполнена. Вот только в чём она заключена для меня, мне неизвестно. Но пока я здесь, у меня есть одна радость, это видеть Эльзу. Ведь я каждый вечер прихожу к зданию компании, чтобы хотя бы издали посмотреть на неё, а потом проводить до дому, следуя за ней на расстоянии. И я как бы стал для неё ангелом-хранителем. А ведь мы всегда помыкали этими низкородными служаками, а теперь я ангел высшей чина, готов поменять все свои чины на возможность воплотиться в хранители. – С горечью сообщил Атеист, немного помолчал и спросил меня.

– Только знаешь, что-то я её в последнее время не вижу и это меня уже стало тревожить. Может, ты знаешь что-то про неё? – с мольбою в глазах спросил он меня. После этого вопроса до меня стали доходить подозрения об истинной причине прихода Атеиста ко мне. Неужели все эти разговоры

были всего лишь прологом для этого его главного вопроса. Но нет, не может быть, и всё же, как бы Атеист не запутался во всех этих делах, его ангельскую позицию трудно поколебать возникшими жизненными перипетиями и, я думаю, что он всё также твёрд в своих воззрениях на проводимую политику Года. Как же я ошибался на этот счёт. Видимо недооценка человека, в особенности влияния на него женской части, всегда приводили к такому результату. Что же касается Эльзы, то я был информирован на её счет. Я знал, что её на время перевели в северный филиал компании. Но я решил, что в настоящий момент будет лучше не сообщать об этом Атеисту, и для того чтобы перевести нежелательный для меня разговор, я после отрицательного ответа на его вопрос, направил беседу в другое русло.

– А я ведь их видел в канцелярии у Года. – Вдруг вставил я.

– Кого их? – непонимающе спросил Атеист.

– Ну тех, убиенных. Мне ещё показалось странным вынесенное им решение, подождать с окончанием дела, до прибытия основного участника. – Рассказал я ему вспомненное мною у Года.

– Ну и что, мне уже нет до них никакого дела. – С этими словами Атеист встаёт из-за стола и, надевая снятый пиджак, висящий на спинке стула, говорит: «Пожалуй, мне пора».

– А разве ты, не останешься у меня? – удивлённо спросил я его.

– Спасибо за гостеприимство. Но я не хочу, чтобы у тебя были проблемы из-за меня.

– Какие ещё проблемы? – сразу не сообразив, автоматически спросил я.

– Ну как, я всё-таки разыскиваемый преступник, и если кураторов из нашей канцелярии тебе можно не опасаться, то насчёт местных властей, я бы не стал так думать.

– Да, пожалуй, ты прав. – Согласился я. – Но что ты будешь дальше делать, как долго рассчитываешь ещё здесь находиться?

– Знаешь, а ведь по большому счёту, меня здесь ничего не держит, разве что только желание видеть её. А в виду того, что эта последняя, держащая меня причина, можно сказать, исчезла в неизвестном для меня направлении, то я, пожалуй, вскоре решусь и предстану перед нашим небесным боссом. Для этого всего-то надо, лишь лишит себя жизни, а там сверху, если уж решат меня недостойным иметь славу Ангела, то значит, переведусь в легион Денницы. Поменяю свою начальную ангельскую «А», на присущее легиону отрицания человечества, его деструкцию. Так что, возьму определяющую эту деструкцию приставку –де и волею в ряды его демонов, и снова буду служить во славу небес, только уже с другой, ниц-стороны. Но это будет потом, а пока. Пока! – с этим прощальным словом, Атеист направляется к двери, затем пристально вглядывается в зеркало, сбоку смотрит на меня и с прощальным кивком выходит из квартиры. Я,

неудовлетворённый его ответом, подбегаю и, открыв дверь, вслед ему кричу:

– Атеист, мы с тобой ещё увидимся? – В ответ же мне слышится его ответ:

– Возможно.

Постояв ещё некоторое время в подъезде, я в расстроенных чувствах вернулся назад, к себе в квартиру. Но что значит в расстроенных чувствах? Неужели, они были когда-то настроены на что-то?

Находясь здесь, я уже начал привыкать, что нормальное твоё состояние это и есть, так называемое нахождение в расстроенных чувствах, когда каждая минута проведённая здесь, постоянно настраивает меня на это. Чувства человека, служащие ему как основа его защиты от внешних факторов и должны пребывать в состоянии постоянного бодрствования, для выполнения поставленных перед ними задач. С другой стороны, зачастую именно чувства мешают нам принимать правильные решения. Почему же так случается, мне право сложно сказать. Может потому, что нельзя предусматривать только один свой, субъективный вариант решения проблемы и что чувства напоминают нам о каком-то имеющем право на жизнь высшем решении. Когда как на его окончательность, мы ещё не имеем своего полного права. Выходит, само наличие чувств, кроме физических функций организма, несут в себе дополнения, в плане помощи в обретении духовности человека. Именно через чувства, человек достига-

ет высшей степени духовности. Правда, чувства при этом, тоже преобразуются и, впитывая в себе плоды духовности, приобретают новые для себя качественные характеристики.

Мои же дела не касались высших сфер сознания и в связи с этим, привлечение этих процессов внутренней регуляции, мне показалось, что будет излишним в данном случае. Так что, вернувшись обратно к себе, я примостившись к себе на диван, имел перед собой обширное поле для размышлений, а разбор полученной информации, требовал от меня, подойти к этому делу наиболее бесстрастно.

Рассказ Атеиста заставил меня обратить внимание на многое, что до этого мною не принималось в расчёт. По всей видимости, действительно Денница при помощи нашей миссии, решает куда более широкий спектр задач, чем нам казалось на первый взгляд. Переманить на свою сторону значительную часть Ангелов, по версии Атеиста, вполне вписывается в стратегию Денницы. Ведь к каким выводам можно было прийти, наблюдая хотя бы этот случай, а частности и есть та существенность, по мнению того же Денницы, которая и определяет основу мироздания. И то что, это преступление не привело к каким-то существенным изменениям в компании, говорит о том, что всему причиной был преступный порядок установленный человечеством, которому так благоволил Год.

Денница же предлагает свой иной путь, и его методы всё больше находят приверженцев в стане Ангелов. И ведь как

получается, слухи о том, что на отправке Атеиста настоял именно Денница, получают свои подтверждения. Получить своё влияние на Ангелов через Атеиста, чем не план. А ведь Атеист олицетворяет беспристрастность, и его мнение будет иметь большое значение на ангельские умы. Так что, для этого разыграть Денницей подобный спектакль, вполне будет оправдан. Как то даже смешно получается, ведь всегда миссии организовывались Годом, для решения задач его канцелярии, а вот сейчас, вроде бы миссия организована опять же Годом, но видимость показывает, что в решаемых ею вопросах заинтересован именно Денница. А Год как бы даже и не сильно-то и заинтересован в результатах этой миссии, и просто наблюдает. Хотя, это может опять во мне говорит моё безверие.

Ведь как говорил напутствовавший нас Год: «Только вера поможет нам преодолеть все преграды и невзгоды». Но верить, кому и во что, вот здесь-то, он почему-то не подсказал нам точного решения или может быть, для этого как раз и нужны чувства в совокупности с умением слушать их. Ну тогда моя бесстрастность, требует вернуть назад все чувства и, основываясь на их мнении, действовать дальше.

Что же касается других фактов изложенных Атеистом, имеется в виду Наставник и другие участники озвученных им событий, то меня не устроили его объяснения на их счёт. Мне показалась интригующей та часть рассказа Атеиста, касающаяся целенаправленных действий Наставника,

как трактуется самим рассказчиком, в деле связанным с первым делом, данным на рассмотрение Атеисту. Ведь как он считает, ему целенаправленно было предложено дело Элизы, для того чтобы он увяз в ней, что собственно и случилось. Хотя если вспомнить одну из оговорок Наставника, то он вскользь что-то подобное уже упоминал. А ведь со мной тоже что-то подобное случилось, разве что с небольшими отклонениями. И, несмотря на то, что мне выдали для начала несколько дел для рассмотрения, всё же дело Лизы ко мне попало через Макса, и кто знает, присутствовало ли оно изначально в моём перечне дел.

И надо признаться, что, несмотря на предпосылки моих желаний, я и без них выделил дело Лизы в отдельную статью для себя. И если поддаться логическим заключениям Атеиста, то мне стоило быть очень внимательным и осторожным по отношению к Лизе. Кто знает, что мне принесёт близкое знакомство с ней. Но в мире любое знакомство с противоположным полом, не даёт ясности и понимания, а к чему оно приведёт, ещё мало кто сможет спрогнозировать. Так что я буду действовать согласно правилу – если женщин бояться, то нечего и в мир входить.

Конечно, у Атеиста сложилось своё личное видение на мир и весь его рассказ, так и сквозил субъективностью, на что оказывало весьма весомое давление его эмоциональность, которая, если проследить его рассказ от и до, имела самое важное значение. Так и выводы, сквозящие в его заяв-

лении, полностью сформированы под воздействием сборной солянки, состоящей из различных жизненных аффектов. Далее, я бы не был столь категоричным по отношению к Наставнику, хотя доводы приведенные Атеистом, заслуживают должного внимания. Всё же интересно, почему после таких трагических событий в компании, в ней не произошло существенных подвижек или в ней решили всё списать на частный психологический случай? Может оно и так, я ещё не совсем разобрался в местных реалиях.

Что же ещё? И кто же эта Эльза, ввергнувшая моего друга Атеиста в объятия Денницы. Неужели она всего лишь простой статист, который появился в нужный момент, в нужном месте. Трудно сказать, но когда возникают сомнения, то тогда их не стоит игнорировать. Плохо, что мне не удалось с ней познакомиться, ведь как выяснилось, её после этой трагедии, из-за соображений безопасности (что кажется мне, всего лишь завуалированной ложью) спешно перевели в другой филиал компании. Тем не менее, одно остаётся невыясненным, кто же совершил это убийство и зачем это сделал? И кто же всё-таки стоял за решением закончить время жизненного пребывания Счастливики и компании на Земле? И самое главное, какую роль во всей этой игре должен сыграть я? Неужели, я должен стать тем фиксатором замысла нашей с Атеистом миссии, который будет определен и записан в реестр решений?

Я ещё долго размышлял по этому поводу, пока сгусти-

шие сумерки за окном, не подсказали мне, что пора бы и отдохнуть. Но разве можно уснуть, когда беспокойная мысль сквозит у тебя в голове? И, дабы её унять, ты вначале пытаешься найти удовлетворяющие её ответы, но какими бы сверх гениальными твои решения не были, для мысли этого всегда будет мало, и она всё будет требовать и требовать. Тогда ты прибегаешь к обманному ходу и пытаешься сконцентрироваться на чём-то только одном, например, на черноте ночи и дума об этом потихоньку убаюкивает эту неусыпность.

Я уже было приготовил на сон грядущий новую уловку для моей сегодняшней мысли, в виде пригнанного стада баранов, как появилась ещё и ни одна, и весьма немалая помеха для сна – летающее стадо комаров. Наверное, оно пасётся вместе с моим пригнанным стадом баранов. И ведь, что интересно, это комариное отродье действует не спонтанно, а по чётко разработанному стратегическому плану.

Так стоящая духота лишает меня духа полностью укрыться под защитной простыней и я, испытывая жару, откидываю простыню от себя. И в этот-то момент, комариная эскадрилья обнаруживает открытые пространства для атаки, чем с успехом и пользуется. Ощувив на себе первые точечные укусы, я вспоминаю про защитную простыню и вновь пользуюсь ею, как укрытием, но духота вновь вынуждает меня искать пути освежиться. Я поочередно вытаскиваю ноги из под укрытия, дабы ощутить немного свежести, но не дрем-

лющий комар мгновенно определяет дислокацию моих ног и наносит свой локальный удар. Все мои открытые фланги подвергаются массовой атаке противника, я же на это пытаюсь реагировать противовоздушными ручными атаками, но большая дальность плеча не приносит результативности и всё заканчивается только ощутимыми самопохлопываниями.

Атакованный со всех сторон превосходящим противником, я не выдерживаю и иду в ванную, где сначала ополаскиваюсь холодной водой, а затем охлаждаю ею же простыню. Думая, что таким образом я избавлюсь одновременно от жары и от ночного охотника, я ложусь в благостном предчувствии отдыха. Но холод, исходящий от простыни и последующие укусы сквозь неё, в облегающие простынёй части моего тела, заставляют признать ошибочность моих действий и я, сбросив липкую простыню, беру куда более тёплый плед и, укрывшись с головой в него, пытаюсь уснуть. Но моего противника на так просто не возьмёшь и он, поняв, что достать меня на прямую будет сложно, предпринимает психическую звуковую атаку.

Писк, жужжание, немислимая жара, чем только не пробовал выкурить меня из пледа противник, но я не сдался ему и в таком виде продержался до утра. А ведь ещё говорят, что кусают только самки комара, с чем я в принципе не согласен, так как в моём доме каждая особь из этой летающей эскадрильи, пыталась откачать в свою пользу частичку моей кро-

ви. Всё на этом всё!

Глава 10

СоБеседование

Что толку говорить про моё физическое состояние после этой душной ночи – оно полностью соответствовало этому жарко-комариному времени суток. Мокрица, глядевшая на меня из зеркала, требовала продолжения банкета и я, следуя этим требованиям, незамедлительно принял душ. Придя в себя после холодного обливания и приняв решение по обязательной покупке средства от комаров, я отправился на работу. И что логично, или другими словами – причинно-следственная связь обнаружилась там, где ей и следовало обнаружиться, а именно – на работе.

Конечно, я вчера в течение рабочего дня сделал кое-какие пометки, определил основную группу предложений и даже выбрал некоторые возможные вопросы, но для окончания работы требовалась систематизация, а без неё всё выглядело сбором информационного мусора. Забыв про всё, я решил, что еще есть время, и я, не теряя его, принялся за обработку этого информационного сбора. Впрочем, я за этими сборами забыл рассказать о моей утренней дороге на работу, которая в принципе не отличалась новшествами, но меня, несмотря на бессонную ночь, интересовала встреча с Лизой, и её утренность для меня имела немаловажное значение.

К моему сожалению, я её не встретил на остановке, и

только придя в офис – застал за её рабочим местом. Но как оно зачастую бывает, в такие моменты, ты почему-то не находишь нужных слов и вместо откровенной желательности из тебя только и выдавливается ничего не значащее «доброе утро», хотя ее благожелательная улыбка и ожидающий взгляд, вроде бы дает тебе необходимые авансы. И уже зайдя к себе, ты включаешься в процесс самобичевания, затем находишь причину для своего такого поведения: ты сегодня не спал и в связи с этим плохо себя чувствуешь; как только чуть поправишься, то сразу же исправишь положение, пригласив ее куда-нибудь поужинать, а пока что, тебе в срочном порядке необходимо подготовиться к аттестации.

Всё-таки мне иногда сложно понять человека, почему ему всегда приходится все усложнять, ведь стоило ему добавить к утреннему приветствию парочку фраз, и ситуация с Лизой выглядела совсем бы иначе. Но теперь я не только пережевываю документацию, но и одновременно во мне также присутствует внутреннее беспокойство, которое, в свою очередь, мало способствует моей полной отдаче работе.

Неожиданно для меня за мной зашел сам Наставник, сообщив, что он, зайдя по своим делам в наше отделение, заодно решил зайти за мной и тем самым сократить мне путь до его кабинета. Ведь, как говорят, хороший собеседник является хорошим средством для укорачивания пути, который, к слову, не так уж длинен. Я выразил своё полное согласие с ним и, прихватив необходимые документы, направил-

ся вслед за ним. Впрочем, я не был столь рад его приходу, ведь моё первое желание, перед тем как направиться к нему, заключалось в предложении к Лизе о совместном ужине, когда, как сейчас, я не мог в присутствии Наставника подойти к ней. Так что мне пришлось добавить ещё несколько часов ожидания к моему нетерпению.

Когда же мы проходили с Наставником мимо стойки администратора, то я с помощью бокового зрения мог наблюдать – с какой жадностью смотрела на меня Лиза, и это хоть давало мне определённую надежду, но в тоже время вызвало во мне жалостливые терзания. Но делать было нечего, и мне ничего не оставалось другого, как проследовать вслед за Наставником. Мы шли молча, что в принципе отвечало моему расположению духа, который волновала только стоящая вдали за стойкой девушка, но Наставника это в никакой мере не волновало, и он, по всей видимости, имел свои планы на нашу совместную мини-прогулку.

– Ну, как ты? Готов к сегодняшнему собеседованию? – спросил он на ходу.

– Если честно, то и не знаю...

– Что ж, тоже ответ. Ладно, не дрейфь, всё пойдёт как надо.

– Но ведь от меня и от моего настроения будет зависеть будущность кандидата, а я как-то совсем не в духе. И как же мне с этим быть? – спросил я.

– А всё очень просто, это будет для кандидата своего рода

испытанием. Ведь в наше время вряд ли от кого стоит ждать поблажек. И твой ненастрой – это своего рода существующий настрой агрессивной внешней среды, и только преодолев её, он сможет доказать нам свою нужность. Так что это даже лучше, что ты так настроен.

– Ну, так можно найти плюсы во всём.

– Ты должен понять только одну вещь. Мы ведь – просто люди, а главная характерная черта людей – это способность ошибаться. Так что от нас зависит лишь одно, а именно, чтобы величина погрешности не превышала их разумные размеры, которые, к слову, ещё никто разметил. И все эти собеседования со своими заумными вопросами, не есть панацея от всех болезней, они просто помогают увеличить вероятность попадания в яблочко при определении нужного соискателя.

– Что ж, тогда это частично вселяет в меня уверенность.

– Вот то-то же. Ну, а как насчёт вопросов, подобрали что-нибудь новенькое? – поинтересовался Наставник.

– С этим, кстати, возникли определённые сложности. Ведь везде публикуется в основном вторичный материал, а если заглянуть в старые архивы, то уже не найдешь в них актуальности.

– Я бы насчёт вторичности не переживал. Конечно, многие, готовясь к собеседованию, заглядывают в интернет в поисках ответов, но я, не раз уже участвующий в собеседованиях, скажу, что соискатель нынче ленив и чересчур самоуверен, и он часто просто не готовится к собеседованию, счи-

тая это ненужной тратой времени: «А зачем, я и так физически и умственно хорош собой». Хотя частично в этом есть определенная доля разумности, – сказал Наставник, подходя к кулеру с водой.

– Выпьем? – спросил он меня.

– Почему бы и нет, ведь нам сегодня ещё придётся попотеть, так что лишний запас воды не повредит, – ответил я.

– Что верно, то верно, – подавая налитый стаканчик мне, ответил он. Освежившись же, мы с ним проследовали дальше.

– Значит так, – возобновил свою беседу Наставник, – Что я хочу сказать насчёт собеседования. Его будем проводить по давно уже обкатанной схеме, во-первых, установим контакт. Наша задача заключается в том, чтобы создать хорошее впечатление о компании, дать возможность соискателю расслабиться. Во-вторых, краткий 5-10 минутный разговор о компании. Затем мы приступаем непосредственно к собеседованию, где кандидат отвечает на вопросы и выполняет ряд ситуационных задач. После чего мы предоставляем кандидату возможность задать нам интересующие его вопросы. Ну, следующий этап – это PR вакансии, правда, этот этап может отсутствовать, если кандидат не интересен компании. Ну и напоследок – обсуждение алгоритма дальнейшего взаимодействия. Всё понятно?

– Ну, в общих чертах.

– Ладно, на месте разберёмся. Ну, а как насчёт собственно

вопроса, нашли что-нибудь интересное? – слегка переиначив свой вопрос, повторился Наставник.

– Да есть один вопрос, который я хотел бы включить в опросный состав, – ответил я.

– Что за вопрос? Хотя нет, давайте потом. В принципе, я услышал всё, что мне нужно, а ваш вопрос я отложу на потом, сегодня же мы обойдёмся подготовленным мною перечнем вопросов. Мы, так сказать, пройдем небольшую обкатку, а уж после неё попробуем ввести ваши предложения, – ответил он, подходя вместе со мной к его кабинету.

И всё-таки мои предположения не обманули меня, что и было подтверждено Наставником, его рассуждениями об уже имеющемся программном перечне вопросов для собеседования. Так что от нас сегодня требовалось только внимать и слушать.

Зайдя в кабинет Наставника, я обнаружил там всех участников сегодняшнего собеседования, его приёмной части. Что же касается принимаемой части, то при прохождении коридора я заметил сидящих в приёмном холле, парочку, трепетно ожидающих времени собеседования, претендентов на вакансию. Как я позже узнал, Наставник уже с утра, до прихода за мной, дважды находил неотложные дела поочередно в офисах компании, соответственно закрепленных за Максом и Антоном. Так что их приход сюда сопровождался тем же сопровождением, что и мой. Из чего можно сделать вывод (несмотря на его определённые заверения) о серьёз-

ном отношении Наставника к процессу собеседования.

В своём кабинете Наставник выдал мне для ознакомления вопросы сегодняшнего собеседования, а после того как я с ними ознакомился, провёл небольшой инструктаж с нами. Вести собеседование должен был Наставник, поочередно с одним из нас. Пока одни вели собеседование, другие, не участвующие в собеседовании, должны были находиться в скрытой угловой комнате, наподобие той, которую так часто демонстрируют в шпионских фильмах. Там мы должны были наблюдать и следить за ходом собеседования.

Собрав всё необходимое для работы, мы направились в кабинет для собеседования. При этом попали мы в этот кабинет весьма загадочно, через систему внутренних ходов, видимо, специально для этого предусмотренных. Как сообщил нам Наставник, вакансер не должен знать и даже догадываться, что и кто его ждёт за заветной дверью, куда его пригласили на собеседования. Уже сама неизвестность есть первый шаг для нас в познании претендента, а для него служить определённым испытанием. Ведь неизвестность заставляет не только включать воображение, но и мобилизует все силы организма претендента, так что мы с вами сможем наглядно увидеть, на что способен претендент ради места в компании.

Что касается вопросов к претендентам, то они делятся на возможные стандартные, типа: «Что вы можете рассказать о себе?», или: «Чем именно вызван у вас интерес к нашей компании?», служащие для общего разогрева. Хоть данная

стандартная часть собеседования уже применяется со вре-
мен применения самого собеседования, но, тем не менее,
немало даёт нам для понимания и создания общей картинки
кандидата на вакансию.

На данном этапе не стоит сильно мудрить с вопросами,
как это делают некоторые «спецы» к месту и не к месту, ста-
раясь показать свою креативность, предлагают всем канди-
датам на место продать им свою ручку. Уж больно сильно не
даёт им покоя, возникший благодаря кинодеятелям, трендо-
вый вопрос о ручке. Интересно, откуда эти деятели кино чер-
пают подобные «ручечные» идеи? И я уже знаю точно, и всё
благодаря кинобоевикам, что лучшее оружие против ганг-
стеров или какого-нибудь элитного подразделения штурму-
ющего мой дом – это включенная микроволновка с заложен-
ной в неё разрывным баллоном. И ведь что интересно – за-
поминается именно подобная хренотень.

Так вот (что по поводу ручки), наши креативщики счита-
ют, что именно этот вопрос является решающим при выне-
сении решения о будущем кандидата на место в компании,
ведь только преодолев этот рубикон, кандидат зачисляется в
сотрудники компании.

– Так ведь, Антон? – обратился Наставник к носителю это-
го имени, при этом его тембр голоса вместе с медленным вы-
говором слов, звучал как-то особенно зловеще.

Для меня же подобная фамильярность и в особенности
информированность Наставника насчёт Антона, да возмож-

но, и остальных нас, была не очень приятным сюрпризом. Хотя, быть может Наставник, просто проведя предварительные беседы с моими коллегами, всего лишь узнал о них некоторые их специфичности. Антон же в ответ только поёжился на это его замечание.

– Ну, ладно, если тебе так уж будет невтерпёж, – всё также обращаясь к нему, продолжил Наставник, – то ты можешь спросить претендента, воровал ли он ручки с прежнего места работы.

Этот вопрос вызвал у нас невольные улыбки, на что Наставник заметил, что этот вопрос задаётся не реже, чем вопрос о покупке ручки, да и вообще, ему уже самому становится интересно, почему Антону, так полюбился этот вопрос, да и вообще – не имеется ли здесь своя связь со всё больше встречающимся дефицитом у него в кабинете этого канцелярского товара. И если верить статистике, то каждый четвертый сотрудник готов завладеть такими данными у компании, и от этого никуда не деться. В ответ Антон всё больше терял самообладание, и вместо того чтобы всё перевести в шутку, только хлопал глазами. Видя это, Наставник заявил, что он не поймет, что делает Антон: то ли компенсирует своим хлопаньем глазами нам отсутствие кондиционера, то ли аплодирует его красноречию?

Словесный напор Наставника в сторону Антона уже стал удручающе сказываться на последнем, а именно весь его вид говорил о полной растерянности, так что, видя это, Настав-

ник резко снижает обороты и заявляет нам, что подобным своим поведением, он хотел показать нам нестандартное поведение при собеседовании, своего рода стрессовый вид собеседования, в каком он считается весьма признанным специалистом. Далее, наряду со стрессовым видом собеседования, которое мы на данный момент отложим на потом, нами будут применяться нестандартные виды вопросов, на которые он просил обратить особое внимание.

При всём огромном разнообразии нестандартных вопросов, всё-таки существует всего лишь один ответ, на который предстоит ответить уже нам – соответствует ли находчивость и умение кандидата найти выход из неожиданной для него ситуации, предъявляемым нашей к нему компанией требованиям. Вот здесь-то и придётся нам потрудиться и постараться, хотя бы, не ошибиться в своем выборе. И ещё, мы должны знать две основные проблемы которые решает методика интервьюирования: выявлять людей которые умны, но не добиваются результата, и людей, которые добиваются результата, но не умны. И вот здесь-то встаёт перед нами вопрос, кто нам всё-таки нужен.

И если западные компании типа «Microsoft», работающие в высококонкурентной отрасли, стараются не принимать на работу, ни тех, ни других, то наша компания, действующая в тех же конкурентных условиях, не утруждает себя пускать вам пыль подобной лицемерной софистикой, а говорит прямо, что для нас существует только один ориентир, а именно –

результат. Что же насчёт выбора этих самых нестандартных вопросов, то уж здесь-то ваша фантазия может разгуляться вовсю. Впрочем, и нынешний, применяемый на собеседованиях не стандарт, уже считается неким обязательным действием в ходе самого собеседования, так что перед нами стоит куда более широкая задача, заключающая в себе применение новых разработок в сфере приема на работу.

Эти новые приёмы, хоть уже давно обкатаны в местах их зарождения, но в связи с отличным от них менталитета нашего служащего, во многом разнящихся правил игры на рынке, и в связи с этим применения иных требований к персоналу – перед нами стоит задача адаптировать эти новые подходы к набору персонала. В принципе ничего сложного – что не пробьёт нашего человека, то мы спишем, в случае же иного результата – будет другое решение. Разве нам подходит главный принцип этих отцов интервьюирования, звучащий как «не навреди»? Да и близко «не сидело»!!! Это от того, что вся их жизнь продиктована страхом.

Я же, всё это слыша, даже не сразу понял, как они могли придумать такой вид, как агрессивное интервью, ну а потом сообразил, что и здесь, без этого чувства страха оказаться на обочине жизни, также не обошлось.

– У нас же главенствует совсем иной род чувственных переживаний, – сказал Наставник, и вновь посмотрев на Антона, спросил его, – Справедливо, Антон, или как?

На что тот, успокоившись было, не нашёл что ответить и

вновь впал в ступор, при этом особо наблюдательный мог бы заметить, как он сквозь зубы проговаривает, едва различимую его коронную фразу: «Ещё наступит моё время, и вы ещё попляшете».

– Я, как понимаю, Антон у нас приверженец западной школы интервьюирования, так что будем это иметь в виду. Правда, не смотря на разность подходов, всё же существует масса нестандартных вопросов, которые вполне могут применяться как у нас, так и у них. Вот мне особенно нравится загадка лжеца. Я думаю, что она вам знакома, а если не так, то завтрашний день будет последним вашим рабочим днем в компании, если вы не ознакомитесь с ней, – После этих слов Наставник решил устроить столь желаемый им перекур, благо здесь, в потайной комнате, для этого всё было готово.

Я же, пока Наставник занят процессом курения, возьму на себя смелость и проинформирую любопытного читателя, ещё не знакомого с загадкой лжеца. Вот она.

Перед вами две двери. Одна приведет вас в комнату, где вы пройдете интервью, а другая – на улицу...

Поскольку вы не знаете, скажет вам консультант правду или нет, бессмысленно задавать ему вопрос: «Это верная дверь?», или: «Вы в этой компании работаете?». Вы получите ответ, который может оказаться и правдивым, и лживым. Используя свой единственный вопрос, вы не сумеет определить – правда это была или ложь. Вместо этого вам нужно

придумать такой вопрос, что будет неважно, сказал консультант вам правду или солгал. Для этого нужно использовать двойное отрицание. К примеру, указать на дверь (неважно на какую) и сказать: «Если бы я спросил вас, этим ли путем я попаду на интервью, вы бы ответили «да»?»

Основная идея заключается в том, что законченный лжец солжет и насчет своего ответа на прямой вопрос о том, какая дверь приведет вас на интервью (который вы на самом деле ему не задавали!). Итак, законченный лжец скажет прямо противоположное тому, что бы он сказал, если бы ему задали прямой вопрос, то есть ложному ответу. Эти две лжи нейтрализуют одна другую, и получится, что лжец ответит вам «да» только в том случае, если вы указали на верную дверь. Что касается правдивого консультанта, то он тоже ответит «да», но только если вы указали на верную дверь, потому что он, конечно, ответил бы так же и на прямой вопрос. Вы не узнаете, кто вам ответил – лжец или правдивый консультант, зато вы найдете нужную дверь.

Пока вы, и я вместе с вами, ознакамливались с загадкой лжеца, Наставник выкурил свою очередную сигарету, и в связи с полной свободой своего рта, он было решил продолжить разговор, но, видимо, дыхательные пути ещё не совсем были к этому готовы, и чтобы дать себе время для отдыха, они напомнили о себе продолжительным кашлем. Прокашлявшись, и тем самым слегка прочистив дыхательные пути,

Наставник решил для начала смягчить своё горло водой, а уж потом начать использовать для разговора.

В комнате, в которой мы находились, как я уже говорил выше, было всё необходимое для комфортабельного тайного присутствия. Сквозь прозрачное зеркало вы могли наблюдать за происходящим в соседнем помещении, также встроенные микрофоны позволяли слышать все разговоры. Также в комнате стоял стол, где вы могли разместить какую-нибудь в данный момент необходимость, также имелись кресла, где вы могли сидеть, когда решите для себя вопрос о наличии правды в ваших ногах. Вроде бы в данном случае надо бы рассказать о технической оснащённости кабинета, всех этих суперских технических примочках, но они уже настолько проникли в нашу повседневную жизнь, что уже кажутся само собой разумеющимся обиходом, что даже как-то и не упоминаются, в виду их обязательного вездесущего нахождения. Ну а то, что я упомянул про кресла, то это моё желание присесть, подсознательно заставило меня это сделать.

Когда же Наставник почувствовал себя готовым продолжить разговор, он сразу этим воспользовался, и продолжил свою, как ему казалось, не законченную речь.

– На чем же я остановился? А, точно, на загадке лжеца! Чем мне импонирует загадка лжеца, а тем, что её можно бесконечно интерпретировать и, меняя условия, применять согласно обстоятельствам. Так вот, сейчас пойдём и займём свои места в той комнате, и будем проводить собеседование

или по-современному, интервьюирование, как вам нравится. Нашей задачей будет определить из множества кандидатов нескольких, обладающих необходимыми навыками для работы в нашей компании. Те же, кто будет заходить и занимать место по ту сторону стола, будут стремиться всеми правдами и не правдами доказать свою состоятельность и соответствие с предъявляемыми к ним требованиям с нашей стороны. В большинстве случаев претендент на место будет вынужден под давлением требуемых условий или обстоятельств, быть не тем, кто он есть на самом деле. Ему придётся, если не врать, то хотя бы слегка преувеличивать плюсовые факты в нужном месте, а свои минусы замалчивать, а если это не получается сделать, то хотя бы занижать.

Перед ним как бы встаёт видоизмененная загадка по определению лжеца. Претенденту просто необходимо самому ответить на вопрос, какие качества стоит демонстрировать, а какие может стоить утаить. И чтобы не говорили – моё мнение таково, что любой интервьюируемый, хотя бы в чём-то, в какой-нибудь мелочи, да постарается уйти от правдивого ответа. Но разве это главное? И я даже не знаю правильного ответа на прямой вопрос: вы бы солгали, если от этого зависел ваш приём на службу? Ответ, что я никогда не вру, вряд ли кого удовлетворит, а уж другие варианты ответа имеют столько вариаций, что только изящество самого ответа и будет определять его правильность. Так что, выбирая дверь для лжи или правды, нужно крепко подумать о последстви-

ях выбора.

А что касается нас, то мы должны подобрать соискателю места такие вопросы, которые бы нам дали возможность определить их настоящую содержательность, ну и дальше на основании сделанных выводов они смогли бы понять – куда их выведет дверь, к выходу или к входу. – Сказав это, Наставник взял на столе стопку документов и, подходя к двери, ведущей в кабинет для собеседования, заявил. – Значит так, я в начале хотел, чтобы вы тянули жребий, кто первым со мной будет проводить собеседование, но после утреннего разговора с вами, решил, что начну этот процесс с Максом. Затем его место займёт Ник, ну и в конце концов, ко мне присоединится Антон. – обведя нас глазами, сказал он и затем продолжил. – Надеюсь, что в этом вопросе у вас нет возражений?

На что мы ответили, что нет, но так как это был всего лишь риторический вопрос, то наш ответ не был удосужен внимания, и Наставник вместе с Максом отправился готовиться к собеседованию.

Мы же с Антоном, немного постояв на месте, решили, что с кофе и бутербродами будет гораздо комфортнее наблюдать за происходящим процессом, а так как автомат находился на выходе рядом со столовой, то было решено незамедлительно туда направиться. Посчитав, что одному из нас необходимо оставаться на месте, мы решили, что этим остающимся будет Антон, а я в свою очередь сыграю роль курьера. Надо

сказать, что роль курьера мне удалась на пять, и буквально через пятнадцать минут, я, держа в руках двойные порции тонизирующего напитка и такое же число бутербродов, стоял в дверях кабинета. Я посчитал, что впереди времени будет предостаточно, и в связи с этим нам просто необходимо подкрепление в виде еды и питья. Всё бы ничего, и мне казалось, что я вернулся достаточно быстро, но как оказалось, собеседование уже началось и получалось, что начало для меня было немного упущено. Но Антон поспешил меня заверить, что ничего особенного, на что можно было бы обратить внимание, не произошло, и всё пока что продвигается рутинным порядком, состоящим из общих вопросов.

Да и впрямь, мои ожидания, предполагающие увлекательное действие, состоящее из кульбита замысловатых вопросов и мастерских ответов, как оказалось, ничего не имели общего с этим муторным действием. Конечно, было любопытно наблюдать за людьми входящими в кабинет для собеседования. Вызывала интерес их подготовка к самому этому отборочному циклу, ведь всё-таки от того, как они себя подадут – зависело весьма не мало. В основном заходили тактично-вежливые персоналии, но были и те, кто не скрывал своего, так ими называемого чувства собственного достоинства, но которое скорее походило, если сказать мягко, на их апломб.

Что же ещё можно сказать по поводу претендентов? Да, была у них одна основная характерная черта, какая-то об-

щая безликость, или просто, может быть, общий руководимый ими дресс-код, не позволял выразить свою индивидуальность. И что уже неудивительно – женский пол придерживался того же подхода к походу на собеседование. Трудовая ниша, которую занимала та или иная компания, в той или иной степени определяла этот самый дресс-код, и если для устройства на производственное предприятие, ты бы вряд ли надел костюм «а-ля стилинга», то для работы в каком-нибудь либеральном «эховом» СМИ, этот костюм пришёлся бы как нельзя кстати.

Наша же компания, одновременно играла в игры и с либералами, и государственниками, где каждая из этих ветвей власти оказывала, в соответствии со своим пакетом акций компании, своё влияние на её деятельность. Так что руководству компании постоянно приходилось лавировать между этими воплощениями Сциллы и Харибды. И наш дресс-код должен был влезть в рамки определяющей политики компании, которая в свою очередь пыталась усидеть между двумя стульями сегодняшнего политического расклада.

Надо сказать, что под словом дресс-код, я понимаю не просто форму одежды, её кодекс, а я придаю этому словосочетанию куда более широкое значение. Ведь даже сам кодекс одежды несёт в себе определяющий элемент принадлежности человека к той или иной классовой группе. Правда, существует мнение, что классы, как таковые, отошли в мир прошлый, но по многим заверениям, это всё-таки не так, и

мир всё также имеет оценочные элементы.

Человеку просто сложно двигаться по жизни не имея определенных для себя ориентиров. Он не может жить без того, чтобы не давать оценку окружающему, а что насчёт себя, так ему непременно нужно записать себя в ту или иную социальную группу, принадлежность к которой, по его мнению, даст ему больше защищенности в этом мире. Так что классовость, как разделительный элемент жизни, вряд ли исчезнет, в виду его желательности для самого человека. Разделение на классы под давлением внешних правовых обстоятельств, просто видоизменилось, и несмотря на другие именованья, по сути, также делит людей на богатых и бедных, или по другой классификации – на высший и низший класс. В нашем же случае, появился, как говорят, новый класс – «класс специалистов и менеджеров» (КСМ). Чего не сделаешь ради того, чтобы потрафить этой весьма существенной прокладке общества.

Но современный век прогресса им бы не был, если бы современные технологии не пробрались и не охватили интеллектуальную сферу человеческого социума. Надо заметить, что без соответствующего понимания населения, выработанного с помощью его информационной обработки, было бы невозможно создание и развитие многих высокотехнологичных продуктов, выпускаемых отраслевыми компаниями. Искусственное устаревание высокотехнологичного продукта производства – вот что нынче является основной дви-

жущей силой прогресса. Что и говорить, политика охватила все сферы жизнедеятельности человека. Склонение индивидуума к общему, стирание его качеств индивидуальности и безликость – это и есть основная политическая определяющая прогрессивного общества.

И вот, ты, собираясь на собеседование, сам того себе не представляя, подбираешь себе костюм для собеседования, согласно твоим знаниям о политике компании, которая в свою очередь, зависит от тех принципов, которые она придерживается в своих действиях. Которые, опять же не постоянны, а зависят от внешних политических факторов и того, кто в данный момент рулит в компании. Тебе же совсем не интересно, почему на данный момент в компании происходит такое смещение флангов, но тебе приходится соответствовать, ведь главное для тебя на сегодня – это найти хорошо оплачиваемую работу и уж потом, получив работу, ты начинаешь вникать в существующие местные реалии. И если бонус, полученный тобой, будет превышать твои издержки, включающие в себя также и нравственные муки, то ты останешься на этом месте. Но если ты считаешь бонус недостаточным, то компания будет вынуждена искать нового работника.

Впрочем, есть ещё вариант. Это когда уже сама компания посчитает тебя недостаточно высокоэффективным, и тогда ей придётся действовать согласно второму варианту. Но всё же, прежде всего, твоё резюме должно пройти через фильтр

рассмотрения нашими сотрудниками, а ещё более раньше, наше предложение на рынке труда должно пройти фильтр потенциального соискателя места. Конечно, основным моментом в данном вопросе является несоответствие требований работодателя и потенциала соискателя, выраженного в наличии нужной специализации и квалификации. Но, это всего лишь общие моменты, что же касается нашего частного случая, то наша компания, занимающая лидирующее место в большой коммуникационной светофорной тройке, проектирует, согласно застолбленной ею цветовой разрешительной гамме цвета, и несёт в мир желание вместить весь этот мир в себя. А так все существующие в мире компании, объединяет общность их целей, достижения прибылей, где разнятся только оттенки путей достижения этих целей. Но меня интересует только наша компания, её оттенки девственности в сером мире. Ведь только мутная вода позволяет ловить самую жирную рыбу.

Но в начале потенциального клиента просто необходимо привлечь яркой вывеской, обещающей ему яркость жизни. Когда большая тройка делила между собой цвета светофора, то почему же тогда наши отцы-основатели выбрали при дележе именно этот цвет? Я думаю, что в данном случае не существует каких-то заумных версий, а просто зелёный цвет показался на тот момент руководителям компании более близким, а может восприятие окружающего у ведущих маркетологов, находилось под сильным воздействием зелёного змия,

и их видение мира в зелёном, так и закрепилось на товарном знаке компании.

Вообще, в мире существует не так уж сильно много (при всей условности существования цвета-ощущения) основных цветов, и только оттенки самих цветов, расширяют их количество, и приближают их к значению бесконечности. При этом каждая компания, выходящая на рынок, старается забить для себя какой-нибудь запоминающийся для потребителя цвет, но так как разнообразие последних несравнимо с количеством компаний, то им приходится, как говориться оттеняться.

При современном, всеохватывающем патентном праве, когда некоторые мегагиганты даже умудрились запатентовать геометрические фигуры, просто удивительно, что ещё кто-то не запатентовал для себя какой-нибудь определённый цвет, назвав его каким-нибудь замудрённым словом. Но это всего лишь мой оксюморон мудрствования, возникший во время кофепития. А так бы я запатентовал цвет краски стыда, который вскоре станет раритетом для современного общества. Ну, впрочем, ладно, попил кофе, поразмышлял и пора бы вернуться к объективной реальности, которая, впрочем, и подвигла меня на все эти размышления, хотя выдаю я свои чисто субъективные мысли.

Человеческий сосуд, по моему разумению, представляет собою, рассуждая фигурально, некую видоизменённую «мыслерубку», наподобие мясорубки. Объективный, то есть

находящийся напротив, факт, с помощью человеческих чувствительных рецепторов, преобразуется в мысленную субстанцию и поступает в его банк данных, именуемый памятью, где он и подвергается механической и химической обработке. Так в начале, поступившая субстанция просеивается, в результате чего, от неё отсеивается ненужный мусор, затем оставшаяся часть подвергается химическому осмыслению и обработке человеческими индивидуальностями, и уже потом отправляется на ответственное хранение в память. Где уже по мере надобности, используется человеком, как его собственная субъективная константа.

Сейчас же моя субъективность, можно сказать, примирилась с общим объективным зрительным ощущением от происходящего, которое поначалу заинтересовала нас. По мере продвижения собеседования, где-то на третьем претенденте, спокойствие и размеренность данного действия, оказало на нас своё умиротворяющее воздействие, и мы с Антоном, поддавшись чувству скуки, стали искать, чем бы нам заняться. Но разве это проблема, и мы, стукнув себя по карманам, мигом решили этот вопрос, достав из них вездесущий, столь необходимый для человека аксессуар, его сотовый девайс.

И вот картина маслом, мы вместо того, чтобы незримо присутствовать на собеседовании, зримо присутствуем в другом мире, поглотившем нас с помощью этого карманного устройства, открывшего для нас двери в другой мир. Меня даже удивляет, почему ещё никто из современных масте-

ров живописи не запечатлел в своих картинах эту приметку времени, определяющую современные реалии человеческого общения. Я так и вижу названия полотен: «Девочка и телефон», «Дебаты в высоком собрании», «Веский аргумент», «День Де-вайс», «Последняя СМС», и тому подобное творчество.

Что ж, разогнав тучи мутантов в моём игровом приложении и одновременно с ними скуку, я краем глаза уловил изменения в последовательном ходе собеседования. Наставник с Максом, проводив за двери последнего интервьюера, поднялись со своего места и направились в нашу сторону. Что касается Антона, то он наравне со мной заметил эти изменения в соседней комнате и вместе со мной отправил свой сотовый девайс в карман пиджака. Войдя к нам в кабинет, Наставник с ходу, возбуждённым голосом спросил нас, – Что, не заснули ещё здесь? – На что мы, показушно и недоумённо покачивая головами, заявили. – А что, надо было?

– И я вот также не мог найти себе места, когда ждал своей очереди для собеседования, – продолжил на своей волне Наставник.

Видимо интервьюирование занимало в его душе какое-то особенное место, раз он так серьезно относился к нему. Мы же с Антоном переглянулись после его замечания о его волнительности, и только сильно наблюдательный человек мог заметить ответное наше перемигивание.

– И вот Макс, тоже пришлось по душе нынешнее бесе-

дование, и в связи с этим скажу, что он сумел себя проявить с нужной стороны, но вы, наверное, сами всё слышали, так что мне незачем повторяться, – закончил Наставник.

Может быть, Макс себя и проявил, может быть и мы это слышали, да вот только, ничего из всего этого не отложилось у нас в памяти, в виду того, что в тот момент себя проявлял мой игровой герой, разивший слева направо атакующих его мутантов. И скажу больше, мой герой также сумел себя проявить с нужной стороны, уничтожая эту виртуальную нечисть. Я посмотрел на Антона и по выражению его лица понял, что ход его мыслей придерживался той же дороги, что и мои.

Наставник тем временем, со словами: «Надо срочно подкрепиться», предложил отправиться на обед в столовую. А ведь и вправду, мы даже и не заметили, сидя за своими аппаратами, как время пролетело и приблизило нас к обеду. И вот ведь как получается, ты несвободен в своих действиях и, сидишь выжидая окончания своей ограниченности, наблюдая время от времени за ходом часовой стрелки настенных часов, которая, как тебе кажется, вовсе обленилась и совсем не пытается двигаться. И тебе даже кажется, что часовой стрелке, также как и тебе очень скучно, и она остановилась, размышляя, чем бы себя потешить, при этом забыв про свою подручную минутную стрелку, которая, почувствовав невнимание к ней со стороны часовой, решила пофилонить. Ну а часовая стрелка, видя это твоё внимание к ней, если

бы имела язык, то давно бы прокричала: «А ну, прекрати на меня пялиться!».

И вот ты изобретаешь, впрочем, не ты, а за тебя уже всё изобрели, ну, в общем, ты нашёл для себя незамысловатое занятие и сидишь увлечённый им. Часовая же стрелка вдруг замечает, что она осталась в одиночестве и видит перед собой только твою спину. «Но, как это возможно?», – начинает вскипать она. «И на что он променял меня!», – начинает живо волновать её вопрос. И вот, следуя этим животрепещущим вопросам, эта стрелка с помощью пинков по минутной, ускоряет свой бег, пытаясь с вершины циферблата заглянуть через твоё плечо. Но её усилия не увенчиваются успехом, и она вновь и вновь штурмует вершину циферблата, дабы разгадать тайну покрытую твоей спиной.

И вот когда время твоего нахождения здесь приходит к концу, в результате окончания первого круга собеседования, ты быстро убираешь девайс в карман, и тем самым оставляешь стрелки часов в неизвестности. И часовые стрелки, не раскрыв твоей тайны, разочарованно плюются и, не пытаясь воспротивиться неизбежности, продолжают свой размеренный ход.

Хотя, иногда они очень сильно огорчаются и, ссылаясь на нехватку завода, останавливаются, и если ты вовремя этого не заметил, то такая пакость со стороны часов часто выходит тебе боком. Правда, существуют еще другие варианты, целиком зависящие от темперамента часового механиз-

ма. Так холерики устраивали мне бешеные скачки, из-за которых я жил в скоростном режиме, в случае же меланхолического склада механизма – я жил размерено, правда, и опаздывая, куда только можно. И сейчас, анализируя данное временное поведение и мою жизнь под гнётом его характеристики, я с трудом для себя выбираю, в каком случае я чувствовал себя наиболее комфортно.

Можно сказать, оба варианта имели как положительные, так и отрицательные моменты, так что было бы лучше, если бы время в своём исчислении придерживалось спокойной последовательности. И ещё нужно быть весьма осмотрительным и осторожным, когда имеешь дело со временем, особенно с его механической частью. Что ж, на этот раз, кажется, мои часы ничего не имели против, и шли согласно своему временному ходу, который согласовывался с показаниями часов Наставника. И мы согласившись с его предложением, направились вместе в столовую. Тем более, встроенный в нас механизм определения обеденного времени, срочно потребовал от нас не тянуть с обедом, иначе несвоевременное обслуживание данного нам организма, в виду отсутствия смазки, может дорого нам обойтись и вызвать перегрев механизма, с дальнейшим появлением гастритной ржавчины на элементах этого механизма.

Прибыв в столовую, мы заняли один стол на четверых, где с трудом разместилось набранное нами для нашего обеда. И если Наставник с Максом могли с чувством выполненного

долга намазывать масло на хлеб, то мы с Антоном, решив для себя, что ещё не заработали на этот продукт, ограничились другими яствами, которые, к слову сказать, мы тоже не заслужили. Но увы, мы почему-то не почувствовали никаких угрызений совести, видимо, из-за того, что наши родители не имели сестер по своим обеим линиям родства. Так что, благодаря такому нашему положению, мы, не чураясь своего эго, с удовольствием приступили к обеду, состоявшему из множества других мясо содержащих продуктов, предлагаемых кухней компании.

Наставник вначале пытался разбавить нашу трапезу своими замечаниями по поводу собеседования, но горячее вызвало больший интерес, чем его слова, и он, смирившись с этим, не стал откладывать нож с вилкой на потом и крепко взявшись за них, стал наносить несовместимые с целостностью говяжьего сердца, так любимого им, удары по его самым ощутимым местам. Его ловкая поножовщина в мгновение ока заставила опустеть тарелку. Но и мы не отставали от Наставника, и честно сказать – мы на этом поприще вполне могли бы составить ему достойную конкуренцию. Когда же первоначальный запал прошёл, и наше насыщение освободило часть дорожного просвета для наших слов, то уж тогда-то и можно было начинать беседу, чему незамедлительно и прибегнул Наставник.

Я же поначалу попытался поучаствовать в разговоре, но этому не суждено было случиться из-за непредвиденных об-

стоятельств, а именно: в начале разговора, застрявший кусочек мяса помешал мне присоединиться к ним, ну а затем, появившийся образ Лизы, стоявшей в очереди за раздачей, и вовсе затмил мне всё.

И как только я её заметил – мой взгляд сфокусировался на ней, а в это же время, сидящего напротив меня Наставника – просто размыло. Я сидел, одновременно смотрел на него и не видел, при этом мой взгляд был устремлен вдаль за его спину, и я видел только Лизу. Наставнику, по всей видимости, льстило такое с моей стороны внимание, и он, оставив от себя тарелки, с горячностью бросился в рассуждения. Но как бы мы не любили монологи, замаскированные под диалоги, всё же нам хочется для подкрепления нами сказанного, иногда слышать слова одобрения от нашего оппонента. Так и мне приходилось сквозь дымку размытости определять желание Наставника услышать мой ответ. И я, находясь на грани фокусного безразличия, всё же умудрялся попасть в нужную ноту и вставить своё: «Да, да...», или: «Конечно, так и должно быть...». А иногда даже успевал посмеяться в случае остроумной шутки Наставника, которая определялась общим смехом, к которому мне приходилось присоединяться одному из последних, в виду того, что мой слух также работал в режиме эхолота.

Но, видимо, Наставник принимал такое моё выдержанное поведение за мою внутреннюю серьезность, что ещё больше импонировало ему. Я же, как только заметил Лизу, не мог

ни о чём другом думать, как только о ней. Во мне вновь поднялись мучавшие меня с утра чувства, меня, можно сказать, снова обуяло нетерпение. Лиза же, между тем, заняла место у дальнего окна вместе (почему-то?) с мисс Любовь.

Наверное, для мисс Любовь присутствие ещё кого-то при посещении ею столовой помогает в её борьбе с излишествами, предлагаемыми в этом месте раздачи калорий, и вместе с ними – в борьбе с ненавистным весом. А так, дружеский локоть возьмёт и подтолкнет тебя в особый момент, когда ты замешкаешься, соблазненный дурманящим запахом блюда, и вслед за этим попытаешься, попав под чары аппетитности, взять его. Вот тогда-то ты и ощутишь нужность дружеского локтя, который и выведет тебя из очарования вкусовых запахов и приведет тебя в норму.

Что ж, на этот раз роль дружеского локтя пришлось нести на себе Лизе. Исполнив свою задачу, как я уже говорил, она заняла своё место за столом, при этом её занятая позиция способствовала хорошему обзору зала, в том числе и нашего стола, а если быть точнее, то она сидела под 30-ти градусным углом лицом ко мне. Наверное она, войдя в столовую, тоже заметила меня и решила занять свой наблюдательный обеденный пост строго напротив меня. Когда же она присела за свой стол, то мною было примечена некоторая её нерешительность, она поначалу углубилась в свой обед, но спустя мгновение, видимо, что-то решив для себя, с вызовом бросила в мою сторону взгляд. Далее её действия полностью по-

вторили тождественность моих, смотря как бы на мисс, она, тем не менее, сфокусировала свой взгляд и видела только меня. При этом её взгляд выражал совсем другие чувства, несравнимые с моими жалкими потугами. Вызов, смешанный с укором, сквозил из её глаз, и в результате чего, моё сидение на стуле делалось подобным сидению йога на гвоздях, которому, впрочем, было бы это делать гораздо комфортнее.

Что говорить, я не могу с ней соперничать, разве может мой взгляд выразить хоть сотую долю того, что могут показать глаза женщины. Я нем, по сравнению с ними, я «глас вопиющий в пустыне» не видения. Всё во мне порывалось и требовало от меня решительных действий, таких как: сорваться с места, подойти к ней и всё окончательно решить, здесь и сейчас. Но какие-то неизведанные для меня силы, объединившись под флагом правил приличий, сковали меня, и я, находясь под их властью, только и мог делать, что только наблюдать.

Но всё же, я подозреваю, что за спиной моей тактичности стоял в тени совсем другой выгодополучатель, а именно робость, которая, несмотря на свою слабость на внешних фронтах моих проявлений, имеет существенную власть внутри меня, хотя для меня совсем не ясны причины её данных побуждений к подобным действиям. Но, как бы то ни было, робость и на этот раз возобладала во мне, и я всё также продолжал выказывать своё страстное участие в дискуссионном монологе Наставника.

Впрочем, обед не мог продолжаться вечно, и мы, разбавив наш обед взятыми напитками, тем самым поставили на нём жирную точку. Но это была не единственная жирная точка, поставленная нами, а как оказалось позже, я проявил в этом занятии необычайное искусство и умение. Мой отраженный вид в зеркале послужил тому доказательством, а увидел я россыпь жирных пятен на своей рубашке. Видимо, скоростное поедание супа, не прошло бесследно, и как любое занятие, сопряженное со скоростью, вызвало в данном случае неаккуратность, а если быть неpolitкорректным, то брызги на себя. Но что ж делать, остаётся только застегнуть пиджак на все пуговицы, да поднять воротник. Одно только радует, что заметил я жирное происшествие почти что сразу по выходу из столовой.

Не знаю как другие, но вышел я из столовой с решением сегодня же вечером непременно поговорить с Лизой. «Хм, где это мы уже слышали», – проснулась моя критичность. «А нечего иронизировать и если хотите знать, то намерение, уже есть наполовину сделанное дело», – вмешался мой адвокат. «Исходя из вашей логики, то если вы уже два раза намеревались поговорить, то вы, можно сказать, уже переговорили. Не так ли?», – не унималась критичность. «А вот не надо передёргивать. Сам ведь видел, что обстоятельства не позволяли мне сделать задуманное. А поговорить... Я обязательно поговорю, и ты об этом прекрасно знаешь. Только не пойму, чего ради, ты меня раззадориваешь?», – в свою очередь

парировал мой адвокат. «А напомнить никогда не помешает», – закончила критичность и вновь ушла в себя, ожидая следующего удобного момента, чтобы обозначить себя.

Я же находясь во власти внутреннего диалога, включив автопилот, двигался вслед за всеми. Как раз, в тот момент, когда мы проходили курилку, именно в этот момент мысль Наставника заранее затуманилась, и моя задумчивость почему-то вызвала в нём беспокойство, и он со словами: «Ты что, уже заснул?», толкнул меня в плечо, в результате чего я изменил направление своего шага и оказался в этом прибежище курильщиков. Я слегка опешил и непонимающе посмотрел на Наставника. Он же продолжил операцию по приведению меня в чувство.

– Да, он в правду заснул! Ник, ты нам ещё нужен! – вдруг закричал он. Я же, ещё толком не понимая, чего от меня хотят, на автомате прокричал ему в ответ, – Я здесь! И я всё знаю!

Наставник тоже было опешил, но мгновенно собрался и, приняв правила игры, парировал мой громкий вызов своим новым громкоголосьем.

– Вот и отлично!

– И что будем делать? – закричал я.

– А пойдём и всех порвём! – закричал он.

– Я полностью – за! – закричал я.

– И я – за! – закричал он.

Пока же мы с Наставником прочищали наши голосовые

связки и пробовали на звукопроводимость помещений компании, наши спутники стояли около нас и с недоумением взирали на происходящее.

Но, не они одни оказались в таком недоумённом положении. В тот момент, когда Наставник втолкнул меня в курилку, там предавалась своей столь страстной привычке парочка героев, бросивших вызов раку лёгких. Но если недалекое будущее в виде различных болезней, сопровождающих процесс курения, в виде своей неконкретности мало волновало их, то другие возможные непосредственные опасности ими переносились не столь мужественно.

Взятый обществом курс на ограничение мест легальной дислокации курильщиков, видимо, очень близко был принят этой парочкой, просто любителей подымить и, как оказывается, разящий меч закона в виде выписанных штрафов, уже не раз разил их за курение в неположенном месте, и у них благодаря этому выработался свой приобретённый условный рефлекс на неожиданное появление стражей порядка. И хоть штрафной удар по карману довольно ощутимо сказывался на курильщике, но ещё больше их волновало какое-то неуловимое чувство, заявляющее о несправедливости такого положения вещей. А ведь когда ты считаешь себя несправедливо обделенным (даже если доктора тебе уже давно твердят, о необходимости бросить курить), ты из чувства солидарности, или из жажды справедливости, продолжаешь вдыхать этот губительный для твоих лёгких запах свободы, кото-

рый в конце концов приводит тебя к окончанию борьбы против деспотии Минздрава, где-нибудь в тихом уголке кладбища.

Так вот, наше внезапное и моё в частности, невольное вторжение под своды этого последнего уголка свободы, привёл в некоторое замешательство присутствующих там в тот момент людей из касты курильщиков. Их затуманенный взор ещё не успел отреагировать на наше внезапное вторжение, когда как физическая моторика тела стремительно отреагировала на возможную опасность, следуя командам условного рефлекса.

Когда же мы вторглись сюда, то они, как стояли, так и продолжали стоять, при этом один из них, поднося сигарету ко рту, изменил итоговое направление движение ручного контейнера с сигаретой и вместо того, чтобы подать её ко рту, с ускорением выбросил её за своё плечо. Что касается его приятеля, то он, находясь в положении смакователя, ничего другого не придумал, как только бросить сигарету себе под ноги, и затем с невозмутимым видом, наступить на неё ногой. Но как оказалось, превышение скорости рефлекса над мыслительным процессом, не всегда приводит к нужным результатам. Но этот вывод к ним пришел несколько позже, так как наступил черед второй части разыгранного спектакля, который и не дал им времени опомниться.

И если внезапность нашего появления, вызвала реактивную настороженность, то последовавшие вслед за этим наши

крики, не вписывающие в нормальное поведение, вызвали у них столбняковую реакцию. Раскрытые рты, и в довершение к ним округлённые глаза – как ещё должен выглядеть благодарный слушатель, который, к слову, оказался невольным и вряд ли благодарным, в особенности из-за прерванного полета мысли. Но нам выбирать было некогда, а им деваться было некуда, так что наша эпическая выкрикная дискуссия, проходила под безмолвный шум случайных слушателей и наших временных попутчиков, которые всем своим видом показывали своё полное согласие с присутствующими курильщиками, и их общее видение ситуации (по их немому мнению) могло вызывать только общее недоумение.

Но для нас с Наставником в данный момент никого вокруг не существовало, каждый из нас старался вложить в своё трёхсловье весь имеющийся у него запас энергии. И если мое громоголосье не выделялось из среднестатистического, то голос Наставника, вкупе с его спецификой слово выделения, вызывал у слушателей невольный забег мурашек. Но я был так разгорячен, что мне всё было нипочем. Не знаю, чем была вызвана моя ярость, но в тот момент, я могу сказать точно, именно она взяла в своё правление моё поведение.

Когда же Наставник, прокричал последнее «за», мы, наконец-то, решили вдохнуть окружающий воздух. Но если Наставник находился в своей привычной стихии, то для меня, не подверженному этой привычке, вдох не принёс желаемого результата. Я же, сославшись на своё отстранённое отно-

шение к курению, выразил желание немедленно оставить это помещение, на что никто не выразил несогласия, и я в одиночестве пошёл в кабинет для собеседования.

Оставленная мною компания, уже состоящая не только из нашей группы, но в доверок разбавленная уже находящимися там курильщиками, извлекла из своих потайных карманов сладкие белые палочки и принялась придаваться размышлениям о сладости дыма отечества. Где ещё, как не здесь, в этом последнем пристанище вольнодышащих, можно пустить собеседнику дым в глаза, как фигурально так и реально, выказывая свою позицию на ту или иную проблему. Только один твой вид, когда ты задумчиво вытягиваешь дым из сигареты, а затем выдыхаешь вверх дымовые клубы, уже вызывает неподдельное восхищение. Разве мыслитель может выглядеть ещё как-то иначе, так что Роден со своим видением мыслителя, глубоко был не прав, и с этой точкой зрения согласились все присутствующие в курительной комнате.

Также вновь коснулись темы запрета курения в общественных местах. Кто-то, из ранее присутствующих в курилке, заявил, что данный запрет привнесёт свои негативные изменения в окружающий облик города. Ведь если раньше, у входа в магазин или какое-нибудь учреждение, вас встречал одинокий или же парный образ молодых девушек, задумчиво смолящих сигарету, то в связи с этими новыми законами, мы, возможно в скором времени, лишимся этого дополнительного архитектурного убранства, и эта примета времени,

вскоре может полностью исчезнуть, с грустью закончил субъект. Остальная присутствующая компания решила не дополнять его рассказ и только через дым мечтательно продолжала фантазировать.

Перед каждым курильщиком возник образ стоящей, скрестив ноги, девушки, которая, согнув руку в локте, несколько отстранено, как-то в сторону, держала в руке сигаретку, при этом она всем своим весом, как бы облокотилась на свой фигуральный столик, поддерживаемый двумя скрещенными ножками. Ну и в довесок ко всему, её взгляд, направленный вдаль, застыл в ожидании героя, который бы вырвал её из оков повседневности. Но героя всё нет, и она вновь и вновь, с осадком в душе и горечью в горле от крепости сигарок, возвращается к рутине своих обязанностей. Примерно так проводила время оставшаяся честная компания, тогда как я принялся к подготовке к собеседованию, которая, собственно, и заключалась в восстановительном послеобеденном отдыхе.

Организм просто требовал этого, и я даже был рад, что Наставник и сотоварищи отклонились от прямого пути и завернули в курилку. Но времени, на которое я мог рассчитывать, было крайне мало, и я, не теряя драгоценные минуты, сходу увалился на кресло. Не знаю, сколько прошло времени – для меня это было как мгновенье, но шум открывающихся дверей вывел меня из другого измерения. Да это был Наставник и компания, которые на ходу о чём-то перегова-

ривались. Когда же они зашли, то Наставник вновь спросил меня о готовности и, получив от меня положительный ответ, взял стопку документов со словами: «Ну, тогда пошли», возглавил наш дуэт.

По мере нашего обустройства за приёмным столом, Наставник по ходу дела счёл нужным посвятить меня в своё характерное видение человека, находящегося по ту сторону стола.

– Видишь ли? – начал он. – В чём состоит главная проблема, стоящая перед человеком, играющего роль соискателя места?

И не ожидая, моего предполагаемого ответа (надо заметить, что из ста его вопросов, разве что только десять имеют предпосылки для ответа) продолжил.

– Так вот, человеческая предсказуемость и есть тот фактор, который и становится для него наибольшей жизненной проблемой. Человек считает, что всё движется и изменяется согласно какому-то установленному порядку или расписанию. Впрочем, для утверждения этого мнения существуют различные, довольно веские жизненные примеры, как: смена в строгом соответствии со временем дня и ночи, времен года, да и ещё немало естественных факторов. Но человек, обобщая этот естественный фактор жизни, прилагает его ко всем своим частностям. В том числе и в нашем случае.

Для меня эта речь Наставника, честно сказать, оказалась малопонятной, можно сказать, что иногда его ассоциатив-

ность так далеко простиралась, что он сам в конце своей речи с трудом сводил нужные концы с концами, которые хоть и как бы сходились, но всё же имели разную окраску. Услышав от меня: «Мне не совсем ясно, что вы этим хотели сказать», Наставник, сделав паузу, продолжил с ударением на первом слове.

– Предсказуемость, вот на что нам надо делать упор, но этим мы воспользуемся на втором этапе собеседования, во время проверки стрессоустойчивости. Чем же предсказуем человек? А тем, что его подготовка к собеседованию строится согласно его сложившемуся представлению о данной функции жизни. Он уже примерно представляет, как должен пройти этот этап по принятию на работу, ему также известны возможные вопросы и самые практичные ответы на них. Но всё это не всегда так. Так что, давай сломаем стереотипы и дадим ему шанс удивиться.

Но первым удивился я, услышав его предложение.

– Я не против, – на автомате проговорил я. – Всё же он меня иногда удивляет, – подумал я уже про себя.

Наставник прищурился и продолжил, почесав затылок.

– Впрочем, для начала нужно познакомиться с соискателем, ведь должны же мы знать с кем имеем дело. Да к тому же не каждый достоин иметь право на чудеса, ведь без запала мало что взорвётся.

Сказав это, Наставник поднялся и пошёл к двери, которую он приоткрыл так, что своим телом заслонил всю видимость.

Но если его тело заслоняло видимость, то звуковая составляющая не потеряла своей слышимости. Доносившаяся до меня речь, а вернее её содержательность, в точности походила на тот первый монолог Наставника, которым он удосужил нас, впервые встретив у себя в кабинете – единственная разность была в повышенной резкости выражений и грубых сопроводительных эпитетов. Я так и представлял себе гневный вид Наставника, находящегося по ту сторону двери. Но когда он развернулся и пошёл в мою сторону, то его лицо выражало не то улыбку, не то дьявольское ухмыление, предполагающее скорое развлечение.

И вновь для меня что-то происходит впервые. Кто же он, мой первый интервьюируемый? Почему-то не хочется, чтобы это была девушка, как-то не хочется учиться на ошибках. А работа с таким хрупким материалом, как женщина, увеличивает вероятность этой самой ошибки. Так что пусть первым будет какой-нибудь толстокожий представитель другой половой формации. Ведь и природа в своих наследственных опытах тоже придерживается данного принципа, вначале экспериментируя на мужской части населения, дабы в будущем развить лучшую наследственность через женщин. Так что мои требования к первоначалу мужчины, вполне вписываются в природную концепцию развития мира.

Но вот мои ожидания оправдываются, и перед нами предстает типичный представитель современной молодежи. Кроме общих характеристик, касающихся внешнего вида, кото-

рый, к слову сказать, в основном был достаточно строгим. Впрочем, и те, кто не имел в своей внешности строго вида, одели на себя соответствующий строгости места костюм. Но я что-то уже слегка забегаю вперед, делая свои аналитические обобщения. Так что вернёмся назад и продолжим наше собеседование.

Что сказать, на первый взгляд интервьюируемый произвёл (не скажу, как на счёт Наставника) на меня неплохое впечатление. Так что балл за одежду смело кладётся на его чашу весов. Но как оказалось впоследствии, этот балл стал стандартным дополнением к стандарту внешнего вида претендентов, что можно было, в принципе, не принимать его в расчёт, как должное. Что же ещё можно было подчеркнуть для себя, глядя на внешний вид этого представителя молодежи? Хотя слово молодежь так размылось, и стало довольно трудно определить и тем более отнести представителя человечества к той или иной возрастной группе. Чем старше становится человечество, тем больше увеличивается срок его временного пребывания в жизни, и в связи с этим расширяются рамки возрастных определений. Вот и сейчас, к этой группе причисляют людей в возрасте от 14 до 35 лет. Наш же оппонент, внешне скорее всего приближался к 30-летней отметке, что и совпадало с его резюме. Что касается внешности, то мне трудно что-либо сказать по этому поводу, и я просто обозначу её, как обыкновенную, средне статистически выглядящую на данный момент в этой области проживания корен-

ного населения.

Зайдя в кабинет, Николай (как он представился) после приглашения подойти, приблизился к нам и занял приготовленный для него и для всех последующих участников собеседования стул.

– Ну что ж, начнём, – обращаясь сам к себе, проговорил Наставник.

– Я не против, – неожиданно для нас ответил Николай.

– Спасибо за поддержку, хотя она нам как бы и не нужна, но, тем не менее, даже самому опытному работнику, порой необходим такой знак внимания. А то – не дай бог ошибёшься, и тогда – поминай, как звали. Так ведь, господин К... – поставив на последнем слове своё спецмноготочие, закончил своё предложение Наставник.

– С вашего места, пожалуй, будет видней, – не меняя своей линии поведения, продолжил наш оппонент.

– В кои веки, я соглашусь с оппонентом находящимся по ту сторону стола.

– Вот и хорошо, что мы с вами нашли общие точки соприкосновения. Значит сработаемся.

– Да неужели, – заёрзав на стуле, произнёс Наставник.

– А почему бы и нет, – не снижал напора собеседник.

– А и в правду, почему бы и нет. И почему я ещё думаю, даже и не знаю. Ваше резюме говорит, что вы по всем параметрам нам подходите, при личной встрече вы показали себя человеком, который за словом в карман не лезет – что ещё

думать. И чего я ещё выкобениваюсь. Так ведь, коллега? – на последних словах обращаясь ко мне, спросил Наставник, при этом под столом наступив своей ногой на мою.

– Да, я с вами полностью согласен. Но что же вы предлагаете, закончить на этом собеседование? – включился я в игру.

– А что ж, давайте, в принципе нам всё ясно. Вот только для проформы, так сказать, для галочки, я спрошу у вас господин хороший, ответ на один вопрос из области проверки «на ум и сообразительность», и тогда уже мы расстанемся с вами.

– Надеюсь, не навсегда, – с иронизировал наш оппонент.

– Ну, это уже будет от вас зависеть. – Ответил Наставник. – А прежде чем я задам свой вопрос, я хотел бы узнать от вас одну вещь. А какую, я попрошу вас мне помочь в этом. Вот что-то мне подсказывает, что когда с вами беседовали по телефону, то мы, кажется, упустили из виду один важный момент. Вот только какой, я даже не могу понять. Может, вы подскажете.

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

– Да и я вот не могу объяснить это в двух словах, но мне кажется, что вас, как будто подменили, так вы разительно отличаетесь от того, с кем мы общались по телефону.

– Так ведь техника, она же искажает голос.

– Может быть. А скажите, вы читали Ростана. Его Сирано де Бержерака? – спросил Наставник.

– Может быть, я не помню, – уклончиво ответил Николай.

– Ну, хорошо, оставим это и перейдём к нашему вопросу. Кстати, вы не знаете на чём, или вернее будет сказать, на каком слове мы, как правило, заканчиваем наши вот такие посиделки? – с иронией спросил Наставник.

– А разве это имеет значение? – был ответ оппонента.

– Даже очень большое.

– Думаю, что слово «прощай», будет не очень приятно кому-то услышать, в особенности для нас, находящихся по эту сторону барьера, «до свидания» же – более внушает надежду на будущее. Также не внушает надежду прощальное «мы вам перезвоним», так что в этом случае предпочтительнее фраза «мы с вами свяжемся», – размышляя вслух, проговорил Николай.

– Что ж, – переглянувшись со мной, ответил Наставник, – ход вашей мысли мне довольно симпатичен, и ваша версия тоже имеет право на жизнь, но так как у меня по этому поводу иной взгляд, поэтому я дам вам небольшую подсказку. Это слово предшествует как заходу, так и выходу из этого кабинета.

На этот раз со стороны Николая не последовало быстрого ответа. Мы все погрузились в молчание, при этом каждый из нас осваивал его каждый по-своему. Первым нарушить это положение вещей имел право Николай, но всё зависело от его способности найти правильный ответ, так что для него это молчание, можно сказать, было тягостным, если он, конечно, его смог заметить. И вот ведь как сказывается на тебе

незнакомая обстановка вкупе с определёнными обстоятельствами, явно не намеренными тебе помогать, а даже наоборот, множить для тебя трудности, и при этом от тебя требуют проявить находчивость и сообразительность способную преодолеть эти обстоятельства. А ты, быть может, только лежа у себя дома на диване и способен к таким сверхвыдающимся мыслительным действиям. В общем, ты полностью не согласен с такой постановкой вопроса, и в будущем будешь голосовать за партию, требующую равных прав для труда на дому и на предприятии, но а пока что – делать нечего, и приходится ломать голову, сидя напротив этих двух (если всё пройдёт гладко – то приятных, в случае же обратного эффекта – мерзких типов). И главное, ты ведь знаешь ответ, и он вот-вот готов соскочить с вертящего языка, но нет – опять срывается, и вновь приходится ломать голову. Наверное, такие мысли в этот момент кружились в голове Николая.

«Когда ж тогда ему было думать над ответом, а ещё говорит, что ответ вертится на языке – себе бы не брехал», – говорило вездесущее провидение.

Я же не думал над вопросом Наставника, для меня скорее более интересно было наблюдать за мимикой лица, как Наставника, так и его оппонента. Конечно, явных изменений их лица не претерпели, но всё же всплески изменчивых мгновений на их лицах, плюс моё домыслие, рисовали мне впечатляющую картину противостоящих друг другу лагерей. Жёсткие уголки рта и блеск глаз Наставника подсказывали о

волнующем его и не только, состоянии порыва. Но, что интересно, заявляя, что мы погрузились в молчание, я, как оказывается, не совсем был точен. Ведь тишина в помещении – ещё не есть молчание присутствующих в нем людей, и в то время, как внешне мы не произносили слов, внутри нас бушевал шторм дискуссий так, что иногда его волны переплескивались и отражались на наших лицах в виде мелькающих вздрагиваний нервных окончаний.

– Может быть – «следующий», – внезапно для нас, без прежней уверенности проговорил Николай.

Если я всё также продолжал молча сидеть на месте, то от Наставника требовался ответ. Но он не последовал, а просто Наставник, выждав минутную паузу, наблюдая, как не находит себе места оппонент, потихоньку поднялся из-за стола, затем медленно подошёл к соседнему столу, где лежала заранее им принесенная сумка, после чего он, немного покопавшись в ней, нашёл, что искал, и в результате чего перед нами предстала банка одной известной компании по выпуску газированной воды. Мы же с оппонентом всё это время молча сидели, и только наши головы двигались вслед за Наставником, который после того, как достал банку, возвратился, сел на своё место, поставив банку на стол между собой и оппонентом.

Поначалу мы сидели и непонимающе смотрели на эту банку, но затем, прочитав её название, я и Николай синхронно озвучили вслух это название – NEXT. Улыбка растеклась на

лице Николая, и он дальше спросил:

– Выходит, я ответил правильно?

Наставник же с улыбкой проговорил, что в принципе – да. Но для пушшего эффекта – тут ведь главное, верно выбрать место и время для произношения этого слова.

– Вот, подойди к двери, – на последних словах появились стальные нотки Наставника.

Николай, как замороженный подошёл к двери и, встав рядом с ней, стал ждать приказа.

– Ну, теперь открой дверь, – гипнотически проговорил Наставник.

На что Николай вновь повиновался.

– Ну, и кричи! – закричал Наставник (видимо, в минуты душевного порыва Наставник отступал от правил этикета и в разговоре переходил на «ты», что относилось ко всем, в том числе и ко мне). Николай же, уже ничего не соображая, закричал:

– Следующий!!!

Вслед за этой громкой частью собеседования, на нас обрушилась тишина, конечно же, это было относительное затишье, выглядевшее так после всех этих далеко не тихих действий. Если же посмотреть на нас в тот момент со стороны – то моё местоположение так и не изменилось. При этом я был в некоторой протрации от такой кульминации нашего первого раунда интервьюирования. И даже удивительно, как я ещё это слово смог выписать (но здесь я лукавлю, ведь всё

же записи делались не непосредственно по горячим следам, а уже в некотором временном отдалении от события). Из всех частей моего тела только глаза не поддались обездвиженной и перебегали от одного участника действия к другому.

Когда Наставник прокричал своё повелительное: «Ну, и кричи», то он не удержался на месте и подскочил со стула, при этом выкинув вперёд правую руку. Его глаза горели неестественным огнем, его причёска хоть и не особо выделалась на голове, при резком рывке её обладателя, дабы как-то устоять, решила остановиться до более спокойных времен в своём всклокоченном новом положении. Его оппонент, после того, как прокричал своё слово, повернулся к Наставнику и впился в него, ожидая сам не зная чего. Эта тихая сцена продолжалась с минуту, а закончилась в тот момент, когда приближающийся к двери звук чьего-то шага, не обозначился в проёме двери. Когда же следующий кандидат появился в дверях, то Наставник, уже обращаясь к нему, проговорил, изменив свою интонацию голоса на приветственную.

– Закройте дверь за выходящим молодым человеком.

Услышав это, Николай поначалу даже не сообразил, что ему делать, впрочем, и новенький не предпринимал каких-либо действий, ведь в роль выходящего ещё пока никто не записывался. Видя эту заминку, Наставник, добавив феррума в голос, произнёс:

– Для непонятливых повторяю, закройте дверь.

Николай было хотел что-то сказать, но второй окрик На-

ставника не дал ему это сделать, и он уже послушно вышел вон. Когда же новенький закрыл за ним дверь, то Наставник попросил его постоять там, у двери, дабы дать ему закончить дело. Затем Наставник вернулся к себе на место и, развернувшись полностью ко мне, стал шепотом говорить так, чтобы вошедший не мог слышать, о чём мы говорим. При этом Наставник некоторые выражения озвучивал так, чтобы они смогли донестись до ушей новенького. Видимо, Наставник решил прибегнуть к этой уловке для того, чтобы смысл нашего разговора был искажённо принят новеньким, и тем самым можно было более эффективно провести собеседование. Мне же ничего другого не оставалось делать, как последовать его примеру и повернуться к нему. Как и Наставник, я слегка согнул по направлению к нему свою голову, и мы, как два заговорщика принялись вести свою беседу.

– Жаль, что всё быстро кончилось, но и так бывает. Ну, что скажешь, как тебе процесс? – начал он.

– Всё ничего, да вот только я не совсем понял, что это было... в конце?

– Импровизация, как ответ на дерзость.

– Понятно, решили проверить стрессоустойчивость кандидата, но тогда в чём же глубинный смысл, который, как я понимаю, имеет место быть. Ведь, как я понял, он вроде ответил на ваш вопрос.

– А я разве его задавал?

– А разве нет?

– То, что было спрошено – это всего лишь так, предпосылки к главному моему вопросу.

– И к какому же?

– А всё легко и просто! Ему лишь необходимо решить для себя, когда и с чем надо прийти сюда. (Для лучшего понимания читателем, я выделил те выражения, которые Наставник произносил так, чтобы их услышал стойкий оловянный солдатик, стоящий в дверях. И что интересно, наш новичок до этого неловко себя чувствующий и делающий вид, что он не испытывает никакого дискомфорта, и показывающий некоторое подобие отстранённости, как только до него донеслись первые фразы произнесённые Наставником, то он тут же принял ещё более отстранённый вид, отвернув от нас своё лицо, полагаясь на результативность уже другого органа тела: того, что отвечал за слух). И если он не понял ответа на эту задачу, то он зайдёт к нам сегодня с вопросом о дальнейшей его судьбе, и тогда мне придётся отказать ему, а если он правильно ответит, то придёт на следующий этап собеседования, где ему и нужно быть.

– Что-то я не совсем уловил суть.

– А что ещё не понятно? Ведь правильные ответы, да и вообще ответы, не всегда нужны. Нам важно проследить тот путь, который проделывает собеседник в поисках нужного ответа, иногда и неправильного. Вот я им и даю эту возможность найти правильный путь, который, к слову сказать, всегда результативен. Вот и пусть наш дерзкий собеседник ре-

шит эту задачу. — Закончив последнюю фразу, Наставник повернулся на стуле и пригласил новичка к столу.

Новичок, подойдя к нам, занял предложенный ему стул. Я в это время тоже не сидел на месте и, следуя примеру Наставника, принял своё прежнее положение. И вот мы с Наставником сидим и молча смотрим на новичка с одной стороны стола, и он не показывая, как ему кажется, взволнованного виду (но мы знаем, что он скрывает), сидит и ждёт наших движений.

И кто же интересно в этот момент здесь главный? Тот кто оказывает своё важное воздействие на всех присутствующих, задам я вам провокационный вопрос, на который, я думаю, мнения разделяться. И внимательный, а также невнимательный читатель ответит, что это Наставник, так как он руководит всем процессом, другой же вдумчивый фантазёр предположит, что всё-таки повествование ведётся от первого лица, и значит, несомненно, это первое лицо и есть главное действующее лицо, ведь только оно может повлиять на ход повествования. А может, этот новичок какой-то скрытый, весьма знаковый персонаж, который до того не был востребован, и вот сейчас своим появлением затмит всех вокруг, предположат любители интриг. Хотя это предложение и звучит весьма заманчиво, но идея моя относилась к весьма приземленным вещам, вернее, к одному предмету, который своим присутствием магнетически действовал на всех, притягивая наш взгляд к себе.

Так вот, мы сидели и вначале оценивающе наблюдали друг за другом, но постепенно наш взгляд переместился на одиноко стоящую банку газводы, так никем и не убранной со стола. Не знаю, как у других, но у меня никаких мыслей не возникло, и я просто всматривался в очертания банки, перечитывая раз за разом её красочные надписи. Но у Наставника, видимо, возникли совсем иные предложения на этот счёт, и он вдруг высказал новичку своё предложение.

– Я думаю, вы не из того вылеплены теста, и не будете ходить вокруг да около и прямо ответите – «да», если поставленный мною вопрос будет подразумевать такой ответ. Верно, я говорю?

– Да, конечно, – последовал ответ новичка.

– Хотите пить? Отвечайте только честно, – продолжил Наставник.

– Да, немного горло пересохло.

– Ну, это от волнения, – участливо говорит Наставник, при этом беря со стола банку и протягивая её новичку. – Вот, пейте. Не стесняйтесь. Ведь нам нужны чёткие ответы, а не какой-нибудь пересохший хрип.

Новичку ничего не остается делать, как взять протянутую банку, ведь ничего нет сложнее, как отстранить руку дающего. Да и обстановка не предусматривала возражений. Что ж, новичок берёт банку в руки, мы же сидим и внимательно наблюдаем за всеми его действиями. И ведь, ох, как сложно проделать, даже самое лёгкое для тебя действие, когда за ним

наблюдает несколько очень внимательных глаз. И ты хоть ты-сячи раз это делал, то сейчас все твои ранее отчеканенные действия, становятся какими-то неуклюжими и неловкими.

А разве трудно выпить банку воды? Да, наверное, ничего нет легче. Ведь каждый из нас с самого раннего детства пьёт воду; кто во что горазд. Ну, а что же, наш новичок? Вот он, набравшись духу, смело отодвигает язычок крышки, дабы одним махом открыть её. Но, то ли он не рассчитал силу, то ли выбранный им угол поворота язычка занял предельное положение (для нас это так и осталось загадкой), тем не менее, результатом его рывка стал отрыв язычка от банки без её открытия.

И вот сидит перед нами ошарашенный новичок, держа в одной руке банку, а в другой тот злополучный язычок. И ведь наверняка, это всего лишь случайность, и вполне возможно, что новичок является рекордсменом по открыванию сего предмета и, даже скажу больше, он и одним глазом не моргнув, откроет вам бутылку, так что не будем его судить строго и отнесёмся к этому, как к нелепой случайности. Но, у Наставника на всё есть собственный ответ, и он ждёт, что будет дальше.

Новичок, поняв, что от него ждут действий, вначале пытается подковырнуть язычком само отверстие, но из этого у него мало что получается. Тогда он, поставив банку на пол, пробует проверить крепость своих пальцев, которые, к слову сказать, скорее гибки, чем крепки и сгибаются под напо-

ром веса новичка. Тогда он, уже изрядно запыхавшись, достаёт ручку в железном корпусе (в этот момент, Наставник вспыхивает и произносит: «А вот и ручка, как жаль, что Антон далеко»), и уже с помощью её успешно заканчивает свои действия. Что ж, разобравшись кое-как с крышкой, наш оппонент приступает к самому процессу питья. Сделав глоток, он опускает банку и видит перед собой так участливо наблюдающие за ним лица.

– Пожалуйста, до дна, – подстегивает его Наставник.

Что ж, банка не очень большая, и выпить её до дна не составляет трудности, вот только подоспевшая откуда-то снизу, под воздействием газов отрыжка, решила тоже поучаствовать в глотательном процессе и даже постараться воочию понаблюдать на всех со стороны. Новичок, попав в такую щепетильную ситуацию, собирается со всеми силами и в несколько глотков приканчивает банку, что не сказать про отрыжку – она же, к его неудовольствию, особа весьма зловредная и не знает обратного хода. Так что процесс дальнейшего собеседования для новичка становится всё более сложным. Ведь ему просто необходимо координировать свои высказывания с этой возмутительницей его спокойствия, иначе неосторожное слово может вызвать её гнев, и она, найдя лазейку меж гласных, возьмёт и вырвется наружу.

– Как, освежает? – издевательски спрашивает Наставник новичка.

– Угу, – сдерживая натиск этой особы, только и отвечает

новичок, при этом держа пустую банку в руках.

Наставник, как будто не замечает этой помехи в руках новичка, поворачивается ко мне и говорит:

– Знаешь, и ведь верно говорят, что аппетит приходит во время еды. Вот и я что-то захотел чего-нибудь попить. При этом я ощущаю, что под столом он вновь наступил мне на ногу. – Да, пожалуй, и я бы не отказался от ключевой водички, – подыграл я Наставнику.

– Не сходите для нас за водой, а то выпитая вами банка была последней, – уже повернувшись к новичку, обращается он к нему.

Что ж, как бы двойко не звучала эта просьба, но ряд факторов и один существенный, который так и остался тайной для нас, но для некоторых случайных прохожих в коридоре он всё же открылся своим завывом, не позволили новичку ответить нам отказом в нашей к нему просьбе. И со словами: «Я сейчас мигом», новичок так быстро вышел в коридор, что даже напутственные слова Наставника: «Там по коридору налево», не успели достигнуть адресата, споткнувшись об закрытую за ним дверь.

– Честно сказать, вы для меня непредсказуемы, – обратился я к Наставнику.

– А что вас так удивляет? – спросил он меня.

– Ну вот, последние ваши действия, мне не приносят ясности. Какой во всем этом смысл?

– Какой смысл? – переспросив и, затем сделав паузу, как

бы размышляя над моим вопросом, Наставник продолжил. – А, пожалуй, никакого – просто мне пить хочется. А вам разве нет? Ведь, как я помню, вы тоже выразили своё согласие.

Я не стал ему указывать о его побудившем меня дать согласие толчке, и я, не отвечая на его вопрос, спросил о другом.

– Но всё же, разве только жажда движет вашими действиями?

– А вы в точку попали. Да, именно жажда подстегивает и заставляет меня двигаться. Но под жаждой я понимаю куда более общее понятие. И я хочу, чтобы вы тоже жаждали жизни, как я. А насчёт нашего посыльного не беспокойся. Ведь нам необходимы исполнительные работники, вот он и доказывает свою исполнительность.

– Но, мне кажется, чересчур..., – не закончил я, как в дверь постучали, и в неё вошёл новичок. В руках новичка находилось две банки с разными наименованиями воды.

– Ну, вот и наш спаситель, – проговорил громко Наставник, вставая с места и подходя к новичку.

– Я вот только не знал какую взять, и поэтому взял разную. – Сообщил новичок.

– Да ничего, вы ходили – вам и выбирать. Не такие уж мы привередливые. Да, коллега? – обращаясь ко мне, заявил Наставник.

– Да, конечно.

– А ты какую будешь, – взяв банки в руки и показывая

мне их, спросил он.

– Да, без разницы.

– Тогда я себе возьму лимонную, а уж тебе достанется, что послаще, – сказав это, Наставник поставил передо мной банку.

– А чтобы я не забыл, мне надо с вами рассчитаться за воду, – с этими словами Наставник лезет в карман пиджака, висящего на спинке стула, и достаёт свой кошелек.

– Да не надо, перестаньте, – пытается возразить новичок, но на эти его слова Наставник заявляет, вновь переменяя тон на более жесткий.

– Нет, в таких вопросах я строг. И здесь не может быть даже малейшего повода для недоговорок. А то потом скажете, что мы использовали своё служебное положение, и вы за свой счёт угощали нас водой. Нет, извольте получить, – протягивая пятитысячную купюру новичку, заканчивает свой монолог Наставник.

– Но у меня нет сдачи, – растерянно оправдывается новичок.

– Так разменяйте, – неумолимо заявляет Наставник. Не зная, что возразить, новичок вновь скрывается за дверью кабинета. Наставник же с улыбкой поворачивается ко мне и внимательно смотрит на меня, а затем говорит: «Что, у вас опять есть вопросы?». Мне же не совсем понравилась эта последняя сцена, и я даже слегка почувствовал жалость к новичку. Но ко мне уже стало приходиться понимание того, что

всё то, что делает Наставник – имеет под собою определенную цель.

– Я понимаю, что это стрессовое собеседование, но всё же мне трудно принять унижение личности.

– Унижение личности! – Вдруг сорвался на крик Наставник, но потом справился с собой и уже спокойным тоном продолжил. – На то она и личина, чтобы принимать различные удары судьбы. А без внешнего стресса разве куётся личность? Вот сейчас, через эти послышки, пройдя пресс нашего давления, возможно она и проходит свой главный экзамен, для того чтобы и называться личностью.

– Я может неправильно выразился, – попытался вставить слово я, но Наставник не слушал и всё продолжал.

– Разве наше тестирование определяет – личность ты, или нет? Мы проверяем всего лишь её качественные характеристики, способность к адаптации к внешним условиям, её функциональные способности. Ну, а если выйдет так, что она нам не подходит – это ещё не значит конец твоей личности, а всего лишь тебе нужно найти для себя иное применение, для своей оболочки, называемой личностью.

Выпалив всё это, Наставник задумался, а потом, как ни в чём не бывало, вновь завёл разговор.

– Исполнительность мы проверили, теперь пусть проявит смекалку, а то я всё утро не мог разменять деньги. Было хотел поменять в столовой – да вот забыл, а сейчас, пожалуй, там уже и закрыто.

Затем он встал, достал сигарету, посмотрел на меня и направился к окну, чтобы закурить. Но прежде чем зажечь её, он попытался открыть окно, что у него не получилось сделать.

– Подойди ко мне, – попросил он меня.

Я, поднявшись с места, подошёл к месту его единоборства с окном. Надо сказать, что одна стена кабинета представляла собою одну сплошную стеклянную конструкцию и, как нами выяснилось, окна здесь не открывались. Правда, для этого имелись какие-то ручки, но их функционал так и остался для нас загадкой. Уяснив для себя невозможность открыть окно, Наставник не огорчился и, сказав: «Ну и ладно», закурил сигарету. Пока он курил, я смотрел из окна вниз. Мы находились на пятом этаже, так что можно было вполне чётко рассмотреть лица проходящих людей. Окно кабинета находилось со стороны главного входа, так что из него было видно, кто входит и выходит. Так же издали виднелась парковка и маршрутная остановка прибытия и убытия персонала. Но вот, когда Наставник закончил свой перекур и уже без сигареты присоединился к моему наблюдательному посту, в дверь уже без стука вошёл новичок.

– Наконец-то, – поворачиваясь к нему, заявил Наставник, а то уж мы стали переживать и вот даже устроили свой наблюдательный пост.

– Вот, поменял, – протягивая деньги, сказал запыхавшийся новичок.

– Вот и хорошо. А что так долго?

– Да ведь в административном здании с такой просьбой к незнакомому не обратишься, тем более, если никого не знаешь. Мало ли кем он может стать.

* * *

Надо сказать, что это была истина, полученная в результате горького опыта. Как выяснилось потом, всё же наш новичок в первую очередь поступил именно таким образом, став просить разменять купюру всех, кто ему попадётся на пути. Вначале это были ожидавшие своей очереди на собеседование кандидаты (представляю, какой шквал недомыслия вызвала у них подобная просьба человека, вышедшего из кабинета их предшественника), а уж потом... Да уж это потом.

И, как это бывает в подобных случаях, то сама случайность в тот же момент решила здесь же погулять и ещё раз доказать всему существу свою значимость. Так походив по коридорам нашей компании, заглянув туда и сюда, и не найдя для себя чего-либо значительного, она уж было собралась восвояси, где её ждал сытный стол, как она заметила, что по коридору административного здания в поисках своего разменного решения, мечется страстно желающий выполнить эту свою миссию, какой-то человек.

А ведь случайность – не то, что случай со своей брутальностью, она всегда готова прийти на выручку страждущему. А так как времени на раздумье у неё не было особо много,

то она ничего другого не придумала, как вызвать у одного из владельцев кабинета, находящегося на пути следования новичка, острый страждущий позыв выйти в туалетную комнату. Видимо, во время обеденного перерыва, ему случайно достался тот вчерашний компот, забытый не очень ответственной, да что там, скорее безответственной кухонной рабочей, которая клятвенно заверяла повара, что все вчерашние остатки, по мнению повара уже нехорошего компота, вылиты, и что на сегодняшней обед будет подаваться только свежий продукт.

Но мы-то с вами знаем цену этих заверений. И из всего этого можно сделать один вывод – что случайность уже загодя готовится и расставляет везде свои ловушки, на которые попадают ничего не подозревающие, в том числе и великие люди, а уже потом, исходя из ситуации, случайность с выгодой для себя использует их. И ведь как бы велик не был человек, как говориться в таких случаях – ничто земное ему не чуждо. Так что наш владелец большого кабинета, вполне неслучайно ощутил эти позывы, и так как сие происшествие произошло во время его видеоконференции с потенциальными партнёрами – ему ничего другого не оставалось делать, как отложить до лучших времен посещение нужной ему комнаты. И он со стойкостью спартамца, преодолевая нижнетазовое давление, сумел-таки выстоять, вернее, высидеть этот раунд противостояния или сидения (я уже совсем запутался), в общем, как только была закончена видеосвязь, он, еле

сдерживая натиск организма, гуськом двинулся по направлению заветной комнаты. И вот тут-то он на свою беду, и повстречался нашему герою.

– Извините, вы не разменяете? – протягивая денежную купюру, обратился к нему новичок.

В другой бы раз наш владелец большого кабинета, тем более под сенью своих владений, просто бы отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Но в данный момент, наш Большой Человек не только не испытывал какого-то желания пообщаться, он просто этого не мог сделать физически без неприятных для себя последствий. Так что ответом новичку со стороны Большого Человека, было его полное безмолвие. Но как назло, новичок встал на пути Большого Человека, а для него каждый шаг, и тем более с поворотами, давался с большим трудом, так что он только побагровел и непонимающе посмотрел на нахала. Но на его беду, новичок не отличался большой сообразительностью, и ему показалось, что раз ему не отказали – то значит: либо его не поняли, либо надо ждать дальнейших шагов со стороны этого, почему-то сильно покрасневшегося господина. Решив, что нужно повторить свой вопрос, новичок вновь спросил:

– Вы может не поняли, но мне просто необходимо разменять деньги.

Большой Человек собрался с силами, и уже приготовился по-братски послать наглеца куда подальше, но случайность, имеющая связь с внутренними телесными обстоятельствами

и отвечающими за расстройство желудка Большого Человека – не дала ему этого сделать, и предупредительно вызвала новый жёсткий позыв, грозящий ему неминуемыми физическими и репутационными потерями. Большой Человек в этот момент словно окаменел, его лицо от напряжения ещё более, если ещё только такое можно, сильно побагровело, его руки, что есть силы сжались в кулаки, его ноги, с такой силой упёрлись в пол, что, пожалуй, в этот момент на свете не существовало живой силы, способной сдвинуть нашего Большого Человека с места, при этом вращение вылезших из орбит его глаз приняло такой угрожающий характер, что посторонний наблюдать при взгляде на них вполне мог потеряться в этом безумном водовороте.

Но как бы угрожающе не выглядел Большой Человек, всё же вывести его из себя мог только один субъект, и в этот момент он находился как раз напротив Большого Человека. И вы, я надеюсь, поняли – кто это был. Новичок же видя, что спрашиваемый господин не отвечает, всё продолжая так же молчать, но при этом всё больше наливается краской, хмыкнул и заявил с разочарованием.

– Сказали бы, что нет размена и всё. А то стоит и молчит, как будто в рот воды набрал, и ещё надувается, будто индюк на токовище, – и не мешкая отправляется дальше искать, где бы разменять купюру.

Большой Человек слышит эту грубость на свой счёт, но ничего не может поделать, его сейчас это мало волнует, его

трогает только одно, как бы с минимальными потерями добраться до вожаемого места.

Но давайте оставим Большого Человека и пожелаем ему благополучного завершения своего путешествия в места обетованные. Правда, мы едва не забыли про нашу виновницу завертевшую всю эту катавасию. А что она? Да вон стоит невдалеке и спорит со своим напарником Случаем, как же всё-таки трактовать эту встречу Большого Человека и новичка. Случайность винит Случай в том, что он вновь пытается все лавры присвоить себе, когда как чередя нелепых случайностей и стала главной причиной случившегося события. Ведь не отвлекись кухонная рабочая на телефонный звонок, тогда глядишь, она бы и нашла время вылить забродивший компот. Случай же контраргументирует тем, что не случись вчерашним вечером организованной им встречи бывших соратников – сегодня бы Большой Человек не мучился с похмелья и сопутствующим ему сушняком во рту.

– А почему именно ему попадается как раз тот компот, разве это не моих рук дело? Да и вообще, твоему Большому Человеку только дай повод – он через день будет находиться в таком приподнятом состоянии, – пылает Случайность.

– Но... – пытается возразить Случай, но его вновь перебивает Случайность и, рыдая навзрыд, прибегает к своему козырному аргументу.

– Ещё скажи, что наша встреча была случайной, и если бы не воля случая – мы бы не встретились.

– Нет, конечно, это была не случайность, а судьбой predetermined событие, – пытаюсь её успокоить, говорит Случай, при этом обнимая и прижимая её к себе.

– Ну ладно, успокаивается она и вновь затевает разговор.

– Но, всё же скажи, ведь наша встреча, хоть чуть-чуть, но обязана случайности.

– Да что б ты!!! – в сердцах произносит Случай и отдаётся на волю судьбе.

Мы же оставим эту парочку одних и вернёмся к нашему повествованию.

* * *

– И как же ты разменял деньги? – спросил Наставник.

– Да ничего нет проще. Нашёл банкомат и снял ровно ту сумму, которая и требовалась для сдачи, – ответил новичок.

– А и вправду, чего легче, – ответил Наставник и, повернувшись ко мне, прошептал, – а я что-то сразу и не сообразил, так разменять, – затем повернулся к новичку и сказал. – Что ж, честно скажу – общение с вами было весьма полезным и продуктивным.

Потом подошёл к новичку, взял его за локоть и сказал, направляя его к двери.

– Скажу даже больше – ваши способности всегда будут востребованы и найдут для себя применение. А пока что, позовите следующего, – выталкивая за дверь новичка, закончил свой разговор Наставник, затем повернулся и, вновь

ожидая моего вопроса, уставился на меня. Я же не дал ему заскучать и спросил:

– Так он вам не подходит?

– Мне? – удивлённо спросил он.

– Ну, вы поняли мой вопрос, – ответил я.

– Я-то понял. На касаемо того, что он мне не подходит – я отвечу отрицательно. Мне то – он как раз подходит. Там воды принести, деньги разменять, да и мало ли ещё каких может быть поручений. Вот только... мы здесь набираем не обслуживающий персонал.

– Но всё-таки, вы сами создали такие условия для него, что он не мог поступить как-то иначе.

– А я говорю – мог! Но если и так, то надо было как-то проявить себя, показать свою креативность.

– А банкомат?

– Ну, это не считается. А если бы у него не было денег на карточке, то что бы он делал?

– Ну... Придумал бы что-нибудь другое.

– Да я смотрю – ты его защищаешь. Чем же он так тебе симпатичен, или просто ты решил встать на защиту униженных и оскорблённых?

– Возможно, – сказал я и осёкся, так как входная дверь открылась, и на пороге появилась девушка.

Мы с Наставником синхронно изменили в сторону двери направление своего взгляда, и также одновременно машинально вытянули свои шеи и выпрямили плечи. Всё же при-

рода возьмёт, да и напомним о себе, заставляя её детей подчиниться своим внутренним инстинктам.

– Я стучала, – с прохода заявила девушка в строгом деловом костюме.

– Да, да, – в два шага оказавшись рядом с ней, заявил Наставник, – Вот, прошу вас, проходите, – продолжил он с последующим жестом, указывающим ей на место собеседования.

Девушка направилась в сторону стула, тогда как Наставник, постояв сзади неё, немного понаблюдав за ней со своей позиции, и со словами: «Да... У нас сегодня ещё таких не было», вернулся к себе на место. Девушка же, услышав данный эпитет в свою сторону, не удержалась и спросила, что он имел в виду, произнеся эти слова.

– Прошу прощения, за слово «сегодня», а что касается «таких», то, пожалуй, его стоило бы более конкретизировать, но, учитывая современные корпоративные правила, мне будет весьма сложно это сделать. Так что, если я сделаю ударение на этом слове и при этом слегка растяну его, то я думаю, что от вас не уйдёт понимание того, что я имел в виду. А если отвечать официально – то вы сегодня первая представительница женского рода в очереди мужской когорты, так что если смотреть на ситуацию с этой стороны, то мой эпитет вполне уместен.

– Да, конечно, я вас прекрасно поняла, – попыталась возразить девушка.

– Нет! Всё-таки я не сдержался. Что ж, годы берут своё. Теперь уж нет той крепости мысли. А вот скажите, мне всегда было интересно, как двое людей могут встретиться, если они одновременно решили пойти налево? – с участливым видом, чуть наклонившись к ней, спросил девушку Наставник.

– Но ведь это говорится фигурально, – удивлённо ответила она.

– Вот и я смотрю на это с позиции геометрии Эвклида, и согласно ей – две прямые никогда не должны пересечься, – всё так же наивно говорит Наставник.

– Плоскость, как правило, не способствует развитию таких отношений и подходит, разве что только в качестве статичной опоры для динамических действий партнёров. – Говорит она.

– Да... Вы меня удивляете вашими познаниями в точных науках, – не скрывая удивления, проговорил Наставник, потом повернулся ко мне и сказал, – А мне нравится ход её мысли. – И повернувшись к ней, вновь спросил, – И что же вы еще можете нам сказать в продолжение темы?

– Ну, в житейском плане, всё же два одновременных левака встречается крайне редко, в основном-то только один идёт на это самое «лево», другой же, как бы не обременён теми частными обстоятельствами, трактующих этот поход, как левосторонний. Хотя последний и не освобождается от ответственности надзорных моральных органов. Может по-

тому-то этот второй подвид левака так распространён в природе, что геометрически им легче соединиться в одной точке пересечения. Ведь разносторонность всегда более притягательна, чем одностороннее развитие человека.

– Что же сказать... Вы нас прямо так и сразили вашими познаниями, – благодушно, расплывшись в улыбке, сообщил Наставники и, обращаясь ко мне, добавил, – Она умница, не так ли?

Я же, не имея ничего против, выразил своё согласие кивком головы.

– Но давайте всё-таки о серьёзном, – открывая лежащую перед собой папку, сказал Наставник. Немного полистал её и, остановившись на нужном месте, как бы между прочим спросил Умницу, – А скажите нам, какие вы видите в себе недостатки?

Умница же, с выражением испуга, тихо проговорила, – Вы тоже заметили?

– Что именно? – уже в свою очередь испугавшись и придвинувшись к ней, тихо спросил Наставник.

– То, что я набрала лишний вес, – с детской непосредственностью ответила она.

– Но для этого мне надо было знать вариант – до, чтобы оценить – после, – поняв уловку Умницы, иронично ответил Наставник.

– В том-то и дело, что женское для меня – слишком близко, и это иногда отвлекает, что, наверное, и является глав-

ным моим недостатком, – с серьёзной ноткой ответила она.

– Кого отвлекает? – уже со своей непонимающей стороны спросил Наставник.

– Все заинтересованные стороны, – не давая загнать себя в тупик, нашла выход Умница.

– Ну, это не страшно. Но давайте продолжим. Так, посмотрим, что тут у нас есть. Какие ваши сильные стороны? Мы, правда, уже частично уяснили для себя это. Да я, в принципе, даже предполагаю, что вы ответите на этот вопрос. В чём ваша сила, сестра.

Умница же в такт его вопроса утвердительно начала кивать головой и ответила, – Да, да – в слабости моя сила.

– Что же дальше? – переворачивая страницу и обращаясь к себе, продолжал Наставник, – Кем вы себя видите через пять лет? И ведь опять ответ лежит на поверхности. Скажите же, наверное – постаревшей?

– Угу, – вновь кивнула Умница.

Наставник встаёт со своего места и произнеся выражение: «Вот ведь какая незадача. Все так называемые нестандартные вопросы, если они касаются женской половины, банальны и стереотипны по своему составу. Какой-то прямо-таки выработался новый женский стандарт вопросов». Далее он обращается к Умнице и уже спрашивает:

– А вас разве не удручает данная постановка вопросов?

– Ну, с одной стороны – мне легче. Я ведь, в принципе, могу предугадать, на что, собственно, будут давить в процес-

се собеседования. С другой стороны – узость рамок присутствует также и на рынке предложений, где может участвовать представительница моего пола. Да и существующие стереотипы мышления на каждом шагу преследуют нас. Вот, наберите в поисковике «как женщине подготовиться к собеседованию», и вы в основном найдёте только инструкции по правильному выбору одежды для собеседования, – с горечью в голосе закончила Умница.

– Ну, вы не расстраивайтесь так, – сказал Наставник и, подойдя к соседнему столу, опять порылся в своей сумке и достал на свет бутылочку минеральной воды, наличие которой вызвало у меня небольшое удивление.

Затем он достал из шкафа чистый стакан и, налив в него воды, подал его Умнице. Она со словами: «Спасибо», выпила его и вернула посуду обратно Наставнику, который говоря: «Ну, вот и хорошо», не сводя с неё взгляда, попытался, основываясь на своем памятливом видении, поставить бутылку со стаканом назад на боковой стол. Но если со стаканом всё прошло благополучно, то бутылка, в виду её меньшей по сравнению со стаканом устойчивостью, потеряла равновесие и, опрокинувшись, разлила своё содержимое на этот самый стол. Заметив эту неприятность, Наставник заявил, что ничего страшного, и что такое бывает. Вернувшись к себе на место, он вновь углубился в лежавшие перед ним бумаги.

Не знаю почему, но на нас напало какое-то ощущение неловкости, видимо, окружившая нас тишина, вместе с при-

сутствующим звуком капающих капель из разлившейся бутылки, создавали собою какую-то картину незавершенности, требующую от присутствующих срочного вмешательства в этот ход событий. И это требование-то и усиливало наше внутренне неосознанное беспокойство по этому поводу. Каждая падающая капля беспокойным грохочущим звоном отражалась у каждого из нас в голове. Но Наставник, казалось бы, не замечал этого – он был полностью поглощен изучением бумаг. Я же уже хотел было встать, как вдруг моя нога ощутила нажатие руки Наставника, требующее оставаться на месте. Умнице же, по всей видимости, тоже приходилось не сладко, о чём говорило её ёрзанье на стуле. Наконец она не выдержала и со словами: «Я так больше не могу», вдруг подскочила с места и подошла к столу со злополучной бутылкой. Затем подняв её, осмотрелась и, повернувшись к нам, спросила:

– Где у вас можно взять тряпку?

– Наверное, в уборной, – как ни в чём не бывало ответил ей Наставник.

– Я сейчас, – с решимостью двинулась к выходу Умница.

Когда же она скрылась за дверью, Наставник повернулся ко мне и проговорил с иронией.

– Вот видишь... Как бы они не пытались скрыть свою женскую сущность от всех (и в первую очередь от себя), у них ничего не получается. Ведь природа неумолима и всегда придёт на помощь памяти: возьмёт да и проявит в самый, каза-

лось бы не подходящий момент их женскую натуру. Вот так-то. И никуда им от этого не деться. Только мне всё реже и реже удаётся встретить такие природные натуры.

– А если бы она взялась и не проявилась эта натура? – спросил я.

– Ну тогда... Зачем нам такие?

– Какие – такие?

– Безосновательные. Запрятавшие свои основы так далеко, что и сами о них забыли, – сказал, как отрезал Наставник, поднялся с места и направился к дверям, словно чувствуя, что сейчас появится Умница. И как только он приблизился к дверям – на пороге появилась она.

– Вот, нашла, – всё с той же решимостью сказала она и направилась к столу, обойдя Наставника.

Последний, по всей видимости, изначально хотел не пропускать её, но её решимость стала причиной его нерешимости, и он безмолвно пропустил её. Вытерев стол, Умница заявила, что надо бы ещё и пол вытереть. С чем она собралась было идти назад, уже за этим аксессуаром работников сферы благоустройства. Но на этот раз Наставник решительно преградил ей путь и заявил, что на сегодня, в принципе, собеседование можно закончить, и что он ожидает её увидеть на втором туре тестирования. Умница же, потеряв свой строгий вид и, выразив свою радость, сказав – «до свидания», вышла из кабинета.

– Ну что ж, надо, наверное, сделать, небольшой перерыв-

чик, – заявил Наставник.

– Что ж, я не против, – ответил я.

– А куда ты денешься, – засмеялся он, хотя я знаю – куда. В соседнюю комнату. А то Антон, наверное, заскучал.

– В запасник, так в запасник! – встал и я, принявшись собирать свои вещи, состоявшие из пары папок с вопросами. В то время, когда я уже собрался идти, в дверь кабинета просунулось широколицее лицо незнакомца.

– Простите, – было заявило оно. На что Наставник со сталью в голосе заявил. – Не прощу.

– Если бы не срочные обстоятельства, то бы я не посмел вас беспокоить, – появившись из приоткрытой двери, слегка сконфуженно продолжил, судя по его форме, охранник.

– Ну ладно, валяй, – слегка смягчившись, ответил Наставник.

– Да нас всех всполошил начальник транспортного отдела. Видите ли, как он говорит, на него напали в коридоре.

– Как это? – удивился Наставник.

– У меня конкретики мало, но я слышал... что когда он шёл по коридору, то какой-то незнакомец преградил ему путь, и ни с того ни с сего набросился на него с оскорблениями. При этом всячески ему угрожая, а в конце обещая отправить его петухом в курятник. Говорят, что начальника отдела прямо кондрашка хватила, то ли от неожиданности, то ли от наглости молодчика. В общем, кто его видел – говорят, что на нём прямо лица не было, а вместо него толь-

ко маска, застывшая в изумлении. И ведь слова внятного от него не добиться, а пока разобрались, что да как, то и драгоценное время упустили.

– Да, неужели? Но насколько я знаю нашего транспортника, так это его обычное состояние. Ну да ладно, но почему у меня решили искать.

– Среди своих-то не надо искать, ну а «левые» в основном у вас отираются.

– Ну ладно, допустим. Ну и как же он хоть выглядел? – спросил Наставник.

– Да особых примет, в общем-то, и нет. Вроде молодой, одет в серый костюм. Ах да, ещё. Когда этот молодчик угрожал, то он почему-то держал в своей руке пятитысячную купюру.

Услышав это последнее упоминание про деньги, Наставник вдруг, что есть мочи разродился смехом, напугав этим своим поведением охранника. До меня, в свою очередь также дошла догадка, и я хоть не так экспрессивно, но тоже проявил через смех свою эмоциональность. Охранник, ничего не понимая, стоял и переводил свой взгляд с одного ржущего на другого смеющегося и наоборот. Отсмеявшись, Наставник поспешил успокоить охранника, заявив ему, что пусть он не обращает внимание на наш всплеск веселья – это к делу не относится, а что касается искомого, то такого у него нет. Но если он что-либо узнает, то обязательно свяжется с охраной и предоставит им всю нужную информацию. На

этих словах Наставник выпроводил охранника и, повернувшись ко мне, заявил следующее:

– Я, пожалуй, давно так не смеялся. Значит, наш новичок всё-таки проявил себя. А ведь нам говорил, что спрашивать в компании у сотрудников чревато и поэтому нецелесообразно, ну а сам в это же время мучает нашего транспортника. Вот ведь какой нахал – вздумал нас обмануть. Впрочем, я решил ему дать ещё один шанс. Всё же интересно будет посмотреть на него ещё раз. А для пущего эффекта позову-ка я ещё сюда нашего транспортника, и тогда мы уж повеселимся. Так ведь?

– Не слишком ли жестоко будет для новичка. Ведь кто знает, чем это грозит?

– А, не переживай! Ничего с ним не будет. И вообще, не будь таким зажатым искателем правды. Запомни одну здешнюю истину. Пока ты находишься по эту сторону стола – для тебя нет никаких правил и запретов, для тебя не существует никаких нравственных ограничений и норм. Твоё желание – закон, и только ты решаешь, что можно, а что нельзя, и никто больше. Это они, с той стороны стола, пускай думают о правилах и приличиях. Мы же, по сути поймали за хвост одну из ипостасей истинной свободы, ограниченной только нашими понятиями о ней. И я, даже скажу больше, именно беспринципность и является той необходимостью, которая и приводит всё вокруг в движение. Ведь только обладая ею, ты сможешь разобраться и понять все неуловимые движе-

ния души человека, вскрыть скрываемое, найти в его дальних тайниках души то, что он пытался спрятать от всех (и в том числе от себя), и только с помощью её ты сможешь отделить зерна от плевел. Думаешь, создатель не в курсе всех этих непотребностей, творящихся здесь? Наверняка, он самый искусный знаток всех существующих видов грехов, к созданию которых он тоже приложил руку. Ведь не зная их, разве можно выносить о них суждение? А для того чтобы ему самому не пачкать руки, он и привлёк на эту службу дьявольское отродье, которое и выполняет за творца всю грязную работу. Так что небеса сами диктуют нам свою волю, а мы только являемся её послушными исполнителями. И для того, чтобы чётко следовать этим указаниям, нам и нужна никем не ограниченная свобода, которой пользуются и первые исполнители воли творца.

– Ну, это только ваши предположения, ссылаясь на которые, вы пробуете оправдать свои действия. Ведь легко сказать – на всё воля божья, и только он несёт за всё ответ, – попытался возразить ему я.

– А чья же ещё? Он, и только он дал нам моральное право не иметь никакой морали. Именно мы берём на себя этот груз ответственности за человеческую безответственность, ведь неизбежность будет лучше держать под контролем, чем имея её в свободном плавании. Так что мир должен быть нам благодарен, потому что мы не гнушаемся возиться в данном сегменте аморальности. Так что, если не мы – то кто?

– Вы это о чём, собственно, – не совсем поняв пространственность речи Наставника, спросил я, и что интересно – этот его монолог почему-то до боли был знаком мне. Но где это слышал я, сейчас не мог вспомнить.

– Да ты всё прекрасно понял. И не надо из себя строить непонятливого. В общем, давай не порть мне день своими философствованиями, мне ещё сегодня предстоит немало убеждаться в брэнности человеческой мысли. А с тобой, если ты захочешь, мы найдём ещё для этого время. А пока что откинь эти свои мысли и начинай пользоваться данными тебе благами. И вообще, меня интересует сейчас другое – надо бы узнать подробности сегодняшнего инцидента с нашим транспортником, – заканчивает он и, беря трубку телефона, начинает набирать номер.

Я же решив, что было бы неплохо выйти в коридор и проветриться, говорю ему, что пойду подышу свежим воздухом. На что он, не отвечая мне, просто машет рукой, отправляя меня восвояси.

Выйдя в коридор, я обнаруживаю там ожидающих своей очереди на собеседование ещё нескольких претендентов на работу. Всё же интересно, почему они казались мне все разные сами по себе, но в то же время – так были похожи друг на друга. И ведь я не беру в расчёт тот требуемый дресс-код, одеваемый ими на себя по приходу сюда. Нет, здесь есть что-то другое. Ведь, по сути, их сближает и одновременно разъединяет общее стремление добиться цели здесь, у нас в

компании. Может именно эта общность целеустремлений, в данном случае и становится тем выразителем, так делающим их похожими друг на друга. Кто знает? Но пока я шёл по коридору и размышлял об этом, то неожиданно наткнулся на выходящую из дамской комнаты Умницу.

Она видимо тоже не ожидала меня увидеть, но имея при этом более скорую реакцию, первая выпалила:

– А, это вы.

На что я ничего другого не найдя ответить, сказал:

– А это вы.

На что она, улыбаясь, просто сказала. – Как видите.

– А что, домой не торопитесь идти?

– Да вот, уже собралась, – улыбаясь, ответила, сказав мне, – Ещё раз до свидания.

И отправилась к выходу. Я же, не успев что-либо сказать, остался на своём месте и с улыбкой продолжал смотреть ей вслед.

– А вы даром времени не теряете, – неожиданно услышал я голос Лизы. Видимо, она тоже находилась там же, где и Умница и, выйдя оттуда, не могла не наткнуться на стоящего улыбчивого истукана, смотрящего вдаль на восток (просто небольшая ассоциативность с выходом, ведь по моему разумению его искать стоит только на востоке), вслед за уплывающей из виду Умницей. Этот истукан не сразу пришёл в себя, от неожиданности, вызванной появлением Лизы. Он поначалу только и смог, что промямлить пару слов.

– Я, это я.

Но таковы все истуканы, и за это их нечего винить.

– Да, я вижу, что это именно вы, – проговорила Лиза.

– А я ведь вас везде искал, – наконец придя в себя, ответил

я.

– Конечно, учитывая, где мы встретились, видимо, это было последнее место, куда вы ещё не заглянули. Хотя, возможно, я просто упредила вас. А ведь мне даже представить смешно, чтобы было, если бы вы заглянули сюда, прежде чем... – Представив себе эту картину, прыснула со смеху Лиза. – В каких бы вы ракурсах застали, ничего себе особенно такого не ожидающих леди, и в мгновение вашего ока переставшими бы ими быть. Что скажете? – Строго посмотрев на меня, спросила она.

– Да вы всё не так поняли, – сказал я, но поняв, что опять двигаюсь не в том направлении, попытался срезать этот путь крутым маневром, – Я просто хотел сказать, что чувствую свою вину перед вами и хотел бы её загладить.

– Вы это о чём ещё? – с удивлением спросила Лиза.

– Я – про свою утреннюю сухость.

– Да перестаньте! Вы как будто живёте по каким-то заветам, существующих, разве что в вычитанных вами старинных романах. Утренняя сухость – это надо же так сказать, – с выражением сказав последнюю фразу, Лиза засмеялась.

– Ну да, я как-то неловок в своих выражениях, – промолвил я.

– Я как-то не ловок, – вновь передразнила меня Лиза, не преставая смеяться, при этом пытаюсь изобразить меня. Я же, приняв её эстафету, тоже засмеялся. Насмеявшись вдоволь, Лиза, вновь изобразив серьезность, и со всей этой самой серьезностью спросила меня, – Так кто же эта ваша знакомая пассия?

– Вам разве интересно? – спросил я.

– Мне, может быть, всё интересно, что интересно вам, – с упором глядя мне в глаза, ответила она.

– Ну, тогда я скажу, что она мне неинтересна, так как место для моих интересов уже занято. И я не отношусь к той категории людей, кто не видит, что у него делается под носом, чтобы искать где-то там вдалеке то, что тебе уже дано судьбой.

– Вот как... И вы всегда полагаетесь на судьбу, предпочитая плыть по течению?

– Я бы не сказал, что полагаться на судьбу – означает просто плыть по течению проторенного судьбой русла, для меня это скорее – придерживаться выбранного курса, что не так уж и легко.

– Ну вы и скользкий тип, на всё найдёте ответ! Так, как насчёт контрамарки? – прищурился глаза, спросила Лиза.

– А за вами я уже зарезервировал броню, – ответил я.

– Да неужели? Это уже становится любопытно.

– Давайте вечером после работы сходим в «Наше» кафе, там я уже сделал броню для нас.

– А, вот вы что имели в виду, а я-то думала... – разочаровано сказала Лиза.

– Но не всё же сразу – как же без интриги.

– Ну, тогда ладно. Посмотрим, чем вы меня удивите. Хотя кафе шаговой доступности – чем не фокус.

– Так для того, чтобы пойти со мной на край земли, вам ещё надо подготовиться.

– Что ж, логично.

– Ну, тогда после работы я вас там жду.

– Хорошо. До вечера, – сказала Лиза, и мы на этом расстались с ней.

Наконец-то вся та, присутствующая во мне с утра тяжесть улетучилась, и я с былой лёгкостью направился назад, в кабинет для собеседований. Заглянув внутрь, я увидел, что там уже идёт новый этап по тестированию кандидатов. Решив, что будет лучше обойти вокруг, и таким образом попасть в нашу потайную комнату, я двинулся в обход. Когда же я, оказался на месте, то не застал в ней кого-либо, и как выяснилось позже, Макс с разрешения Наставника отправился к себе в офис. Я же, предоставленный самому себе, поначалу попытался вникнуть в суть беседы, происходящей за стеклом, но потом, в виду малого интереса, перестал воспринимать происходящее там и принялся терзать свою фантазию, предлагая ей возможные различные сюжетные линии в развивающихся вечерних событиях, сопряженных с моей встречей с Лизой.

И ведь умеет же фантазия подыгрывать тебе, извлекая из своих недр такие поворотные моменты, которые своей крутизной так встряхивают тебя, подняв волны твоей волнительности, что даже в грёзах ты ощущаешь, как крепко перехватило твоё дыхание. Но разве фантазия может сама остановиться? Да ни за что на свете! Раз набрав разбег, она несётся во всю прыть по горизонтам твоей памяти, рисуя будоражащие ум умопомрачительные картины, что аж дух захватывает. Но самое интересное и завораживающее она оставляет на потом, изображая будущее в недосказанном, эскизочном варианте.

Пофантазировав с избытком, я решил не заменять ею реальность и стал наблюдать, что делается в другом помещении. Процесс интервьюирования протекал согласно существующему плану проведения собеседования. Стандартные вопросы с такими же стандартными ответами, и можно было сказать, что третья часть была калькирована с первой части, где разве что только часть присутствующих лиц поменялась. Хотя поведение Антона меня несколько озадачило. В него как будто вселился другой человек. Откуда взялась эта язвительность и какое-то неестественное высокомерное презрение, даже не знаю? Правда, в сущности, я ведь и не больно-то и знал его. Но Наставник, по всей видимости, остался доволен своим учеником, принявшим его понятие свободы. Но всё же меня волнует один вопрос. Почему при моём стажировочном участии Наставник отклонился от нормы и при-

бегнул к ситуационному собеседованию? Кто знает?

Между тем, время неукоснительно приближалось к концу рабочего дня, что не могло не радовать меня, да и, наверное, нет такого человека, который бы не радовался этому; разве что кроме отдельных владельцев высоких кабинетов. Но и они когда-то, в пору своей молодости, с нетерпением ждали заветного окончания работы, чтобы после неё быстренько заскочить в магазин и, захватив там чего-нибудь вкусненького, обрадовать этой мелочью своих домочадцев. Вначале из домочадцев была только одна, любимая жена, с порога бросающаяся ему на шею. Но ему не было тяжело – разве такая тростинка может быть тяжелой, да и любовь не надо снимать со счетов. Конечно, со временем появились детишки, и уже они, отодвинув маму, с визгом бежали встречать папу, крича: «Что ты, нам сегодня принёс!?!». И он, доставая из карманов брюк какую-нибудь конфету, приводил детей этим в восторг, конечно, вслед за этим он получал от них серьезное наставление, чтобы папа строго настрого запомнил, что мы любим шоколадные конфеты. Упреки же мамы, что хватит их сладостями закармливать, пропускались мимо ушей и на следующий день, он запыхавшись, опять говорил: «Я вам что-то вкусненькое принёс», и дети, вновь несясь во всю прыть, чуть не сбивали его с ног. И нет ничего страшного в том, что это повторялось изо дня в день, ведь от этого радость нисколько не становилась меньшей.

Но вот дети выросли, обзавелись своими семьями и съе-

хали на новое место жительство. Следом незаметно и жена выросла из своих женских юбок и джинсов, обездвижилась и, усевшись в мягкий диван, полностью погрузилась в чужую жизнь, льющуюся на неё из экрана телевизора. Теперь только хозяйский (в смысле, хозяин) кот изредка встречает его у порога, да и то, если почувствует запах рыбы. И вот нашему герою всё реже и реже хочется возвращаться домой, и он всё чаще и чаще задерживается на работе, чувствуя свою относительную нужность.

И теперь его прежнее нетерпеливое ожидание окончания рабочего дня, связанное с предстоящей радостной встречей, сменяется страхом прихода этого времени, и от этого ему теперь так ненавистен этот момент, и он зачастую срывается на своих подчиненных, почему-то так рвущихся домой. И только изредка звучащий в телефоне голос кого-нибудь из его детей, может преобразить его. И вот он, уже не тот, повернутый на работе старый брюзга. Этот голос молодит его, разглаживая его морщины, в его глазах появляется прежний, когда-то присутствующий блеск, и он тогда с важностью заявляет на весь отдел: «У моей дочери сегодня именины, так что я вас прошу сегодня меня не задерживать и сдать все отчёты вовремя». А ведь ещё вчера он и слышать не хотел, если бы кто-то попросил его отпустить пораньше. Но вот именины проходят, и вновь перед всеми появляется старый брюзга, и снова для всех наступают серые будни трудового дня – до конца.

Глава 11

ПереГнев

Я же, вновь проявив выдержку и дождавшись окончания рабочего дня (благо Наставник тоже придерживался концепции: делу время, а потехе час и не стал меня задерживать), спешно направился в кафе, для того, чтобы заказать столик. Ведь во время спонтанной встречи с Лизой, мне пришлось несколько преувеличить готовность моего заказа в кафе. И поэтому мне требовалось поспешить, дабы не оказаться не у дел. К моему облегчению кафе было практически пустым: в принципе, время ещё не способствовало его загруженности. Только за одним столиком восседал одинокий посетитель, который, впрочем, меня не волновал. Я было решительно направил свой шаг к стойке администратора, когда услышал в свой адрес до боли знакомый голос.

– Ай-ай, как не хорошо забывать старых друзей, – повернувшись в мою сторону, заговорил со мной одинокий посетитель. От неожиданности и смутного предчувствия, я замер на месте. Да что я, во мне всё остановилось. Этот голос, разве его можно с кем-то перепутать. И если внешность претерпевает изменения, то голос, – это твоя вечная данность, тот пространственно-временной определитель, служащий для твоей идентификации: он несёт в себе ни с чем не сравнимые индивидуальные черты. Что же касается его

внешнего вида – то может он и взял человеческую оболочку, но для меня выглядел так же, как и на небесах.

– Чего встал, как вкопанный. Подойди, поздоровайся со старым другом, – ухмыляясь, продолжил Денница, а это, без сомнения, был он.

«Но что он здесь делает, и что ему нужно?», – пробежали в голове моей мысли, но времени соображать не было, и я, подойдя к нему, ответил, – Вы меня застали врасплох. Честно сказать – не ожидал.

– Ну, со мной только честно и надо разговаривать. Ты же знаешь. Да что ты стоишь. Присаживайся, поговорим. Я тут и столик для нас заказал. – Расплывшись в улыбке, заговорил он.

– Я бы с удовольствием, но у меня тут встреча вот-вот должна состояться, – сказал я, думая про себя: «Чёрт, надо же было принести его сюда. Теперь надо будет срочно перенести место встречи, и ещё как-то Лизе это объяснить».

– Ты там случайно не меня припоминаешь, а то что-то вид твой больно потерянный, – с издевкой спросил Денница.

– Да нет, просто всё так не вовремя.

– Не беспокойся. Поговорить со мной, да, пожалуй, и с Годом, всегда вовремя. А насчёт своей встречи, ты не беспокойся. Она немного задержится – как раз нам хватит времени поговорить.

Меня эти его предположения вовсе не обрадовали, и я было хотел задать ему наводящие вопросы, но мне позвонила

Лиза и сообщила, что её вызвала Любовь, и в связи с этим она немного задержится.

– Надеюсь, подождёшь? – закончила она вкрадчивым голосом.

– Конечно, можешь не сомневаться, – потерянно ответил я.

– Вот видишь, всё выходит, как я говорю. А то вы все склоняетесь к тому, что я сею семена сомнения вокруг себя. Давай, присаживайся. – Сказал Денница и, заявив, – Чувствуй себя, как дома, – закатился своим дьявольским смехом.

Что ж, мне ничего другого не оставалось делать, как присоединиться к нему. Денница же, подняв руку и, как это делают в старых фильмах, щёлкнув пальцами, закричал: «Официант!!!». Что в свою очередь заставило меня, поежившись, вжаться в стул. Официант и без этого жеста странного посетителя собирался подойти к нашему столу, что собственно им и было проделано. Денница же, взяв предложенное меню, начал усердно изучать его. Потратив несколько минут на это, он отложил его и заказал стакан томатного сока, сообщив мне, что предпочитает общаться голодным. Увидев же, что я даже не притронулся к меню, он разразился тирадой.

– Ну а ты, я вижу, тоже не голоден, или может встреча со мной не способствует аппетиту. Что скажешь? – вновь засмеялся он.

– Я, оставлю себя на потом. Если вы не забыли, у меня здесь назначена встреча. Но, впрочем, принесите мне чашку

чаю, – обращаясь к официанту, сказал я, который, получив столь скудный заказ, с недовольным видом удалился.

– Да, да. Всё верно. А ты, я смотрю, зря время не теряешь и придерживаешься моих рекомендаций, – сказал Денница.

– Вы это о чём? – растерянно спросил я.

– Но как же... Разве Лиза не вписывается в наш план? – с издевкой ответил он.

– Да мы просто вместе работаем.

– А я разве против? Вот и работайте, – невинно ответил Денница.

Как раз, в это время нам принесли наш заказ. При этом официант выразил всё своё недовольство, вместив его в выражение: «Ваш, заказ». Но разве чуткий слух Денницы, да и любого смертного, не уловит тот посыл официанта, который он отправил нам. Но Денница и ухом не повёл и было собрался сделать глоток из стакана, но почему-то отказался от своего намерения и, поморщившись, отставил его от себя. С чем он посмотрел вслед официанту, и так сказал, как только умел он один:

– Какая-то консистенция странная у этого сока, я так и чувствую человеческую примесь в нём.

Затем, как ни в чём не бывало, повернулся ко мне и, предложив не трогать чай ввиду того, что обслуживающий персонал слишком усердствует в своём рвении, и что только после мер профилактического характера, можно будет здесь хоть что-то пробовать. Не знаю, что он там почувствовал... Быть

может, официант, посчитав, что только за зря тратит на нас время, и что при его мизерной зарплате, он тут вовсе не обязан корячиться, а от этих типов, как видно, чаевыми не разживёшься, тем самым решил вылить всю свою злобу в стакан сока, как это требует делать профсоюз официантов.

Что сказать? «Безумству храбрых поём мы песню». Но если бы знал официант, что знаю я, то он вряд ли предпочел бы быть не безумным. И зная о том, чем ему может вылиться этот поступок, холодная дрожь пронизывает меня. Хотя не каждый может похвастаться тем, что ему удалось плюнуть самому дьяволу в лицо, и что тот проглотил и даже не подавился. Так что, никто не застрахован от проявления человечности. И может в этом-то и есть угроза для той части небес, видящих в человеке угрозу для себя, и поэтому старающихся противодействовать влиянию человека на Года. Что же касается официанта, то возможно, у него ещё есть шанс, если кто-то не захочет огласки. Правда, зная человеческую натуру, пожалуй, скажу – у него нет шанса.

– Ну что, как тебе здесь? Как встретил тебя здешний мир? – продолжил Денница.

– Как вы и говорили, меня встретили, согласно вашему предположению. Только тщеславие нынче всё больше выставляет вперёд своё мнимое безразличие. И мир всё больше принимает безличие. Ему больше не требуются личности, анонимность – вот на сегодня, главный двигатель прогресса. А ведь мир имеет значение только лишь до тех пор,

пока он ассоциируется с личностью.

– Хм... Смотрю, ты уже набрался понятий от него, от этого мира человека. Ну, да ладно. Лучше скажи, как сам-то, как обосновался?

– Да, вроде бы всё хорошо.

– И сразу же решил броситься в крайности.

– Вы это о чём? – недоуменно спросил я.

– Да я ничего не имею против! – усмехнулся Денница. – На то ты и прибыл сюда, чтобы опытным путём разобраться со всеми местными реалиями. Вот только меня всегда удивляла эта человеческая черта. Вот он всё стремится сюда попасть, в этот новый для него мир, а попав, сразу же ищет способы уйти от реальности. И благо на этой ниве, он, как никто в мире, преуспел. Чего только он не придумал для того, чтобы мир виделся им не таким, какой он есть на самом деле. И ты, как человек, что сделал в первую очередь на ниве познания? Конечно же, бросился в крайность и пошёл исследовать действие тонизирующих средств. Выходит, человеку сначала нужно пасть, а уж потом пробовать подняться. Видимость дна создаёт человеку опору его жизни, без этого он не так крепко стоит на ногах, ему нужно видеть свою основу. Так, что ли? – спросил меня Денница.

– Я думаю, в этом есть своё зрелое зерно, – сказал я и после паузы добавил, – А вы, я смотрю, моралист.

– Ха-ха, – засмеялся Денница, а ведь это, наверное, и так. А как мне не быть им, раз мне приходится разбирать такого

рода дела. Здесь поневоле приходится быть в курсе современных тенденций в области нравственности, которые хоть и определяются сверху, но пока эти директивы доходят до человека, то подвергаются весьма большим изменениям в своём трактовании. Вот тут-то мне и приходится доносить до конечного получателя всю суть морали. А что касается тебя, то скажу, что в начале своего пути, всё же было бы неплохо узнать, как работает хотя бы твой физический аппарат, необходимый для вставания на ноги, а уж потом начинать искать дно.

– Ну, для этого есть естественные рефлексy и инстинкты.

– Ах, вот оно как! И ведь не поспоришь. Я смотрю, человек поднаторел в логических объяснениях и оправданиях своих поступков. Да, что там поднаторел, он несказанно вырос, правда только в своих глазах. Ведь оглянись вокруг – тут и там только и слышны величавые словосочетания: супермен, мегачеловек, а ведь это говорит как раз об обратном. Но разве он сам может за собой заметить это. Человек всегда был грешен, и даже он сам, что интересно, признавал это. Сейчас же, по сути или по решению того же человека, не существует греха, а есть всего лишь погрешности. И ведь куда не плюнь, – повысил голос Денница, в тот же момент поглядев на проходящего мимо официанта, – везде погрешность. Пить можно, но с погрешностью в промилле, еда – уже не еда, попробуй в ней найти естественный элемент, а вот погрешность – без труда найдёшь. И пора бы уже впи-

сывать в таблицу химических элементов новый – эту самую погрешность. И ведь когда схватишь за грудки какого-нибудь мудреца-счетовода, то он мгновенно найдёт себе другую, модную ныне отговорку. Заблуждался, видите ли, он! Вот и смотришь за человеком, и что видишь? Видите ли, там он не согрешил, а лишь совершил погрешность, тут он не блудил, а всего лишь заблуждался. Так и не живёт он, а всего лишь проживает. Что же касается меня – сам человек есть погрешность между мной и Годом. Убери человека, и я буду равен Году, вот почему он так держится за человека. Человек – это только декларация Года, отражающая его общие подходы к жизни, а вот я-то и являюсь основным правовым актом, выносящим решения по нему. Впрочем, я люблю человека, ведь благодаря ему, я получил шанс добиться признания. Ведь Год расплыл свою энергию на этот вид жизни, и из-за человека обнажились все его слабости, – задумавшись, закончил свой монолог Денница.

В этот момент, в кафе с громким смехом закатилась шумная компания, состоявшая из трёх молодых девах и двух степенных господ жизни. Видимо, часу затишья пришёл конец, и посетители небольшим потоком стали заполнять существующие свободные бреши в зале кафе. И можно сказать, что кафе, наконец-то, заработало в полную силу. Шумная компания, не обращая ни на кого внимания, сразу же направилась в дальний уголок, чтобы там продолжить своё веселье. Мы, молча взглядом проводили компанию до места,

и Денница, как будто вспомнив что-то, продолжил свой диалог.

– Знаешь, ведь проблема контрактников заключается в том, что они лишились своей движущей силы, сексуальной энергии. И теперь они не люди, а ходячее ГМО, не имеющее будущности. Вон, посмотри на этого борова, – указывая мне на одного наиболее дородного типа, сидящего в шумной компании, сказал Денница и продолжил, – разве он на что-то способен, кроме того, что бы отслонявить купюру. Они давно уже променяли свой божественный дар на искусственные заменители, богатство и славу, думая, что это и есть главный источник привлекательности. Но это только дымка, не имеющая под собой главной основы жизни – сексуальности. Но между тем, обманка всё же играет свою роль, притягивая к себе жаждущих, и даже иногда заставляет биться сексуальность у тех, кто её не имеет, пока всё не кончается большим «П-пуф»! – Громко сказал, глядя на борова, сидящего в веселой компании, Денница, при этом хлопнув перед собой в ладоши. – А ведь эта энергия должна работать, и я могу найти для неё куда более лучшее применение, чем тратить её на человека! – С горячностью проговорил он, и вдруг, ни с того, ни с сего (хотя, быть может, он понял, что проговорился и решил отвлечь меня), спросил:

– Кстати, ты не встречал Атеиста?

– Вы для этого решили встретиться со мной? – демаршем ответил я.

– Ха-ха, – засмеялся он и продолжил, – Ты же знаешь мои возможности. Так разве стал бы я из-за такой мелочи распыляться?

– Ну, тогда вы должны быть в курсе дел, – в том же ключе продолжил я.

– Может, мне захотелось узнать лично от тебя, что да как. Как он себя чувствует, что думает?

– Ну, в таком случае, вам будет куда интересней лично с ним пообщаться, тем более, это неотвратимо. Или боитесь вмешательства других сил?

– Да ты, я смотрю, не изменился и всё также дерзишь. – Усмехнулся Денница. – Может, потому ты так и говоришь, что знаешь, мою тонкую натуру, способную понять каждое движение человеческого естества. А насчёт других сил, – а это, как я понимаю, ты имеешь в виду Года, – то я должен тебе сказать одну вещь. Разве всеобъемлющее не живёт в каждом из нас? Подумай об этом. И мы с Годом тоже субстанции вечного и были когда единым целым, но так надобно было судьбе, и существование человеческого мира потребовало этого разделения. Год сокрыт от всех, я же в отличие от него, открыт и доступен для всех. Я не приветствую тайн и таинств, так любимых им. Ведь тайна – это наиболее дорогой товар, который не каждый может себе позволить, да ещё, чтобы быть допущенным к ним. Сколько требуется вложений сил и средств для этого и не сосчитать. Я же прихожу и не требую предоплаты. К каждому клиенту у меня свой

индивидуальный подход, да и мои рассрочки расплаты куда более привлекательны, чем у Года. Так что говоря местным языком, мой менеджмент работает куда более эффективней, чем у моего оппонента. Ну, да ладно. Ну, а что ты скажешь по поводу своей кандидатской работы? Нашёл для себя подходящую тему?

– С этим пока проблема. Ещё не знаю, на чём остановиться.

– Смотри, только на своей подруге не остановись. – Сказал Денница, но увидев моё серьёзное лицо, отозвал ответ, – Ладно, шучу. Ну, хорошо, помогу тебе, есть у меня перспективная тема. Как раз тебе подойдёт.

– Надеюсь. – Ответил я.

– Значит, слушай. Вообще-то, я сам люблю подобные разработки, ну да ладно. Так вот, рассмотри необходимость и влияние желчности на творческий потенциал человека.

– Но каким образом? Разве у меня есть для этого возможности? – спросил я.

– Насчёт этого – не беспокойся. Я тебя обеспечу материалом для исследования. От тебя только требуется наблюдать и анализировать факты, что же касается пропорциональности применения ингредиентов желчи, то это я возьму на себя.

– И где вы планируете это мероприятие провести?

– Всё уже запущено, и на следующей неделе вы с мисс-Любовь отправляетесь в командировку в нашу северную столицу, а то местные морды уже поднадоели, – сказал Денни-

ца, чем меня неприятно удивил.

Мне не нравилось, что он уже за меня решил, и ещё больше вызывало заботу его повсеместное влияние здесь на земле.

– Там, я думаю, для тебя будет более обширное поле для изучения местного культурного сообщества, мнящих себя интеллектуальной элитой страны. Но когда заходит речь о так называемой (это была любимая присказка Денницы, так как он не был согласен с установленным Годом порядком вещей, в особенности именованя существенности – он этим своим выражением пытался высказать своё обособленное мнение по поводу этого) интеллектуальной собственности – держись от их, с ног сбивающей нахрапистости, подальше. А я скажу – вся эта, так называемая интеллектуальная собственность, есть моя собственность. Я её создал, и если не полностью, то уж приложил свою руку точно. И пусть кто-нибудь попробует со мной поспорить по этому поводу. Так вот, вы поедете с мисс-Любовь и посмотрите на местных креативщиков, что на этот раз очень точно отражает их суть – ведь какие из них творцы. Мне даже смешно было бы услышать данный эпитет по отношению к творцу. Так и слышится: Эй ты креатор, хреново что-то сегодня креативишь! – Закатившись от смеха, закончил Денница.

Между тем кафе заполнилось людьми, и в нём уже не было так тихо. Шум разговоров, фоновая музыка, хоть и заполнили собою помещение, но необычный смех странного посети-

теля, не мог не обратить на себя внимание, как посетителей, так и обслуживающего персонала. Но Денница не обращал ни на кого внимания и продолжал,

– Обрати своё внимание на так называемую либеральную прослойку общества, которая, в принципе, тоже причисляет себя к интеллектуальной элите страны. Они, отказавшись от главного жизненного ограничения связывающего человечество – любви, считают себя достигшими высшей степени свободы. И вот, не имея любви, они наполнили себя желчью и живут в построенном на фундаменте ненависти, собственном свободном мире. И ведь что они в первую очередь сделали, эти поборники свободы – даже не гадай, не отгадаешь! Они очертили рамки, поставили ограничители, где распространяется их свобода, они создали свою формацию свободного общества, в которую остальным вход заказан. Не всякий по их мнению, готов нести это бремя свободы, другими словами, достойных мало, и только рекомендации избранных, могут служить тебе пропуском в это общество достойных. Но разве можно их винить за это, ведь человек дорвавшись до чего-нибудь, всегда берёт то, до чего у него дотянуться руки, и даже с запасом.

Вот он, попробовав плоды свободы и ударился в крайности, решив запастись ею с запасом и, перейдя черту, перетёк в диктатуру. Но такова природа человека, и с этим ничего не поделаешь. Что же касается данной достойной формации людей, то они в своих действиях руководствуются

свободолюбивыми помыслами, подвергая форматированию всё, что попадает в область их влияния. Так, выдержанный в их стилистике, на авансцену человечества внедряется культурно-эстетический музыкальный формат. Ведь для окончательной победы свободы, им требуется отформатировать человека и придать ему требуемый облик, отвечающий их видению свободного человека. Что ж, ничего нового в этом я не вижу, ведь форматирование или очистка через стирание информации, чем-то напоминает мне методы Года, с его небесным чистилищем. Ну да ладно, бог с ними, оставим им на реализацию их благие намерения. Ты же попробуй, сожни плоды этой их свободы. Вот только смотри, не заразись там у них, а то говорят – эта штука больно заразная. Да, и запомни главное – ложное понимание свободы, есть мать человеческого греха. Хотя уже и грех, когда-то столь действенный мотиватор, давя на рычаги которого, всегда можно было добиться существенного прогресса в отношениях, уже теперь есть всего лишь глава из никому не нужной книги. – На этой фразе, закончив свой монолог, Денница огляделся вокруг и с ухмылкой продолжил, – А ведь здесь, как посмотреть, кипят страсти.

– Пожалуй, что да. Тем более, при вашем – «как посмотреть», всегда найдётся – «на что посмотреть», – ответил я.

– Да ты никак мне льстишь, – засмеялся Денница.

– При всём желании – не смог бы, – уже засмеялся я.

– Почему же нет, многие пытались, да и сейчас не пере-

стают этого делать. Да, кстати, как движутся твои дела на основном твоём миссионерском поприще? А то спросят, а я и позабыл главное спросить.

– Неужели с вас ещё и спрашивают? – не скрывая иронии, спросил я.

– А как же, ведь ваша миссия – есть плод моих трудов. Если бы не я, то не знаю, как бы Год выкручивался из ситуации, в которую он сам себя загнал. Ведь он сам стал заложником своего, хоть и называемого новым, но по мне-то, такого же ветхого завета. Слово, конечно, нерушимо, и теперь он не смеет открыто отправить своего посланца в мир. А всё потому, что когда-то, как он говорит, из-за ссоры со мной (но я-то знаю, что это произошло из-за его неповоротливости в делах), он разоткровенничался и признался, что моя команда работает более скоро, и что всё-таки первым в мир явится мой посланник, а уж потом – его. И теперь человек, следуя этому откровению, не может кого-либо принять с небес, видя в них представителя моей части вечного. Так что теперь Году приходится идти на компромисс и искать моего содействия в его бранных делах.

– И вы по полной программе используете оказанное вам доверие. – Заметил я.

– А как же! И даже я имею право прощать, и скажу больше, даю право на ошибку, в том числе и для вышестоящих особ, для которых я всего лишь ниц. Ведь и они могут заблуждаться и, не разобравшись во всех обстоятельствах де-

ла, послать работать на периферию. Что не сделаешь сгоряча. Кому, как не мне это знать, – уже с какой-то периодичностью вновь засмеялся Денница. – И человек имеет право на ошибку. Я ведь, не зверь какой-нибудь, которым меня представляют людям. Я для Года, по сути, выступаю в роли пугала, которым он всех страшит. А я, можно сказать, самый трудолюбивый, из всех работающих в Небесной Канцелярии, и очень ответственно подхожу к делам, а это мало кому нравится. А попробуй я остановить свой цех хоть на час. – Да что ты, боже мой! – Поднимется крик и суматоха. И что тогда эти лентяи там в раю делать будут? Хаос им без меня не разгрести! Собралась куча лентяев, они и пользуются своим положением. И что не по их – сразу опускают мне план. И попробуй откажись – мгновенно побегут жаловаться начальству, а ты потом доказывай, что не козёл. А я ведь даже за сверхурочные ничего не требую, что там уже говорить про горячую сетку и молоко за вредность. Вот такая моя судьба, быть ницом. Ну а насчёт человеческих грехов... Так это мой путь, показать ничтожность этой погрешности, отделяющей меня от... – не закончил Денница, как вдруг в его разговор вмешался, подошедший к нашему столику официант.

– Извините, вы ещё что-нибудь заказывать будете? – воинственно спросил он.

Денница же, посмотрев на него, повернулся назад ко мне и продолжил:

– Вот он каков, человек! Всё пытается меня обхитрить,

отгрешившись, и при этом сославшись на погрешность. Нет, не получится! – Громко сказал он, схватив стоящий стакан с соком, – я всегда найду на него свою «промиллю», и он не вдохнет и не выдохнет без моего на то позволения, – не сводя с меня глаз, зловеще проговорил Денница.

А дальше случилось невообразимое. Конструкция стакана, не выдержав сжатия руки Денницы, с хлопаяющим звуком просто сложилась в его руке. Вылившийся сок частично обрамил своим кровавым цветом руку Денницы, и после попадания на стол своей основной массы, стал каплями стекать вниз с руки последнего. Правда, в один момент мне показалось, что появившаяся кровь от порезов, соприкоснувшись с соком, вдруг вскипела, но это было всего лишь одно мгновение, и я не ручаюсь за достоверность этого факта. Денница же, посмотрев на официанта, спокойным голосом, обращаясь к нему, сказал:

– Мне, пожалуйста, бумажное полотенце.

От воинственного пыла официанта не осталось и следа, а ведь в своей голове он уже приготовил парочку удачных фраз, с помощью которых он должен был сразить нас своим красноречием, и мы посрамленные должны были бы незамедлительно покинуть кафе. Но реальность вновь выказала свой строптивый нрав, поставив ему подножку, в виде неадекватного поступка Денницы. И официант, решив, что будет лучше (а главное – безопаснее) выполнить просьбу, мигом бросился прочь от нас. Мы же остались сидеть на сво-

их местах, при этом оба наблюдая, как капли кровавого коктейля падают вниз на пол.

– Вот так всегда получается, когда вмешиваются в разговор, – философски заметил Денница, и немигающе посмотрел на сейчас притихшую, а до того – веселящуюся компанию.

Надо сказать, что данный поступок, несмотря на стоящий шум в заведении, не прошёл незамеченным для окружающих и, как бывает в таких случаях, он вызвал у многих некоторые опасения за себя. Хотя многие посчитали, что мало ли чего бывает, всего-то перебрал человек и вот решил продемонстрировать свою силу, разбив стакан.

– Обозри ещё раз это ходячее вокруг ГМО и пойми, что никакая слеза ребенка их не проймёт, а пока это не случиться – никакой бог им не поможет с его справедливостью, для которого, собственно, и сам ребенок лишь средство для достижения его целей, – обратился ко мне Денница. – Полагаясь же на меня, ты точно будешь знать о неотвратимости наказания.

Посмотрев в сторону затихшей компании, он закончил словами, – Да, боров!

Хотя расстояние от нас до шумной компании было не слишком маленьким, и компания чисто физически не могла слышать обращенных к ним слов Денницы, тем не менее, адресант этого послания, так называемый боров, каким-то образом осознал это, и с протяжным «-ик» провалился в себя.

Между тем, в тот момент в кафе зашла Лиза, и в тоже время появился и официант, неся полотенца. Что сказать, мерцающий свет в зале, не только не стушевал, а скорее добавил недостающих зловещих контуров для картины, представшей перед взором вошедшей в зал Лизы. По моему вытянувшемуся лицу, Денница догадался о прибытии Лизы и, поднявшись с места, пошёл навстречу официанту. Где, перехватив его, вместе с ним отправился в уборную. Но и с лицом Лизы также произошли видимые пластические метаморфозы.

– Ничего не пойму? Кто это? Что случилось? Что с вами? Вас ранили? Говорите, не молчите, – не давая мне что-либо сказать, накинулась она на меня с вопросами.

В то время, пока я пытался вставить хоть что-то, подбежали два других официанта и в два счёта поменяли скатерть и привели в порядок стол. Когда же первая шоковая волна сошла на нет, и мне удалось найти лазейку меж волнами Лизиных вопросов, я со словами: «Всё хорошо. Давайте садитесь», – усадил Лизу за стол. Но какой, всё хорошо? По её трясущимся рукам, можно было видеть, что для неё ещё далеко не всё хорошо. Чтобы унять эту дрожь, никакие словесные выпады не помогут, так что мне пришлось прибегнуть к не раз испытанному народному средству, взять и заключить руки Лизы в свои.

При этом необходимо прибегнуть к ряду способствующих выздоровлению, дополняющих основное средство методов, как пристальный обоюдный взгляд, помогающий в осо-

знании вашего места в душе партнёра, отведение её рук за свою спину, способствующее единению, так как при этом увеличившаяся область соприкосновения, неся в себе помимо теплопроводного эффекта, придаёт обоим объектам чувство сплочённого единства целого. И уже после того, как наметится положительный эффект, вам не стоит сразу же прекращать ваши малозаметные пожатия её маленьких ручек, и уж тем более противопоказано сразу же отстраняться от объекта вашего единения. Нужно молча, закутавшись своей головой в её волосах, слегка повдыхать запах волос, исходящий от них, – волосам для их цветения, крайне необходим такой процесс опыления, а тонизирующий эффект от этого процесса будет вам небольшой наградой за это. Ну и по окончании не забудьте ей прошептать на ушко что-нибудь ласковое, даже просто какую-нибудь бессмыслицу. И главный мой совет – не затягивайте, ведь начав, ты можешь никогда не остановиться. А впрочем, выкиньте подальше последнее.

Я же не собирался что-либо менять в нашем положении, продолжая неустанно следовать вышеизложенному принципу, когда увидел выходящего Денницу. Его появление заставило меня отстраниться от Лизы и подняться со своего места. При его приближении, я заметил, что рука его была перевязана, но кроме этого, его внешний вид, кажется, не претерпел каких-то изменений. Когда же он приблизился к нашему столику, Лиза попыталась привстать, но была остановлена предусмотрительным уведомлением Денницы.

– Сидите, сидите. Мне уже пора идти. Я здесь и так задержался. – Затем он ещё раз оглядел зал кафе и со словами: «Ну, до встречи. Ещё увидимся», – прихрамывая, отправился к выходу.

– Кто это такой? – вновь задрожав, нервозно спросила меня Лиза.

Я, прежде чем ответить, опять прибегнул к успокаивающему приему, обняв её. Когда же я почувствовал, что Лиза пришла в себя – сказал, что это просто старый знакомый с прежнего места моей работы, и что я случайно его здесь застал, так что нечего переживать.

– Но что здесь случилось? Почему всё было в крови?

Я же в ответ сказал, натужно засмеявшись, – так ведь это был томатный сок, который он случайно уронил, вот тебе и показалось так, тем более при таком освещении не трудно впасть в заблуждение.

Мне показалось, что мои слова немного успокоили Лизу, но вот только её задумчивый взгляд не вписывался в это моё предположение. В этот момент появились официанты, расставляя на стол различные закуски, что вызвало с моей стороны вопросы.

– Подождите, а в чём собственно дело, – начал я, – мы, как видите, ещё не освободили столик.

В свою очередь, один из официантов ответил мне:

– А это ваш друг сделал заказ для вас. Попросив обслу-

жить вас по высшему разряду.

– Но... – хотел было возразить я, но официант предусмотрел этот мой вопрос и ответил:

– Можете не беспокоиться, ваш заказ уже оплачен.

Знал бы я тогда, какой мой заказ оплачен, но всему своё время.

– Ну, хорошо, продолжайте, – ответил я, решив больше не вмешиваться в их действия.

– А ведь, знаете, я его уже один раз видела, – придя в себя, как-то отстранённо сказала Лиза.

– Кого его? – непонимающе спросил я её.

– Ну этого, вашего приятеля, – ответила она.

– Вообще то, он не местный, так что мне кажется, что вы вряд ли его могли раньше здесь видеть. Может вы его перепутали с кем-то?

– Да нет, я точно его видела. Разве можно его с кем-то перепутать. Ужас и притягательность в одном флаконе.

– Что да, то да. Он довольно колоритная личность, которую сложно не узнать. – Согласился я.

Лиза, услышав это моё подтверждение её слов, с появившемся огоньком в глазах, перехватила мой захват рук, и уже своими пальчиками, но с весьма острыми ноготками, впилась мне в руки и начала свой рассказ.

– Так вот, слушайте. Всё случилось в вечер по подготовке того злополучного корпоратива. Мне и ещё нескольким девочкам из отдела, поручили привести в должный вид наш

конференц-зал. В принципе ничего особенного, в одном месте убрали, в другом добавили, вот в общих чертах и вся подготовка. Я же, после того как мы всё приготовили, пошла к нам в отдел для того чтобы забрать оставленные там свои вещи. И вот, когда я уже возвращалась по коридору назад, меня остановил звучащий из-за поворота мужской разговор. А ведь уже был поздний вечер, и мне казалось, что кроме охраны в здании никого не должно быть. Так что поддавшись какому-то наитию, я решила не раскрывать себя и потихоньку проследить из-за угла, что там делается. Когда же я, взрослая деваха, – Лиза, несмотря на всю свою серьёзность, тут усмехнулась, – как шпионка выглянула из-за угла, то увидела, как двое мужчин открывают дверь, ведущую в кабинет вашего Наставника. Так вот, один из них был, как раз ваш Наставник, а вот второго я раньше никогда не видела. Правда до сегодняшнего дня. – Задумчиво сказала Лиза. – Этот его взгляд... Казалось, что от него ничто не уйдёт незамеченным. Я хоть и на далёком расстоянии находилась от них, но и там мне показалось, что он чувственно видит меня. Как вспомню, аж жутко становится! – Проговорила с ужасом Лиза, и её острые ноготочки показали мне, на что они способны.

Вот эта новость! Для меня она была действительно новостью, со всеми её атрибутами смещения, когда-то установленных правил видения порядка занимаемых вещей в пространстве. Теперь полученная мною новая информация,

вносила свои коррективы в тот самый установленный порядок сущности, и требовала от меня знаковых действий, во избежание непредвиденных последствий. Невидимые связи, открывшись, стали тем недостающим звеном, связывающим в одно целое разрозненные до этого предположения.

– Ну всё, перестаньте, – попытался успокоить я Лизу. Ведь от состояния её души теперь зависело и моё сердцебиение. О чём не давали забыть её острые ногти.

– Я попробую, – нежно сказала она и, заметив результаты своих ногтевых усилий, прижавшись ко мне, сказала, – Я не хотела.

– Я знаю, – в свою очередь тихо ответил я. Так продолжалось с минуту, пока я не возобновил разговор, – Так это всё?

– В общем-то, да. – Ответила она, отстранившись от меня. После чего, придав своему голосу серьезность, продолжила. – Просто мне показалось странным их позднее нахождение здесь, да ещё больших размеров сумки не внушали доверия.

– Сумки, говорите? Это интересно, – задумчиво проговорил я.

– Ну да. Я ещё спросила себя, что они такого хотят вынести в них?

– Может, принтер хотели стащить? – постарался разрядить обстановку я.

– Как-то не смешно, – не меняя своей волны, ответила

Лиза.

– Ну, хорошо. Так что же дальше?

– Да всё. Я постояла и решила, что будет лучше пойти по другой дороге, и пошла на выход через северное крыло, – сказала она и, посмотрев на накрытый стол, как будто бы в первые увидела его преобразование. – Что это? Разве мы делали заказ? – вдруг спросила она.

– Да, нет ещё, – ответил я.

– Тогда, что это? – выразительно спросила она.

– Это, так сказать, компенсация за неудобство от моего приятеля.

– Нет, нам ничего от него не надо. Пусть унесут, – с какой-то неприсущей ей твердостью, вернее сказать, мне ещё неизвестной, заявила Лиза.

– Тогда, давайте уйдём отсюда, – предложил я.

– А вот уж насчёт этого, скажу – нет. Мы собирались поужинать здесь, значит так и будет. Или вы уже идёте на попятную? – прищурившись, спросила меня Лиза.

– Разве с вами это возможно! – засмеялся я.

– То-то же, – засмеявшись вслед за мной, сказала она.

Я тут же позвал официанта и сделал соответствующие распоряжения, касающиеся поданного заказа. Где мы, обсудив с Лизой, решили, что во избежание нечистоплотных побуждений обслуживающего персонала, следует сделать заказ из другого набора блюд, что и было сделано. К тому же администратор, почему-то распорядился о новом месте, и нам

был предоставлен уединенный столик в глубине зала, так что нам никто не мог помешать проводить вечер. Сделав заказ, я сообщил Лизе, что мне необходимо отлучиться, дабы помыть руки. На что, услышав в свой адрес, что это надо было сделать сразу, а не после того, как я обтёр их об неё, был отпущен для совершения этой гигиенической процедуры.

Зайдя в туалет, я помыл руки и, чувствуя, что слегка разгорячился, следом ополоснул своё лицо. Когда же я стал сушить руки, то краем глаза заметил, что сбоку на меня надвигается дородная фигура. Не убирая рук из-под фена, я повернул своё лицо в сторону этого немаленького тела. К моему удивлению, передо мной предстал тот самый степенный господин, прозванный Денницей за его телесные характеристики боровом. Надо сказать, что количество им выпитого, уже очень явно стало проявляться на его внешнем виде: так потеря координации не позволяла ему твердо стоять на ногах, и он был вынужден опереться на стойку мойки.

Элементы его одежды, тоже не отставали от общей тенденции, и теперь от его слаженного ансамбля, уже больше и не осталось ничего прежнего, и каждый элемент одежды жил своей собственной жизнью, как на то уповали руки их хозяина. А они, потеряв связь со зрительной структурой организма, не смогли должным образом, как застегнуть штаны, так и заправить рубашку. Но самым убедительным элементом во всей фигуре борова – это было его лицо. Ты смотрел на него и убеждался, что да, ему, пожалуй – на сегодня хватит.

Но так как в мои планы не входило общение с такого рода личностями, то я, закончив сушку рук, повернулся по направлению к выходу и было собрался осуществить свой маневр, как стоящий на проходе боров, не сводящий с меня своих налитых смесью крови и алкоголя глаз, надвинулся на меня и, схватив меня за локоть, грубо спросил:

– Скажи мне, кто это с тобой был?

Я честно сказать, не ожидал от него таких движений, а ещё большей неожиданностью для меня стало то, что он, как оказывается, ещё мог выговаривать слова. Но как бы то ни было, мне пришлось с ним побеседовать.

– Так, знакомый, – ответил я.

– Ты его остерегайся, у него нехороший глаз. Прямо до печени пробирает!

И напоследок икнув, боров, отпустив меня, приложился всем телом к крану с водой. Я же освободившись, обошёл его, и со словами: «Всё-таки первым кто пробрал тебя – был алкоголь», – вышел из туалета, где в ту же минуту раздался мирный храп.

– Ну, вот и я, – подойдя к нашему столику, сказал я.

– Да вроде бы не изменился, – оглядев меня, сказала Лиза, – а как, руки помыли?

– Конечно, – вытягивая руки перед ней, заявляю я.

– Ну, тогда ладно. Смотрите, какие здесь диваны классные, – не удержалась она, но потом, приняв суровый вид, как строгая хозяйка, сказала. – Можете присаживаться, – а сама

же в это время, не дождавшись меня, уже приступила к своему салату.

– Да я смотрю, вы уже начали, не дождавшись меня. – Сказал я.

– В отличие от вас – у меня график. И если вас ждать, то можно вообще остаться без ужина.

– Понятно, общение с мисс-Любовь не прошло бесследно.

– А я бы не стала смеяться над этим. Знали бы, как ей тяжело приходится.

– Тогда я могу предположить, что вы с умыслом пошли со мной поужинать, – глядя ей в глаза, сообщил я.

– Что-что? – глаза у Лизы округлились.

– Всё, молчу, – приступая к еде, выговорил я.

Утолив первые приступы голода, Лиза отставила тарелку и, проведя рукой по ободку бокала, сказала как бы в пространство.

– Интересно, а что завтра будет?

– Хм, мы ещё не узнали, чем кончится «сегодня», а вам уже подавай «завтра», – сказал я.

– Так ведь с вами иначе нельзя, вы у нас личность непосредственная, подверженная приступам корпоративного духа. Разве не так?

– А ведь так оно и есть, – отложив столовые приборы, серьёзно сказал я.

Видимо Лиза не ожидала от меня такой серьёзности, сама-то она рассчитывала всего лишь подтрунить надо мной.

И она, откликнувшись на меня, спросила:

– А что случилось-то?

– Просто вы правы.

– Да в чём же? – нервно спросила меня Лиза. – Слово из него не вытянешь!

– Мы ведь с вами работаем в одной компании, в одном отделе, и наши отношения подпадают под определение – служебные. А согласно нашим корпоративным правилам, я обязан ставить руководство в известность обо всех фактах, имеющих быть между сотрудниками в плане их личностных взаимоотношений. Сказал, и самому стало тошно.

– Но разве у нас роман? – тихо, и с каким-то трепетом в голосе спросила Лиза.

– Хочу констатировать, что с моей стороны есть только один ответ и он... – И не закончил я ввиду того, что пододвинувшаяся ко мне Лиза, видимо, решив получше меня услышать, вдруг на последней фразе неудачно облокотилась, и эта её неловкость привела к тому (какому ещё «к тому» – ко мне)... Ну, в общем к тому, что расстояние между нами сократилось до неприличных размеров, и я был вынужден отбросить все приличия и вместо слов применить другой, более подходящий в данном случае язык, как в прямом, так и переносном смысле.

И как бы мне не хотелось продлить эти минуты, но повествование требует своего, и мы по его требованию возвратились, дабы вдохнуть немного воздуха. Отдышавшись, я за-

метил:

– Так я же не дал тебе ответа.

Лиза же, опять приблизившись ко мне вплотную, тихо спросила:

– А я разве не правильно его поняла?

Мне не надо было что-либо ей отвечать, мои глаза, слегка моргнув, всё за меня сказали.

– Но что же мы будем делать? – спросила она меня.

– А пока ничего не будем делать. Но вот наступит аттестация – я тебя и уволю, – заявил я.

– Что-что? – чуть не задохнувшись, воскликнула она.

– Ну ладно, я сам уволюсь.

– То-то же, – пригрозив пальчиком, отметила Лиза.

– Ну, а если серьезно... Не знаю, что делать. Но следовать их правилам, я точно не буду.

– Ладно, не будем спешить, а то вдруг у нас ничего не получится, – решила поиграть Лиза.

– И то верно, я парень видный, – сказал было я, но Лиза набросилась на меня и, щипая, стала приговаривать:

– Я тебе дам видный. Сейчас тебе будет всё видно, какой ты видный.

Порезвившись вдоволь, мы решили, что всё-таки надо соответствовать своему высокому званию взрослых людей, и величественно заняли свои места, дабы в этом положении попить воды (и не надо себя обманывать, если бы не жажда, то мы бы так и продолжали ребячиться, хе-хе, взрослые лю-

ди!).

– Кстати, а чего ты задержалась на работе, – спросил я.

– Да точно, я совсем и забыла тебе рассказать, – ответила Лиза. – Меня ведь вызвала к себе наша мисс (ну это я уже знаю от одного весьма осведомлённого не-человека). И вроде, всё идёт как обычно, но в конце она сообщает мне, что собирается на следующей неделе в командировку на пару дней в Питер. Там будет большая презентация с последующим фуршетом, так что для нашей мисс нужно найти крепкое плечо, на которое можно опереться, и не только, если ты понимаешь. – Многозначительно заметила Лиза. – Так что она находится в раздумье, на ком остановить свой выбор.

– И на ком же она его остановит? – спрашиваю я, но мне ответ не нужен, мне уже об этом сообщили, моя маленькая Лиза. Но я тебе этого не скажу и дам тебе возможность погадать с подругами по работе, а себе дам время подумать, что тебе сказать по этому поводу. Да... Пожалуй, эта новость мало обрадует тебя.

– Да, ведь так и не сказала. Никогда ничего от меня не скрывала, а сейчас говорит, что ещё не решила, но я-то её знаю. Всё она давно решила. – С задумчивостью глядя в некую даль, проговорила Лиза.

– Вот как... – многозначительно поддакнул я.

– Ну, да ладно. У меня с тобой есть дела куда как поважней, – придвинувшись ко мне, сказала она. И уже её визави не оставалось ничего поделывать, как сдать на милость этой

тигрицы, но тут громкий крик и шум в зале, заставил нас отвлечься друг от друга, и обратить свой взор на происходящее в зале.

А виновником всего этого разворачивающегося действия в зале, вылившегося в переполох, явился наш проснувшийся боров. Всё-таки небольшой сон, да и неудобная позиция для сна, сделали своё дело. И он, решив, что его величеству не подобает отдыхать в столь неудобных для себя условиях, направил свои стопы обратно к своему столику, где его веселая компания, обильно смазавшая своё нутро, даже и не заметила отсутствие их компаньона. Скажу больше – его отсутствие даже было принято за благо, так как его габариты заставляли дам находиться в стесненных условиях.

Так вот, наш герой направил свой нетвёрдый шаг туда, где, как он помнил, находился его столик, но одно дело решить, а вот проделать это, зачастую получается весьма трудно, и часто приводит совсем к другим результатам. Не могу точно сказать, но весьма вероятно, что на его пути, на свою беду повстречался несущий порцию заказов мальчик-официант. Мерцающий свет, непредсказуемость траектории дородного господина, которую он и сам не в силах был предугадать, да и неопытность официанта, решившего за раз разнести несколько заказов – разве столько непреложных ситуативных факторов могли спроста сойтись в одном месте, без явных для всех последствий? Верно. Случившееся было предопределено судьбой.

Так официант, не угадав направление хода дородного господина и, споткнувшись об его ногу, со всего маха распластался на полу, соответственно вместе со своим заказом. Вначале, естественно, был шок, официант, присев на пол, стал непонимающе обзирать последствия своего падения. Когда же до него дошло понимание о той сумме ущерба, которую ему придется возместить, он, неожиданно для окружающих, расплакался и стал, вытирая нос рукавом, оправдываться, говоря в пустоту зала: «Это не я. Это всё тот боров». У дородного же господина, всё случившееся вызвало лишь непонимание, он, сконцентрировавшись, стоял, как вкопанный, и только хлопал глазами. Но когда до него дошли слова плачущего мальчика-официанта, то его обуял, преобразивший его гнев.

– Кто боров?! – завопил он, и со всего маха ударил мальчика-официанта.

Но так как официант находился в позиции сидя, а боров всё-таки занимал вертикальное положение, что определенно мешало ему – его удар не достиг заявленной цели, а пройдя вскользь, взял и утянул за собой самого бойца, который всем своим весом и подмял официанта, нанеся этим последнему ещё большие телесные повреждения. Но разве могут окружающие пройти мимо такой несправедливости, тем более, когда в их крови кипит жажда справедливости, смоченная в вине. Не буду даже говорить, что вся эта ситуация нашла своих трактователей справедливости, так что последующий

спор за неё вызвал весьма горячую дискуссию с применением элементов мебели и столовых приборов.

Так вначале в дискуссию вступили защитники слабых и униженных, и надо сказать, что их невербальный метод общения, выглядел весьма аргументировано. Наш боров первым ощутил на себе крепость предъявленных аргументов в виде ударов кулаков и затрещин. Нашлись и такие (видимо из бывших футболистов), для которых применение рук считалась офсайдом, и они, следуя своим представлениям о правилах, больше полагались на свои ноги, которые не один раз входили в соприкосновение с brutальной зоной борова, его пузом и задницей.

Но как всё-таки трудно убедить такого оппонента в его неправоте, когда его толстокожесть, подзаряженная допингом, потеряла чувствительность к внешним раздражителям. И только численное превосходство противников деспотии не давало борову встать с пола и ответить встречными предложениями. Для сторонних наблюдателей уже стало казаться, что развязка конфликта предопределена, особенно это стало ясным после удачного приземления на борова какого-то местного рестлера, который (как потом признавался он в кругу своей компании) впервые осознал в кафе наличие в себе подобных способностей, а как узнал это – не удержался и полез на стул, дабы продемонстрировать окружающим чудеса техники реслинга. Но помощь борову подоспела когда её уже не ждали, и откуда так и не узнали (а чёрт его знает,

в зале было темно).

Только диву даешься, откуда у людей до того не блиставших особенными талантами проявилось столько прыти в демонстрации себя и своих новых способностей, которые благодаря храброй воде (хотя они думали иначе), имели место здесь быть. И разве что только отсутствие подходящего случая, не давало им выказать себя раньше во всей красе. Но храбрая вода (по древней легенде) только в том случае может стать ею, если ты вышел из благородного рода команчей. Я же поначалу слегка усомнился в этом, но видя какой эффект она произвела на окружающих, мои сомнения окончательно рассеялись. Летящий в разный стороны соус придал нашим героям недостающую, так свойственную индейцам, вышедшим на тропу войны, окраску.

Взлохмаченные под натиском борьбы причёски, можно было принять за ирокез деловара (видимо эта группа относилась к племени, постоянно варящихся в делах клиентов, наверное, юристы). Особенно выделялся тот тип без рубашки, но почему-то при этом в подтяжках. Видимо, он меж соплеменников занимал видное место вождя, и его громовой голос: «Ах ты, падла, я тебе сейчас покажу!!!» (правда, никто почему-то не хотел видеть того, что он предлагал показать, отбиваясь от его предложений) – мог бы ему сослужить славу, и благодаря нему он мог бы получить прозвище типа «Громобой».

Был здесь и свой «Аяуомэт» (Тот, кто следует за заказа-

ми); и с ним «Виппона» (Тонкое лицо); «Демонтин» (Переговоры, поскольку он идёт) и «Мона» (Вонючий дурман). Но и противник тоже был, как говорится, не пальцем деланный. Он имел в своих рядах весьма колоритных личностей, таких как: «Мэчитизив» (У него плохой характер); «Мэчитехью» (У него есть злое сердце); «Нэхайосси» (Он имеет три пальца) и «Хоколескуа» (Дылда). Так, что ещё трудно будет сказать – чья возьмёт.

У одного из них (откуда?) проснулись невиданные до того способности, противостоять ударам разбивающейся об него посуды, другой, глядишь, так вывернулся, чтобы достать противника и тем самым вручить ему оплеуху, что если бы его видел участковый врач, к которому данный субъект уже многие годы ходит лечить свой хондроз – тот бы глазам своим не поверил и, наверное, не видать бы ему больше больничного. И разве подумаешь, что вон тот молодчик, так лихо дубасящий борова, всего лишь студент очного факультета ВУЗа, который еще недавно только и мог, что краснеть при обращении к нему девушки. А сейчас он – герой, сразившийся с Голиафом, на которого с таким восторгом смотрит его сокурсница, не знаю, как оказавшаяся здесь с ним.

Как выяснилось – все вокруг сплошь люди чести, да и к тому же через одного офицеры и настоящие полковники, и в связи с этим не могут допустить, чтобы несправедливость восторжествовала. И поэтому почтут за честь добавить тумачков тем, кого они считают людьми без чести, и к которым

(как оказалось) они причисляли другую половину зала. Но нашлись и те (люди вообще без чести и совести), кто решил воспользоваться суматохой и улизнуть из кафе не расплатившись. Но, видимо, администрация заведения, уже была научена горьким опытом и в соответствии с ним, как только началась заваруха, выставила на выходе заслон из официантов и вызвала полицию. Что касается дальнейших событий, то ситуация развивалась следующим образом – на помощь борову пришла (откуда, в принципе, и надо было её ждать) помощь.

Так наша весёлая компания, видя всё это столпотворение, вдруг осознала для себя, что каждый нанесённый удар по их компаньону, это не только удар по их репутации, но что это также грозит для них потерей не только спонсора, но и как следствие этого, сегодняшнее посещение кафе выйdet за их счёт. Чего они категорически допустить не могли, и в следствие чего срочно решили вмешаться.

И если женская часть компании применила наиболее (как они считали) действенное оружие, позаимствованное ими ещё от сирен, преобразованного в крик, и попытались таким образом оказать на противника деморализующее действие. Но оппоненты и без них вели себя довольно не тихо, и добавочный крик, разве что только добавил недостающих эффектов в образовавшееся шумовое представление. Что же касается второго дородного господина из этой компании, то он в тот момент проявлял особенную прижимистость к од-

ной из своих спутниц. И когда, прижимаемая им коллега по столу разразилась криком (вызванным видом поверженного бора), то дородный господин вначале даже и не понял, что случилось и решил, что его особое ручное проникновение и стало причиной этого всплеска эмоций.

И он уже было хотел себя поздравить с этим, как заметил, что его наклонница вместе со своими подругами, стоит и верещит, что есть мочи. Что же делает наш второй дородный господин, осознав свою ошибку? А он поворачивается, и заметив, что стало причиной подмены его планированных действий, наливается гневом, и с решимостью разобраться, прёт напролом по направлению к своему товарищу. Но не успел он пройти и пару столовых кварталов, как кем-то ловко выставленная нога, рушит все его планы по достижению приемлемого им решения. А вместе с ним, падающим на близстоящий (близлежащий после соприкосновения с ним нашего господина) стол, рушится и сам стол, а также планы на вечер, сидящей за ним компании.

Правда, разлетевшаяся по сторонам еда, также не дала вкусить соседям всей радости от этого бесплатного представления, забрызгав их по мере приближенности к разгромленному столу. Компания, лишившись своего ужина, решила, что раз их планам потушить голод не суждено осуществиться, то значит нужно отблагодарить того ловкача, умеющего так удачно ставить подножки. Ловкач же, видя не внушающие доверия и весьма несимпатичные лица, приближаю-

щихся к нему незадачливых соседей, решил, что их разговор не сулит ему ничего хорошего, и он призвал своих товарищей, дабы они помогли ему отстоять свою точку зрения. И надо сказать, что обе компании нашли консенсус, предпочитая аргументировать свои поступки с помощью стульев, что весьма неплохо доходило до некоторых неподготовленных голов.

Проверив на крепость несколько стульев, противоборствующие стороны пришли к выводу, что всё-таки стул, не смотря на свою хлипкость, всё же крепче, чем твой лысый лоб, что в особенности подтверждали павшие под ударами стульев и лежавшие обездвижено на полу их соратники. Но это мало охладило их пыл, и они всё также неумеренно продолжали колошматить друг друга. Наш же второй дородный господин, придя в себя и, ощутив вкус битвы, специфически пахнувшей устрицами (наверное, из-за того, что приземление его произошло прямо на устричный салат), подумал, что дальнейшие свои действия лучше вести на расстоянии. Так что наш герой, поднявшись, решил, что неплохо было бы для начала что-нибудь запустить в этот комок сцепившихся между собой людей, что им и было проделано. Оказавшаяся на соседнем столе ваза с фруктами, была замечена им, и в соответствии с его намерениями – применена.

Мерцающий свет, постоянное движение людской массы – мало способствовали точности ведения фруктового огня, да и сам стрелок, как и многие другие, не мог похвастаться ка-

ким-то подобным опытом. Но, как говорится, всегда что-нибудь делаешь впервые. Так, что если поначалу его огонь скорее попадал в молоко (в виде бара, который по словам бармена, понёс весьма существенные потери, как оказалось, помимо бокалов, были разбиты, так же и несколько бутылок дорогущего коньяка, но мы-то знаем этих барменов, так что оставим на его совести эти слова), то когда наш герой при-норовился – его огонь раз за разом достигал своей цели.

И хотя эти попадания несли ущерб той и другой стороне – для нашего героя это уже не имело никакого значения. По всей видимости, одно из таких удачных попаданий апельсином в глаз и надоумило пострадавшего отплатить противнику той же монетой, что он и проделал, нанеся ответный удар по дородному господину. И ведь как бывает, с первого раза и удача. Ответно брошенный апельсин, сбил с нашего дородного господина (посчитавшего себя самым метким стрелком) спесь – как оказалось, в зале тоже есть, чем ответить на его угрозы. Но наш дородный господин, разве пропустит такой удар по своей репутации? Да ни за что!!! И он, выбрав наиболее крупный фрукт (как потом оказалось, это был грейпфрут), со всего размаха бросает его в невидимого противника. И вот тут-то и наступила кульминация всего этого действия...

Как оказалось, в этот момент к кафе подъехала съемочная группа одной из кинокомпаний, в своих сюжетах ориентирующихся на показ работы различных заведений общепита, го-

стениц и организаций, предоставляющих услуги для населения. Используя же фактор неожиданности (так называемые реал-шоу), они застают руководство заведений врасплох, и благодаря этому, могут дать объективную оценку работе того или иного заведения. Так что внезапность, можно сказать, и является той изюминкой, с помощью которой они и привлекают своего зрителя.

Но на этот раз, этот фактор неожиданности, сыграл с ними свою любимую злую шутку, организовав для них свою неожиданную встречу с грейпфрутом. Приготовив камеры ещё в микроавтобусе, сверив все свои действия, съёмочная группа вышла, быстро записав свой предвыборный ролик и со словами ведущей в камеру: «Что ж, пойдёмте и узнаем, чем приманивает посетителей «Наше» кафе», зашла в зал. Правда, вне камеры, заводя себя, она добавила: «Зайдём, и поставим всех раком!».

И вот он, кульминационный момент всего нашего вечера! Ведущая врывается в зал, где после своих слов: «Вот и я, ваша Ирина Залётная», – получает удар грейпфрутом по голове и, приняв от него ускорение, опрокидывается навзничь. Может быть и это падение не привлекло бы к себе внимание, ведь сколько их уже было за вечер – не пересчитать, но прибывший следом за телевизионной группой наряд полиции, быстро внёс свои коррективы в этот, казалось бы, уже так предопределённо текущий по своей колее вечер.

Но у полиции, как всегда есть свое особое мнение, иду-

щее вразрез с основным мнением так широко гуляющего народа. И вот это непопулярное мнение быстро и доходчиво навязано всем участвующим в дискуссии лицам. А тому, кто особо отстаивал свою позицию, пришлось в прямом смысле понять, как крепко – это навязываемое мнение. Ещё где-то, в отдаленных углах зала кафе, слышались редкие возгласы: «А ты кто такой!?!», но вскоре, постепенно и последние очаги непонятливости были потушены, и только для работников кафе ничего не закончилось, а наоборот – пришло время собирать камни, мебель и посуду.

Мы же с Лизой, решив, что с нас на сегодня, пожалуй, развлечений хватит, взял за грудки официанта, который вдруг решил, что ещё не всё закончилось, ну по крайней мере – для него, попытался улизнуть, как ему казалось, от неминуемой расплаты. Но потом поняв, в результате моих объяснений, какого рода расплата его ждёт, быстро рассчитал нас. На выходе нас застала весьма интересная картина – молодая женщина, по всей видимости имеющая какое-то отношение к телевидению (самое прямое, если бы она могла, то сказала бы), с перевязанной головой, вместо того, чтобы, как полагается раненной, следовать советам врачей и отдыхать, развила кипучую деятельность, грозно отдавая различные приказы присутствующим здесь кинооператорам.

Хоть и говорят, что каждый телевизионщик – тот ещё фрукт, но, наверняка, нет ещё такого фрукта, который бы был крепче головы самого телевизионщика. В общем, вы

узнали в этой женщине нашу искромётную ведущую. Правда, после этого случая, она, пожалуй, откажется от этого двусмысленного эпитета. Так вот, наша ведущая, получив казалось бы смертельный удар грейпфрутом по голове, поначалу растерялась, упав в нокаут (что ей было, в принципе, не свойственно), но потом её астральное тело, было собравшееся на покой, вдруг заметив, что её операторы, проявив беспечность, бросились к ней, чтобы оказать ей первую помощь, но при этом преступно отставив свои камеры и тем самым лишив её хорошего кадра, решило, что пора бы вмешаться и поставить всех на свои места.

Так сначала она, поставив себя на ноги, тут же поставила и всех остальных на свои привычные места, то есть на колени, обрушившись на операторов с обвинениями в самом тяжком преступлении, в непрофессионализме. Затем уже на включенные камеры, она, постанывая, разрешила себя перевязать, при этом ни на секунду не выпуская микрофона из рук. Но как только камеры выключались – за дело вновь бралась ведущая и обрушивалась на своих бездарных помощников.

– Ну ты, морда, долго я ещё буду ждать? – начинался её отпуск грехов. – Да-да, к тебе относится. Чего стоишь, как истукан. Неси скорей воды!!! – И уже кто-то в очередной раз несётся за новой, десятой по счёту порцией воды. – А там, что за ржание? Что, заняться больше нечем?

– Давай быстрее проскочим мимо них, – прошептала Ли-

за, – А то глядишь, она и нас припашет. – И, дернув меня за рукав, придала мне некоторое ускорение.

Выйдя из кафе и, оказавшись на улице, мы с Лизой, подавшись очарованию вечера, синхронно выдохнули из себя остатки кафешного воздуха, и наполнили свои лёгкие свежим вечерним.

– Вроде разделяет всего лишь какая-то стенка, а какая существенная разница, – выразил своё ощущение я.

Лиза же, держа меня за руку, не отвечала, а просто с жадностью дышала. Потом она повернулась ко мне и спросила:

– А ты бы за меня стал драться?

– А ты разве сегодня не сдерживала меня, рвущегося в бой? – с иронией возразил я.

– Да ты что! Когда такое было? – возмутилась она.

– А как только всё началось, ты прямо вцепилась в меня, я даже пошевелиться не мог.

– Ну, сегодня не считается. Ведь сегодня не была задета моя честь, – с вызовом сказала Лиза.

– Хорошо, как только – так и сразу, – воинственно заверил я её.

– Нет, всё же я не хочу, чтобы ты вообще дрался.

– Вот оно как... Так вы уже что-нибудь решите для себя.

Мисс переменчивость.

– Я уже всё решила для себя, – нежно сказала Лиза, обняв меня и вплотную придвинувшись ко мне. Я же прошептал ей, – С тобой я уж точно не буду драться, – и, проявив стра-

тегическое мышление свойственное полководцам мужского пола, решил сдать свою позицию.

Конечно, я слегка лукавил, но без военной хитрости в данных делах просто нельзя. Но что же случилось дальше, спросит нетерпеливый читатель. Скажу одно – военная тайна. И только всё видящие и знающие звезды могут вам всё рассказать. Но мы и тут подстраховались и взяли с них обещание молчать, и пока это останется секретом для нас двоих. Секретом, который, к слову сказать, легко раскрывается, глядя на этих двоих.

Но, видимо, наш эгоизм так сильно задел звезды, что они, решив нам отомстить за наше пренебрежение к ним, спрятались за тучи, приговаривая: «Ну, неужели так трудно хоть разок взять и посмотреть на небо, и сказать в наш адрес пару ласковых слов, например: Как, ярко светят звезды. Какие они красивые». А потом, кто-нибудь из вас, наверное, всё же парень, решит обозначить себя, как знатока астрономии и станет, показывая рукой в звёздное небо, водить ею по звёздным дорогам космоса, приговаривая: «А вон там, смотри, да-да там! Это – Большая медведица». И она, не видя ничего, или же наоборот, зная, где находится Большая медведица и, видя вашу ошибку, всё же согласится с вами и, прижавшись к вам, сообщит: «Да-да, я вижу».

Ну а парню, как оказывается, только этого и надо, и они, прижавшись друг к другу, смотрят в звёздное небо и видят в нём своё будущее. Но нет, вы не захотели пойти по про-

торенной дорожке, которой следуют миллионы влюбленных, вам всё подавай сейчас и сразу. И ваша ненаглядность друг на друга, так и не позволила вам ни разу, взглянув на звёзды, понять, что одинокая звезда, для которой до всего было дело, сама того не замечая, так и оставалась одиноко светить, и тем самым не дать заплутать странникам в ночи.

Но спустя какое-то время, сумев заглянуть в глаза Лизы, звезда поняла меня и, смягчившись, добавила яркости, чтобы мы без затруднений добрались домой. Что, собственно, мы и проделали, гуляя по вечернему городу. Дальше последовало незабываемое расставание, с последующим моим обретением крыльев, доставивших меня до дому. И только оказавшись дома, я смог постепенно обрести спокойствие духа, которому сегодня не хотелось оставаться на месте, и он, поддавшись моей убедительности, заплутал вместе со мной.

Всё-таки длинная дорога сказала на мне, и мои ноги, загудев по-английски: «Гуд, гуд», потребовали для себя тёплой ванны. Что ж, тёплая ванна позволила мне слегка остыть, и разгоряченный физически, но остывший внутри, я с чашкой горячего чая, забрался на диван, для того чтобы под звук телевизора, прокручивая кадры событий сегодняшнего дня, насладиться этими переживаниями.

Перелистывая сладкие страницы воспоминаний, я вдруг наткнулся на те сущности, которые никуда не делись, а всего лишь были на время отодвинуты на задний план. И как только пришло время, то тут они и навалились на меня

всей своей массой забот, которые они берут на вооружение, чтобы помучить тебя. А забота, надо сказать, не знает, ни радости, ни горя, забота – эта такая субстанция, которая живёт по своим только ей знакомым правилам. Забота не идёт прямым, это не в её характере, она подбирается к тебе окольными путями. И ты сразу даже не поймешь, что за странное у тебя томление в душе, и ты начинаешь перебирать в уме все события сегодняшнего дня, для того, чтобы выяснить причину этого томления. И вот ты, поломав голову, находишь ту неприятность, которая, применив заботу, стала источником твоих томлений. Но в чём суть самой заботы? Да просто она есть и... всё. И другого не дано.

Денница, и его появление здесь, вот вопрос, который волновал меня и не давал успокоиться. Что же он всё-таки хотел довести до меня, встречаясь со мной. Мне не давала покоя эта его открытость и его чрезмерная откровенность. Ведь он, по сути, подтвердил предположения Атеиста о тех скрытых, глубинных задачах, решаемых нашей миссией. Выходит, что сбор информации – это всего лишь предлог для того, чтобы Денница мог набрать очки в своем противостоянии с Годом. Но если это так, то опять же, какова во всём этом моя роль, или какую видит её сам Денница?

А последнее, надо понимать, ничего хорошего мне не сулит. Всё-таки интересно, зачем он спрашивал меня об Атеисте, ведь он знал мою реакцию на его вопрос. Или может он хотел этим дать мне знать, что он в курсе всего. И, ви-

димо, последующая его откровенность и была связана с тем же фактором, что он всё знает и даже не скрывает этого. Но если был прав Атеист (а после рассказа Лизы о появлении Денницы с Наставником накануне корпоратива в компании с сумками, подсказывает мне, что в тех трагических событиях, во время корпоратива, не обошлось без их участия), то Денница попытается смоделировать ситуацию с расстрелом в компании, и здесь-то он и попытается вовлечь меня в его игру, только вот неясно в каком качестве.

Но пока – это одни догадки, строящиеся только на предположениях, и не имеющие под собой реальных основ. Может надо искать то, что кажется несущественным на первый взгляд. Что же ещё? Может ответ заключается в его желании отправить меня в командировку? Но зачем? Но стоп, ведь туда перевелась Эльза. Ну и что это даёт? Пока не знаю, но я знаю одно – надо оградить Лизу от всех этих событий. Ещё раз промолвив слово «Лиза», я заснул.

Глава 12

Окно возможностей

Следующий день, как мне показалось, светил ярче, чем обычно, да и моё настроение не в пример другим дням, находилось на каком-то странном подъёме. Чтобы я не делал, всё спорилось без каких-либо возражений, и я даже послушал, как поют птицы, попивая чай на кухне. А ведь раньше за мной таких чудностей не было замечено. Радость и благодушные переполняли меня, и мне хотелось поделиться этой радостью со всем окружающим меня миром. Что я и попытался сделать, выразив желание помочь донести сумки соседке с нижнего этажа, но впрочем, сразу же натолкнулся на стену её непонимания, состоящей из её душевной подозрительности и чёрствости.

Так что она не оценила моего душевного порыва и со словами: «Ещё чего! Ходят, тут всякие...», – отмахнулась от меня. Но сегодня меня трудно вывести из равновесия, и я не стал настаивать и, проехав по подъездным перилам, двинулся дальше на работу. Вот дорога... И как я раньше не замечал, эту меня окружающую красоту, эти симпатично сверху спиленные тополя, несмотря ни на что, всё так же цветущие и приводящие поутру в недоумённое состояние какого-нибудь запоюшку, и ещё в большой восторг – пожарников. Но для меня сегодня, любое проявление природных качеств – в

радость, вот только дайте вычихнуть забившийся в носоглотку, попавший в него пух. Ну, ничего, я справился и дальше двигаюсь навстречу своему счастью.

А вот и они, наши современницы, так ловко маневрирующие в потоке людей, проскальзывающих сквозь непрístupную стену прохожих и махом перепрыгивающих через дорожные препятствия в виде луж и люков. А ведь всё это они проделывают, не глядя вперёд на дорогу, да и по сторонам у них нет времени смотреть, когда столько интересного в этой маленьком гаджете, который они несут пред собой, и в который с самого начала погрузились с головой. И убери его у них из рук, и они, пожалуй, уже не смогут так ловко преодолевать дорожные препятствия, и он, их дорогой и любимый, уже стал своего рода поводырем в этой жизни, без которого они уже не смыслят своего существования здесь. Да что там дорога со своими препятствиями! А как же быть с самым главным жизненным препятствием – скукой, как им с ней бороться, не имея под рукой столь нужный предмет?

Ну, а если, не дай бог, нужно будет пообщаться с подружками? «Вау, ваще мрак», – услышишь шокированный голос современной Эллы Эс-Эм-Эс. И вот, сидят наши поклонники современного вида общения, не вынимая из рук эти самые гаджеты. Общаются. Да, уж. «Зато тихо, и не гадят», – вставит оптимист. «И не плюют на пол, а только на экран», – не промолчит пессимист. Но мне – не до этих смысловых хитросплетений, мне просто радостно наблюдать за их лов-

кими манёврами.

Но что же впереди? Мне всё интересно. А, голуби, надо их покормить, но к этому событию я не приготовился и со словами утешения: «В следующий раз захвачу обязательно, каких-нибудь крошек», – подхожу к месту назначения – остановке автобуса. Я, наверное, за всеми своими дорожными приключениями не слишком торопился и, в результате, прибыл одним из последних, но это не важно, если ты не опоздал. Но сегодня, и это бы меня не расстроило.

Лиза же, увидев меня в таком расположении духа, глядя на меня с мнимым укором, покачала головой, как бы говоря: «Не слишком ли вы, беззаботны сегодня. С таким настроением весьма опасно приходить на работу». Да и опоздать немало вероятно... Но я-то вижу, что и она тоже пребывает в таком же расположении духа, и безмолвно отвечаю ей в том же ключе: «А вы? Почему так светитесь с утра?». На что последовал её удивлённый ответ: «А вы, главный виновник, разве не в курсе?».

Я уже было хотел ответить, что думаю про этот её курс, как вдруг его подкорректировала, хлынувшая к автобусу, масса людей, не дав мне этого сделать. Что ж, покорившись судьбе, я последовал вслед за всеми по направлению посадки. Но и это, так же как и отдавленные ноги, не смогли нарушить моё стойкое благодушие.

По своему прибытию на своё рабочее место, мы с Лизой решили, что наша тайна для своей сохранности требу-

ет от нас проявления всех наших недюжинных конспирологических способностей, но в виду того, что мы были с ними знакомы разве что понаслышке, то мы остановились на программе-минимум, или другими словами говоря, решили минимизировать наше общение. Ну а если же всё-таки этого нельзя будет избежать в виду организационных вопросов, то будем делать скучный вид и придавать словам официальность.

Но кого мы хотим обмануть? Наверное, прежде всего – себя. Сколько таких конспираторов уже пыталось обмануть судьбу! Но как бы ты не гримасничал, не изменял себе, выказывая свою бесстрастность – разве в твоей власти потушить блеск её глаз, так ярко вспыхивающий при всяком твоём появлении. «Эх, наивные влюблённые», – потирая руки, который раз повторяет Амур, намечая для себя новую жертву. И что интересно, сегодня почему-то возникло столько организационных вопросов, требующих срочного моего личного участия, что Лиза только и успевала ко мне забегать на ковёр (Что-то, звучит это как-то двусмысленно, так что спешу успокоить чересчур впечатлительных личностей, мы не выходили из рамок приличий).

И как только она закрывала за собой дверь, как сразу же организационно и даже чуточку официально, требовала от меня поцелуя, а иногда даже, пропуская этот ритуал, без всякого предупреждения ставила на мне свою рабочую визу. Но потом мы замечали, что вдруг подверглись групповому гип-

нозу, и в результате чего забыли, зачем я её вызывал, а она не помнила, зачем приходила. И дабы рассеять эти гипнотические чары – она уходила к себе, а я оставался и пытался настроиться на рабочий лад. Но через пять минут телефон Лизы по внутренней связи сообщал ей моим голосом: «Попрошу вас зайти в мой кабинет. Дело не требует отлагательств», – и Лиза, не выказывая волнения, с внешним безразличием взяв стопку бумаг, твёрдым шагом идёт снова ко мне, где история вновь повторялась по кругу.

Но и Лиза не осталась в долгу, мне казалось, что в её в голову встроен датчик движения взгляда, настроенный на меня, и я знал, что только стоит мне посмотреть в её сторону, то она будет смотреть на меня.

– Вас к себе мисс-Любовь вызывает, – неожиданно сообщила мне по телефону Лиза.

Я, в принципе, ещё с утра ожидал этого, но благодаря кое-кому – совсем забыл об этом. Когда я уже находился на полпути к мисс-Любовь, то этот кое-кто, не имея возможности задать голосовой вопрос с помощью лицевых средств выразительности, попытался спросить меня: «Ну, что? Как думаешь, зачем вызывает?». На это я, показывая, что не имею понятия, на ходу пожимаю плечами. Надо сказать, что прибегнув к мимике для выражения своих эмоций и частично пользуясь ею в плане общения, Лиза достигла весьма существенных успехов, и все её немости, я уже понимаю с полупонима (или мима?), в общем, не важно, вы и так поняли с по-

луслова. И, несмотря на то, что мим – слово мужского рода, но и женская немая выразительность, хоть и не такая пластичная, но между тем, обладает своими специфическими прелестями.

– А, Ник, заходите, – сидя в кресле, произнесла мисс-Любовь. Я же, присев на предложенное место, стал ждать дальнейших вопросов. А почему, собственно, вызываемый в кабинет начальника, в основном ждёт для себя там каверзных вопросов? «Но почему сразу же каверзных?!», – возмутится какой-нибудь вышестоящий начальник, – «Надо говорить по делу! Правильно, я говорю?». «Да, конечно», – отвечу я. – «Да и вообще, мы не только вопрошаем, но и ещё чаще совместно решаем и обсуждаем разные необходимые рабочие моменты, а иногда даже и награждаем». – «Вот как?», – обозначит своё видение он. – «Да, да, я согласен!», – не имея полномочий, вторю я ему, высокопоставленному начальнику... Но всё же ты, даже не имея причин на это, приближаясь к большому кабинету, чувствуешь в себе какой-то потаенный страх, взявшийся, не зная откуда. Так и слышишь громкий возглас, вопрошающий: «А ты достоин называться человеком?». И ведь казалось бы – лёгкий вопрос, но ты не готов сразу на него ответить и, задумавшись, только спустя жизнь и пробуешь дать ответ. Но не все думают и многие сразу спешат дать свой исчерпывающий ответ на этот вопрос и, получается, как в пословице – поспешишь, людей насмешишь.

Но в данный момент, я уже предположительно знал, о чём собирается вести речь мисс-Любовь. При этом мне всё же было любопытно, каким образом она будет вести себя, зная, в каком направлении движется её мысль. Наверное, также поступил и Год, дав человеку дар свободы, для того чтобы не слишком скучать, наблюдая за ним, зная его итоговость. Хотя окончательный итог, в принципе, предугадать несложно, если думать, что смерть – это финишный итог всего, а не промежуточная стадия в жизни организма. В общем-то, Год, в первую очередь, сам был подвержен любопытству и, наверное, поэтому и не стерпел намека Денницы на это его качество, выслав Адама с Евой. Хотя... Разве образ и подобие не распространяется и на некоторые личностные характеристики человека? Что-то я не уверен в обратном.

– У тебя сегодня, что запланировано? – начала она.

– Да вот, сразу же после вас иду проводить собеседование.

– Понятно. Ну и что там, у вас? Стратегический резерв уже подготовили?

– Частично.

– Эх, мне бы повыбирать, – потянувшись в кресле, мечтательно сказала она.

– Разве вам есть на что жаловаться?

– Ты совсем не знаешь женщин. Жаловать и жаловаться – это наша прерогатива.

– Не поспоришь, – согласился я.

– Ещё бы, но дело в другом. Может ты слышал, в нашем

северном отделении намечается посвященная годовщине её открытия презентация, с последующими светскими мероприятиями. – Риторически спросила она меня. – И вот наше отделение направляет туда от каждого отдела по два человека. Так вот, насчёт нашего отдела. Одним из двух, ты уже, наверное, понял, кто будет? (Я бы не был столь уверен насчёт вас, когда, как насчёт другого, могу сказать – судьба уже точно определилась). Так вот, давай соберемся с тобой, к примеру, завтра, возьмём личные дела сотрудников и взвешенно разберемся, кого презентовать этой поездкой. (Мне же представилась несколько иная картина, имеющая другую интерпретацию её речи: «Давай возьмём с тобой бутылочку хорошего красного вина, устроимся удобно на диване и, уже после того, как последняя капля вина, стекая с моих губ упадёт в углубление декольте – я тебе презентую себя, и главной наградой будет то, чем обладает женщина»). Видишь ли, руководство нынче озаботилось демократичностью и того же требует от нас. Начальство хочет, чтобы мы подошли к процессу с этих позиций и, согласно им, выбрали заслуживающего того кандидата. Всё понятно? – вывела меня из транс она.

– Да, конечно, – очнувшись, сказал я.

– Ну, тогда это всё, – закончила она.

Я же, закрывая дверь её кабинета, подумал, что мне стоит держаться с мисс-Любовь более осторожно. Кроме этих заманчивых предложений, передо мной стояла ещё одна ди-

лемма, которая через Лизу, в данный момент, с вопросительным выражением лица безмолвно спрашивала меня: «Ну, что там?». А я же, подлец, проигнорировал её и, только вновь пожав плечами, проследовал к себе. Но разве может успокоиться женский организм, когда он вопрошает и не получает ответа? Да ни за что на свете! И вот Лиза, погрозив кулачком кому-то невидимому (всего вероятнее, моему воображаемому изображению), хватает трубку телефона и, не забывая конспирироваться, говорит вслух: «Да, поняла. Сейчас заберу бумаги и зайду». Но, при этом забывая, что если вам звонят, то должен вначале раздаться телефонный звонок. Но разве у неё сейчас есть время на эти нюансы. Что при этом абонент отвечает Лизе – только ей известно, но мы-то знаем, что он отвечает ей своим привычным гудком. Но он и не может ответить иначе, если вы не набираете номер абонента.

Не успел я зайти в кабинет, как вслед за мной ворвалась Лиза и, встав в позу, заявила.

– И как это понимать?

– Что, именно, – не понимая, ответил я.

– Я вас спрашиваю, а в ответ – тишина.

– Я не молчу и, если слышала, ответил: «Что, именно».

– Мне тут не надо уши заговаривать. Я тебя в коридоре спросила, а ты не ответил.

– Так... Я не слышал, – наивно проговорил я, отчего Лиза даже на мгновение потеряла дар речи и только, изумленно закатив глаза, смогла воскликнуть:

– Что-что?

Я в свою очередь, решив, что хватит её мучить, подошёл к ней и со словами:

– Извини, я просто задумался, – затем попытался её обнять. На что она, деланно отбиваясь, выразила своё негодование.

– Все вы такие.

На что можно же было, конечно, найти удачный парирующий ответ и попытаться выяснить имена этих всех (в особенности – таких), но Лиза постепенно сдалась, прильнув ко мне, и я вслед за ней – тоже сдался.

– Так зачем тебя вызывали? – Не забыв причины своего визита, спросила Лиза.

– А вот мне помнится, ещё неделю назад вас не интересовали такие вопросы, – иронично ответил я.

– А кто это вам сказал, молодой человек, – снова встав в позу, серьёзно спросила Лиза.

– А вы не знаете? Да, неужели!

– Да, да, – покачивая головой, говорит Лиза.

– И с какого момента?

– С самого первого.

– Да неужели?

– Ужели.

– Ого!!!

...

Что сказать, таковы все влюбленные, говорящие между-

метьями и понимающие друг друга с полуслова, и заканчивающие свои диалоги уже без слов. Так что если построить геометрический план диалога влюбленных, то всегда получается обратная пирамида, и уже со временем она размывается и приобретает черты других гео-фигур.

Когда же стадия многоточия была преодолена, Лиза, решив, что функция параболы всё же более точно отражает их перепалку, продолжила незаконченный, как ей казалось, разговор.

– Я уже полчаса, как с тобой здесь лясы точу, но так внятного ответа и не услышала.

– Вот оно как... А я-то, дурак, думал, что вы вкусовые рецепторы языка проверяете.

– Ну, перестань дурачиться! Давай, рассказывай, а то мне уже пора идти.

– А теперь, я не понял – почему ты так интересуешься. Думаешь, мне наша мисс сообщила: кто поедет, а ты уже со своими наперсницами ставки сделала.

– Ну, что-то в этом роде.

– Спешу тебя разочаровать. Она этого вопроса даже не касалась.

– Что? – разочаровано, не веря, ответила Лиза.

– Вот так.

– И что, даже ни полслова?

– В полслова я никому кроме тебя не позволяю с собою общаться, – строго заверил я её. Лиза же, сказав: «Вот это

правильно», – одарила меня ещё той половинкой слова, которая не выговаривается, и отправилась к себе.

Но чёрт, я совсем заболтался, а меня уже давно ждут на собеседовании, вспомнил я, и собравшись, рванул туда.

Пройдя все замысловатые лестничные переходы, я, как и думал, прибыл с опозданием. Зайдя в кабинет для наблюдений, я застал всех в ней. Ожидая, что Наставник выразит своё неудовольствие по поводу моего опоздания, я уже приготовил пару веских оправдательных причин для этого, но Наставнику было не до этого, и мне пришлось отложить до лучших времен свои заготовленные отговорки.

– А, вот и ты. Давай, присоединяйся, а то самое интересное пропустишь. – Заметив меня, только и сказал Наставник.

Чем же так увлеченно была занята вся наша коллегиальная компания? А она изрядно потешалась, наблюдая за тем, что делается в зале для собеседования. При этом они не ограничились только зрелищами, а в качестве хлеба использовали гамбургеры с напитками. Прежде чем я обратился взором в окно, Наставник ввёл меня в курс дела. Да, кстати, нужно упомянуть о том, что с сегодняшнего дня он решил уже дать нам возможность самим вести собеседование, причём делая упор на стрессовое проведение собеседования. Встряска и нам не помешает, по его словам. И пока меня не было, Макс с Антоном принялись за это дело.

У Наставника хоть и были свои наметки по поводу ведения этого интервьюирования, но на прошлом собеседова-

нии, когда мы с ним стояли у окна, он попробовал его открыть, то обнаружилась невозможность этого сделать, – хотя при этом на окнах имелись какие-то, как казалось, предназначенные для этого ручки, – и это навело его на мысль. И Наставник, решив дать слово импровизации, предложил использовать в собеседовании этот фактор закрытости окон. Зная это, Макс и Антон, впустив очередного кандидата на собеседование и, игнорируя его, не торопились вступить с ним в разговор. Затем не важно кто из них выходил, а оставшийся, выждав некоторое время, обращаясь к кандидату: «Что-то сегодня жарко. Я сейчас выйду на минутку, а вы, если вас не затруднит, откройте окно. Пусть комната проветрится», – выходит из кабинета, и окольным путём прибывает сюда, чтобы вдоволь по наслаждаться последующим представлением.

А что же наш кандидат? Он идёт к окну и, не чувствуя подвоха, пытается его открыть. Но к его удивлению – это ему не удаётся. Поначалу, он озирается по сторонам, как бы ища поддержки, но от кого её можно ждать в пустом кабинете, и только аквариумная рыбка безмолвно наблюдает за ним. Что дальше? Наш кандидат внимательно осматривает эту, чёрт знает, зачем здесь прикрученную ручку. И, не поняв конструктивные особенности этого окна и прилепленной к нему ручки, решает положиться на свои мускульные силы. Но и из этого у него ничего не получается, и в итоге мы видим только вспотевшего и покрасневшего от натуги кандидата. Правда,

особо усердные умудряются при этом что-нибудь разодрать на себе и в кровь разбить пальцы рук.

В другой бы раз и в другом месте – для наших кандидатов первая же неудачная попытка открыть окно стала бы и последней, но здесь царит чужая воля, и каждый про себя думает, что от того, как он справится с этой задачей, может зависеть его судьба, что, в принципе, не так уж и далеко от истины, только вот прямая дорога, не всегда бывает верной. И вот наши кандидаты стоят и всё упорствуют в своих сомнениях. А что же мы? А наш отдел наблюдает и покатывается со смеху. «Люблю, когда можно совместить приятное с полезным», – замечает Наставник, обращаясь к нам, но если все утвердительно поддакивают, то у меня (отчего-то!) это представление не вызывает восторга. Замечая это, Наставник, уже обращается ко мне:

– А у вас, как всегда, особое мнение. Но сегодня я не имею желание спорить и спускаю ситуацию на тормозах, – заявляет он, – просто не то настроение.

Но Наставника отвлекли позывные возгласы Антона: «Смотрите, он двигает стул. Ха-ха! Сейчас он нам покажет». Мы с Наставником обращаем свой взгляд в окно и, действительно видим, как крепкий молодец, взгромоздившись на стул, напрягшись со всей своей дури, пытается свернуть ручку окна. При этом он со всей силы сомкнул от усилий свои глаза, думая с помощью этого придать дополнительное усилие своим рукам. Но и этих двух дополнительных клапанов,

как оказывается, недостаточно, чтобы сдвинуть гору, и наш герой с ненавистью ко всем предметам архитектурного ансамбля отстраняется от окна, чтобы отдышаться и, набравшись сил, осуществить ещё одну попытку.

– Тринадцатый подвиг Геракла, – заливается смехом Макс.

– Точно, – поддакивает Антон, – надо, пожалуй, в следующий раз взять с собой попкорн и газводы. А то как-то не комильфо.

– По мне-то лучше пиццы заказать, – в свою очередь ответил Макс.

– Можно и так, – ответил Антон, – ну, а если добавить музыкального сопровождения – то вообще, будет класс.

– Да, точно! Чего-нибудь типа Benny Venassi «Satisfaction».

– Ну, со стулом он выглядел куда эффектней Джексона, – ответил Антон.

– Ну, теперь наш выход. Давай, Ник, пошли, пока он там всё нам не вывернул, – обратился ко мне Наставник, и я, не совсем понимая, в чём дело, последовал за ним.

И вот мы с Наставником входим в зал, и перед нами предстает картина, которую бы одни, в зависимости от их видения окружающего, назвали бы эпично: «Несломленное упорство»; другие же, с ироничным взглядом на жизнь, прозвали несколько неэтично: «Заставь дурака богу молиться». Но, как бы то ни было – окно всё также не поддавалось, а наш

кандидат уже себе лоб разбил.

– И что же вы здесь делаете? – последовал грозный вопрос Наставника.

Кандидат и так уже растерял всю свою уверенность, а тут ещё его и спрашивают о чём-то. И он, в недоумении только и смог пролепетать:

– Я... Тут... Это...

– Да я вижу, что вы тут самовольничаете. – Сказал Наставник и, подойдя к нему поближе, спросил, – А вы, собственно, кто такой?

Наш кандидат уже совсем растерялся и только мог делать, как издавать бессвязные звуки.

– Я, это... Они попросили... Я пытался, но оно – никак!

– Ну вы, я смотрю, мастер говорить. Так что я, как там вас... А, это... Попрошу освободить помещение. Здесь будет проводиться собеседование. Услышав последнее слово, наш герой сумел-таки собраться и выпалил:

– Но меня и вызвали сюда за этим.

– И кто же, интересно, вас вызвал? Если тот, кто имел на это право, то он сейчас находится перед вами.

Наш оппонент вновь растерялся и опять невнятно попытался объяснить ситуацию.

– Но меня вызвали. Здесь сидели двое. И я подумал...

– Вон оно как... И что эти двое вам сказали?

Лицо кандидата приняло вид лихорадочной рассудительности, которая выдала следующее:

– Они попросили меня открыть окно.

– И вы сразу ринулись выполнять их просьбу.

– Да, – почесывая затылок, ответил кандидат.

– Ну, раз вы такой исполнительный, то я попрошу вас очистить помещение, – сказал Наставник и направился к столу.

– Но... Я... – попытался, было как-то исправить ситуацию кандидат, но Наставник своей фразой: «Всё, собеседование закончено», – навсегда закрыл ему двери сюда.

Проводив взглядом кандидата до дверей, я посмотрел на Наставника, который в свою очередь смотрел на меня.

– Что-то не нравится? – спросил он меня.

– А разве здесь что-то может нравиться? Там, за стенкой, я это всё было принял за ребячество взрослых дядек, но это совсем не ребячество.

– И что же это?

– Вам виднее.

– Значит, по-твоему, я преступил какую-то черту, отделяющую хорошие поступки от плохих. А кто спрашивается, эту самую черту прочертил? Кто взял на себя право ограничивать нашу свободу действий, проведя эти границы нравственного, которые крепятся на их понимании мира? И что теперь выходит? А именно то, что согласно их мнению, всякий выход за пределы их понимания – есть преступление. По мне так, всякое ограничение свободы – есть преступление. И пусть я буду безнравственен по мнению нравственников, но я никогда не пойду на преступление по отношению к себе,

ограничивая себя. Так что – никогда не бойся выйти за пределы понимания других людей, это всего лишь их данность, ограниченная их бытием.

– Ну, а как же насчёт ваших ограничительных границ.

– Лучше тебе не знать, – с какой-то скрытой угрозой прохрипел он, но потом, осознав, что ляпнул что-то не то, добавил. – Да разве я сам знаю?

Затем он поднялся и, подойдя к двери, открыл её и, посмотрев кто на очереди (хотя он, наверное, и так знал, но ему, видимо, захотелось пройтись), повернулся ко мне и сказал:

– Сейчас у нас будет молодая леди. Так что предложим мы ей... – Наставник задумчиво посмотрел на меня.

– Я думаю, вам видней. – Вставил я.

– Что? На окно намекаешь? – решил разрядить обстановку он.

– А почему бы и нет. Разве для вас есть разница?

– Не поверишь – есть! Ведь женский пол требует от нас особого подхода, так что физические задачи мы оставим для мужчин, а для женщин – оставим логику, в которой они непредсказуемы и тем интересны.

– В этом я с вами соглашусь.

– Ну, тогда дорогу молодым. Зови её, – сказал мне Наставник.

Что и было мною сделано. Вошедшая молодая девушка (надо бы уже забыть про это прилагательное, ведь немолодых

и не было)... Так вот, эта девушка, приняв приглашение, после предварительного церемониала предстала перед нами во всей своей красе (она была великолепна).

Как всё-таки наши телефонные агенты смогли только по голосу определить внешние данные соискательницы? Ведь это практически невозможно. Ведь скольких людей ждало разочарование после того, как они видели в живую обладательницу чарующего голоса, ради которого они, забыв всё на свете, были готовы рвануть с ней хоть на край земли.

Видимо, и Одиссей, описывая сирен, слегка прилегендарил (что было одной из его основных характеристик), и дабы выказать себя столь отважным воином, взял и описал сирен подобным образом: мол, они своим коварным пением заманивали героев Эллады и коварно их губили. Но дело в том, что никто не знал, что с ними дальше случилось, ведь свидетели не выживали. Что сказать, конечно, сирены несли в себе опасность, но только не с той стороны, с какой рассказал нам Одиссей, воспользовавшись гласом слепого Гомера. Который, быть может, и потерял своё зрение, увидев вблизи этих страшил-сирен. («О, боже, свет мне больше не мил», – так и слышаться вопли Гомера). Ведь никогда не признается герой Эллады, что его товарищи погибли от разрыва сердца при виде несоответствия слышимого и видимого. Лучше он погибнет, по версии Одиссея, от коварства тех самых красавиц сирен-чудищ, чем от страхолюдности настоящей сирены.

– Знаете, мы не хотим делать ни для кого никаких исключение, и я хочу, чтобы вы все это поняли. Я это говорю, потому что сегодняшние мои вопросы к вам, могут показаться для вас несколько странными, и в связи с чем, вы можете заподозрить нас в чересчур индивидуальном подходе, – одним залпом выпалил Наставник.

– Я, честно сказать, не совсем поняла, что вы мне сказали, – с улыбкой вымолвила Краса.

– Ну и ладно, – расплылся в улыбке Наставник. – А скажите, вот предположим, что мы с коллегой (причем, каждый из нас по отдельности) предлагаем вам работу, – Наставник кивнул в мою сторону, – сопоставимую по своим качественным и зарплатным характеристикам. Чьё бы вы предложение приняли?

– А отвечать надо при всех, или каждому на ушко? – спросила она.

– На ушко, конечно, более соблазнительно, но вот какая дурацкая задача – в ней непременно нужна гласность. – Ответил с сожалением Наставник.

– А работа в каком районе находится? – спросила она.

– В одном и том же.

– А транспортом обеспечите?

– Ну, конечно, – ответил Наставник. Тут решил вмешаться я и заметил, – Ну, я ещё точно не могу сказать.

– А я говорю – сможет, – вставляет Наставник.

– Ну ладно, – соглашаюсь я.

– А можно более подробно узнать про работу, – наивно спрашивает она.

Тут Наставник понимает, что с ним играют, и говорит:

– Так, я вас понял... Но давайте – серьёзно. Мне нужен ответ и желательно обоснованный.

– Так этот алгоритм известен всем. Но если вам интересно – то я расскажу. Я так вижу, здесь проблема выбора заключается в вас. Молодой или старый. Какой начальник лучше? Если они будут оба приставать – то молодой лучше, но если при этом старый менее жадный – то, пожалуй, это очко на его счёт. Опять же, остаётся невыясненным семейное положение обоих. Если допустим оба женаты – то перспективы на серьёзность в обоих случаях туманны. В обратном же случае, старый скорее вдовец, но возможно обременен детьми, желающих его наследства – то ситуация в принципе перспективная, но требующая силовых усилий. Молодой, в принципе, устраивает, но всё опять же зависит от его ветреных качеств. Опять же состоятельность обоих в наше время не зависит от возраста, так что молодой – может быть более состоятельным в денежном эквиваленте, чем старый, а старый – более состоятельным в постели, чем молодой. Что же ещё? – задумалась она. – В принципе, можно поработать и на двух господ, – закончила свою математическую задачку Краса.

– Ну-ну, – пробормотал Наставник, – но вы не учли нулевой вариант.

– Ну, только разве для галочки, просто мне не хотелось

попросту тратить время. – Сказала Краса.

Наставник же облокотился на стул и сказал, – Ну что, вижу вы умеете анализировать, и со счётом у вас всё в порядке. Значит, по-вашему, начальник-мужчина куда более привлекательнее, чем начальник-женщина?

– Хотите услышать ещё один алгоритм?

– Так у вас на все случаи есть свои, так называемые, поведенческие алгоритмы?

– А как же иначе. В век технического прогресса, нужно быть начеку, и учитывать все современные тенденции, – ответила она.

– Ну что ж, – вставая с места, заговорил Наставник, – я думаю, что на первый раз – достаточно. Общее понимание мы получили, так что нам осталось составить свой собственный алгоритм, уже по поводу вас. Хотя подождите, зачем нам забивать этим голову. Вы уже проявили себя знатоком в области составления алгоритмов – так давайте, дерзайте.

Краса, привстав с места, уже было настроилась на свой уход, когда последние слова Наставника поколебали её решимость. И она, приостановившись, задала свой уточняющий вопрос:

– Я не совсем поняла условия задачи.

– А что здесь непонятного? Составьте алгоритм, в котором вводимой единицей будете вы, далее два фактора учёта: молодой и старый, ну, и в зависимости от этого, предложите набор тех имеющихся у вас качеств, которые позволят вам

пройти стоящие на пути шлагбаумы. А мы с коллегой рассмотрим ваши предложения, и на основе их сделаем своё заключение. Надеюсь, выход вы сами найдете, – окончил разговор Наставник и повернулся к ней спиной.

Что ж, последней ничего не оставалось делать, как покинуть помещение.

– Я бы посмотрел на её схему, – сказал я после того, как она вышла.

– Надеюсь, ты не о том говоришь, о чём я думаю? – спросил Наставник.

– Ну, с вами надо ухо держать востро. Ну а я всё же имею ввиду тот алгоритм, на приготовлении которого вы настояли.

– А, ты об этом... – зевая, ответил Наставник, – Ничего нового. Скукота. – Затем он достал сигарету и решил курением развеять свою скуку. – А что, говорят, ты едешь с нашей Мисс в западную столицу на торжества? – стоя у окна и, скрестив руки, неожиданно для меня спросил он.

– От вас в первый раз слышу об этом, – удивлённо ответил я, – А вам кто сказал об этом? (Действительно, кто всё-таки ему это сказал, ведь даже Мисс мне об этом не сообщила? И здесь возникают предположения: либо наверху уже заранее утвердили тех, кто поедет, что весьма вероятно, так как нужно заранее выписывать билеты, заказывать места в гостинице – на такие мероприятия готовятся основательно; либо сама Мисс разводит со мной эту канитель, потому что хочет меня развести на что-то; либо, ещё вариант – с Настав-

ником пообщался Денница, сообщив ему предстоящий расклад.) Заметив моё удивление, Наставник сам выразил тоже чувство, сказав:

– Вот как, а я думал ты знаешь. Ну, тогда не сдавай меня. А то не хочется прослыть болтуном. – И, решив сменить неудобную тему, спросил меня, – Думаю, что со следующей недели нужно будет начинать готовиться к переаттестации. Сверху начинают задавать вопросы по поводу готовности графика мероприятий.

– Что ж, если надо – проведём, – ответил я.

– Надеюсь, личных приязней ещё не завел, а то – вдруг придётся расставаться? А это куда тяжелей по сравнению с приёмом на работу. Почему я это тебе говорю – ты и сам понимаешь.

– Нет, не завёл, – коротко ответил я, не собираясь с ним изъясняться на эту тему.

– Знаешь, что я думаю... Ведь наверняка после торжеств там, в западном отделении компании, и у нас захотят как-то отметить это. Так что и нам нужно готовиться к корпоративу. А корпоратив, это я тебе скажу – большой шанс для многих проявить себя, так сказать раскрыть своё лицо.

– Представляю себе, – с иронизировал я. (Но сообщение Наставника о корпоративе заставило меня встревожиться).

– И нечего иронизировать, хотя и без этого не обойтись. Скажу тебе одно, что корпоратив часто просеивает ряды сотрудников не меньше самой аттестации. Так что в этом ме-

роприятии для нас заложено неисчислимое количество окон возможностей. Вот к примеру у тебя возникли сомнения насчёт того или иного сотрудника? И ты совсем не знаешь, как к нему подступиться? Так нечего раздумывать – организуй корпоратив, и всё будет решено.

– А самим не страшно попасть под раздачу?

– И такое бывало, как без этого, – засмеялся Наставник. – Ну ладно, – докурив сигарету, сказал он и, подойдя к двери, вызвал следующего. Затем заняв своё место, сказал мне:

– Ну, теперь продолжим открывать окна Овертона. Но зная твою позицию насчёт них, предложу тебе выйти первым.

Что ж, делать нечего, и как только вошла следующая жертва, я, выждав требуемое время, вышел из кабинета. Дальше я, не желая быть наблюдателем, предупредил Макса, что во мне нуждаются в моём офисе и с спокойной душой отправился к себе. Как же мне рассказать Лизе о моей предстоящей поездке? Она весьма вероятно, да какой там вероятно – наверняка – не слишком сильно обрадуется этому. – Рассуждал я про себя по дороге в офис, пока не наткнулся на объект моих дум.

– О чём задумались, молодой человек? – внезапно из ниоткуда проявился Лизин голос.

Я было слегка растерялся, и хотел даже сразу обрушить на неё – тот камень сомнений, которым я так тяготился, но он оказался слишком тяжелым. И я, не располагая требуе-

мыми силами, не смог его перевалить через гортанный перевал, разделяющий внешнюю зримую слышимость от внутренней незримой содержательности. Моя раскалённая лава ещё не раскалилась до той степени, чтобы излить поток слов на собеседника, правда, отдельные вспышки всё же достигали ушей собеседника.

– Вы меня пугаете своим неожиданным появлением, – только и решился ответить я.

– Вот как? Вам, значит, ровность отношений подавай. Вы уже не желаете видеть и слышать никаких встрясок, – заявила Лиза. – Когда узнаешь, посмотрим, что ты на это скажешь!

«Любительница встрясок», – пробурчал я про себя, но для неё был заготовлен совсем другой ответ.

– Да, я за спокойность в отношениях.

– Тогда знай, от меня этого не дождёшься! – топнув ногой, Лиза повернулась и скрылась за поворотом, но потом, выглянув из-за него, махнула мне рукой и со словами: «Я скоро. Никуда не теряйся», – скрылась из виду.

– Да-да. Не дождёшься, – не изменяя себе, пробурчал поднос я.

– Но стоп, как это понимать – никуда не теряйся? И где мне её получается ждать? – Уже наружу вырвалось возмущение. «Нет, пойду к себе в офис, если что, не потеряется», – подумал я и двинулся дальше. По дороге я ещё раз обдумал: сообщать ли сейчас Лизе новость о моей поездке, или лучше её отложить на потом.

«Ну кого ты вздумал обмануть, говоря, что решил обдурить. Нам ли не знать, что ты давно уже решил, отложить на потом», – проснулась моя Критичность.

«Я не понимаю вашего тона, коллега», – вступился недремлющий Адвокат.

«А чего вы хотите, когда так нагло вводите себя в заблуждение», – вторит Критичность. « Попрошу по существу вопроса», – не унимается защита.

«А то, что когда употребляется сладкое слово «потом» (а оно, несомненно, было употреблено), то как говорит многочисленная практика, не имеющая других прецедентов – оно перевешивает все возможные доводы стороны, требующие немедленного решения», – выдала свой вердикт Критичность. «Но подождите, может нынешний случай и вправду требует отлагательств? Давайте не будем спешить и более внимательно рассмотрим все за и против», – ловко играет защита. «Куда ж мне деваться. Давайте», – хмурится оппонент. «Ну, во-первых, ещё не было озвучено предложение самой мисс-Любовь», – начала было защита. «Но...», – хотела было вмешаться Критичность, на что получила достойный окрик: «Прошу не перебивать...».

–Так вот. Ещё не всё точно известно, так что не будем торопить события. А то получается – Деннице мы безоговорочно верим? Раз он сказал, что это должно непременно случиться – значит и случится? Нет уж, он не имеет право на такую веру, за которую он готов на всё. Я вижу опять недоволь-

ные гримасы. Да, скажу: Год немногословен, и поэтому все и пытаются предугадать его неисповедимость, оттого нужна вера, чтобы понять эти его пути, а слова – это уже есть действия по очертанию этих путей. Денница же в своих делах полагается лишь на намерения, что в результате даёт ему обширное поле деятельности для собственной интерпретации благости намерений.

Так что пока мисс-Любовь мне не сказала прямо, я разве что-то могу сказать? Но и сейчас я к ней не пойду визнавать правду, ведь если она подтвердит информацию, то зная, что об этом думает Лиза – мне предстоит довольно жаркий бой с ней. А сообщив Лизе, как можно позже, я, сыграв удивление, не дам ей времени опомниться, потому, как надо уже будет ехать и, пожалуй, всё пройдёт гладко. И ведь отказаться я тоже не могу. – Рассудил я.

«Но почему же?», – не удержалась Критичность. «Не знаю. Но... Не могу», – в сердцах заявил Адвокат. «Ну вы, потише, не у вас одного сердце болит, если вы не забыли – оно у нас общее», – констатировала факт Критичность. «Благодарю, вы меня успокоили», – заявил Адвокат. «А вы – меня», – ответила Критичность.

Прислушавшись к доводам рассудка, я решил всё оставить как есть и, добравшись до себя, слился со своей мебелью. Дальнейший рабочий день прошёл без каких-либо осложнений. Ай, чуть не забыл сказать: Лиза, придя в офис, незамедлительно навестила меня, и на мой вопрос: «И где же

надо было тебя ждать?», – только недоумённо пожала плечами, говоря: «Ты это о чём?». Вот ведь какая она, а вдруг бы я решил, что её надо подождать на том месте, где мы с ней встретились? Так я бы до сих пор там и стоял, как одинокий пастух и, пожалуй, даже потом услышал бы в свой адрес упрёк: «Где тебя, чёрт возьми, столько времени носило!?».

– Так что же мы сегодня будем делать? – проведя по моей щеке пальцем руки, загадочно спросила перед уходом Лиза.

– В спортзал! – без всяких обиняков прямо сказал я. Конечно, это не то место, куда зовут девушку, и я хотел предложить ей стандартную программу: кино или кафе с вечерним гулянием, но сегодня в коридоре мне встретился Петерс, и он отчего-то завёл разговор о том, что они сегодня с Лизой собираются в тренажерный зал, и в моей голове, видимо, и засело это, и я, не знаю почему, выпалил слово – «спортзал».

– Оригинально, – удивлённо ответила Лиза. – Вам, видимо, оказалось мало осязательных ощущений, и вы решили к ним прибавить визуальные эффекты.

– Да просто... – Попытался вставить свою версию я, но не обладая достаточными способностями, был вынужден уступить напору Лизы. (Тренинг никогда не будет лишним, так что слово – «спортзал», на подсознательном уровне могло означать – слабак ты, парень, и не пора бы тебе начать тренироваться).

– А ну-ка, говори, – приперев меня к стенке, насколько смогла низко сказала Лиза. – Хочешь визуальных эффектов?

– Да, хочу, – побеждёно ответил я.

– Ну ладно, будет тебе, – отойдя от меня, как ни в чём не бывало ответила Лиза. – Ну, а потом куда пойдём?

– Может, в кино? – предложил я.

– А тебе разве ещё что-нибудь захочется смотреть после спортзала? – в ответ весело ответила Лиза.

– И то верно. Давай там, на месте и решим, к чему мы будем готовы, – заключил я.

– Хорошо, созвонимся, – подходя к двери, сказала Лиза.

– Ну, теперь будет хоть кому кружку воды поднести в зале. – Сказал я уже выходящей Лизе. Лиза же, повернувшись ко мне, ответила:

– Смотрите, чтобы это была не кружка Эсмарха, – и закрыла за собой дверь.

– Петерс бы согласился, – вдогонку крикнул я, но уже было поздно, и я, сев в кресло, подумал: «А ведь что-то про него и забыл у неё спросить. Ну, да ладно».

Это «ладно» в виде Петерса, идущего под ручку с Лизой навстречу мне, стоящего у входа в фитнес-зал, с удовольствием напомнило мне о своём существовании.

– А вы всё-таки решили заняться собой, – подходя ко мне, начал разговор Петерс.

– Да вот, решил, – хмуро ответил я, недовольно поглядывая на Лизу.

– И смотрите, как всё удачно совпало, и мы как раз подошли. Так что вам одному скучно не будет. – Продолжил

Петерс.

А как не могло совпасть, если мы с Лизой созвонились, и она, введя меня в курс того, что необходимо взять с собой для занятий: «Только не как в прошлый раз», – условилась ровно в шесть встретиться со мной у находившегося поблизости фитнес-клуба. Правда при этом, она мне ничего не сказала по поводу того, что с ней припрётся Петерс. Наверное, это был такой сюрприз для меня. Чтобы я сильно не расслаблялся на занятиях. Конечно, она потом оправдывалась тем, что, мол, они с Петерсом уже сколько времени вместе посещают фитнес-центр, и когда он позвонил, чтобы позвать её – она не нашлась, что ему ответить и согласилась. Тем более, они и так собирались сюда, и если бы она отказалась, а он нас там застал – она бы потом не знала, как перед ним оправдаться. Хм, не нашла, что ему сказать! На меня-то уж точно бы тысячу слов обрушила за пять секунд.

– Надеюсь, – криво ухмыльнулся я. И мы, объединившись, направили наши стопы в этот очаг здорового образа жизни. Лиза же, незаметно от Петерса, с помощью жестов рук, попыталась высказать мне, что, мол, извини, так вышло, но я своим окаменевшим лицом выказал ей своё непонимание. Подойдя к стойке администрации, мы, получив свои номерки, попытались разделиться на два гендерных потока, но Лиза, сообщив Петерсу, что у неё есть ко мне задание, отправила его вперёд, в раздевалку.

– Ну, – хмуро сказал я ей, когда мы, отойдя от стойки,

остались одни. На что она привела уже вышесказанные доводы, сопроводив их очень хорошо поставленными всхлипываниями и добавочными междометиями – «ах», и «ох». Но я был внешне непреклонен и только хмуро кивая, отвечал ей: «Да неужели? Угу, конечно же». Хотя в душе меня это даже слегка забавляло. Лиза видя, что её слова меня не принимают, хватает меня за то место, которым (она считает) я в данный момент думаю и со словами: «Всё, хватит дуться!», – выводит меня из себя, отправляя вслед за Петерсом.

Спустившись в раздевалку, я обнаруживаю там уже переодевшегося Петерса, ведущего беседу с каким-то парнем. Проявляя взаимное невнимание к нему, я начинаю переодеваться, когда как Петерс продолжает болтать с незнакомцем.

– А я тебе, что говорил! – Твердил Петерс парню. – Не думают, а потом просят помощи. Запомни, есть правило трех букв «Ф»: машины, начинающиеся с этой буквы, трудно продаются. Первые – это Фиаты, вторые – французские и третьи – «Форды».

Парень, хмуро слушавший Петерса, при упоминании последних, спросил:

– А Форды-то почему?

– Выйди на улицу и посмотри, вокруг одни «Форды», – с каким-то торжеством ответил Петерс.

Парню же только и оставалось, что вспомнить первую букву алфавита, что он и продемонстрировал, гортанно ответив:

– А... Ну ты, всё. Тогда, давай, пошли.

Поторопив товарища, Петерс вместе с ним скрылся за дверями раздевалки. А я ведь даже не задумывался, что мои сослуживцы помимо работы могут иметь какие-то свои увлечения и заботы. Вон Петерс, видимо, в определённых кругах слышит знатоком машин. Да и у любого другого, наверняка, есть свои личные, не связанные с профессиональной деятельностью интересы. Вот только я с этим пока что ещё не определился. Хотя... Лиза – чем не увлечение, требующее от меня предметного изучения, к чему я прямо сейчас и приступлю. И я, полный решимости рассмотреть со всех сторон предмет моего увлечения, твёрдым шагом направился в спортивный зал.

– А вы ничего, – встретил меня голос Лизы.

Она оказалась весьма скорая на переодевание и, ожидая меня, уже находилась в зале для занятий. Я со своей стороны не собирался ей спускать это «ничего», и со своей стороны веско ей заметил, что она – тоже ничего. Затем приблизился к ней вплотную и, демонстративно обнюхав её, задал свой провокационный вопрос:

– Я что-то не пойму... А что за аромат идёт от вас?

– А что, вам разве не нравится? – вопросом на вопрос отвечает она.

– Да я всего лишь опасаясь за окружающих, ведь исходящий от вас аромат, может запросто вскружить окружающим голову. А ведь люди здесь все активно дышащие – а вы тем самым вводите их в заблуждение, что чревато различными

последствиями.

Лиза же ещё шире улыбнулась и, сказав: «Я же не жалуясь на исходящий от вас тестостерон. Так что хватит откладывать неизбежное. Пойдём на дорожку, нечего мне тут морочить голову», – увлекла меня туда, где стояли эти молчаливые свидетели твоей беготни, так заботливо крутящиеся под твоими ногами барабаны, которые, в свою очередь, приводили в движение дорожку, и ты, мчась по ней, стремился к своей мечте стать подтянутым и здоровым, ну или хотя бы убежать от ССЗ.

– Так, что тут здесь, – забравшись на одну из них, пытался разобраться я.

– А ты что, разве в первый раз тут? – спросила меня Лиза.

– Да я просто предпочитаю всё натуральное, вот и не было времени ознакомиться с техникой, – без заминки ответил я. «Когда же ты это бегал?», – не удержалась моя поборница правды – Критичность. «Я бы тебе ответил, но Лиза уже включила дорожку, и я не успеваю делать два дела за раз, так что – отстань!», – вступился Адвокат. Но пока ещё скорость не набралась, крикнул напоследок: «А говоря про натуральное, я имел в виду, не обязательно бег-г-г», – но увеличившая скорость дорожка, унесла эти последние слова вглубь организма.

– Не слишком быстро? – поинтересовалась Лиза у меня, настраивая дорожку.

– Да нет, в самый раз, – улыбаясь, заверил я её, но внут-

ри себя стиснув зубы, проскрипел: «Вот разбежался, можно было бы и потише».

Лиза же, заняв соседнюю дорожку, присоединилась к моей беговой работе. Несмотря на фоновую музыку, звучащую в зале, она почему-то принесла с собой своё музыкальное сопровождение и, надев наушники, отвлекшись от окружающего, приступила к бегу. Но сейчас для меня это даже было кстати – я мог спокойно, без лишних ушей понаблюдать за окружающими. А на что посмотреть – здесь уж точно было! «Вот оно как... А Лиза, значит, уже всё, не в счёт», – приноровившись к бегу, вновь вставила своё слово Критичность. «Это всего лишь аналитические заметки, ведь должен же он иметь представление об этом досуговом месте, занимающим немалое место в жизни человека. Да и к тому же имеющее немаловажное значение для его здоровья», – вмешался Адвокат. «Ну-ну...», – ядовито ответила Критичность. «А нечего так реагировать. Ведь необходимо же оглядеться в незнакомом месте, выяснить правильный местный подход к штанге и тренажерам. Рассмотреть внутренние правила этикета и приличий», – отчитал Критичность Адвокат. «Вот и нечего пялиться на ту, делающую приседания, даму в полу бикини», – не сдавалась Критичность. «А какая разница, кто приседает, если мне надо выяснить технику приседания», – пытался контр аргументировать Адвокат.

– Але, – вдруг я услышал голос Лизы, который и стал тем решающим фактором, приведшим меня к падению с дорож-

ки.

Вызванная им (голосом Лизы) неожиданность, расстроила слаженность работы моего организма, в результате чего мой мозг потерял контроль за движением моих ног, которые заплутали и, вследствие чего, сбившись в кучу, послали весь мой организм по направлению движения дорожки, то есть – вон с неё. Если мои ноги и нижняя часть тела оказались вне бегового тренажера, то моё лицо было вынуждено познать радость близости с той частью дорожки, где ещё недавно ступала нога человека. И только быстрая реакция моих рук, сумевших взять инициативу на себя, а именно: упереться об боковины дорожки – не привела к более плачевным результатам. Но всё же я не сразу упал, а сумел ей жестко ответить: «А-а-а». Немного справившись с напастью, я с побитым видом приподнялся с места моего падения. Лиза же к тому времени соскочила с тренажера и, подбежав ко мне, пыталась мне помочь.

– Я ведь просто тебя решила окликнуть, и даже не могла представить, что такое может произойти, – оправдывалась она.

Но я, делая вид, что ничего страшного не произошло, после её слов: «Вот видишь, уже первому вскружила голову, и он пал к моим ногам», – решился продолжить, только уже на другом, более устойчиво-предсказуемом тренажере. Лиза же, поначалу суетившаяся вокруг меня, после моих заверений, что всё в порядке, успокоилась и предложила мне более

спокойный предмет – штангу.

– Штанга, так штанга, – с вызовом этой штанге ответил я.

– А чего ты зазевался-то? – спросила меня Лиза.

– Да так... Ладно, меня штанга ждёт, – ушёл я от ответа.

Увидев этот новый для себя предмет, я, честно сказать, не знал – с какой стороны к нему подойти. Штанга находилась на стойке для жима и предназначалась для поднятия этим способом. Я с серьезным видом подошёл к ней, взялся руками за гриф, а сам, тем временем, краем глаза наблюдал, что делают в подобном случае другие железо-толкатели. И надо заметить, здесь тоже были свои религиозные деятели, построившие свою религию на культе тела. Их нельзя было не заметить, а разойтись в узком коридоре – и вовсе было затруднительно.

Широкие плечи, закатанные в рукава «банки», мощный стан и кубики на прессе, говорящие о фундаментализме их носителя, а также ко всему этому взгляд, говорящий сам за себя, не поставят тебя в тупик его понимания, но а если всё же поставят – то ты вскоре несомненно поймёшь, что это за фанатик перед тобой. Попробуй поспорить с ним, и не сомневайся – он даст тебе свою проповедь. Их религиозный обряд включает в себя много подходящие ступени работы с различными отдельными тренажерами, и это всё – для достижения нужного роста их самосознания, при виде роста их массы тела. Добившись массы тела, они уже принимаются за отточку своего учения, вырабатывая рельефность тела. Это

дело нелёгкое, им приходится прибегать к различным методам самоограничения, в том числе и к сушке, что требует от них огромной силы воли, которая, благодаря их верованию, помогает им в своём нелёгком деле.

Я же, изучив краткий курс жима штанги, накинул на гриф пару блинов. Пока Лиза находилась там, в другом конце зала – я не собирался из себя корчить атлета. И вот я на скамейке, протянул кверху руки, чтобы удобнее взять гриф для жима штанги. Я срываю штангу с поддерживающих устройств и... Боже мой: «Сколько же она весит, мама!», – стонет мой внутренний голос. И перед моими глазами – уже не гриф штанги, а мне видится, что злой грифон уставился прямо на меня и ждёт, когда мои глаза окончательно выскользнут из орбит, за которые они уже слегка вылезли. Я не отпускаю штангу, а держу руки прямо, думая, что если я их опущу, то тогда уж точно никогда не смогу их поднять. Но весовая статичность штанги требует от меня динамики, и у меня есть только два выхода: первый – провальный, и второй – рискованный, сопряжённый с опасностями.

Что ж, раздумывать времени нет, с каждой секундой тяжесть штанги увеличивается, мои же силы только уменьшаются, таковы вероятностные законы физики, привязанные к человеческому фактору. И вот я рву штангу, и она, делая 5-ти градусный угол, присаживается на то место, где до этого находилась. Я же со вздохом облегчения присаживаюсь на скамью, оглядываюсь по сторонам и, видя, что мой по-

двиг остался без внимания, вальяжно встаю с места и, подходя к штанге, чтобы освободить её от блинов, со словами: «Ничего, в следующий раз», – убираюсь прочь, подальше от неё. Вернув блины назад, я решаю подойти к Лизе, но мой путь к ней лежит сквозь ровный строй усердно занимающихся спортсменок. А я же не имею права оставить без внимания окружающее – кто знает, где эти знания могут мне пригодиться (особенно на счёт этой дамы, в розовом комбинезоне, так грациозно тянущей к себе штангу).

– А вы не заблудились? – вновь неожиданно для себя, слышу я голос Лизы.

Так как анализ правильности работы со штангой той девушки в розовом, требовал от меня тщательного наблюдения за ней, то я, следуя прямым курсом, в тоже время слегка менял угол поворота моей головы в сторону объекта моего исследования. И видимо я слишком далеко зашёл в своих научных изысканиях, когда, не заметив Лизу, прошёл мимо неё.

– Да так и шею можно свернуть, – добавила она, когда я остановился.

– Разминаю шею после падения, – попытался оправдаться я, взявшись за неё рукой.

– Да-да, конечно, – поверила уж Лиза.

– Знаешь, что-то мне кажется, что сегодня не мой день. Я, пожалуй, всё, – высказал я своё намерение закончить тренировку.

– А я вот, ещё только разогреваюсь, – ответила Лиза.

– И что делать? – спросил я.

– Ладно, иди и жди меня в холле в кафе, и смотри там...

Шею не разминай. – Сказала Лиза.

– Не беспокойся, – сказав, я двинулся к выходу.

– Конечно, – не преминула ответить Лиза, считавшая, что последнее слово всегда должно оставаться за ней.

Я же приняв душ, и переодевшись, уже минут через десять сидел в местном кафе при фитнес-центре, ассортимент которого был представлен в соответствии со спецификой тех сеней, под которым оно находилось. Так что мне особо выбирать было не из чего, и я, дабы своим пустым сидением не отвлекать бармена, заказал для себя молочный коктейль. Вот так посиживая и изредка втягивая через трубочку в себя коктейль, я провёл время, ожидая Лизу. Но вот она, раскрасневшаяся, выходит и бухается рядом со мной. Затем осматривается и говорит:

– Возьми у бармена ещё трубочку.

– Зачем, – спрашиваю я.

– Как зачем? Буду пить с тобой коктейль, – выдыхает она.

– Так может тебе заказать другой? – предлагаю я.

– Вот ещё! По этикету, влюбленным положено пить из одного стакана. Так что иди и не нарушай традиции, – строго сказала Лиза.

Когда же я принёс трубочку и протянул ей, то она, не сводя с меня глаз, взяла её и, продолжая смотреть на меня, опу-

стила трубочку в коктейль и принялась его пить. А что же я? А я последовал её примеру и, не в свою очередь, не сводя с неё глаз, сел и тоже принялся пить коктейль. Так мы сидели и, не сводя взгляда друг с друга, пили коктейль. Когда же он закончился, Лиза привстала и, наклоняясь в мою сторону, упёрлась своим лбом об мой, и только лишь наш обоюдный смех завершил этот сеанс вглядывания друг в друга исподлобья. Просмеявшись, Лиза спросила:

– Ну что, чем займёмся?

– Может, в кино ходим? – предложил я.

– В кино, – как-то без энтузиазма сказала Лиза, – А что идёт.

– Ну, вроде «седьмой агент», – ответил я.

– Да ну его, этого маразматика, – надула губки Лиза.

– А почему маразматика? – удивился я.

– Так он весь фильм забывает своё имя. Помнишь, как там, в фильме, когда какая-нибудь сцена, где он представляется: Я мол, Бонд, а дальше что? А дальше он как бы делает интригующую паузу и уже после неё, с многозначительным лицом представляется, – Джеймс Бонд. А чего столь значительного в его имени – мне неясно. Так что, скорее всего, эту паузу следует трактовать следующим образом: либо неуважающему старичку столько раз надавали по голове (а судя по тому, что желающих это проделать с ним было немало, то это не исключено), что у него слегка повредилась функция, отвечающая за память. И он для того чтобы не потерять себя

в этом мире, запомнил эту фразу или же запомнил свою фамилию, а уже затем, перебирая в уме всю свою семью, наталкивался на себя. А у него ведь кинематографическая память и он, дабы подчеркнуть своё особое положение в семье, мол я один выбился в люди, а другие (Роджер, Дениэль, Пирс или какой-нибудь Шон), всего лишь жалкие актеришки, так что любите и цените меня, вот такой я, и выдавал вслух такую именную сентенцию.

Другой же вариант предполагает, что беспутная жизнь и алкогольная зависимость агента, вызвала в нём предсказуемые поведенческие изменения, включающие в себя в том числе и провалы памяти. Ведь он даже и свой «Бонд» выговаривал не сразу, а только перекручивая в уме имена: «Мартини», «Водка», а может «Джек Дениелс»... Стоп, точно Джеймс – находил подходящее и с глубокомысленной высокопарностью выдавал на-гора своё имя. Но я его не виню, дедушка старенький, дама старая, как её там... Мени-Пени. Мне в этом видится некое указание на Ми-5, что она всегда на месте и ждёт агента. С другой стороны – это имя, как вертолет со своими ветренными характеристиками. Но сейчас речь не о ней (если ты захочешь – я тебе потом всё расскажу о ветренности, ведь я родилась под знаком воздуха и всё об этом знаю). Так вот, она, эта МИ-5, пилит его с утра до ночи, этого старого гуляку, и поэтому ему не сидится дома, и Бонду приходится нести на себе всю тяжесть работы в разведке. Ведь Бонд – это тот фундамент, столп, на котором держится

вся разведка Англии. Где Бонд выступает своего рода рекламой для желающих служить в разведке. Женщины, деньги, распутная жизнь... Разве не привлекателен такой образ жизни агента. Но реклама одно, а реальность как всегда далека от представлений о ней, и в ней то, что после Бонда всегда следует пауза.

– Я так понимаю, что кино отменяется.

– Угу, – кивнула Лиза.

– Ну, тогда просто погуляем.

– Давай! Вот только организм требует углеводов после занятий спортом.

– Не проблема, по дороге забежим куда-нибудь, где они водятся, эти углеводы. – Сказал я.

Лиза было хотела ответить, но заметив выходящую группу людей, в которой также находился и Петерс, отвлеклась на неё. Петерс, заметив нас, всё же догадался и не стал подходить к нам, а просто помахал рукой. Лиза же со своей стороны ответила ему улыбкой.

– Видишь, какой он тактичный. Увидел, что нам не нужен третий и удалился, – с улыбкой сказала Лиза.

– Ну, спасибо ему за это, – выразил своё отношение я.

– Что тебе не нравится?

– Да перестань. Мне нет до него дела. Впрочем, знаешь, мне тут мысль такая пришла. Я бы им предложил не шифроваться, а цифроваться. Цифра ведь крепче слова, они, цифры, и были придуманы для того, чтобы сцементировать со-

зданные словами предложения, несущие в себе какую-нибудь мысль. Ведь визуализация через графические изображения, гораздо доходчивей человеку, чем слух. Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать – не зря ведь придумали поговорку, которую, к слову сказать, не раз нужно повторить для некоторых.

– Что-то ты так мудрёно говоришь, что я ничего не поняла. Лучше, давай картинки. – Сказала поморщившись Лиза.

– Вот такой я есть.

– Зануда.

– Может быть и так, но давай я всё же продолжу. Ведь зануда всегда уверен, что он интересен и понятен для окружающих.

– Ну, давай, – вздохнула Лиза.

– Хочешь картинки, тогда получай. С чего начали современные адепты гендерной свободы? Можешь не отвечать. Это была риторика. Так вот, они начали с табличек в уборных, а именно: добавили к двум основным третью, обозначающую так называемый третий пол. А что собой представляют эти самые таблички? А всего лишь графическое изображение в виде соответствующих определённому полу треугольников, или ещё каких-нибудь фигур. Так вот, раз им так хочется обмануть себя и, в особенности, окружающих, то им надо вместо этих графических изображений ввести в обиход цифру, которая будет служить им для обозначения пола. Насчёт же цифр, которые будут обозначать пол – тоже

гадать не надо, еще в «Камасутре» дано наглядное обозначение полов через эту самую цифру. И даже непосвященные в курсе значения числа 69. Так что постепенно внедряя в обиход цифры «6» – как определения женского пола, и «9» – как мужского, можно для начала добиться стойкого ассоциирования с ними определенного пола, а уже затем добиться признания и третьего – «69» пола. К тому же эти две цифры «69», графически представляют собой запятую, которая несёт в себе значение неокончательного ответа, но имеющего продолжения: мол, ещё рано здесь ставить точку в таком раскладе вещей. А то, что тобой двигало: то ли внутренняя убежденность, то ли мода – это уже не важно, ведь человек перестроился и теперь создаёт свою духовность из своих физических пристрастий. И теперь всякий недовольный собой, может понять, что изменив себя, он сможет решить все свои наболевшие проблемы. Ведь как удобно – взял, перевернул цифру, и ты уже другой человек. И даже не перевертыш, а как говорят терпимые люди, а решительный человек, носящий гордое имя – «транс». И что теперь? А теперь всё пришло в гармонию через символ инь-яня, «69». Так, наверное.

– Знаешь, что я подумала? – серьёзным голосом, спросила меня Лиза.

– И что?

– А пойду-ка я в одно место, пока там не прислушались к тебе и не поменяли таблички, – сказав это, Лиза оставила меня одного.

Правда не успел я и пару раз переступить с ноги на ногу, как её звонкий голос сообщил мне, что она готова, и мы вышли на свежий воздух.

– Ну, что будем делать? – повторилась Лиза.

– Ну, я даже не знаю, может сама что-нибудь предложишь?

– Что-то вы совсем стали безынициативными, так и спешите отдать нам в руки все бразды правления. – Сказала Лиза.

– Может потому, что нам в отличие от вас – не надо спешить. Вас же торопит (при всей казалась относительной длительности) скоротечность женского века, вот и приходится вам первыми принимать решения и, зачастую, именно спешка и мешает вам совершать поступки более обдуманно.

– Ах, вон оно как! А я думала, что всему виной ваша медлительность, а как оказывается – это мы спешим!

– Конечно, ведь вся проблема в разнице предоставляемого времени женской и мужской частям человечества. И надо констатировать факт того, что женщинам отмерили времени ничтожно мало по сравнению с нами.

– И благодаря чему и кому мы так обделены вами? – прищурившись, спросила Лиза.

– Ну почему сразу же нами. Объективная реальность. Но, впрочем, у меня есть на этот счёт две версии такого «несправедливого» положения вещей. – Сказал я.

– Ну, слушаю.

– Так вот, первая – эволюционная. Во всём виновата близость женщины к природе, для которой изменчивость есть одно из защитных свойств, позволяющих более успешно конкурировать с другими представителями живого мира. А женская красота – это всего лишь внешний природный атрибут, с помощью которого женская половина и привлекает мужчин, дабы продолжить начатое творцом. И вот решив на данном этапе вопрос выживаемости рода, природа на этом теряет свой интерес к ней, и ищет новые формы для привлечения уже последующих потенциальных продолжателей рода.

– Ого как. Давай лучше говори вторую версию, а то первая меня не слишком привлекает своей натуральностью.

– Ну и вторая – мифическая. Когда в результате никем неизведанных причин, бог разделил «Андрогина» на мужчину и женщину, и не все остались довольны итогом этих его действий. Мужчина счёл, что в результате деления он был обойдён своей второй половиной, и поэтому остался недоволен этим решением творца. Женщина же со своей стороны посчитала, что она довольно успешно вышла из этой передряги (так она называла свою бывшую обитель). Недовольный результатом этого раздела, мужчина попросил творца изменить их. И творец хоть и не сразу, но всё же внял этим просьбам (Почему? Ответ один: из мужской солидарности), и сказав: «Ты сам всё сможешь изменить», – добавил ему в организм одно физическое свойство, способствующее уско-

рению обмена веществ, которое и позволяет ему в большей степени, чем женщине, придавать новые формы своему организму. Вот почему мужчина быстрее добивается результатов, приходя в спортзал.

– Ах, вон оно как, – заявила Лиза, – Ну а женщины что?

– А что они. Они довольные, так и закаменели в своей сущности. А в чём это проявляется? А в том, что раз добившись чего-то, они останавливаются на достигнутом, и в результате – застаиваются, что и приводит к плачевным старческим последствиям. И что главное – ты не сможешь на это как-то повлиять, это природное клятие так и тяготеет над вашим родом.

– Значит так! И эта твоя мифическая версия мне тоже не нравится. Правда, у меня есть к ней дополнения, которые, как я понимаю, ты утаил.

– И что же я утаил? – спросил я.

– А то, что в закрытой системе есть правило: чтобы где-то прибавить, для этого нужно где-то убавить. Значит бог, если и добавил что-то мужчине (в нашем случае повысил обмен веществ), значит, он это сделал за счёт женщин, снизив его у нас. Верно я говорю?

– А я почему-то и не удивлён ходу твоей мысли. – Сказал я.

– Так я верно говорю или нет?

– Да, это так. Но по другой версии – вы вообще, «по ребро» нам обязаны, – заявил я.

– Это была навязанная нам дарственная, – выразила своё несогласие Лиза.

– Даренному коню в зубы не смотрят, – парировал я.

– Вот вы и норовите нас оседлать и пришпорить, – не отступала Лиза.

– Ну, конечно. По-вашему выходит, что создание туфель на каблуке, преследовало тайную цель. Ведь следуя этой вашей логике – мы с помощью этого подарка заставили женщин ходить на полусогнутых ногах перед мужчиной, – в свою очередь не сдавался я.

– Ах ты, – накинулась на меня Лиза. И я, решив, что дальше будет лучше принять удары судьбы, склонил перед Лизой голову. Она же, потрепав этого несносного мальчишку, взъерошив его голову, посмотрела на меня со всей строгостью и довольная, сказав мне: «Вот мы и пришли», – повела меня за руку в находящееся на нашем пути кафе.

Это было одно из многих небольших кафешек, которые так и бросаются нам в глаза, благодаря своим звучным названиям, которые, к слову сказать, не имеют никакого, даже приблизительного отношения к роду деятельности заведений общепита. Но хозяина заведения это не волнует, он просто нанял оформителей и заказал: «Что-то такое хочу, чтобы увидели и сразу – вах». А что это такое – «вах», ты уж сам догоняй. И вот на нас со всех сторон давят эти плоды интеллектуального труда современных деятелей искусства. И я не могу их осуждать, ведь попробуй найти такую трактовку

этого «вах», чтобы и хозяин ахнул, и прохожие не офонарели.

Что касается самого кафе, то я сегодня себя чувствовал уже не тем сосунком, который впервые зашёл в подобное заведение, чтобы заказать что-нибудь поесть. Сейчас, перед всеми предстал уже опытный едок, прошедший не один горячий обед и холодный ужин, а также – завтрак на скорую руку. Теперь я уже почувствовал весь вкус еды, и меня уже не разведёшь какой-нибудь манкой, нет – мне подавай бефстроганов и котлету по-киевски. А когда-то я с робким удивлением рассматривал строчки меню, не зная, что же мне заказать... Где же тот я, мне уже неизвестно, часы и дни проели мою память. Сегодня мне уже не страшно здесь, ведь я пришёл не один, и если что, то каждый из нас, по очереди сможет присмотреть друг за другом (и за сохранностью нашего обеда).

А ведь когда-то я искал себе напарника для этого священного действия. И ведь прошло-то всего ничего, и вот у меня есть свой надёжный напарник, с кем я могу разделить обед и, возможно, даже ужин, так думал мой внезапно оголодавший мозг, оглядываясь вокруг себя. «Хорош ребячиться», – сказал мой Адвокат, и я, вновь став серьёзным, принялся вслед за Лизой изучать меню. Но давайте не будем мешать нашим изголодавшимся героям, ведь священное действие приёма пищи, требует к себе весьма серьёзного отношения. К тому же мы своим заглядыванием им в рот, только можем усугубить

пищеварительный процесс и, не дай бог, кто-нибудь из них подавится от нашего внимания к ним.

«Но влюбленные не имеют аппетита!», – скажет кто-то слишком умный. «Ага, щас. Попробуй, побегай с моё», – отвечаю я и перелистну страницу. Правда, я вместе со страницей перелистнул и последующие события вечера, которые, в сущности, свелись только к одному – к нашему выяснению отношений. И как оказалось, чтобы показать свою умность и силу, я должен был бы первым уступить в споре. Но когда я так и сделал, то оказалось, что это правило не распространяется на тему силы любви, и что я должен был до конца настаивать в том, что моя любовь к ней сильнее. Не знаю, чем бы этот спор закончился, если бы мне не пришли на помощь мои знания по оказанию первой помощи утопающему, захлебывающемуся в этом потоке обилия слов, а именно: приём «рот в рот». Сумев сначала сбить неправильную постановку дыхания, уже после пятиминутной размеренной работы лицевых мышц, я привёл в чувство обоих партнеров, и выровнял ровность их отношений. Ну а дыхание... А что, дыхание? Оно уж потом выровнялось и приняло свою равномерность. Но и нам пора, и мы с вами возьмём и равномерно перейдём своим семидневным мерным шагом на неделю вперёд.

«Но почему так резко меняются интервалы повествования», – задастся вопросом нетерпеливый читатель. Неужели в этом есть какая-то необходимость? «Есть!», – встанет на

мою защиту лежащий поодаль от меня недельной носимости камень. «А ты попробуй поносить меня, и тогда уж скажешь...».

* * *

Что сказать... Вся последующая неделя перед моим отъездом, что подтвердилось прямым источником владеющим информацией, прошла в тягостном ожидании не самого отъезда, а того момента, когда мне надо было рассказать Лизе о моём участии в этой поездке.

Так на следующий день после разговора с Лизой, будучи на работе, я прямиком зашёл к Мисс, где и сообщил ей о том, что знаю о решении отправить меня вместе с ней. На что она с оговорками ответила мне: «Да вот, мне только что сообщили, и я не успела тебя ещё ввести в курс дела». Ну, конечно, я верю ей и соглашаюсь, что наша бухгалтерия такая нерасторопная. Ну-ну... По уходу же я прошу её пока что об этом никому не сообщать. На что она заинтригованно спрашивает: «А что такое?». Я же довожу до её сведения, что мне, как новенькому, не хотелось бы, чтобы сейчас поползли ненужные разговоры, а уж после поездки, эта новость наверняка потеряет свою актуальность.

«Что ж...», – соглашается со мною Мисс, и я, получив наконец-то нужную информацию, выхожу из её кабинета. Но как только я вижу Лизу, то во мне всё падает. Видимо, включается в работу кран, подвешивающий на мою душу свой

персональный камень, который для поддержания своего равновесия использует сложную лебедочную систему, состоящую из множества нервных тросов, которые, в свою очередь, проходя через центральную нервную систему, укреплялись на моём плечевом хребте. Плечи же, получив дополнительную нагрузку на себя, слегка приспустились, а руки, для сохранения баланса, повисли вдоль тела. А ведь ещё недавно этот каменище был всего лишь комком в горле, и если бы я набрался решимости – он бы просто взял и растворился во вне. Но нет – я выбрал другой путь, и комок, провалившись внутрь, стал тяжелеть и каменеть, пока и не превратился в камень.

И вот в таком виде я и предстаю перед Лизой, и она, ничего не подозревающая, просто спрашивает меня: «Что, опять ничего новенького?». «Да, всё по-старому», – не моргнув глазом вру я, и чувствую, как камешек существенно прибавил весу. Но я себя уже убедил, что это только временные трудности, и как только представится удобный случай – я сразу же всё ей расскажу.

«Случай, говоришь, а разве ты не знаешь, что он не представляется, и тем более – по твоему желанию. Нет, он действует наобум», – влезла Критичность. «Ну, тогда будем надеяться на случайность», – возразил Адвокат. «Ага», – только покачав головой, ответила Критичность. И вы, как понимаете, удобного случая всё как-то не выходило. И чем дальше затягивалась недоговорённость с моей стороны – тем

сложнее мне было рассказать ей. Да ещё и Лиза подливала масла в огонь...

Так в один из вечеров, слившись с природой, я, сидя с Лизой в парке, как-то за между прочим, спросил её про те неизвестные мне семейные обстоятельства, из-за которых её не было на работе в первое моё появление на ней. Неожиданно для меня Лиза расстроилась и, узнав о моей информированности по поводу того трагического случая в компании, рассказала мне, что после него в компании на самом деле случился переполох, и многих всё же потрясли.

Так параллельно следственным действиям шло и внутреннее расследование, которое, собственно, ни к чему не привело. Вроде бы как нашли какую-то причастность ко всему этому девушки из нашего офиса, которая раньше работала на сегодняшнем месте Лизы. Так вот, эту девушку – Эльзу, сначала сразу же хотели уволить, но потом, как говорят, за неё кто-то заступился, и было решено её просто перевести в северный филиал компании.

И вот, как-то раз, когда она должна была выехать туда, Лизу к себе вызвала Мисс и сообщила, что её вместе с Эльзой направляют в северный офис, для того чтобы Лиза довезла им какую-то документацию. А уже по приезде назад, Лизу переводят на освободившееся место Эльзы. А ведь она до этого здесь только проходила стажировку. Но ей кажется, что отправляли её туда не за этим, и у Лизы вообще сложилось какое-то странное ощущение от этой поездки, как буд-

то она сопровождала эту самую Эльзу. Да и вообще причина отправки её туда вместе с Эльзой, ей показалась надуманной. Зачем ещё и её туда отправлять, раз туда уже едет Эльза? Ведь можно было бы и с ней отправить такие «ценные» документы.

– Но может она утратила доверие? – предположил я.

– Таких в компании не держат. Ведь эта формулировка – «утратил доверие», означает мгновенное увольнение из компании.

– Ну, может её решили не сразу увольнять, а выждать время?

– Может быть. – Задумчиво сказала Лиза.

– Ну и как, она тебе что-нибудь рассказывала? – поинтересовался я.

– Да мы как-то сразу друг другу не приглянулись... Может она знала, что меня метят на её место, и ей было от этого некомфортно, но по мне-то – это, как раз сближает. Так что наше общение свелось только к самому необходимому, без чего нельзя было обойтись при совместной поездке.

– И что ты? Где ты с ней рассталась?

– Да вот, прибыли в филиал – там и расстались.

– И что тебе сказали в компании?

– Да ничего. Приняли документы и отправили назад, – сказала Лиза и, подумав, продолжила.

– Знаешь, мне тут видится столько совпадений...

– Ты это о чём? – спросил я.

– Ну, знаешь, тот парень, принятый к нам до тебя. Ведь он из-за этой самой Эльзы всё это натворил здесь.

– И в чём же совпадение?

– Так ведь теперь я на её месте. А ты, получается – на его, – взяв меня за руку и повернувшись ко мне, сказала Лиза.

– Ну, как я слышал, между ними ничего не было. Да и вообще, мало ли в жизни совпадений, а это даже и несовпадение вовсе, – попытался успокоить я её.

– А я думаю – совпадение, – не унималась Лиза.

– Ну, хорошо! И что из этого следует? – спросил я.

– Пока не знаю, но мне это не нравится.

– Ну тогда лучше об этом и не думать, давай лучше «болеть» за того рыбака. А то он уже совсем приуныл без клева. – Кивнув в сторону реки, попытался отвлечь её от своих дум я.

– Тебе бы только отбрехаться. Знаешь, у меня странные предчувствия насчёт поездки этой нашей Мисс.

– А чего там предчувствовать, – похолодев внутри, спросил я. «Тебе ли не знать, бесчувственная скотина!», – вдруг возникла моя Критичность. «Да помолчи ты, самому тошно!», – ответил Адвокат.

– Да кто с ней едет-то! – воскликнула Лиза.

Я уже было решил – вот он, подходящий случай, и на взводе как раз легко будет ей сообщить, но в этот момент, стоящий напротив нас рыбак, всё-таки поймал за хвост удачу. Вытаскивая из реки рыбу, он оглушил округу (и нас в том

числе) своим криком: «Попалась, падла!!!». Видимо, случай, всё-таки переметнулся на другую сторону, но при этом он решил мне намекнуть, что я, как та болтающаяся рыба на крючке, уже пойман за ротовую полость. И следуя своему жизненному принципу, случай предоставил мне искать самому выход из этой ситуации-недоговоренности. Что мною и было проделано следующей неделей молчания.

Что сказать... Рабочая обыденность в течение этого времени, не внесла в мою жизнь каких-либо изменений. Наставник и сотоварищи, всё также прочищали молодую поросль в надежде найти для себя зрелое зерно решений, тогда как многие претенденты теряли эту самую надежду. И чем больше росло количество потерявших её, тем быстрее росла уверенность в своих действиях у самих экзекуторов и, как результат, определялось основное ядро претендентов, подходящих под их критерий отбора. Я же своим присутствием всё также вызывал споры у моих коллег по работе. Охранники всё также бдительно смотрели, чтобы турникеты работали исправно. Часы – не изменяя ходу времени, также ровно несли свою вахту... Всё шло по-прежнему, подчиняясь своему, кем-то сверху утверждённому плану.

Глава 13

ПреЛюбаДействие

И вот я, как последний трус, стою в аэропорту и жду с Мисс свой рейс. Да, всё верно, я так ничего и не сказал Лизе. А ведь стоило мне хоть чуть-чуть приоткрыть дверь недо-молвке, как она, поселившись в тебе, разрослась в полноценную ложь, которая, облюбовав новые апартаменты, начала обустриваться согласно своего видения окружающего. Фэншуй ото лжи предполагает домашность обстановки, сочетание пастельных тонов и мягкость постели – вот что любит эта вкрадчивая особа. Но, а как быть без домашней живности? Она без этого не может, и в мгновение ока во мне поселились её любимцы – Котофей и Мурзик.

– Ну что, Мурз, как думаешь, мы сюда надолго? – С порога заголосил не мною званный гость.

– Мня, не знаю ещё, – потягиваясь, мурлычет в ответ компаньон.

– Так как будем действовать? – Взваливаясь на диван, интересуется Котофей.

– Да всё также, по прежней программе. Поскребем душу, заставим его помучиться. Он, не выдержав наших терзаний, возьмёт и забредёт в какое-нибудь место, где подчивают таких, как он проходимцев. Ну а там нас напоят и накормят, что нам от него и надо. – Пророчествовал Мурзик.

– Ну, а дальше? – Волнительно интересовался, любящий заглядывать на потом, Котофей.

– А что потом. А потом, он в таком разгоряченном виде наделает ещё больших глупостей, ну а мы с тобой в итоге будем обеспечены харчами на долгое время. Ну, а если что-то будет не так – мы утром ему напомним о нашем присутствии здесь. – Заключил пророк Мурза.

– Так может пора дать знать о нашем прибытии, – не унимался деятельный Котофей.

– Почему бы и нет, а то я уже молочка захотел, – соглашается Мурзик и, раскрыв когти, запускает их в дело...

* * *

– Вот, чёрт! – реагирую я на взявшуюся из ниоткуда изжогу.

– Что случилось? – интересуется Мисс.

– Да, изжога, – отвечаю я.

– Постой, у меня есть «Ренни», – доставая из сумки таблетки, говорит Мисс. Я же беру их и, глотая, запиваю купленной мною водой.

– Вот чёрт, опять эта химия, – возмущается Мурзик.

– А мне нравится, – блаженствуя, мурлычет Котофей.

– Ну, а если у меня живот вспучит – ты первым утром об этом узнаешь, – грозит мне лапой возмущённый Мурзик, и падает рядом с Котофеем на пол.

Получив успокоение, я вновь, прокручиваю события се-

годняшнего дня. Вот я, уже с утра следуя на работу, знаю, что сегодня мы должны вылететь с Мисс, значит на очень не простой разговор с Лизой, откладывая время уже не было. Так что моё настроение было само собой не в лучшем виде. Вылет был запланирован на одиннадцать часов дня, так что я должен был появиться на работе, разве что для того, чтобы захватить Мисс, у которой были какие-то свои дела, и уже затем с ней ехать в аэропорт. Но ведь как бывает в жизни: когда есть для этого время – ты почему-то не готов к этому. Ну а сейчас, ты вроде бы собрался и готов проявить своё красноречие, но как оказывается – для этого времени уже нет.

Прибыв на работу, я обнаружил, что весь коллектив собрался в холле, и перед ними уже разглагольствует Мисс. Я не стал останавливаться и сразу пошёл к себе, хотя мне и следовало присоединиться ко всем. Но не успел я зайти, как следом за мной вошла Мисс.

– А чего это вы нас игнорируете? – с какой-то лёгкостью спросила она.

– Так ведь собираться надо. Боюсь, не успею, – аргументировал я.

– Хорошо, давай через пять минут. Жду у себя – и едем, – ответила она, собираясь к себе.

– Так ещё рано, – выразил я свою тревогу. (Я ещё хотел объясниться с Лизой).

– Нам ещё надо по пути заехать в пару мест. Так что времени нет. Давай, поторапливайся, – выходя, сказала она.

Ну, а что я? А я вместо того, чтобы идти к Лизе, хватаюсь за придуманную мною уловку и, с решением всё потом объяснить ей по телефону, сбегая из офиса. И ведь я не остался незамеченным при этом бегстве. Зайдя к Мисс, и взвалив на себя её сумки, мы не могли не пройти мимо стойки администратора, где и находилась Лиза. И я думаю, что не надо говорить, что в тот момент, когда она нас увидела, то она всё поняла.

Её взгляд, по мере осознания случившегося, преобразовывался: так на смену первоначальному удивлению: «А куда он с ней собрался, и зачем ему сумки?», – пришёл взгляд непонимающий, вопрошающий: «Почему же?». Лучше бы она раскричалась. Что на смену этому взгляду пришло дальше – я уже не видел. Да мне и не надо было это видеть – предо мной и так всю дорогу стоял этот взгляд, немой, укоряющий, вопрошающий меня: «Почему?!!».

Вот и сейчас я, стоя в аэропорту, задаю себе тот же самый вопрос: «Почему?». Ну ладно – промолчал я, не говоря ей об этом неделю, но сегодня с утра ведь мог бы её встретить пораньше и всё объяснить, или... хотя бы ей позвонить. Точно, надо будет ей позвонить. Но нет, не хочу при Мисс. «Лучше уже по прибытию на место ей и позвоню», – решил я, проклиная свою робость. «А я гово...», – попыталась посыпать соль на рану Критичность. «Да заткнись ты уже!», – не очень дипломатично ответил сам ответчик, без всяких адвокатов. И ведь стоило мне принять решение непременно ей позво-

нить по прибытию, как я снова обрёл присутствие духа. А как только объявили нашу посадку на самолёт, то от моей неуверенности не осталось и следа.

Но, боже мой! Я, как оказывается, за всеми этими недельными переживаниями, совсем забыл про самолёт. Про то, что мне предстоит подниматься на нём в воздух. И вот только сейчас, подойдя к трапу, я осознал это, и, как реакция на это, я внезапно ощутил острую волнительность. Неужели я испугался полёта? Пожалуй, что так. Ну, а чего тебе бояться, ты же, как будто, в курсе тех заоблачных дел. Я-то в курсе, да вот только моё человеческое «я», не хочет меня слушать, и из чувства самосохранения смотрит на всё с опаской.

– А чего вы стоите и не идёте? – подтолкнула меня Мисс. – Неужели боитесь?

Но разве мужское человеческое «я» признается в этом, и оно, из того же чувства самосохранения, бравурно отвечает:

– Да вот, решил пропустить вас вперёд, у меня всё равно место у прохода.

– Ну тогда, ладно. – Проследовав мимо меня, сказала Мисс.

Им-то, начальству, неплохо будет лететь на vip-местах. Нам же, рядовым сотрудникам, достались места попроще, но для меня это не важно и даже скорее будет способствовать полёту. Я вообще люблю общественный транспорт. В нём можно многое для себя почерпнуть (в плане духовного наблюдения). Хотя и существует обратная опасность – кто-то, в

свою очередь, захочет что-нибудь у тебя из кармана почерпнуть (в плане материального приобретения).

И ведь если посмотреть на всех нас, собравшихся здесь в одном месте: разных возрастов, полов, национальностей, имеющих свои индивидуальные взгляды на жизнь – можно сделать вывод, что нас объединило пока только одно, а именно: необходимость лететь в одну точку назначения. И не важно, по каким личным обстоятельствам мы летим туда, и что заставило нас это сделать – важно другое. Мы все, живущие в разных точках мира, рождённые в разное время и местах, вдруг взяли и встретились здесь в одном самолете.

Но почему? Какие тайные замыслы на этот счёт имелись у того, кто плетёт нити жизни, со своими узелками встреч и нитями разъединения? И у меня при этом всегда вкрадывалось желание узнать, а нет ли тут какого-то скрытого предопределения будущего? А может, кроме одной общности самолета и необходимости лететь на нём, есть ещё одна общая идея, которая объединяет эту сотню так непохожих друг на друга людей. И может, решив этот вопрос, мы можем подойти к ответу на уже другой, более глобальный вопрос – почему в данный отрезок времени, появились на свет именно те люди, которые и представляют твоих современников. Почему именно сейчас, когда для твоей страны потребовался сильный лидер – он тут же нашёлся среди появившихся на свет? И ведь он не мог не найтись, если только это не было предопределено общей стратегией развития человечества, опре-

деляющей выживаемость последнего. Или, может быть, каждый человек в отдельности – есть, сам по себе, отдельный нейрон огромного вселенского мозга, и этот мозг, чувствуя недостаточность в какой-то части своей вселенности, посылает функциональный сигнал в ту часть организма, где произошел сбой, и он с помощью ответственных нейронов и налаживает работу данной части мирового организма.

Кто знает это, разве что – Он? Но если насчёт глобальных планов всевышнего можно только строить религии, то моя частная общность людей, собравшихся в одно время и в одном месте, требует от меня некоторого предполагаемого разбора полётов. И если пункт отправки (как и пункт прибытия), не имеют особого значения, то, что же мы можем почерпнуть для себя в этой часовой встрече? Ведь любая встреча, хоть и мимолетная, так или иначе, отражается на тебе. Вот посмотришь вокруг себя, и перед тобой предстает рядовая картина: кто-то уткнулся в гаджет, другой уже погрузился в дрему, там, в хвосте самолета, мамаша пытается успокоить ребенка... Да мало ли кто чем занят! Ведь если рейс пройдет без каких-то происшествий, то мы даже не вспомним лиц тех, с кем суждено было нам встретиться в полете, да и наверняка сам полёт со временем выпадет из нашей памяти.

Так что же, всё это было случайно, и мы всего лишь попутчики в этом мире? Может и так, но мне кажется, что во время полёта, мы все, вдыхая из одного источника и, выды-

хая углекись, содержащую в себе частички твоего «я», через этот энергетический механизм обменялись той, ещё не познанной для нас энергетикой. Самолеты, по моему разумению, служат не только, как перевозчики – они играют роль обменных «хабов», через которые происходит перераспределение энергии, а также обмен необходимой информацией.

– Вы что-нибудь пить будете? – подойдя ко мне, спросила проводница.

– стакан томатного сока, – попросил я и, получив сок, после небольшого глотка, поставил его перед собой.

Ну, а как насчёт тех жутких авиакатастроф? Неужели и в этом существует своя тайная подоплёка? С какой стати, и на основании чего, вверху принимают такие решения? Не могут же они, все эти сто десять человек, только просто послужить в руках всевышнего орудием для достижения его других целей? Но если это так, и век их решено было прервать, то, что их всех ожидает там, в комитете решений?

Ну вот, опять о катастрофах подумал... Но разве кто-нибудь из летящих (кроме той малышки) хоть раз в самолете об этом не думал: Вот, то-то же! А вот уже и общее нашлось. Интересно, что если взять и представить, что мы, допустим (как в сериале «Последний герой»), все оказываемся на необитаемом острове. Нет, лучше предложить более экстремальный вариант: все мы, находящиеся здесь по решению творца, оказываемся последними выжившими на Земле. Интересно, как бы сложилась наша жизнь? Что-то мне подска-

зывает, что для многих – это испытание было бы не из лёгких, а для некоторых – даже и смертельным.

Но почему же так? Как только оставляешь человека одного, наедине с самим собой, то сразу же картина будущего рисуется в одних чёрных красках. А может всё будет не так, и мы, ещё не зная того, что оказались единственными разумными существами в этом мире, объединив свои общие усилия, сначала обустроим свою жизнь, а, уже наладив её, попытаемся отыскать в бесконечном мире и других разумных существ.

«В общем-то неплохо звучит, но ты забыл детализировать процесс», – вмешался бы в беседу незримый Денница, продолжая: «Посмотри и оцени качественный состав пассажиров». «И что же?», – спросил бы я его.

«Так мужское население превалирует над женским. И как ты думаешь, такой порядок вещей устроил бы тех, кто остался бы ни с чем? Ну, а право сильнейшего, разве бы оно вновь не расцвело во всей своей красе? Борьба за власть, борьба за обладание лучшим куском, да и мало ли ещё за что – вот что я вижу. Ну, и последнее: в том месте, где посеяны крупницы несправедливости – там мира не жди!», – резюмировал он.

«Тебе бы только внести смуту и раздор. Не мешай, всё же – это мои размышления!», – про себя проговорил я и, взяв стаканчик, попытался отпить из него, но, к моему удивлению, он оказался пустым. «Странно...», – вслух сказал я, посмотрев на соседа, но он никак не реагировал, он вообще ни-

как не реагировал на окружающее, погрузившись в тяжелый алкогольный сон. «Может я сам выпил, задумавшись?», – попробовал я объяснить случившееся. «А может этот алкоиспаритель хлебнул, не заметив?». Всё же, наверное, нет. Но ему бы я не позавидовал в нашем общем будущем. «Вот и твой ответ на безоблачное будущее человечества», – вновь проговорило у меня в голове. Хватит, я больше не собираюсь слушать кого бы то ни было. И я, надев наушники, тяжелой музыкой заглушил все посторонние шумы.

Лёгкий толчок рукой, вывел меня из короткого сна, в который я всё-таки погрузился. Стюардесса, попытавшаяся завладеть моим вниманием, но не достигнув ощутимых результатов с помощью слов, за не имением другого способа, прибегнула к осязательному контакту, что и вывело меня из временного безсознания. Что касается моего соседа, то стюардессе с ним пришлось изрядно повозиться. Что, в прочем, ни к чему не привело. Ведь люди в таком состоянии требуют соответственного к себе отношения. Но я думаю, что в данный момент, не беспокоить его – было бы самым лучшим выходом из создавшегося положения. Я же, решив помочь работнице воздушного судна, приложив все свои силы, извернул соседа, и застегнул-таки на нём ремень. После нашего благополучного прилёта, наш, до этого плотно спаянный фюзеляжем самолета коллектив, приобрёл качества текучести, и как только двери самолета раскрылись, этот коллектив тот час же потёк в сторону выхода. Я, преодолев препятствие

в виде сопящего соседа, не преминул влиться в ряды этого бурлящего потока. Проходя мимо классового салона, я был задержан Мисс, схватившей меня за пиджак рукой.

– А ну-ка, не спеши, дорогой, – зычно проговорила Мисс.

Это мне показалось весьма странным. Что говорить, она и раньше блистала своим своеобразием, но сейчас её обращение совершенно выпадало за границы приличий. Мисс же поднялась, оперевшись на мой локоть, и мы проследовали к выходу. Когда же она протаскивалась через меня вперёд, в выходную дверь самолета, то её дыхание раскрыло мне причину её развязного поведения. С моей стороны было бы нетактично обвинить представительницу прекрасного пола (без веских на то оснований?) в пьянстве, но ведь полёт на высоте 5-ти тысяч метров – чем не основание для этого! Так что вполне можно было себе предположить, что страх, своей холодной щупальцей стиснул горло Мисс, и она, пытаясь избавиться от него, спасала себя горячительным, а вместе с ней и её соседи по классовому салону.

А что делать? Это дело такое, ведь только сообща можно противостоять смертельной опасности, подстерегающей тебя в полете. И что сказать, даже проводницы испытали за них гордость. И он, видя, как они одной общей сплоченной компанией противостоят страху, не пытались вмешаться, и даже подливали им чего-нибудь запить. И надо признаться, никто из них даже не был замечен в трусости, и каждый, ко-

гда подходила его очередь, без лишнего напоминания, с готовностью прикладывался к бутылке.

«Но разве разрешено употреблять на борту?», – недоверчиво спросит меня какой-нибудь «в каждой бочке затычка». А вы лучше спросите об этом вон у того офицера ФСБ (и по совместительству депутата), так лихо зажигающего сигарету после ловко проведённого удара в глаз бортпроводнику, усомнившемуся в этом его заявлении. А может вон тот «тарзан», который ещё минуту назад так восхитительно прыгал с кресла на кресло, вам расскажет об этом? Но всё же нет! Он не сможет вам сейчас ничего рассказать – с кляпом во рту и со связанными руками это сделать весьма затруднительно. Но ничего, по выходу его уже ждут оперативные стенографисты, и уж там-то он сможет всё высказать, как на духу.

Впрочем, как только он из себя на них выдохнет – все сразу же поймут всю вескость его возражений. Наши же классовики из своей природной скромности промолчали, и не стали нам раскрывать своего секрета, а проявив невежливость, словно в рот воды набрав, поспешили покинуть салон. Но в аэропорту, помимо состояния разностояния Мисс («Ведь я – девушка разносторонняя!», – покачиваясь из стороны в сторону, всю дорогу твердила мне она.), меня ожидал ещё один сюрприз.

На выходе нас встречала, как мною выяснилось спустя минуту, Эльза. «А, вот ты где!», – с криком Эльза бросилась обнимать Мисс. Дальше последовал среднестатистический об-

мен всхлипываний и фраз, по окончании которых, вспомнив обо мне, Мисс и представила нас друг другу. Что сказать, я много раз в уме представлял её, и, если касаясь внешности, я принципиально не ошибся, то насчёт оказанного впечатления – оно было не в её пользу. И ведь стоило мне с ней только переброситься парой слов (даже скорее, просто войти в близкое визуальное соприкосновение), как я почувствовал то, о чём мне перед отправлением рассказывал Денница.

Стоило мне на неё посмотреть и, откуда-то взявшееся чувство неприязни заговорило во мне, невзирая на её вполне симпатичное лицо. Можно, конечно, предположить, что всему виной был мой настрой, на который повлияли: как предшествующие события, так и предполагаемая в них роль Эльзы. Так же нельзя исключать и сложившееся мнение о ней, которое сложилось в результате обобщений мнений моего окружения и Атеиста. Но мне всё-таки сдаётся, что всё это – лишь камуфляж, позволяющий завуалировать главную причину неприязни, которая кроется в скрытых возможностях человека, умеющего на уровне инстинкта определять в человеке его первостатейность – то, чему он отдаётся всецело и до глубины души.

Так хищник, без труда определяет для себя жертву и наоборот, но это всего лишь две прямые грани противоположностей, которые в жизни редко встретишь. В основном же присутствует большая россыпь характеристик, которые, кристаллизуясь, определяют основные жизненные приоритеты

индивидуума. По всей видимости, наши приоритеты с Эльзой, не совпадали даже и близко, и скорее всего, входили в конфронтацию.

«Ну, да ладно...», – подумал каждый из нас, глядя друг на друга. Эльза, взяв под руки Мисс, направилась с ней к выходу, когда как я, сказав, что их нагоню, приостановился, чтобы позвонить Лизе.

И вот я, волнуясь, набираю её номер. Длинный гудок, ещё один... И её голос прорывает тишину.

– Я тебе ответила только для того, чтобы сказать – я не хочу тебя слышать, – слышатся твёрдые нотки в голосе Лизы, и она бросает трубку.

Что в таком случае делает не успевший ответить, но успевший всё сделать для того, чтобы опоздать? Он вновь набирает её номер. Но на этот раз ему отвечает милая девушка, сообщающая, что вы, конечно, имеете право позвонить, но только после того, как пополните свой баланс, а сейчас у вас недостаточно средств на счёте. Да как же так!?! У вас должно быть ещё немного этих самых средств. Но потом вы вспоминаете, что находитесь в зоне землячества, которое нещадно требует от вас платы за переадресацию, и вы, кляня на чём свет стоит этих оптимизаторов выгоды, несётесь искать терминал для пополнения своего баланса.

И вот вы, потыкавшись в разные стороны зала, всё же умудряетесь найти этот памятник своей рассеянности. Где ты, из-за спешки нервничаешь, да и купюры вдруг все как

на подбор оказываются мятыми, а терминал-то наш – сноб и эстет, и ему, видишь ли, подавай только всё новое или, по крайней мере, приличное, иное он не распознает и отказывается принимать в свой круг. Но всё же, каким-то образом, моя сотня умудрилась пройти дресс-код терминала, и была принята им за свою. Я, нажимая клавишу «Принять», подтверждаю и прощаюсь со своей монетой. Когда пришедшее сообщение информирует меня о зачислении энной суммы на мой счёт, то я: во-первых, видя, сколько взял за свои услуги терминал, присваиваю ему имя «термит, поедающий нал», во-вторых, не удержавшись, отвечаю ему пинка и уже в итоге набираю номер Лизы. Но её слова не расходятся с делом, и она действительно, не желая меня слышать, отключила телефон.

«А что же она это не сделала сразу?», – вскипаю я, злясь на неё, когда нужно было не искать виновника на стороне. Но таков уж человек, ведь устройство глаз позволяет ему смотреть только во вне и поэтому, ему легче найти соринку в чужом глазу, чем в себе. «Наверное, она всё же ждала, когда я позвоню, а затем отключилась, чтобы меня помучить... Ну ладно, пусть понаказывает меня. Это хоть остудит страсти и успокоит её», – вновь, найдя себе утешение, я бросаюсь догонять моих попутчиц, которые, как оказалось, не стали меня ждать и, взяв такси, уехали. Я же, когда бросился их догонять, то услышал телефонный звонок, и поначалу решив, что это Лиза, не стал выяснять, кто звонит, и сразу же отве-

тил на звонок:

– Да, Лиза, я слушаю.

– Какая ещё Лиза, – послышался смех Мисс.

– Уже не важно, – поняв свою ошибку, ответил я.

– Ну, смотри у меня, – не переставая смеяться, ответила она и, продолжив, проболтала. – Мы не стали тебя ждать. Ты уже не маленький, сам доберёшься. Только смотри, не пропади. У нас на тебя сегодня планы. Пока.

– А, не пошли бы вы!!! – Крикнул я в пустоту.

Планы у них на меня. Разбежался. Хотя, пожалуй, слегка придётся побегать. Ведь надо ещё добраться до гостиницы. Впрочем, в современных мегаполисах, с одной стороны – сложно затеряться, а с другой – легко не найти. На ваш выбор – любой вид транспорта и предложений, и от тебя требуется только суметь разобраться в них, и найти оптимальный для себя вариант. Всё же мне не доставило много проблем в выборе транспорта, и я, последовав примеру Мисс, взял такси, и со скоростью легкомоторного самолета добрался до пункта назначения. К слову сказать, я несколько раз, при некоторых, особенно изящных обгонах нашим такси плетущихся, как черепаха, большегрузов, вдавливал ноги вперёд, тем самым пытаюсь для себя притормозить автомашину.

Как казалось мне – я неминуемо найду свой пункт назначения под колесом какого-нибудь самосвала. «Не в этот раз!», – вынесла мне вердикт судьба, при этом пророчески посмотрев на моего водителя такси. Я же, решив больше её

не испытывать, дал ей зарок в том, что не буду больше ездить на данном виде транспорта. Ну что ж, заняв своё место в гостинице, я, оглядев свой номер со словами: «Для ночёвки – вполне сгодится!», – созвонился с Мисс и, получив от неё инструкции по поводу вечера, улегся на диван, чтобы заняться тем, чем принято заниматься в преддверии торжеств, а именно, бездельничать. Конечно, варианты безделья варьируются в большом диапазоне: для некоторых весьма важно предварительно набраться сил, и в связи с этим – они погружаются в сон, другие же, дабы сохранить живость мысли – тупо смотрят в окно, третьи, страшась тишины – не отходят от телевизора. Я же, не смотря на мой полётный сон, чувствовал себя слегка помятым и, вследствие чего, решил слегка исправить свой недосып.

– Ну что ж, ты не гостиницу приехал инспектировать на тему упругости подушек (которые, ко всему прочему, довольно мягкие). – Взбодрил я себя в подъёме. – Всё, хорош нежиться, уже пора идти! – И вот я на месте, и от вида творящегося столпотворения у входа, мне на ум приходят стихи Некрасова.

Вот парадный подъезд.
По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом

Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь – в том их призванье!

Время не тленно над человеческими страстями, и, как столетие назад, всё также стоят и функционируют парадные подъезды. Только на смену швейцарам пришли секьюрити, наверное, японцы какие-то. Моё приглашение не позволило современным швейцарам с грозным окриком: «Прочь!», – отогнать меня недостойного, а даже наоборот, с раболепствующей улыбкой я был препровожден внутрь администратором. Внутри же она указала мне мой столик, согласно приглашению, и я, решив, что, пожалуй, лучше будет занять своё место, сел за него.

– А, вот ты где! – Услышал я голос Мисс.

Она, в сопровождении Эльзы и незнакомых мне авторитетных мужчин (в доказательстве чего служили их выпирающие животы), проходя мимо меня, бросила эту фразу, как знак того, что она меня видит.

Для Мисс и её сопровождения был предназначен столик рядом со сценой, с которой на нас в скором времени польётся поток речей, ну и, по окончании, на закуску, выступят какие-нибудь местные звезды. А местные – это значит столичные, а это вам – не хухры-мухры. Вдруг, из-за своей спины

я услышал приближающийся ко мне гул голосов. Один из них принадлежал администратору зала, который, как я понял, пытался угодить гостю, предлагая ему лучшие места в зале. Видимо, гость был большой шишкой, раз перед ним так стелятся, ведь для других смертных, уже все заранее предопределено в книге судеб размещения, и ты уже не выбираешь, а лишь, занимаешь своё место, согласно своему номерку.

– Я хочу вам порекомендовать вот тот столик, находящийся по центру зала, перед сценой, – тараторил администратор.

Но так как ответа я не слышал, а администратор уже предлагал другой вариант, то, видимо, прежний вариант не устроил нашего гостя. И вот тут я услышал до боли знакомый голос.

– А вот тот столик, за которым сидит в одиночестве молодой человек, – проговорил Денница.

– Но... – Было хотел возразить администратор, но был перебит властным голосом последнего, когда-то бывшего первым:

– Без всяких – но.

Я же, слыша весь этот разговор, в напряжении сидел, не меняя своего положения тела. Я можно сказать, весь превратился вслух, и обездвиженной спиной чувствовал, как ко мне приближаются шаги Денницы.

– Сидит, и никак не реагирует. Как будто ничего не слышал, – слышу я прямо за мной голос Денницы.

– А разве от вас скроешься? – вставая и, повернувшись к нему, говорю я.

Денница же, изучающе осматривает меня и с своей забываемой улыбкой спрашивает:

– Смотрю, ты всё же прибыл сюда. И скажу, что рад увидеть хоть одного не из этих.

– А у меня разве был выбор? – отвечаю я.

Денница, хмыкнув, садится, чему и я за ним следую, и подзывает стоявшего невдалеке администратора.

– Я займу это место. Нас – не беспокоить. Всё понятно? – отбивает речь Денница, беря в руку фужер красного вина.

А ведь, что интересно, хоть стол был уже накрыт, но, как я помню, бутылки стояли запечатанными. Тогда откуда взялась открытая бутылка, да и налитый фужер?

– Ну что, давай выпьем за встречу, – уставившись на меня, предложил Денница и видя, что я заколебался, сам наливает мне вина.

– Со мной ведь не грех выпить, – говорит Денница и закатывается смехом.

После его вспышки хорошего настроения, мы опустошаем бокалы, и он заводит свою всегда носимую с собой шарманку:

– Значит, говоришь, что у тебя не было выбора. Смотрю, совсем очеловечествовал, уже рассуждаешь, как они, всегда кричащих, что нет выбора. Ха-ха! Их выбор и заключается в том, чтобы жить с жалобами на это, и больше ничего. А

выбор есть всегда. Хотя я не совсем справедлив к ним. Ведь есть же ещё свободолюбивая человеческая прослойка, считающая свою избранность, как свой выбор, и они в соответствии с этим и живут, взяв себе право выбирать за других.

– Ну, вам с вашего места видней, – предполагаю я.

– Конечно. Ха! Да только сейчас мы с тобой находимся на одном уровне, – хитро замечает он.

– Да неужели? – не соглашаюсь я.

– Ну, конечно же, нет, – вновь закатывается он.

– Смотрю, вы сегодня на позитиве.

– А как же иначе, здесь под этими сводами царит только позитивное право. И тебе скоро представится случай увидеть местное лицо этого позитивного права. А, кстати, вот и первое наметилось. – Закончил фразу, вставая навстречу дородному господину, Денница.

– Вас не услышать нельзя, – подходя к нам, с улыбкой заявил дородный господин.

– Вы бы лучше так прислушались к моему предложению, – проявив взаимную мимирию, ответил Денница, повернулся ко мне и представил мне сего господина.

– Вот, знакомьтесь – фон Траст, а это – указывая на меня – скажем так, наш человек по связям с общественностью.

После чего последовал обмен нашими рукопожатиями.

– Наш барон, возможно, в скором времени (если, конечно, согласится на мои условия) станет нашим партнёром. – Продолжил Денница, представляя мне более детально моего

визави, правда, при этом он в основном обращался к нему. – Мы с ним уже давно ведём переговоры, и я вижу, что он уже практически готов на всё, чтобы заключить со мной сделку. – Промолвил Денница.

– Да хоть чёрту душу заложу, – засмеялся Траст.

– Ну, это другое дело, тогда, я думаю, наши дела сразу же сдвинутся с мёртвой точки. Только смотрите, не передумайте, – засмеялся Денница.

– Да ни за что на свете, – покатываясь от смеха, ответил Траст.

– Смотрите, у меня память хорошая, – вторил Денница.

– Ну, мне пора к своим – просмеявшись и затем, пожав нам руки, откланялся Траст.

– Да вы, я смотрю, без работы не можете, – присев назад, спросил я.

– А как же иначе, от меня, как от главного акционера, зависит будущность стольких людей, – попивая вино, проговорил он.

– Я что-то не пойму. Вы сейчас о чём? – спросил я.

– Ну как же, разве ты не знаешь главного акционера компании? – с деланным удивлением задался вопросом он.

Я же, поняв по его ответу, что об очевидном не следует спрашивать, промолчал. Деннице не нужны были вопросы, чтобы он говорил.

– А что тебя удивляет? Да я, возможно, первый капиталист, и мой капитал не разбазаривается, а только преумно-

жается с каждым днем. И скажу тебе без ложной скромности, я довольно рачительный хозяин. Конечно, мой капитал специфический, ну и что же? – сказав это, он вдруг поворачивается к соседнему столику, за которым ближе всего к нему сидит очень красивая девушка и, протягивая к ней свой бокал с целью чокнуться, говорит ей грудным голосом: «Да, душа моя». Девушка, загипнотизированная его взглядом, поднимает свой бокал и, чокнувшись с ним, не сводя с него глаз, выпивает. Денница, как ни в чём не бывало поворачивается ко мне и продолжает:

– Скажу тебе, ничего не скрывая. Совесть – вот тот капитал, который обеспечивает наибольшую прибыль. Основы капитализма зиждутся на том правиле, что капитал должен работать, и наши современные капиталисты, следуя этому правилу, пускают в оборот самое ценное, чем обладают, надеясь получить свой кусок прибыли. Вот так они акционируют свой личный капитал и создают свои акционерные общества по интересам. В основном, это открытые общества, но есть в этом обществе и свои закрытые клубы.

И ведь, что интересно, именно те общества, позиционирующие себя, как самые открытые, и есть самые закрытые. Так что, куда ни глянешь – везде правит совестливый капитализм с человеческим лицом. Ха-ха! Покажи мне это совестливое человеческое лицо! «Да здравствует капитализм, где главный бенефициарий – всё же я!», – закатился смехом он.

Пока же он всё это мне говорил, на сцене в это время закончили подготовку, и по шумам из микрофонов, переродившихся в голос ведущей, стало ясно, что официальная часть вечера началась. Денница, сообщив мне, что ему требуется отлучиться, оставил меня одного. Но не прошло и пяти минут, как места рядом со мной заняли незнакомые мне гости, при этом место Денницы так и осталось свободным.

Если смысл пересказывать так называемую официальную часть торжества? Думаю, что нет, все они со своими речами калькируются в одном месте, и только разве что, разнятся именами и названиями. При этом все номинанты напряглись в ожидании перевода их в доминанты.

Но я всё же попытаюсь, расставляя собственные акценты, кратко представить вам стенограмму одной из речей.

* * *

Ай-даа у-нес-лоо... лу-наа-ти-ки... ю-ли-аа-наа... доо-ми-ки... и-ди.

Оо-наа-вос-кли-цаа-лаа... – Аплодисменты. И т. д. и т. п.

Ай-даа, ай-ваа... пригласим А. А. – Аплодисменты. И т. д. и т. п.

Вы-ку-даа-смоо-три-те... до-про-сии-лии-е-го... у-нес-лоо-доо-ми-ки... э-ти-воо-проо-си-ки. – Аплодисменты.

А сейчас для вас выступит, гремевшая в своё время группа N. – Аплодисменты.

* * *

– Греть и шуметь так, чтобы это запомнили окружающие – вот первый признак успешности коллектива, – прокомментировал, садясь рядом со мной, Денница.

В этот момент на нас со сцены полились мягкие звуки лёгкой мелодии. По всей слышимости, коллектив не стал выбирать прямых путей, а избрал свой сахарный путь к сердцам слушателей. Так он с помощью лёгких задушевных мелодий, которые, трогая сердца (в особенности женской части слушателей), резонировали в них, тем самым добивался того самого грома в их ушах.

Есть, конечно, и другие виды музыкальных коллективов, которые подходят к делу с ребяческой прямоотой, и сразу же обрушивают на своего слушателя всю имеющуюся у них в наличии мощь децибелов. Гитарные рифы, раскатная дробь ударника, заполошный вой солиста – мгновенно оглушают неподготовленного слушателя, приводя его в состояние прострации. И он бы и хотел покинуть представление, но коварный децибел вдавил его нещадно в кресло, не давая возможности встать, а выход уже занят разбушевавшимися фанатами. И что же делать? А ничего, и ему приходится смириться с неизбежностью и слушать свою пульсацию вен. А как только появляется возможность сбежать, он проныривает сквозь бушующее море косматых голов и, уже оказавшись на свежем воздухе, замечает, что оглох. И когда, спустя время, он где-нибудь слышит чьё-то высказывание об этой группе, об

её гремящем прошлом, он без зазрения совести может подтвердить это, и даже привести свидетеля, своего врача-ЛО-Ра.

– Ну как тебе, не скучно здесь, на этой демонстрации талантов? – спросил меня Денница.

– Ну, с моего места не особо рассмотришь, что делается. – Сказал я.

– Талант – не сезонный продукт и никогда не останется незамеченным, любил говорить демон Страци-Сваровски, – засмеялся он.

– Только разве что, подвержен колебанию, – вставил я.

– А как без этого. Настоящий талант не выбирает прямых дорог, он постоянно находится в движении, и внешний фактор, оказывая на него своё влияние, лишь заставляет его корректировать свой курс.

– Вот я и вижу, как наши талантливые головы, держа нос на ветру, остро чувствуют внешнюю конъюктуру и, в зависимости от неё, придерживаются наиболее верного в данный момент курса своего направления деятельности.

– Я смотрю, ты уже начинаешь меня понимать, – самодовольно заметил Денница.

– Ну, понимание никогда не будет лишним.

– Тогда я хочу, чтобы ты проявил своё понимание ещё в одном вопросе, – наклонившись ко мне, проговорил он.

– В каком же? – предчувствуя неладное, спросил я.

– Только, сначала выслушай внимательно, а уж потом от-

вечай, – всё в том же вкрадчивом тоне проговорил Денница.

– Хорошо, – не возражал я.

– Я хотел с тобой поговорить по поводу Атеиста. Только не перебивай, – заметив моё движение в эту сторону, остановил меня Денница – Так вот. Ты наверняка понимаешь, что мне найти его не составит труда. Не в этом проблема. Всё дело во времени, которого у меня, в отличие от него, предостаточно. Я думаю, что ему уже хватит бегать, и пора предстать, если не предо мной, то хотя бы перед своим творцом. Видишь, я выступаю только опосредственно, забочусь, можно сказать, об общем благе.

– Что-то мало верится. – Ответил я.

– А вот в этом-то и заключается ваша проблема. Маловерие – вот бич современности.

– Но вы-то всегда делали ставку на науку.

– А разве наука не требует от себя веры? Веры – в её всеобщую постижимость, веры – в её функциональную роль в создании мироздания, да и, в конце концов, веры – в себя, требующей беззаветного служения науке.

– Ну, тут вы смещаете акценты...

– Я бы сказал иначе. Ставка, она на то и ставка, что не бывает постоянной. Она зависит от моего на то желания – сделать её. – Сказал Денница.

– Значит, сейчас вы ставите на опосредованность.

– Я бы сказал так, благо Года – есть и моё. Но давай всё же вернемся к конкретике. Я хочу, чтобы ты повлиял на Атеи-

ста, объяснил ему что ли, что пора уже вернуться к своим истокам.

– А с чего вы взяли, что он ещё раз появится у меня? – спросил я.

– Уверяю тебя, что он, несомненно, захочет тебя увидеть, – масляно сказал Денница.

– Любопытно узнать, почему?

– Обстоятельства уже на пути к нему, так что, со временем, ты всё узнаешь, – заверил меня Денница.

Я в тот момент даже не помышлял задуматься об этих неких обстоятельствах, которые, по словам Денницы, склонят к действиям Атеиста, но буквально через сутки, я поставленный перед фактом, понял, о чём намекал Денница.

– В общем, вы хотите, чтобы я направил Атеиста на путь истинный, а сам, в результате этого, встал на путь как его... – не закончил я, как меня перебил Денница.

– Можешь не заканчивать. Ты же знаешь, я никогда не давлю, а всем даю право на выбор. Я только лишь стараюсь предвнести ясность, раскрыть для вас всю подноготную вашего выбора, но раз ты считаешь, что твой путь верен – так тому и быть.

– Да, я вижу, глядя на эти лощенные лица, что они весьма довольны своим выбором. И, смотря на всё это, можно сделать вывод – предательство не ходит поодиночке, – ответил я.

– Ты не под тем углом смотришь на мир, и поэтому дела-

ешь неверные выводы. Неверность своему естеству – вот настоящее предательство твоей природы, которая несёт в себе отражение вечностного. А так называемые временные поступки, сопряжённые с отличным от твоего мнением, так и останутся вне тебя. Тебе-то какое до них дело, когда твоё естество сохранено? – сказал Денница.

– Вот они и прячутся за новую маску, названную мнением. Это моё мнение, и я не хочу, чтобы мне навязывать иное. Нет твердых определений событий и поступков, всё размылось под воздействием новой двойной стандартизацией: для кого-то – суббота, для другого – субботник, а авторы одни и те же, в обоих случаях. Теперь есть только частные видения происходящего (или же мнения) на этот счёт. И если же это мнение подкреплено обналиченным капиталом совести нации, то, пожалуй, оно будет и верховодить. Но что собой представляет само мнение, если сегодня нет творцов, ведь все позиционируют себя аналитиками либо критиками, ну, или на крайний случай, про-Заиками.

– Видишь, ты всё понимаешь, и я смотрю – ты уже разобрался в той консистенции желчности, необходимой для проявления современного таланта. Ну, это мы с тобой рассмотрим в своё время, сейчас же меня интересует совсем другое. Так что ты скажешь на моё предложение?

– Я, в таком случае – старовер, – не отводя взгляда от него, ответил я.

– Ну что ж, жаль, – спокойно ответил Денница и, продол-

жив словами: «Ладно, бог с тобой!», – присоединился к веселью за столом.

Пока мы с ним беседовали, наши созастольники, не теряя времени зря, успели догнаться, а некоторые – даже и перегнать многих присутствующих. Так что веселье шло своим ходом. Один из гладких (будущих степенных) молодых парней, поднялся и провозгласил свой тост: «Давайте выпьем за то, чтобы никому не уступать. Пусть это будет лозунг нашей частной, фу ты, честной компании. За нашу, компанию. За наше время!». После чего все воодушевленно принялись чокаяться. Также к ним присоединился и Денница. После же того, как они выпили, Денница, склонившись ко мне, прошептал:

– А ведь я полностью согласен с говорящим. Действительно, пришло наше время. В смысле – моё...

Дальнейший вечер протекал согласно намеченному плану организаторов. Концертная программа поначалу оттеняла собой творившееся в банкетном зале, и даже смогла заострить на себе внимание некоторых из присутствующих, но вскоре, по мере втягивания присутствующих в процесс праздника, ситуация начала меняться уже не в пользу артистов сцены. Можно сказать, что они начали терять свою популярность и актуальность на фоне разворачивающихся событий в самом зале. Как оказалось, здесь присутствует не меньше своих доморощенных актеров, которые способны затмить своим мастерством любого из выступающих на сцене.

Так один из менеджеров среднего звена, набравшись, даже не знаю чего, очень лихо «позатмевал» зрение несколькими гостям, пытавшимся образумить его около туалета. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы не нашёлся в стане его противников ещё один мастер своего дела, заткнувший в свою очередь, как в прямом, так и переносном смысле, за пояс нашего балагура. Другой же участник самодеятельности, проявив вначале чудеса эквилибристики (в плане умения «накидаться» рюмок), решив проявить свой певческий талант, полез на сцену. Но как часто у нас бывает, юным дарованиям не дают возможности проявить себя, и его душевные стенания не нашли отклик у окружающих. В результате чего, он был выведен из зала сотрудниками секьюрити (они же – последователи «бусидо») искать свой путь, который, к слову сказать, привел его к соседнему бару. Из этого можно сделать вывод о высоком градусе крепости мышления, человека вставшего на путь неосознанности.

Там и тут происходили самособойчики, выливавшиеся в лёгком случае жидкостью на чьи-нибудь штаны, или же на какое-нибудь платье, в случае же обострения внутренних позывов участников действия, немедленно требующих своего выхода, можно было заметить жирные отпечатки лап на седалищных местах платьев светских дам, так и сигаретные прожоги на белоснежно-салатовых сорочках господ. Ну на то он и высший свет, чтобы блеснуть и переливаться лучами славы при свете дня, но стоит свету исчезнуть – блеск

куда-то пропадает, и уже не столь прекрасен лик, выползающей наружу изнанки. Высший свет – всего лишь отражение другой определяющей сущности. Так один «кто-то» – несёт в себе отражение богатства, купаясь в роскоши, другой же кто-то – блистает звездами, олицетворяющих власть. Но сейчас мы здесь все свои, и можем сбросить с себя сковывающие нас звёздные условности, ведь мы также подвержены тем же страстям, что любой из смертных.

И вот обелённый сединой старичок, компенсирует свою не стать тем, что плюнув себе на ладоши, затем ударяет ими по заднице молодой содержанке, которая, вместо того, чтобы размазать его харю рукой, только лишь смеется в ответ. «Рука-товар-опять-рука», – философствует последователь капитала Форбса. А что же там, в тёмном углу, проделывает ходячая совесть нации? Да не может быть! Или просто кто-то шутку с ним сыграл, или он уже просто не мог больше терпеть и, прислонившись в углу, совестливо нассал.

Но если вы видите совесть нации, то знайте – обязательно рядом с ней, где-нибудь поблизости, находится и узник совести. Эти прилагательные к совести, никогда не ходят поодиночке в подобные места. А вот и он... Стоит, одухотворенный, вдыхая воздух истинной свободы (хоть и на небольшом участке пространства). Всё-таки тяжесть оков – весьма тяжкий груз, и вот только здесь, в кругу друзей, он делает передышку, и позволяет себе на время эту поблажку, освобождая свою совесть из своих же оков. А вот – всё тот же

«он», спустя время! Под действием горячительного, уткнувшись в чьё-то плечо, слезно кается в своих прегрешениях. Но это всего лишь минутная слабость нашего героя, и уже через полчаса он гневно обрушивает на своих противников, изобличающий их режим памфлет.

Но мы-то знаем мудрость: кто чего не имеет, тот о том и говорит! Так что для того, чтобы быть более бесстрастным в вопросах совести, а также не быть заинтересованным совестливым лицом, на которое она может оказать давление, все её правозащитники не имеют её, а только лишь имеют о ней эховое представление. Что же касается нашего памфлетиста... Мне не удаётся дослушать это человечище, мной уже занялась подошедшая ко мне наша Мисс. Что касается Денницы, то он после тоста, посидев ещё с полчаса, нас покинул без каких-либо пожеланий в мой адрес. И разве что его фраза, сказанная мне на прощание, так и осталась загадкой для меня. «Принц Датский нашёл своё окончательное решение именно здесь, у нас... Не забывай этого!», – сказал напоследок Денница.

Посмотрев на Мисс, я пришёл к выводу, что представительницы её пола лучше справляются с вязанием носков, чем с лыком, и ввиду этого, мне ничего не оставалось делать, как стать пиратом и, взяв её на бордаж, доставить в гостиницу. Видимо, её натура ещё была не готова к такому поступательному движению и она, с требованием: «Я хочу танцевать!», –

попыталась вырваться от меня. Но после её первого же удачного освобождения, закончившегося неудачным перелётом через стул, она смирилась со своим положением: сначала – с лежачим, а после ещё небольшой борьбы – уже с наклонительным. А пред этим, когда мы сели в такси (несмотря на мой зарок не садиться в данный вид транспорта), Мисс перешла к атакующим действиям в виде домогательств того, кто ближе сидит.

Наступление началось с её острой атаки правого фланга на мои тылы, но и я не дремал, и сумел вовремя локализовать это её нападение. Тогда противник попытался сбить мою оборону (в виде пуговиц) хлестким рывком другой руки. Но и этот её маневр был ликвидирован моей левой рукой. Тогда Мисс ввела в бой свой запасной резерв, ипустила вход свои ноги, пытаясь сковать мои силы, и тем самым, перехватив инициативу, выйти на стратегический простор, на котором (по её мнению) у меня уже не будет сил к сопротивлению.

А ведь только в случае блицкрига она имела шансы хоть на что-то. Но так как борьба затянулась – её силы иссякали, и она, уже теряясь в пространстве, наконец-то, оставила свои попытки добиться успеха в борьбе со мной. Следующий этап нашего пути, от машины до её номера, прошёл без каких-то инцидентов, и я, заведя Мисс в номер, уже собирался уйти, как она, приведя свой последний аргумент (то есть заголив бедра), предприняла свою последнюю атаку.

– Ты что, вот так возьмёшь и уйдёшь? – глядя в упор на меня, проговорила, прищурившись Мисс.

– Да, – без эмоций ответил я.

– Но я хочу, – не моргая, продолжила она.

– А я нет, – был мой ответ.

– Почему?

– А зачем? – ответил я.

– Потому, что хочется мне, – ответила она.

– А мне нет.

– А ты знаешь, что женщине отказывать нельзя, – растянула Мисс.

– Почему?

– А я не обязана это знать. Главное, чтобы мужики знали это.

– А я придерживаюсь других взглядов. Так что, на сегодня – отбой, – сказал я, и двинулся к двери.

– А ты, наверное, самый крутой из современных боев и зовешься – «отбой», – прокричала мне вслед Мисс.

Я, выйдя от неё, направился к себе, чтобы завалившись в постель, закончить этот вечер. Но кто-то решил иначе, и как только я зашёл в номер, мой телефон разрушил все мои планы на это. Звонила Лиза. И я даже сначала оторопел, испугался, увидев её номер на экране телефона (и предчувствие не обмануло меня).

– Ну и иди к своей Любе, – пронзил тишину плачь Лизы.

– Что-что? – ошарашенный, только и промолвил я в ответ

тишине.

– К какой ещё Любе? И вообще, что здесь творится? – не мог я прийти в себя. Я набираю номер, но он опять выключен. Да что это всё значит, не могу понять я. Моя мыслительная чехарда кидает меня из одной стороны номера в другую, пока я не упираюсь в стойкое ощущение понимания. Конечно же, это Мисс взяла и позвонила Лизе и, как бы обознавшись, спросила меня. Запомнила же мою оговорку в аэропорту, вот и воспользовалась этим, чтобы отомстить мне. «Сука!!!», – раздавшийся крик из глубины себя, заглушил звук моего же удара кулаком об стену.

Но следом последовало ещё более нелицеприятное и совсем не литературное выражение, правда, прозвучавшее уже совсем по другому адресу. Видимо, логика стены имела куда более крепкие основания по сравнению с моими, и я, не сумев их пробить своими логическими доводами, был отстранён от дискуссии до следующего нервного срыва. Это непреодолимое препятствие слегка остудило мой пыл, и я, по мере ухода боли, стал приходить в себя, но в какой-то момент зазевался и провалился в сон. Не стоит говорить, что утром я проснулся со знаковым настроением. К тому же я ещё перед своим уходом в сон, твёрдо решил с утра пойти к Мисс, и всё ей высказать, что о ней думаю. Но одно дело – вечерние думы, другое дело – мысли поутру. Небо и земля. И откуда такая разница? Неужели сон так влияет на течение твоей мысли, придавая ей свою мягкость и сглаживая углы? И теперь

на место задуманных вечером моих суровых слов, пришло другое утреннее решение, состоящее из того, что этими своими действиями ничего не решить, и разве что, только Лизе навредишь. Так что будет лучше промолчать и сделать вид, что ничего не случилось.

Что касается обратной дороги, то компания, проявив проницательность, забронировала для всех места в скоростном поезде, на который пора бы уже начинать собираться. Говоря про проницательность, я имел в виду, что здоровье многих участников торжества, наверняка, будет слегка пошатнувшимся, а у некоторых, и того больше, так что в виду этого, укачивающий стук колес поезда, как нельзя лучше будет служить успокаивающим элементом для наших страдальцев. Опять же, всегда надо предвидеть и случаи самолечения некоторых, весьма болезненно переносящих пост стрессовые ситуации людей. А ведь в этом деле – главное не переборщить, что получается далеко не у всех. Ведь тогда возникает возможность проявления неадекватного поведения на борту самолета у наших «здоровяков», не сумевших выдержать нужную дозировку. ЖД-транспорт, между тем снимает с них агрессивность, действуя успокаивающе на них из-за осознания близости к земле.

Когда же я встретил Мисс у выхода из гостиницы, я понял, что она, пожалуй, уже с утра прибегнула к агрессивным средствам по восстановлению здоровья, и прибегнула она к ним с Эльзой, которая находилась вместе с нею. Что ж сказать,

можно только констатировать: и здесь дочери Евы обогнали свой противоположный пол, положив что-то на его мнение.

– А, вот ты где, – услышал я голос Мисс, и сразу же проникся к ней тем вчерашним чувством, когда бил по стенке. Но я очень тактичен и не проявляю неуважение к слегка забывшимся дамам. Я беру брошенные ими сумки, и мы все отправляемся на вокзал. Один только вопрос мучает меня. Что делает здесь Эльза? Но не успел я им задаться, как Мисс рассеяла все мои предположения.

– А Эльза решила поехать с нами. Соскучилась, говорит, – заявила Мисс, глядя на меня.

Что ж, теперь всё стало на свои места. Вот, что имел в виду Денница, когда говорил о крючке, на который клонет Атеист. С помощью Эльзы, они, видимо, хотели его выманить, и тогда уже, согласно их планам, должен был бы действовать я. Но я ведь отказался. Тогда возможно, ситуация будет развиваться по другому сценарию. Вот только по которому? Но это уже одному только богу известно.

На слова Мисс я ничего не ответил, стараясь максимально свести к нулю разговор с ними.

– А ты чего это, дуешься на меня что ли? – с усмешкой спросила Мисс.

– С чего бы. Просто, устал, – ответил я.

– Если бы в нужном месте устал, то не устал бы, – заржав вместе с Эльзой, прошипела Мисс.

И утреннему спокойствию, а затем и терпению, иногда

приходит конец. И я, находясь на стадии перехода в состояние язвительности, уже готов был высказать им пару весьма заподольностей, но подача поезда под посадку остудила меня. Правда, посадка в вагон вместе с ними, ещё раз поставила меня на грань резких высказываний, но всё же что-то их спасло. И они, ввалившись сначала в вагон, а затем в своё купе, заставили меня промолчать. И я, оставив их в попойном качестве, удалился в своё купе, где, забравшись на вторую полку, постарался отвлечься от окружающего.

Сон позволил мне отвлечься и немного прийти в себя. Что же касаемого моих попутчиц – мне даже знать не хотелось, что там с ними. Но реальность, рассудив иначе, по прибытии на конечную станцию, ввела меня в курс общего дела. Если на меня поездка оказала тонизирующее действие, то на Мисс с её подругой, она оказала в некотором роде совсем противоположное действие. Видимо, беспокойная натура не позволила им и на минуту прилечь, хотя надо отдать им должное, они всё же прикладывались, только разве что к бутылке. Но сколько в них титанической силы!!! Слабак-мужик уже давно бы под столом отключился, в своём бессилии противостать крепости содержимого бутылки, а им – хоть бы что! Да, действительно, есть женщины в наших селеньях, и в избу горящую войдут и коня... «Ик... И коньяка, давай наливай», – перебила Мисс. Так что их выход из купе, и их целеустремленные взгляды (в одну точку), не оставляли мне другого выхода, как включится в процесс транспортировки сих

дам. Спустив сначала из вагона Мисс, я принялся за Эльзу, под аккомпанемент не смолкающей Мисс.

– Не бойся. Он у нас джентльмен. А джентльменство – не пропёшь, – закатившись от смеха, не удержалась и упала она. Но и это не привело её в чувство. – Нет, он у нас Отбой, – не смолкала она.

Я же, опустив Эльзу на перрон, попытался от неё освободиться, но она из каких-то только ей ведомых соображений обхватила меня и впилась в меня губами. Мисс же, заметив эту ситуацию, принялась хлопать в ладоши, приговаривая: «Так, дай ей, Отбой!».

Дальнейшему развитию этой бредовой ситуации положили конец какие-то встречающие Мисс люди. Она, заметив их, быстро переключилась на них, а я же с трудом, но всё же освободился от Эльзы, которая долго не оставалась одна, и, найдя себе новую жертву, повисла на ней.

– Бред! Полный бред, – про себя разорялся я, выходя с вокзала, пока не уткнулся ещё на одно удивительное событие. Поодаль я заметил загружающихся в автомобиль Мисс и Эльзу, но не это вызвало моё удивление. Появление Наставника, а вернее его высовывающаяся (на мгновенье) из машины голова – вот что заинтересовало меня. А ведь он не пришёл на перрон, хотя приехал за ними. Но почему? При этом он и сейчас старался не выказывать своего присутствия, и только это одно мгновение и позволило мне заметить его лицо. «Это уже становится интересно, и что же дальше?», –

подумал я вслед унесшим их автомобилю.

Но сейчас меня волновал куда более существенный вопрос. Лиза, только она интересовала меня. Я сначала попытался до неё дозвониться, но трубку никто не брал. Затем я, прежде чем поехать к себе, съездил к ней, но и там меня ожидала только закрытая дверь. Постояв и подергав ручку её двери, я принял решение отложить всё на завтра. Наверное, там, уже на работе, я смогу с ней переговорить и всё ей объяснить...

Глава 14

ЗаПечаль

На следующее утро, меня на остановке постигла первая неприятная неожиданность, в большой череде постигших меня сегодня неприятностей. Так я, стоя на остановке и, безостановочно проглядывая в свои глаза в поисках Лизы, так и не дождался её появления. И мне пришлось ещё с большим волнением ожидать своего прибытия на работу. Прибыв на автобусе в конечный пункт, я, следуя своему заведенному порядку, двинулся мимо парковки к главному входу здания. И вот тут-то меня и подстерегла вторая неприятная неожиданность, наотмашь сбив моё душевное равновесие.

Так в этот момент на паркинг влетело авто Макса. И несмотря на привычность такого его появления, он, тем не менее, не потерял свою восхищённую массовку. Но не это меня заинтересовало. А к моему удивлению, вместе с ним приехал Антон. Но это только удивило меня, но вот когда Макс, обойдя авто, открыл пассажирскую дверцу, и в неё в ответ на его руку, высунулась женская рука, а за ней и её обладательница, то тут-то я и потерялся, оглушённый увиденным. Лиза! Что она там делает с ними, задавался я вопросами. В этот момент Макс повернулся и, видимо, заметил меня. И что же он делает? А он наклоняется к Лизе, и что-то ей шепчет, указывая на меня пальцем. Затем приподнима-

ет руку и машет мне. Но я уже мало что соображаю, и повернувшись, заново встраиваюсь в поток людей, идущих на проходную.

Зайдя же в здание, я не иду к себе, а заняв наблюдательный пункт на втором этаже, стою, ожидая Лизу. Она, расставшись с Максом, двигается по направлению нашего отдела, где я её и перехватываю. «Лиза!», – зову я её из-за спины. Но она делает вид, что не слышит, и продолжает двигаться вперед. Я же, в свою очередь, догоняю её и, взяв её за локоть, пытаюсь остановить. Но она, видимо, ожидая такого поворота событий, резко разворачивается и истерично кричит:

– Что тебе надо ещё?! – Меня охватывает оторопь, и я только и могу, что выговорить. – Объясниться. – Её ответ не заставляет себя ждать, и она выпаливает:

– Между нами и так всё предельно ясно. Всё что можно – было сказано. Ты добился того, чего хотел. Теперь можешь радоваться, – затем она разворачивается и быстрым шагом удаляется от меня.

Я же, как ошпаренный остаюсь стоять на месте, пытаюсь сообразить, чего такого я хотел и, главное, чего сумел добиться. И ведь что интересно... Как правило, все добиваются именно чего-то иллюзорно плохого, и всегда – с большим процентом успешности. С этими мыслями придя в себя, я решаю продолжить свой путь уже к пространственной точке нахождения моего рабочего места.

Войдя в наше отделение, я вскользь посмотрел на стойку

администрации, где находилась Лиза. Её покрасневшие глаза мне говорили о многом, и моё сердце, готовое разорваться от этого, с удвоенной силой запульсировало, отчаянно пытаюсь достучаться до меня. Но разве я ему могу сейчас что-то объяснить, когда сам не могу объясниться. Зайдя к себе в кабинет, я наливаю стакан воды и, залпом его выпив, пытаюсь заглушить терзающий меня огонь. Но сегодня – понедельник моей жизни, и мне не дадут покоя. Телефон оповещает меня, что меня хотят видеть у Мисс. Меня эта новость словно окатила ушатом холодной воды. Надо же, а я о ней и забыл совсем.

«Ну сейчас, я ей покажу!», – подумал я и, полный решимости, рванул дверь в её кабинет. Но одно дело – проявлять решимость у себя, и совсем другое дело – действовать под сводами чужого кабинета, на территории противника. Но я всё же показал себя (как и говорил), но только смиренным слушателем. Только вот что интересно! Почему неловкость должен чувствовать тот, по отношению к которому и была проявлена непочтительность, и в особенности, если хамом оказался твой начальник. Может потому, что просто не стоило проявлять сдержанность, жидущуюся на этических (либо меркантильных) основах, а просто надо было, со всего маху показать ему его собственное отражение хамла, указав кулаком на его некоторые лицевые недостатки.

Конечно, женщина нуждается в другом подходе (в случае её ступора в отношениях), но и им не мешало бы прислу-

шаться к неоспоримым доводам природы, к которым часто прислушиваются особи мужского пола, под воздействием силы притяжения, или силы столкновения с ботинком неприятеля, весьма неделикатно прикладываясь к асфальту ушами, и слушая эти доводы, издавая зовы мольбы. Но Мисс, не показывая виду и не глядя на меня, отойдя в дальний угол, продекламировала:

– Надеюсь, произошедшее там, останется между нами. И мы, оставив всё в прошлом, продолжим с вами, не вспоминая обид, трудиться и дальше.

Хотелось бы мне ей ответить: «Что, калоша, протрезвела?», – но, как она говорила, джентльменство не пропьёшь, и я просто сказал:

– Уже забыл.

– Ну и хорошо, – оживилась Мисс, – так что начнём новую неделю, а пока можешь идти к себе.

Я, посчитав, что после того, что между нами было (и не было), и этого достаточно, вышел из её кабинета. Эх Лиза, моя маленькая Лиза! Зачем ты отводишь глаза и делаешь вид, что сильно занята? Я же вижу, что твои глаза всё также красны, и ты, улучая минутку, забегаешь в туалет, чтобы всплакнуть. Я попытался двинуться в её сторону, но она, отвлеченно-занятая, сразу заметила моё движение и, вскочив с места, убежала прочь от меня.

– Так, сейчас же иду к Максиму и выясняю в чём дело, – решаю я. Но на месте его я не застаю, как оказывается, он от-

был на собеседование. А ведь точно, я со всеми этими поездками, совсем забыл про план мероприятий. Что ж, надо идти к Наставнику, там и застану его. Зайдя в потайную комнату, я застаю там Макса, убеждающего Антона в своём видении автомобиля.

– Автомобиль, это олицетворение твоего «я». Это прихожая твоего дома, и женская особь, видя те комфортабельные условия этой прихожей, уже осознает общий интерьер дома, и по всему этому может предположить, что ей сулит поездка с тобой. После чего и решает – соглашаться на неё, или же нет. И скажу тебе честно, они (женщины), в основном, соглашаются. Да ты же и сам видел. И, поди что, даже сам слегка дрогнул, – засмеялся Макс.

– И что, Лиза тоже дрогнула? – встрял я в разговор.

– Поджилки явно тряслись! – поднявшись навстречу мне, заявил Макс.

– Я думаю, что тебе лучше будет с ней расстаться, – выведенный его ответом из себя, пошёл на обострение я.

– А я придерживаюсь иного мнения, – встав в стойку, ответил Макс.

Что ж, стороны были готовы к предстоящей горячей фазе конфликта, не хватало лишь одного, запала. Мы, с ненавистью глядя друг на друга, ждали той искры, которая и даст старт нашим намерениям. Но вот спичка чиркнула и даже зажглась, но мы даже не кинулись друг на друга, а скорее – разжали кулаки. Это зашёл Наставник, прикуривая на ходу

сигарету.

– А вы чего это бездельничаете, – спросил он, оглядывая нас. – Я тут уже вовсю штудирую поступивший ресурс, а вы даже и в полглаза не взглянете, – подойдя к окну, проговорил он.

А и в правду, пока мы тут решали свои насущные вопросы, там, за окном, Наставник интервьюировал очередного кандидата. Ну как интервьюировал... Он, решив, что с утра всем просто необходим радостный настрой, заставил очередного Сизифа открывать окно, что последний и пытался превратить прямо сейчас, перед нашими глазами. Но, несмотря на появление Наставника, в кабинете всё также стояла напряжённая тишина.

– Я что-то не пойму, что здесь происходит, – обведя нас взглядом, произнёс Наставник.

– Ник, видимо, забыл окно закрыть, вот птичка и улетела, – съехидничал Антон.

– Окно, говоришь, забыл закрыть?! – Вскипел я, и, схватив стул, бросился в зал для собеседований. Кандидат, возившийся в тот момент у окна, уже потеряв надежду, стал отчаиваться, когда увидел несущегося в его сторону незнакомца со стулом. Кандидат, видимо, решив, что будет лучше уступить этому типу со стулом место у окна (да и, наверное, безопаснее), бросился прочь от меня. Я же, приблизившись к окну, со всего маху нанёс по нему удар стулом. Но окно было крепко спаяно, и лишь с третьего раза позволило себя

разбить, и, тем самым вдохнуть внутрь помещения воздух улицы. Добившись своего, я поставил стул рядом с собой и с вызовом заявил вошедшей вслед за мной компании:

– Ну что, решение найдено. Вы ведь этого хотели?

И если лица Макса и Антона выражали некоторую растерянность, то выражение лица Наставника было скорее насмешливым.

– Что ж сказать, факты, как говорится, на лицо. Только вот решение больно уж затратное. Вы, надеюсь, понимаете, к чему я это говорю, – резюмировал он.

– Отчего бы, нет, – был мой ответ.

– Вы, наверное, ещё не пришли в себя с дороги. Так что давайте всё это спишем на производственные затраты, а вы сегодня здесь, пожалуй, уже всё сделали, что могли. Так что идите к себе и занимайтесь своими делами, – обратился ко мне Наставник, провожая меня к двери. Затем повернулся к оставшимся и сказал, – Что стоим, теперь ищем ответ на вопрос, как закрыть это окно в Европу.

Я опять возвращаюсь, и вновь Лиза не выдерживает и уходит подальше от меня вглубь зала. Не знаю, как удалось мне дотянуть до конца рабочего дня, но тем не менее мне удалось это сделать, и я, выжатый прессом стресса, выдвинулся домой. Я не стал сразу же, по окончании рабочего времени, выдвигаться на выход, препятствие в виде Лизы заставило меня подождать её ухода. Я посидел у себя в кабинете и решил обратиться к самому лучшему доктору – времени, который,

собрав консилиум из большой и малой часовой стрелки, диагностировал болезнь, и вынес своё, чисто временное решение, которое по мере изменения ситуации, может быть заменено на другой, уже безвременный вердикт.

Когда же я приближался к своей остановке (мне казалось, что на сегодня уже всё, хватит с меня), кто-то посчитал иначе, и на меня свалилась новая напасть. Из-за лесной полосы, обрамлявшей остановку, вдруг выскочил мужчина и резко схватил меня за грудки. А я ведь после сегодняшнего, весь в стрессах дня, уже расслабился и находился в благостном предчувствии домашнего дивана, а тут – на тебе, и я только захлопал глазами в ответ.

– Ты зачем так поступил? Я ведь считал тебя за друга! – трясся меня, прокричал Атеист (Да, это был он).

Затем он также резко отпустил меня, махнул рукой и исчез туда, откуда и появился. Всё произошло так быстро, что я, как стоял столбом в одном положении до моей встряски, так и продолжал в нём находиться, разве что только костюм мой принял слегка вызывающий вид. Стоящие на остановке зеваки, следуя чтимой ими вековой традиции, мгновенно застыли в неповторимых позах, тем самым образовав архитектурную композицию, олицетворяющую собой всепоглощающее любопытство. Я же, после этого инцидента стряхнул с себя невидимую пыль беспорядка и присоединился ко всем стоявшим, которые, в свою очередь, перераспределились уже в толпу, для которой ни до кого здесь нет дела.

Был правда ещё один, замеченный мною прохожий, который с не меньшим интересом наблюдал за всей случившейся со мной историей – это был Наставник. Но, в конце концов, я всё-таки добрался домой, и здесь уже попытался, успокоившись, найти ответы на мучавшие меня вопросы. Но разве их найдешь, лежа у себя на диване? Так что моя готовность решать вопросы утром следующего дня – ничем не отличалась от вчерашней. И сегодняшний день не стал исключением, он стал продолжением вчерашних моих неожиданностей.

Видимо этот временной отрезок вошёл в цикл турбулентности, которая и раскачала весь мой размеренный ход жизни. Но природные катаклизмы не возникают сами собой, им также предшествуют свои природные факторы. Так извержению вулкана способствуют накопления огненной лавы внутри горы, которые, в свою очередь, поднимаются вверх через трещины в земной коре. И уж когда масса лавы достигнет критической массы – тогда и происходит извержение вулкана. Также и я, накапливал своим молчанием Лизино нетерпение, с её жадным желанием узнать, кто же поедет с Мисс. И вот когда она узнала об этом, то и произошёл нервный взрыв.

Но я не предполагал что всё так серьезно, и когда на следующий день прибыл на работу, то за стойкой администратора меня встречала совсем не Лиза. Вместо неё была Маша.

– А вы-то что здесь делаете? Где Лиза? – пытаюсь скрыть своё волнение, спросил я её.

– Так она заболела. Вот и взяла больничный, – был её от-

вет.

– А что с ней? – спросил я.

– Я не знаю, – всё также бесстрастно ответила она.

Я, получив такой исчерпывающий ответ, запёрся у себя в кабинете. «Что с ней? Что мне делать?», – носился я из угла в угол. «Да ведь и трубку не берёт!», – продолжал злиться я, пока не был вызван к Мисс. Там она, после обсуждения производственных моментов, довела до меня информацию, что в конце недели намечается проведение корпоратива, и что мне желательно на нём присутствовать.

– Хорошо, – только и ответил я, сам в это время думая только о Лизе.

– Ну, это всё. Можете идти, – сказала на прощание Мисс. Но я, прежде чем выйти, всё же спросил её о Лизе.

– А что случилось с нашим администратором? – с каменным лицом спросил я её.

Мисс посмотрела на меня внимательно и также безучастно сказала:

– Да ничего особенного. Как раз к корпоративу выздоравливает. – Она сделала паузу и спросила. – А вы что-то хотели от неё?

– Да нет, просто для информации, – ответил я и направился к выходу.

Что же меня ещё сегодня ждёт, подумал я, выйдя в коридор. Но это была единственная на сегодня неприятная новость. Так моим неприятным ожиданиям у Наставника, не

суждено было сбыться. Он, не желая обострений, на первое время разграничил время нашего пересечения с Максом.

– Но это – не надолго, – предупредил Наставник, – до начала следующей недели, а тогда, я думаю, мы всё решим. Так сказать, расставим все точки над «i»! – загадочно закончил он.

Что он подразумевал под этими точками, я уже имел собственные предположения. Что ж, проживем ещё недельку, а уж там решим, как жить дальше. В общем сказать, эта неделя прошла в томительном ожидании её окончания, телефон Лизы всё также не отвечал на мои настойчивые звонки, дверь её квартиры, сговорившись с телефоном, также одаривала меня своим спокойным молчанием, а я – всё также посещал своё рабочее место, где всё-таки иногда пересекался с Максом и Антоном. Но мы делали вид, что не замечаем друг друга, и проходили мимо не поздоровавшись. Видимо, взаимное желание нездоровья друг другу, явно присутствовало в нас.

После работы я взял себе привычку идти домой пешком, мне вообще понравилось одиноко бродить по улицам, вглядываясь в лица прохожих. Мне было интересно представлять, как они живут, какие заботы волнуют их. Неужели это было моё расставание с миром? Так я, бродя по улицам, пытался запомнить последние дни моей жизни здесь. Или, может я, заглядывая в лица прохожих, пытался отыскать для себя какую-то надежду, какую-то зацепку для того, чтобы здесь задержаться?

Знаю одно, я находился на распутье, и тот, кто мог бы мне помочь выбрать истинный путь, оказался из-за меня же не со мной. Что ещё... А больше меня никто за грудки не хватал, хотя я бы согласился, чтобы это сделала Лиза. Что касается Атеиста – новостей о нём никаких не было. Так что, когда я вглядывался в звёздное небо и видел, как упала ещё одна звезда, а с нею и ангел – я не испытывал волнения за его судьбу. Ведь падший ангел – это тоже выбор. Каким же будет мой?

Я этого ещё не знал.

Глава 15

Рок

Первое, что делал мужчина далекого прошлого – осматривал местность на предмет опасности, сейчас же он, зайдя в помещение, в первую очередь осматривает местность на предмет мебели, где ему можно будет присесть. Утварь. Вот он – стул! Заметив этот предмет мебели, всем весом бухается на него уставший посетитель. А что поделаешь, нынче все люди уставшие, всем нужен отдых. И ведь чем больше они сидят, тем больше им нужен сидячий отдых. Может быть современный человек плохо смотрел на свой окружающий мир, и просмотрел самую большую для себя опасность, как раз стоящую перед ним на четырех ножках?

На корпоратив я прибыл, слегка запоздав, можно сказать – в самый разгар праздника. Мне не хотелось смотреть, как раскачивают лодку те, кто в ней же и сидит. Мне захотелось сразу увидеть её потопление, поэтому я и не спешил прийти. Зайдя в зал для торжеств, где должен был проводиться наш корпоратив и, соединив в себе две напасти, поджидавшие гостя, я принялся осматривать зал. При этом я решал для себя две задачи: определял, где устроился Наставник с коллегами, а уже потом, в зависимости от первой, решал для себя, где мне выбрать место, чтобы присесть. Но не успел я занять свой наблюдательный пост, как меня схватил сзади

Наставник и потащил к своему столику.

– Ничего не хочу слушать! Всё, пошли за наш столик! – таща меня за собой, разорвался он.

Мне ничего не оставалось делать, как поддаться грубой силе. Усадив меня за свой стол, он, находясь в каком-то приподнятом состоянии, которого я раньше за ним не замечал, намахнул рюмку, и бросился доставить (по его словам) то, что нам крайне необходимо. Пока он улетучился в неизвестном направлении (по зрелому размышлению – к барной стойке), я смог осмотреться по сторонам. За столом Наставника собрались всё больше кадровики, Макса же с Антоном я здесь не наблюдал, но вскоре всё же выяснил их местонахождение. Они заняли угловой столик, где и наслаждались вечером. К моему удивлению, я заметил среди присутствующих Эльзу, которая находилась в компании с Мисс. Последняя на этот раз не сильно увлекалась напитками, видимо, родные стены давили на неё и не давали расслабиться. – Но где же Лиза, – пробежавшись по залу глазами, спрашивал сам себя я?

– Кого ищешь? – садясь на стул, спросил меня Наставник.

– Да никого. Просто гляжу – ответил я.

– Ну, давай за нас, а то когда ещё увидимся, – наливая мне в бокал вина, проговорил он.

– А что так, – поинтересовался я.

– Расстанемся мы в скором времени. Ну, давай! – сказав это, он выпил.

Следом за ним выпил и я.

– Так вот, что я хочу сказать тебе напоследок, – поморщившись, начал говорить Наставник. – Вот ты знаешь, кто такие БЛС?

– Безупречные логичные существа? – вопросительно ответил я.

– Да, именно они, используемые в решениях наших задач единицы. Но, по моему мнению, это и есть тот идеал, к которому стремится работодатель в поиске работника. Другими словами, робот в облике человека, не имеющего ни чувств, ни эмоций и не требующий больничного, – сказав это, Наставник задумался, закурил, а потом продолжил. – Тебе вот не нравится мой метод интервьюирования... и даже не перебивай. – Сделал оговорку Наставник. – Я хочу сказать, что мы, оказавшись на вершине пирамиды, получили право задавать вопросы, а этичны ли они – это уже другой вопрос, право задавать который, надо ещё заиметь. Скажу так, ведь только знающий ответ – имеет право на вопрос! Мы же, присвоив себе право задавать вопросы... Как ты думаешь, знаем ли мы на них ответы? А я скажу – нам не обязательно знать на них ответы! Нас интересует только человеческая поведенческая реакция. Это, как в химии: на основе реакции, определяется качественный состав ингредиентов. И говоря – не этично, ты уже сам даёшь свой ответ на свой же вопрос. А правильный он, или неправильный – для нас таких категорий оценки нет, для нас есть только одна категория ответа –

подходящий ответ. – Закончил он. – Так вот мой вопрос.

– А он подходящий или... как? – спросил я.

– У меня неподходящих не бывает, просто всему есть своё место и время, – ответил Наставник, но тут ему позвонили по телефону и он отвлёкся от разговора.

И он поднявшись, отошёл от нас поговорить. Я же вновь устремил свой взгляд вовнутрь зала. Но лучше бы я не смотрел на то, что там увидел. Там была Лиза, и она сидела за столом вместе с Максом. Я в одно мгновение, и вспотел, и покрылся холодной испариной. Нет, всё же сначала по мне устроили забег мурашки, соревнуясь между собой в забеге по пересеченной местности. Затем на меня обрушился циклон, неся с собой похолодания в нижних частях атмосферы, но с повышением давления в верхней её части. Пройдясь по мне, циклон уступил место своему тропическому собрату муссону, а вырабатываемый мною жар, вкуче с работой вентилятора, привели меня в состояние высыхания. Ну а для борьбы с обезвоживанием, я, после того как моё оцепенение прошло, принялся компенсировать недостаток влаги с помощью находящегося на столе запаса градусной жидкости. Тут неожиданная новость, сообщенная кем-то из сидящих за столом, и вовсе ошарашила меня.

– Знаете, что я сейчас слышал в курилке? – заглушая шум музыки, проговорил пришедший и, не дожидаясь ответа, ответил, – Сейчас в новостях сообщили, что при задержании был застрелен наш Мега-стрелок(Так, с лёгкой руки СМИ,

прозвали Атеиста).

Я сидел и не знал, как отнестись к этой новости. Незвестное до этого момента чувство захватило меня в свою власть и, дергая меня за кончики ресниц, заставило глаза выделиться дополнительный объём слезной жидкости, которая, в свою очередь, скатывалась вниз по моим щекам. Минут через пять после этого сообщения вернулся Наставник, и за время своего отсутствия, он тоже где-то потерял своё прежнее лицо. Теперь место возбужденности на лице Наставника, заняла какая-то никому неведомая забота. Я же, когда он присел рядом со мной (наверное, чтобы скрыть своё состояние), тоже вытер рукавом следы своей возбужденности. Помолчав с минуту, Наставник, налив мне и себе, без слов поднял бокал и выпил, чему последовал и я вслед за ним. Затем он поднялся, и всё также молча удалился в неизвестном направлении, но мне не пришлось долго задумываться над ходом его мыслей – мои думы перенаправил подошедший ко мне Антон.

– Надо поговорить, – прошептал он мне на ухо.

– Говори, – не двигаясь с места, ответил я.

– Давай не здесь, – продолжил он.

– А где? – был мой ответ на это.

– У нас, там, – неопределённо ответил он.

Ну что ж, видимо, пришло время найти ответы на вопросы, которые мне самому хотелось задать. И я, поднявшись, последовал вслед за Антоном. Двигаясь за ним, я краем гла-

за смотрел на Лизу. Она на этот раз заметила меня, и напряженно наблюдала за моими действиями. Макса же рядом с ней не было. «Значит, они решили групповые дебаты провести!», – подумал я. До кабинета для собеседований (а шли мы именно туда) мы с Антоном проделали наш молчаливый путь всё также, не меняя диспозиции: он – впереди меня, я же – следом за ним.

Вот и кабинет... Антон заходит туда первым, я следом, но после мрачного коридора, яркий свет мешает мне обзреть кабинет, но как только у меня это получается – тяжёлый удар мне в лицо не даёт мне закончить этот этап исследований и погружает меня в нокаутующий сон. Падая, я ощущаю ещё несколько добавочных ударов по своему телу, и наконец, моя голова, соприкоснувшись с полом, получает окончательное сотрясённое успокоение.

– Ну что, очухался?! – слышу я голос Макса, и пытаюсь приоткрыть заплывшие глаза.

– Очухался! – приподнимая мои веки, констатирует Антон.

– Ну что? Ещё есть ко мне вопросы? – смеётся, попивая что-то из стаканчика Макс.

Я уже полностью открыл глаза и осознаю, что нахожусь у стенки на полу. Видимо, они после моего падения, потренировавшись на мне в футбольных ударах, и запив это дело, ещё разок отработали удары, а потом, решив побеседовать со мной для разнообразия, приподняли меня и, облокотив

об стенку, принялись меня тормошить, поливая водой. И вот я, придя в себя, сейчас пытаюсь прийти к своему пониманию сложившейся ситуации, они же пытаются склонить меня к иному пониманию, а именно силе их решения.

– Так что, понравились тебе наши аргументы? – заржал Антон.

– Что сказать, ваша аргументация существенно облегчает взаимное понимание, – отвечаю я.

– Что да – то да, – произнёс разговорчивый Антон, – специально для тебя надел свои «кованки». Вот, смотри, – говорит он, вертя перед моим лицом своим ботинком.

– Вижу, ты подкованный нынче... И кто же это тебя, да Макса, так перековал? – кидаю вопрос им я.

– Что-что? – встаёт с места Макс.

– А то, что у вас самих духа не хватит на самостоятельность, и вы – всего лишь только «кованки» в чужих руках! – продолжаю я.

– Ах, ты, падла!!! – закричав, они вновь обрушивают на меня град ударов.

Не знаю, чем бы это закончилось, но резкий голос Наставника прервал их атаку.

– Что здесь происходит?! – зычно гремит голос Наставника.

Наши ударники мешкаются и отходят от меня. Наставник же наклоняется ко мне и, подняв мою верхнюю часть тела, вновь придает ей некоторую устойчивость. Затем берёт бу-

тылку воды и оmyвает моё лицо, проговаривая:

– Ничего нельзя поручить.

– Чего нельзя поручить? – открывая глаза, спрашиваю я.

– А ты уже – бодрячком! – проигнорировав мой вопрос, смеётся Наставник, и подойдя к столу, на котором стоит разложенная закуска и бутылка водки, наливает себе.

– Тебе уже хватит, поэтому и не наливаю, – говорит он, и выпивает свой стакан. – А какие планы были, – вздыхая, он достаёт из кармана револьвер и отдельную коробочку с патронами.

Макс с Антоном не издают ни звука, а только напряжённо следят за ним.

– Знаешь задачу про русскую рулетку? – вставляя патроны в барабан револьвера, продолжает Наставник.

– Слышал от Атеиста, – ответил я.

– Надо же, ты всё знаешь... Правда, кто такой Атеист – мне неизвестно, – вставляя четвёртый патрон, продолжает говорить он.

– Скоро наш общий приятель познакомит вас, – отвечаю я.

– Ну, я всегда рад новому знакомству, – говорит он, и крутит барабан. – Так, в общем – к делу. Я решил слегка придать тону задачке и вместо двух патронов вставить четыре. Как ты на это смотришь? – глядя на меня, сказал Наставник.

– Когда смотришь в отверстие пистолета – не выбираешь, как на это смотреть, – сказал я.

– Видишь, мы с тобой уже приходим к общему пониманию, – проговаривает Наставник, и вдруг тишину разрывают два выстрела. Я, одёрнувшись головой, с ничего непонимающим видом смотрю на окружающих. Сбоку от Наставника стоят Макс и Антон, с такими же удивленными, оторванными от действительности лицами. Они в свою очередь, также непонимающе смотрят на Наставника, а затем синхронно валятся вперёд, на пол, как подкошенные. Но они и вправду подкошенные – пулями из револьвера Наставника. Я же вновь перевожу взгляд на Наставника, который как ни в чём не бывало смотрит на меня. Он видит моё вопросительное выражение лица и, растягивая трагическую минуту, подходит к столу, чтобы дозаправиться и продолжить свою беседу со мной.

– Посмотри на них. Они, и им подобные – только попутчики на твоём пути к цели. Но они, льстя себя надеждами, считают, что именно Князь Тьмы их попутчик на их пути. И что используя его как инструмент, смогут в дальнейшем обойти его. В душе они считают себя приверженцами добра и морали, а их контракт с дьяволом – всего лишь необходимое зло, которое в будущем покроется тысячью добрых деяний (правда, до которых им, уже после подписания контракта – нет никакого дела). Я же придерживаюсь иных взглядов. Для меня, как раз Денница и олицетворяет истинный, без всякой патетики путь! – сказав это, он крутит барабан и, направляя на меня револьвер, продолжает. – А вообще... Что

мне за дело, кто из них прав! Для меня – это всего лишь спор двух хозяйственных субъектов.

– А ты, я вижу, достоин его, – говорю я, и закрываю глаза.

– Конечно, – слышу я другой голос, и вслед за ним – ружейный выстрел.

Я открываю глаза и вижу, как уже теперь валится вперёд Наставник, выплевывая изо рта кровь вперемешку с дробью. Затем мой взгляд перемещается к двери, и я вижу Атеиста, стоящего наперевес с ружьем. Атеист с какой-то виноватой улыбкой смотрит на меня и, со словами: «Всё, собеседование окончено!», – кладёт ружье на стол и подходит ко мне.

– Ну что, как ты? – спрашивает он, видимо, для какого-то незримого приличия. Как будто не видно – ещё бы пару заездов, и про мои дела можно было бы спрашивать у патологоанатома, который, закусывая выпивку, расставленную у ног очередного «жмурика», философски бы заметил (сославшись на теорию относительности Эйнштейна), что у него, в отличие от его клиента, дела идут довольно неплохо. Я бы ещё ответил так, как любят отвечать герои мыльных опер: «Мне очень жаль». Но что-то мои мысли растекаются не туда, и надо бы собраться...

– Давай, я тебе помогу, – обхватив, начал поднимать меня Атеист.

Затем, после небольших моих выкрутасов плохо работающими частями тела, он всё-таки смог меня усадить на стул, где налив мне немного алкоголя, дал слегка взбодриться им.

Больше прокашлявшись, чем выпив, я, глядя на Атеиста, наконец-то, задал мучавший меня вопрос:

– А мне сказали, что ты уже Там, беседуешь с творцом.

Атеист, опрокинув в себя стаканчик жидкости, ухмыльнулся на мой вопрос, присел напротив меня и высказал своё видение ситуации:

– Так было задумано, иначе было нельзя.

– Что задумано? Давай, рассказывай – не томи душу! – с нетерпением ответил я.

– Ты теперь можешь не торопиться – у тебя ещё вся жизнь впереди, в отличие от меня, – как-то печально сказал Атеист, потом подумал с минуту и продолжил. – Ты меня извини за тот инцидент на остановке, не смог я сдержаться, когда они сообщили мне, что ты едешь с Эльзой сюда.

– Но, постой, – хотел было возразить я, но Атеист, подняв руку, остановил меня и продолжил дальше.

– Просто я её столько не видел, а тут ты с ней на перроне в обнимку, вот я и сорвался, – сказав это, Атеист, налив себе ещё несколько капель, опрокинул их в себя. – Так вот, они мне поставили условие: либо я разберусь с тобой, либо они уже разберутся сами, и с тобой, и с Эльзой в придачу! – сказал Атеист.

– Так кто они? – не выдержал я.

– А разве непонятно? – спросил Атеист, и посмотрел на уже мирно лежащего Наставника.

– Всё же я не пойму, зачем ему это всё? – сомневаясь,

спросил я.

– Ему – не знаю, но он всего лишь доверенное лицо за-казчика. Его инструмент в местных реалиях. – Сказав это, Атеист посмотрел внимательно на меня, что-то соображая, но так как моё лицо в данный момент не могло проявить до-статочной живости (просто из-за соприкосновений с чужими руками и ногами, оно сегодня не читалось), то он решил не гадать по поводу моего понимания, и продолжил свой раз-говор.

– Я всё думал, каким образом он решит меня использо-вать. Хотя... Собственно, насчёт того, на что он будет давить – было не сложно предугадать. Зная твою слабость – её и используют. Вот он и привез с твоей помощью Эльзу сюда, чтобы я её увидел и, уже после, выйдя на меня, поставить меня перед условием: если не я, то это сделают другие, да и мне деваться будет некуда – они найдут способ определить мою судьбу.

– Но зачем это надо Деннице? – я, конечно, понял, о ком ведёт речь Атеист, спросив его.

– Я же тебе ещё в прошлую нашу встречу говорил – он решает с помощью нашей миссии куда более глубокие зада-чи по противостоянию с Годом. Так что падший ангел это хоть и не плохо для него, но не совсем отвечает тем зада-чам, которые пытается решить Денница. Вот если бы один ангел убил другого – эффект от этого был бы куда глобаль-ней. «Как так, посмотри что с ними сделало очеловечение,

даже лучшие из лучших, поддавшись пороку, не выдерживают!»». И я думаю, что подобная мысль была бы раскручена на полную катушку Денницей, и не исключено, что она бы посеяла немало сомнений в рядах ангелов. Ведь одно дело, когда человек несёт угрозу самому себе, и совсем другое дело, когда он угрожает своим существованием ангельской братии. И вот тут Денница, смог бы заручиться новой поддержкой среди ангелов! – высказав это, Атеист поднялся с места, прошёлся вдоль кабинета, и, подойдя к столу, облокотившись на него, с каким-то задором сказал. – Но у него ничего не вышло. Так ведь?

Атеист как-то нервно засмеялся. Я же сидел, не имея сил что-либо сделать. Видимо, запас энергии, поддерживающий меня, приблизился к тому, чтобы исчерпаться.

– Но что мне было делать? Они наметили план действий на сегодняшний вечер. Вот видишь – вооружили меня. Ха-ха! На свою голову. Привезли для страховки снова Эльзу. – Выговорив её имя, Атеист снова как-то помрачнел. Затем, в одно мгновение снова оживился и с жаром продолжил. – Но я же – атеист, меня на вере не проведёшь, а на безверие – тем более. Так что, мне необходимо было сделать только одно – не дать им времени, чтобы связаться с их куратором. Чтобы они не смогли скорректировать свои действия с Денницей, чтобы полагались только на себя.

– Но с чего ты взял, что Наставник пошёл бы на такие радикальные действия, и они просто бы не ограничились по-

боями? – вставил я.

– Знаешь, когда я взял в руки этот карабин, то во мне что-то щёлкнуло. Мои руки дали мне подсказку, и я, то ли понял, то ли вспомнил – я уже держал это ружье в своих руках, но я не стрелял из него, могу тебе побожиться. Хотя, это звучит в моих устах несколько парадоксально. Видишь ли, им нужно было, чтобы в моих руках было именно то ружье, из которого и было совершено преступление. Так что вопросы, откуда оно у них, и кто совершил расстрел – уже не оставляли сомнений. И за решимость Наставника можно было не сомневаться, он бы и без разглагольствований применил.

– Ну, насчёт разглагольствований... Я бы поспорил с тобой – слегка оживившись, заметил я.

– Ну, это точно, – засмеялся Атеист, – глаголить он любит, это его прилагательное, как человека. Отсмеявшись несколько простужено, Атеист ещё подлил нам и, выпив со мной, продолжил. – Чтобы вынудить их действовать самостоятельно, я и запустил эту утку, про мою нейтрализацию в ходе задержания.

– Вот почему на нём лица не было после того телефонного звонка, – вспомнил я.

– Ну, а дальше ты видел, – спокойно сказал Атеист.

– Скажу честно, не очень-то комфортно быть зрителем в первом ряду, – с иронизировал я. Атеист не ответил, а подойдя к лежащему Наставнику, наклонился и подобрал лежащий рядом с ним револьвер, затем открыл барабан, по-

смотрел и хмыкнул.

– А смотри-ка, у тебя не было никаких шансов, будь у него возможность выстрелить! – Он возвратил барабан на место и прокрутил его.

– И что ты собираешься дальше делать? – с тревогой наблюдая за его действиями, спрашиваю я.

– А что мне здесь ещё делать. Все дела закончены, – обречённо говорит он.

– А как же Эльза? – всё больше тревожась, спрашиваю я.

– А что Эльза. С нею всё кончено. Если тебе интересно – можешь в дамский туалет заглянуть и посмотреть, что с нею случилось. – С ненавистью на последних словах, Атеист подносит револьвер к своему подбородку и нажимает на курок, но выстрела не происходит – только слышится звук спускаемого курка, говорящего о пустой ячейке барабана.

– Видишь, как мне не везёт, – с горечью и слезами на глазах говорит Атеист, и следом нажимает ещё раз. Но уже на этот раз револьвер срабатывает, и он становится счастливым обладателем загробной жизни.

Я же полностью обездвиженный, сижу, и с какой-то отстраненностью смотрю на то, как Атеист постепенно складывается в поясе, чтобы окончательно пасть вниз. Так проходит ещё минут пять, как вдруг сзади себя я слышу одновременно истеричный и волнительный голос Лизы.

– Что здесь происходит? – сначала не заметив всего произошедшего, прямо со входа задаётся вопросом она. – Я слы-

шала громкий хлопок и подумала, что... – но, видимо, увиденное, заставило её потерять дар речи. «Мамочки!!!», – истеричный голос – раз. «Ник, с тобой всё в порядке?!», – уже волнительный голос – два.

– Да ничего... – я процеживаю слова в ответ обхватившей меня и плачущей Лизе.

– Прости меня, я просто дура! – не переставая меня целовать и проглатывая слова говорит она, и тем самым, заставляя сжаться моё сердце. А меня в настоящем положении – это хоть душевно и успокаивает, но и сильно расслабляет, отвлекая от мобилизации остатков моих сил.

– Но что же здесь всё-таки случилось? – слегка успокоившись, спрашивает она. – Да просто сегодня какой-то неудачный вечер свиданий, – отвечаю я, пытаюсь приподняться.

Я решаю, что наше нахождение здесь, среди персонажей принадлежащих уже другому измерению – неуместно, и делаю попытки покинуть это помещение. Лиза, поняв меня, как и прежде без слов, закидывает на себя мою руку, и в таком положении мы выдвигаемся на шум, звучащей вдали музыки. Проходя мимо дамской уборной, я вспоминаю слова Атеиста об Эльзе и прошу заглянуть Лизу туда, дабы узнать, что с ней. Приставив меня к стенке, Лиза заходит туда и сразу же возвращается.

– Ну, что там? – спрашиваю я.

– О ней можно забыть, – отвечает Лиза, но видя мою неудовлетворённость её ответом, дополняет. – На сегодня.

– Ну, тогда пошли, – облокотившись на неё, говорю я.

– А куда пойдём? – спрашивает меня счастливая Лиза.

– Может в наше кафе? – улыбаюсь я своей восхитительной, расквашенной улыбкой.

Лиза не отвечает, но я уже знаю, что она пойдёт со мной хоть на край света. Ну а что качается того, что будет дальше

– Бог посоветует, как нам быть.